

A detailed historical map of Saint-Petersburg, Russia, showing the city's layout along the Neva River. The map includes labels for various districts and landmarks, such as 'Isle', 'Grande', 'Neva R.', and 'La Fontanka R.'. The city is depicted with a dense grid of streets and numerous buildings, with the river winding through it. The map is oriented with the river flowing from the top right towards the bottom left.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

БЮЛЛЕТЕНЬ

6

ОХРАННАЯ АРХЕОЛОГИЯ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2017

**ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR HISTORY OF MATERIAL CULTURE

BULLETIN

№ 6

RESCUE ARCHAEOLOGY

ST. PETERSBURG

2017

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

БЮЛЛЕТЕНЬ

№ 6

ОХРАННАЯ АРХЕОЛОГИЯ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2017

УДК 902/904
ББК 63.4
Б98

Ответственный редактор, составитель Н. Ф. Соловьева

Технический редактор, оформитель С. Л. Соловьев
Корректор О. В. Пивоварова
Перевод: А. В. Гилевич

Бюллетень Института истории материальной культуры Российской Академии наук:
(охранная археология). [№] 6 / науч. ред. Н. Ф. Соловьева;
ИИМК РАН. – СПб.: Изд-во ООО «Периферия», 2017. – 298 с. : ил.

Bulletin of the Institute for the History of Material Culture Russian Academy of Sciences:
(rescue archaeology). [№] 6 / ed. by N. F. Solovyova;
IHMC RAS. – SPb.: Publishing House ООО «Periphery», 2017. – 298 pp. : il.

ISBN 978-5-9909871-6-6

Периодическое издание посвящено охранно-археологической деятельности ИИМК РАН по изучению культурного наследия России. Шестой номер бюллетеня представляет результаты археологических исследований объектов культурного наследия Санкт-Петербурга и его окрестностей, а также других регионов России, которые были осуществлены Отделом охранной археологии ИИМК РАН в сотрудничестве с другими научными, образовательными и государственными организациями в 2015–2016 гг.

Издание предназначено для историков, археологов, государственных служащих, частных предпринимателей и широкого круга читателей, заинтересованных в научной и достоверной информации об истории России и состоянии памятников ее культуры.

This periodical is dedicated to the rescuing and archaeological activities of the Institute for the History of Material Culture (IHMC) RAS in studies of the cultural heritage of Russia. The sixth issue of the Bulletin presents the results of archaeological investigations of the cultural heritage of St. Petersburg and its surroundings, as well as other regions of Russian Federation, carried out in 2015–2016 by the Department for Rescue Archaeology of IHMC RAS in collaboration with other scientific, educational and public organizations.

This publication is intended for historians, archaeologists, government employees, private entrepreneurs and a wide circle of readers interested in reliable scientific information on history of Russia and the state of the monuments of its culture.

ISBN 978-5-9909871-6-6

УДК 902/904
ББК 63.4

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	9
<i>Археологические исследования в Санкт-Петербурге и его пригородах</i>	
Разведки отряда Ленинградской областной экспедиции ИИМК РАН в 2016 г.	11
<i>Е. К. Блохин, С. А. Семенов, Н. Ф. Соловьева</i>	
Исследования Отдела охранной археологии ИИМК РАН в г. Санкт-Петербурге в 2016 г.	17
<i>Е. В. Журбин, С. А. Семенов, Н. Ф. Соловьева</i>	
Исследования Отдела охранной археологии ИИМК РАН в Ленинградской области в 2016 г.	19
<i>Е. В. Журбин, С. А. Семенов, Е. К. Блохин</i>	
Археологические работы на территории усадьбы Богословка (Зиновьево)	20
<i>Е. Р. Михайлова, В. Ю. Соболев, И. И. Тарасов, А. В. Бехтер</i>	
Обследование проектируемой трассы газопровода у д. Корабсельки Всеволожского района Ленинградской области в 2016 г.	29
<i>С. А. Семенов, Ст. А. Васильев</i>	
Разведочные работы на территории г. Луги	35
<i>С. А. Семенов, Ст. А. Васильев</i>	
Исследования Отдела охранной археологии ИИМК РАН в Ленинградской области в 2016 г.	45
<i>С. А. Семенов, Ст. А. Васильев, Н. Ф. Соловьева, А. Ю. Городилов</i>	
Разведочные работы на Петроградской набережной в 2014 г.	51
<i>С. А. Семенов, А. Ю. Городилов, С. В. Александров</i>	
Раскопки «курганов» в Тосненском районе Ленинградской области	59
<i>В. Ю. Соболев, К. В. Шмелев</i>	
Исследования в Санкт-Петербурге в 2016 г.	67
<i>К. С. Хребтикова</i>	
Исследования в Ленинградской области в 2016 г.	71
<i>К. С. Хребтикова</i>	
<i>Археологические исследования на северо-западе России</i>	
Могильник Сторожинец в Восточном Причудье: курганы с сожжениями (исследования 1988–1990 гг.)	75
<i>С. Г. Попов</i>	
Исследования Порховской крепости в 2014 г.	103
<i>С. Г. Попов, З. Р. Румянцева</i>	
Археологические работы на Монастырском Наволоке в г. Кандалякше в 2015 г.	127
<i>М. М. Шахнович</i>	

Археологические исследования в регионах России

**Исследования 1-го отряда Саянской экспедиции ИИМК РАН
стоянки Ирба-2 в 2015 г.138**
П. Б. Амзараков, С. А. Васильев, Т. В. Корнева, А. В. Поляков

**Исследования археологических памятников в урочище Бай-Булун в 2015 г.
(Тувинская археологическая экспедиция ИИМК РАН)151**
*М. Е. Килуновская, Н. А. Боковенко, Н. А. Лазаревская,
Т. Р. Садыков, Вл. А. Семенов, Н. Ю. Смирнов*

О раскопках могильника Красная Горка-15 в 2015 г.183
И. П. Лазартов, А. В. Поляков

**Охранная археология в зоне мостового перехода через Керченский пролив
(из опыта работы Античной новостроечной экспедиции ИИМК РАН)185**
С. Л. Соловьев

Междисциплинарные исследования

**Правовые основы охраны археологического и исторического наследия ФРГ.
История и современность201**
Н. Зирман

**Консервация коллекции предметов, найденных
при обследовании памятников археологии Ленинградской области217**
К. В. Горлов, Н. С. Курганов

**Характеристика нумизматической коллекции, обнаруженной
при раскопках поселения «Усадьба Рассоховатый I»221**
К. В. Горлов, Р. В. Филиппенко

Кожевенные мастерские в средневековой России231
А. В. Курбатов

**Проблематика изучения природных историко-культурных объектов
Восточной Европы257**
А. В. Курбатов

Пальмира во времени и пространстве275
Н. Ф. Соловьева, С. Л. Соловьев, Е. К. Блохин

Хроника

XI Национальная премия «Культурное наследие» в 2016 г.285
Н. Ф. Соловьева, С. А. Семенов

Премия «Хрустальный компас» 2017289

Совещание по проблемам охранной археологии292
Н. Ф. Соловьева

Семинары для хозяйствующих субъектов293
Н. Ф. Соловьева

Некролог295

Список сокращений297

Список авторов298

CONTENTS

Preface	9
<i>Archaeological Investigations in St. Petersburg and its Suburbs</i>	
Surveys of the detachment of the Leningrad Oblast Expedition of IHMC RAS in 2016	11
<i>E. K. Blokhin, S. A. Semenov, N. F. Solov'yova</i>	
Investigations of the Department of Rescue Archaeology of IHMC RAS in Saint Petersburg in 2016	17
<i>E. V. Zhurbin, S. A. Semenov, N. F. Solov'yova</i>	
Investigations of the Department of Rescue Archaeology of IHMC RAS in Leningrad Region in 2016	19
<i>E. V. Zhurbin, S. A. Semenov, E. K. Blokhin</i>	
Archaeological investigations in the territory of the estate Bogoslovka (Zinovyev)	20
<i>E. R. Mikhaylova, V. Yu. Sobolev, I. I. Tarasov, A. V. Bekhter</i>	
Surveys of the projected route of the gas pipeline near the village of Korabselki, Vsevolozhsk District, Leningrad Region, in 2016	29
<i>S. A. Semenov, St. A. Vasil'yev</i>	
Archaeological surveys in the territory of the town of Luga	35
<i>S. A. Semenov, St. A. Vasil'yev</i>	
Investigations of the Department of Rescue Archaeology of IHMC RAS in Leningrad Region in 2016	45
<i>S. A. Semenov, St. A. Vasil'yev, N. F. Solov'yova, A. Yu. Gorodilov</i>	
Archaeological surveys on Petrogradskaya embankment in St Petersburg in 2014	51
<i>S. A. Semenov, A. Yu. Gorodilov, S. V. Aleksandrov</i>	
Excavations of «kurgans» in Tosno District of Leningrad Region	59
<i>V. Yu. Sobolev, K. V. Shmelev</i>	
Investigations in Saint Petersburg in 2016	67
<i>K. S. Khrebtikova</i>	
Investigations in Leningrad Region in 2016	71
<i>K. S. Khrebtikova</i>	
<i>Archaeological Investigations in Northwestern Russia</i>	
Cemetery of Storozhinets in the Eastern Lake Chudskoye Region: kurgans with cremations (investigations of 1988–1990)	75
<i>S. G. Popov</i>	
Investigations of Porkhovskaya fortress in 2014	103
<i>S. G. Popov, Z. R. Rumyantseva</i>	
Archaeological investigations in Monastyrsky Navolok in the town of Kandalaksha in 2015	127
<i>M. M. Shakhnovich</i>	

Archaeological Investigations in Russian Regions

**Investigations of 2015 at the camp-site of Irba-2 by Detachment 1
of the Sayan Expedition of IHMC RAS138**
P. B. Amzarakov, S. A. Vasil'yev, T. V. Korneva, A. V. Polyakov

**Investigations of archaeological sites in the isolated terrain of Bay-Bulun in 2015
(Tuva Archaeological Expedition of IHMC RAS)151**
*M. E. Kihunovskaya, N. A. Bokovenko, N. A. Lazarevskaya,
T. R. Sadykov, Vl. A. Semenov, N. Yu. Smirnov*

Excavations of the cemetery of Krasnaya Gorka-15 in 2015183
I. P. Lazaretov, A. V. Polyakov

**Rescue archaeology in the area of the construction of the bridge over the Strait of Kerch
(activities of the Classical Antiquity Rescue Expedition of IHMC RAS)185**
S. L. Solovyev

Interdisciplinary Studies

**Legal basis of protection of archaeological and historical heritage of FRG.
History and the modern times201**
N. Zirman

**Conservation of the collection of objects found during investigation
of archaeological sites in Leningrad Region217**
K. V. Gorlov, N. S. Kurganov

**Characteristics of the numismatic collection retrieved during excavation
of the settlement-site of «Estate Rassokhovaty-I»221**
K. V. Gorlov, R. V. Filippenko

Tanneries in mediaeval Russia231
A. V. Kurbatov

**Range of problems in studies
of natural historical-cultural sites of Eastern Europe257**
A. V. Kurbatov

Palmyra in time and space275
N. F. Solov'yova, S. L. Solovyev, E. K. Blokhin

Chronicle

XIth National Prize «Cultural heritage» of 2016285
N. F. Solov'yova, S. A. Semenov

«The Crystal Compass» Award 2017289

Meetings on the problems of rescue archaeology292
N. F. Solov'yova

Seminars for business entities293
N. F. Solov'yova

Obituary295

List of Abbreviations297

List of Authors298

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий, шестой, выпуск Бюллетеня охранной археологии ИИМК РАН выходит с опозданием практически на год. Причин такой задержки несколько: от занятости в 2016 г. персонала Отдела охранной археологии, ответственного за издание выпусков Бюллетеня, в крупномасштабных новостроечных проектах до медлительности отдельных авторов с подачей материалов для публикации.

За два года, прошедших с выхода в свет пятого выпуска Бюллетеня охранной археологии ИИМК РАН, институт провел ряд масштабных новостроечных исследований: на участке строительства железной дороги в обход Украины, на трассе автодороги к Крымскому мосту со стороны Краснодарского края и на территории Крыма. Продолжались археологические исследования на участках строительства железной дороги Элегест – Кызыл – Курагино в Туве и Красноярском крае.

С вступлением в силу Федерального закона № 315-ФЗ стало обязательным массовое практическое применение норм и правил Государственной историко-культурной экспертизы, вследствие чего значительно возрос объем разведочных исследований ИИМК РАН на участках, отводимых под

хозяйственное освоение на территории Санкт-Петербурга, Ленинградской области и Северо-Западного федерального округа.

Под руководством ИИМК РАН состоялась специальная экспедиция в Пальмиру с целью проведения аэрофотосъемки для построения ландшафтно-архитектурной трехмерной модели объекта Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Все эти работы в большей или меньшей степени нашли отражение в статьях, представленных в настоящем выпуске Бюллетеня.

За прошедшие годы расширился круг авторов: в выпуске публикуются статьи исследователей из СПбГУ, Карелии, Федеративной Республики Германия.

Бюллетень продолжает публикацию статей о междисциплинарных исследованиях. Именно в шестом выпуске Бюллетеня мы впервые открываем раздел «Хроника», в котором будут публиковаться наиболее важные события и достижения в охранно-спасательной деятельности института.

Н. Ф. Соловьева

Археологические исследования в Санкт-Петербурге и его пригородах

Разведки отряда Ленинградской областной экспедиции ИИМК РАН в 2016 г.

Е. К. Блохин, С. А. Семенов, Н. Ф. Соловьева

В 2016 г. были продолжены разведочные работы отряда Ленинградской областной экспедиции ИИМК РАН под руководством Е. К. Блохина, С. А. Семенова и Н. Ф. Соловьевой. Всего по хозяйственным договорам отряд провел 12 археологических исследований в пяти районах области: Ломоносовском, Кингисеппском, Всеволожском, Лужском и Тихвинском, а также в Сосновоборском городском округе. В полевых работах принимали участие сотрудники ИИМК РАН В. О. Глухов, О. Г. Раззак, Ю. Г. Раззак, Е. В. Журбин, А. Н. Домасев, А. Зайцев, И. Зайцев, А. Орлов, М. Котин, А. А. Митюков.

Кингисеппский район (три объекта)

1. г. Кингисепп, микрорайон Левобережье (рис. 1: 1). На левом берегу р. Луги, на территории микрорайона Левобережье и д. Новопятницкой проводилось обследование землеотвода под газораспределительную сеть. Зона землеотвода проходила на небольшом удалении от предполагаемого места расположения церкви Михаила Архангела Пятницкого монастыря (Крюков, 2014. С. 57), время возникновения церкви по А. А. Селину – 70-е гг. XVI в. (Селин, 1997. С. 219–220). Для выяснения стратиграфии культурных напластований по всей трассе проектируемого газопровода были заложены восемь шурфов размерами 2×2 и 1×1 м. Однако ожидание зафиксировать в окрестностях д. Новопятницкой распространение культурного слоя, относящегося к монастырю XVI–XVII вв., не подтвердилось. По материалам разведочных шурфов в непосредственной зоне землеотвода наличие исторического культурного слоя, поселений, могильников или иных памятников археологии не установлено.

2. г. Кингисепп, микрорайон Новый Луцк (рис. 1: 2). На правом берегу р. Луги, на территории микрорайона Новый Луцк, к северу от

исторической части г. Кингисеппа проведено обследование землеотвода газораспределительной сети, проектируемой частично вдоль берега р. Луги, частично по заболоченной и залесенной местности между рекой и Крикковским шоссе. Для выяснения стратиграфии культурных напластований в центральной и северной частях землеотвода было заложено семь шурфов размерами 2×2 и 1×1 м. В результате проведенных работ наличие в зоне прокладки газопровода исторического культурного слоя, поселений, могильников или иных памятников археологии не установлено.

3. г. Кингисепп, микрорайон Лесобиржа (рис. 1: 3). На правом берегу р. Луги, к югу от исторической части г. Кингисеппа было проведено обследование землеотвода под проектируемый газопровод, протянувшийся в районы Жуково и Лесобиржа по залесенной местности вдоль Гдовского шоссе. В ходе разведки вдоль трассы газопровода, в его северной и центральной частях было заложено восемь шурфов размерами 2×2 м. В результате шурфовки и натурного обследования наличие исторического культурного слоя, исторических поселений, могильников или иных памятников археологии на территории землеотвода не выявлено.

Ломоносовский район (два объекта)

4. пос. Новогорелово (рис. 1: 4). К северо-западу и северо-востоку от пос. Новогорелово проводилось обследование землеотвода реконструируемого газопровода на участках от Авигородка до Таллинского шоссе и вдоль Таллинского шоссе до Волхонского шоссе. Землеотвод длиной 1,4 км проходит по частично заболоченным землям по обоим берегам р. Дудергофки, покрытым луговой растительностью и свободным от следов современной антропогенной деятельности. Абсолютные высоты составили 22–19 м БС. Для выяснения стратиграфии культурных

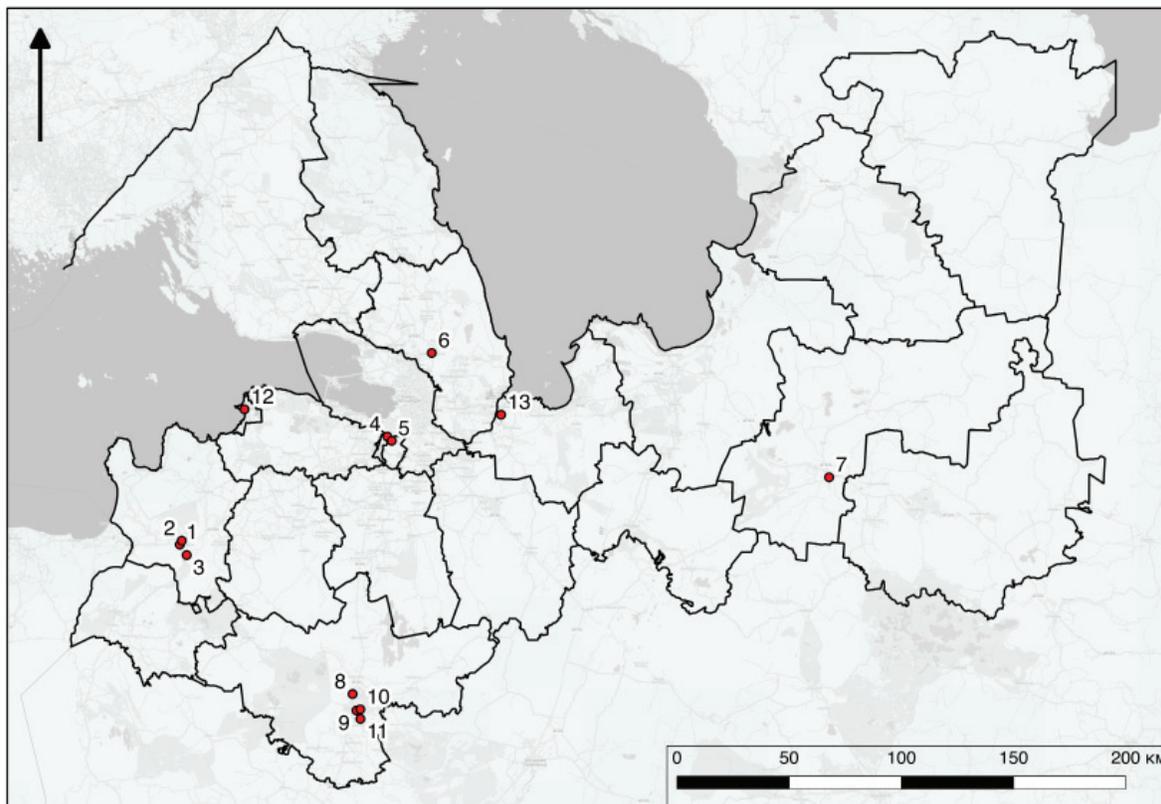

Рис. 1. Карта Ленинградской области с указанием мест проведения работ в 2016 г.:
 1 – г. Кингисепп, мкр. Левобережье; 2 – г. Кингисепп, мкр. Новый Луцк; 3 – г. Кингисепп, мкр. Лесобиржа;
 4 – пос. Новогорелово; 5 – пос. Горелово; 6 – пос. Кузьмоловский; 7 – г. Тихвин; 8 – г. Луга, трасса Р-23;
 9 – дер. Заклинье; 10 – Туровское оз.; 11 – дер. Крюково; 12 – г. Сосновый Бор

напластований было заложено два шурфа размерами 2×2 м. В результате проведенных работ исторический культурный слой, исторические поселения, могильники или иные памятники археологии на территории землеотвода не выявлены.

5. пос. Горелово (рис. 1: 5). На территории технопарка логистических терминалов, расположенного на северо-восточной окраине населенного пункта Горелово, между р. Черной, Лиговским каналом и Волхонским шоссе было проведено обследование земельного участка под проектирование и строительство объектов недвижимости. Для установления факта наличия или отсутствия культурных напластований на участке было заложено четыре шурфа размерами 2×2 м. В результате проведенной разведки исторического культурного слоя, исторических поселений, могильников или иных памятников археологии на испрашиваемой территории землеотвода не зафиксировано.

Всеволожский район (один объект)

6. пос. Кузьмоловский (рис. 1: 6). На северной окраине поселка Кузьмоловского проведено обследование на участке под проектирование и строительство многоквартирного жилого дома. Абсолютные высоты участка плавно понижаются от 40 м БС на юге до 30 м БС на севере, где расположено сильно заболоченное безымянное озеро, из которого вытекает небольшой ручей, впадающий в р. Охту в 650 м севернее участка обследования. Для выяснения стратиграфии культурных напластований было заложено шесть шурфов размерами 2×2 м. В результате работ исторического культурного слоя, исторических поселений, могильников или иных памятников археологии на территории землеотвода не выявлено.

Тихвинский район (один объект)

7. г. Тихвин (рис. 1: 7). На южной окраине г. Тихвина было проведено обследование на участке проектируемого строительства здания авто-

сервиса. Участок работ расположен на северном возвышенном берегу безымянного ручья, к югу от Южной объездной дороги, между ул. Мебельной и ул. Шумилова. Высотные отметки составили 39–41 м БС. Территория вокруг участка обследования издавна была известна как место расположения тихвинского единоверческого кладбища XVIII–XX вв., хотя ни на каких картах точное положение кладбища зафиксировано не было. В непосредственной близости от места работ до 30-х гг. XX в. находилась единоверческая церковь Св. Пантелеймона. В ходе исследования на участке было заложено четыре шурфа размерами 4×2 и 2×2 м. В трех шурфах на глубине от 0,40 до 0,80 м от современной дневной поверхности было зафиксировано в общей сложности 10 могильных ям. Два погребения исследованы, остальные законсервированы на уровне засыпки ям во избежание дальнейшего нарушения целостности кладбища в ходе разведки. Погребения совершены в деревянных гробах трапециевидной формы, по обряду трупоположения, костяки вытянуты, ориентированы головой на запад, лежат на спине, руки скрещены в области паха (рис. 2). В одном случае зафиксирован погребальный инвентарь: нательный крест белого металла с частично утраченной темно-синей эмалью. Культурная и хронологическая атрибуция открытых материалов не вызывает сомнений. На основании анализа материала шурфовки, топографической ситуации и истории освоения прилегающей территории были определены границы вновь выявленного памятника – «Единоверческое кладбище г. Тихвина XVIII–XX вв.».

Лужский район (четыре объекта)

8. г. Луга, трасса Р-23 (рис. 1: 8). На участке, прилегающем к автомобильной дороге Санкт-Петербург – Луга Р-23, в 1 км восточнее железнодорожной станции «Разъезд Генерала Омельченко» было проведено обследование территории, отводимой под строительство пункта весового контроля. Рельеф участка и прилегающей территории образован камовыми холмами и невысокими грядами ледникового происхождения. Отметки в Балтийской системе (БС) высот колеблются между 70 и 83 м. Для выяснения стратиграфии культурных напластований на участке было заложено два шурфа размерами 2×2 м. В результате проведенных работ исторического культурного слоя, исторических поселений, могильников или иных памятников археологии выявлено не было.

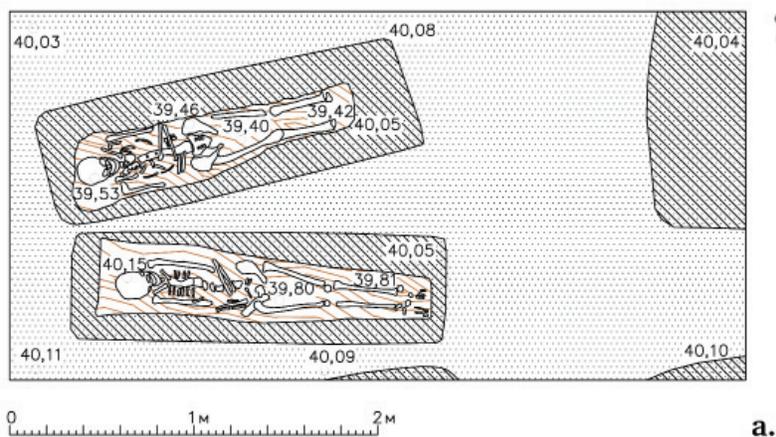
9. д. Заклинье (рис. 1: 9). На северо-восточной окраине д. Заклинье, к юго-востоку от Заклинского озера было проведено обследование на участке

проектируемой коттеджной застройки. Территория обследования образует возвышенность, полого спускающуюся в сторону озера. Высотные отметки территории составили 58,50–51 м БС. В ходе обследования в северной части территории для выяснения стратиграфии культурных напластований было заложено пять шурфов размерами 2×2 м. В результате проведенных работ исторический культурный слой, следы исторических поселений, могильников или иных памятников археологии не выявлены.

10. Туровское озеро (рис. 1: 10). На южном берегу Туровского озера, к северу от дороги, ведущей из д. Заклинье в сторону Нелайского озера было проведено обследование территории, отводимой под строительство коттеджного поселка. Испрашиваемый участок примыкает к южному берегу Туровского озера, частично покрыт лесом, местами вырубленным. Высотные отметки составили 60–53 м БС. С целью установления наличия или отсутствия на участке культурных напластований здесь было заложено два шурфа размерами 2×2 м. В шурфе 1 была зафиксирована яма округлой формы, заполненная небольшими окатанными валунами с древесным углем, служившая, вероятно, межевой ямой. Археологические артефакты в яме отсутствовали, общее время бытования подобных сооружений определяется весьма широко XVII–XX вв. Иных следов культурного слоя (старше 100 лет), исторических поселений, могильников или прочих памятников археологии при обследовании зафиксировано не было.

11. д. Крюково (рис. 1: 11). К юго-западу от д. Крюково было проведено обследование на территории проектируемой индивидуальной жилой застройки. Участок представляет собой неиспользуемые поля, долгое время подвергавшиеся распашке. Высотные отметки составили 52–55 м БС. Для выяснения наличия или отсутствия на участке объектов археологического наследия здесь было заложено два шурфа размерами 2×2 м. В результате проведенных работ исторический культурный слой, следы исторических поселений, могильников или иных памятников археологии не обнаружены.

12. г. Сосновый Бор (рис. 1: 12). В г. Сосновый Бор проводились археологические разведки на участке планируемого строительства объекта инфраструктуры ЛАЭС. Участок обследования расположен в 570 м северо-восточнее берега Копорской губы и в 250 м к северу от старицы р. Коваши (р. Глуховка). Абсолютные высоты составили 4,80–3,60 м БС. До недавнего времени вся территория

а.

б.

Рис. 2. г. Тихвин. Единоверческое кладбище.
Погребения 1 и 2: а – план погребения; б – общий вид с севера – северо-востока

обследования была покрыта сосновым лесом. С целью установления наличия или отсутствия на участке культурных напластований здесь было заложено два шурфа размерами 2×2 м. В шурфе 1 в центре участка была зафиксирована яма неправильной формы, заполненная светло-серым мелкозернистым слабогумусированным песком с золистым пятном в центре, а также стратиграфически связанный с ямой слой светло-серого мелкозернистого «пепельного» песка с включениями мелких фрагментов древесного угля.

В заполнении ямы зафиксированы фрагменты стенок керамических сосудов (тесто грубое с включением крупной дресвы) и крупные фрагменты древесного угля. Для уточнения границ памятника было дополнительно заложено еще шесть шурфов размерами 1×1 и 2×1 м. В шурфе 6, заложенном в восточной части территории обследования, был открыт очаг, сложенный из небольших окатанных, частично колотых гранитных валунов, заполненный пепельно-серой супесью, насыщенной фрагментами древесного угля (рис. 3). В разрезе под кладкой,

Рис. 3. Сосновый Бор-1 (Устье). Поселение эпохи Средневековья. Кладка очага. Вид с юго-запада

в материковом слое прослежен прокаленный слой толщиной 0,12 м. При зачистке очага в промежутке между камнями в центре кладки был зафиксирован фрагмент венчика лепного светлоглиняного сосуда со следами нагара. Также слой «пепельного» песка с фрагментами древесного угля был зафиксирован еще в четырех шурфах. На основании анализа материалов шурфовки и топографической ситуации можно уверенно определить границы выявленного памятника: культурный слой тяготеет к пологому мысу в восточной части территории обследования, с запада мыс ограничен болотистой низиной, а с юго-востока и северо-востока окаймлен насыпью современной дороги и изрыт ямами. Хронологическая атрибуция памятника вызывает некоторые сомнения. Фрагменты керамики слишком малы для однозначного их определения, общий облик позволяет с большой осторожностью отнести их к средневековому времени. В непо-

средственной близости от исследованного памятника на западном берегу старицы р. Коваши в 2003 г. Е. А. Барашковым было обнаружено местонахождение средневековой керамики, повторно осмотренное А. И. Мурашкиным в 2005 г. (Мурашкин, 2005). Вероятно, и в данном случае можно предварительно определить вновь открытый памятник как рыбацье поселение эпохи Средневековья.

Источники и литература

Крюков А. В., 2014. Малоизвестная группа постэтнической воды в Кингисеппском районе Ленинградской области // Историко-культурный ландшафт Северо-Запада. Шестые Шегреновские чтения: Сб. статей. СПб.

Мурашкин А. И., 2005. Отчет о работах Ленинградского областного отряда Карельской экспедиции в 2005 году // Архив ИА РАН. № 32027.

Селин А. А., 1997. Ивангородская дорога: западный участок // Крепость Ивангород. Новые открытия. СПб.

Исследования Отдела охранный археологии ИИМК РАН в г. Санкт-Петербурге в 2016 г.

Е. В. Журбин, С. А. Семенов, Н. Ф. Соловьева

В 2016 г. отряд Санкт-Петербургской городской археологической экспедиции ИИМК РАН провел шесть археологических исследований по хозяйственным договорам в трех районах города: Московском, Пушкинском и Центральном.

Московский район (один объект)

В Московском районе проводилось обследование участка на объекте «Отвод от НПП «Красный Бор – Морской Порт», DN250, км 31 на базовый склад ГСМ ЗАО «Совэкс». ВРНУ. Строительство», расположенном между ул. Диспетчерской и ул. Вертолетной. Для выяснения стратиграфии культурных напластований в южной и юго-восточной частях участка было заложено два шурфа размерами 2 × 2 м. Раскопками определено, что погребенная почва и исторический (археологический) культурный слой старше 100 лет на территории землеотвода отсутствуют или были уничтожены в процессе хозяйственного освоения участка в XX в. Стратиграфия стенок шурфов характеризуется мощным слоем строительного мусора XX–XXI вв., образовавшимся в ходе засыпки болот, что повлекло за собой повышение уровня современной дневной поверхности.

Пушкинский район (один объект)

В Пушкинском районе, в Павловске, по адресу: ул. Первого Мая, д. 14, литера А, проводилось обследование участка землеотвода на объекте: «Распределительный газопровод и газопровод-ввод до границы участка по адресу: г. Санкт-Петербург, г. Павловск, Пушкинский район, улица Первого Мая, дом 14, литера А». С целью выяснения стратиграфии культурных напластований в северной и юго-восточной частях участка были заложены два археологических шурфа размерами 2 × 1 м. Исследования показали, что погребенная почва и исторический (археологический) культурный

слой старше 100 лет на территории землеотвода отсутствуют или были уничтожены в процессе хозяйственного освоения участка в XX–XXI вв. На уровне грунтовых вод (на глубине 2,00–2,30 м) были обнаружены современные коммуникации (бетонно-асбестовая и пластмассовая трубы).

Центральный район (четыре объекта)

В Центральном районе, по адресу: г. Санкт-Петербург, Дворцовая пл., д. 4, на объекте: «Электроснабжение объекта: Центр обработки данных (ЦОД ОСК 3) РУЗКС ЗВО» проводилось обследование участка землеотвода. В местах устройства котлованов для проведения работ по укладке труб были заложены два археологических шурфа размерами 2 × 2 м.

Шурф 1 был устроен на пешеходном тротуаре у восточного (левого) крыла здания Главного Штаба (Дворцовая пл., д. 6/8), а шурф 2 – в восточной части Дворцовой площади (Дворцовая пл., д. 4). В восточной стенке шурфа 1 была прослежена кирпичная конструкция коллектора, верх которой находился на уровне 2,07 м БС. Коллектор ориентирован по линии север – юг, параллельно зданию Главного Штаба. Конструкция видимой части коллектора представляет собой кирпичную стенку высотой 1 м, которая дополнена тычковой кирпичной кладкой, поднимающейся ступенчато по обеим сторонам свода к его верхней точке на уровне 1,26 м БС. Отвесные стенки коллектора сложены с почти регулярным чередованием ложков и тычков. Вся кладка выполнена из однотипных кирпичей размерами 0,25–0,26 × 0,12 × 0,06 м. Большинство кирпичей имеет на постелистой стороне неглубокие борозды. Кирпичи такого типа датируются серединой – второй половиной XVIII в. Фундамент, прослеженный на уровне 0,95 м БС, представляет собой забутовку известковыми плитами.

Второй этап работ в шурфе 1 был связан с прирезкой к северной стенке длиной 1,30 м и шириной 1 м. Прирезка была сделана с целью сохранения целостности коллектора, который мог быть поврежден в процессе прокладки коммуникаций. Для этого, по завершении археологических исследований в месте осуществления прокола для прокладки кабеля, было принято решение сместить место прокола и установить щит из деревянных досок с распорками, отделяющий археологический объект от зоны производства строительных работ. Для предотвращения попадания бурового раствора на найденный объект его открытые части были засыпаны песком. Таким образом, объект был защищен от каких-либо механических и химических воздействий.

На всей площади шурфа 2 прослежены траншеи для современных коммуникаций.

В Центральном районе, по адресу: г. Санкт-Петербург, Дворцовая пл., д. 10, на объекте: «Электроснабжение объекта: Ситуационный центр Объединенного стратегического командования «Запад» (6/ЦОСК) ФКП «Управление заказчика КС Минобороны России» проводилось обследование полосы землеотвода. В местах устройства котлованов для укладки труб были заложены три археологических шурфа: шурф 1 (Невский пр., д. 18) размерами 1,4 × 2,4 м, шурф 2 (Большая Морская ул., д. 7) размерами 2 × 2 м и шурф 3 (в арке здания Главного Штаба) размерами 2 × 2 м.

В шурфе 1 обнаружена конструкция, выполненная из бутовых плит и известкового раствора, ориентированная по линии север – юг и уходящая в восточную стенку. Верх конструкции находился на уровне 1,99 м БС, ее основание – на уровне 1,50 м БС. Конструкция, вероятно, является фундаментом и относится к середине XVIII в. – периоду перестройки здания и сужению красной линии Невского проспекта. Прокол для прокладки новых коммуникаций осуществлялся через разрушенную часть конструкции, что не могло повредить археологический объект.

В шурфах 2 и 3 открыты чугунные трубы и кабели.

В Центральном районе, по адресу: г. Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 30, производилось обследование участков землеотвода, предназначенных для гидроизоляционных работ. В местах устройства дренажных траншей было обследовано четыре участка: участок 1 размерами 5,96 × 1,00 м, участок 2 размерами 11,23 × 1,00 м, участок 3

размерами 6,04 × 1,00 м, участок 4 размерами 6,33 × 0,70 м.

В южной стенке участков 1 и 2 на уровне 0,44 м БС прослежен фундамент здания, забутованный известняковыми плитами, ориентированный по линии северо-запад – юго-восток. Стена здания сложена из однотипных кирпичей размерами 0,25–0,26 × 0,12 × 0,06 м. Большинство кирпичей имеет на постелистой стороне неглубокие борозды. Кирпичи такого типа датируются серединой – второй половиной XVIII в.

В юго-западной стенке участков 3 и 4 прослежен фундамент, сложенный из бутовых плит и известкового раствора, ориентированный по оси северо-запад – юго-восток. Верх фундамента находится на уровне 2,75 м БС, его основание лежит на уровне 1,20 м БС. Конструкция, вероятно, имеет отношение к перестройке здания в середине XVIII в. В результате проведенных мероприятий гидроизоляционные работы не нанесли ущерба выявленным объектам.

В Центральном районе, по адресу: г. Санкт-Петербург, Мытнинская наб., д. 3, литера А, пр. Добролюбова, д. 2, литера А, на объекте по благоустройству территории Мытнинской набережной проводились археологические исследования. В целях выяснения стратиграфии культурных напластований в северо-восточной и юго-западной частях участка обследования были заложены два археологических шурфа размерами 2 × 2 м.

В шурфе 1, в его северном борту была обнаружена бетонная конструкция, ориентированная по линии юго-запад – северо-восток, параллельно Мытнинской набережной. Верх конструкции прослежен на уровне 0,41 м БС, ее основание лежит на уровне 0,10 м БС. К бетонной конструкции примыкает булыжная вымостка, открытая в северо-западном углу шурфа. Конструкция, вероятно, имеет отношение к этапу осушения болот и созданию Мытнинской набережной в 1871 г.

В шурфе 2, на всей его площади обнаружена булыжная вымостка, сложенная из крупных камней округлой формы. Верх вымостки прослежен на отметках 1,33–1,35 м БС, ее основание лежит на отметках 1,10–1,00 м БС. По всей видимости, мощность можно отнести к последней четверти XIX в., ко времени устройства Мытнинской набережной.

Исследования Отдела охранный археологии ИИМК РАН в Ленинградской области в 2016 г.

Е. В. Журбин, С. А. Семенов, Е. К. Блохин

В 2016 г. отряд Ленинградской областной экспедиции ИИМК РАН провел четыре археологических исследования по хозяйственным договорам в четырех районах области: Всеволожском, Гатчинском, Тихвинском и Волосовском.

Всеволожский район (один объект)

д. Вартемяги. Проводилось визуальное обследование участка, предназначенного для строительства в рамках проекта «Газоснабжение природным газом жилых домов по Приозерскому шоссе д. Вартемяги Всеволожского района Ленинградской области». В ходе осмотра была проведена фотофиксация всей трассы газоснабжения, обнажений грунта антропогенного характера. Как было установлено, на территории землеотвода погребенная почва и исторический (археологический) культурный слой старше 100 лет отсутствуют или были уничтожены в процессе хозяйственного освоения участка в XX–XXI вв.

Гатчинский район (один объект)

г. Гатчина. На ул. Чкалова, д. 22, литера Б, проводилось обследование участка землеотвода. Для выяснения стратиграфии культурных напластований в южной и восточной частях участка были заложены два шурфа размерами 2 × 2 м. Согласно результатам археологических разведок на участке землеотвода исторического культурного слоя и артефактов старше 100 лет, исторических поселений, могильников или иных памятников археологии не обнаружено.

Тихвинский район (один объект)

г. Тихвин. На ул. Карла Маркса, д. 27 (напротив Дворца культуры им Н. А. Римского-Корсакова), проводилось обследование участка, предназначенного для строительства спортивного комплекса. В целях выяснения стратиграфии

в северо-восточной и западной частях участка были заложены два шурфа размерами 2 × 2 м. Согласно результатам археологических разведок на участке землеотвода, исторического культурного слоя и артефактов старше 100 лет, исторических поселений, могильников или иных памятников археологии не обнаружено.

Волосовский район (один объект)

г. Волосово. На участке напротив производственного комплекса, расположенного по адресу: ул. Ветеранов, д. 58, литера А, проводилось обследование участка, предназначенного для строительства защитных сооружений электростанции. Для выяснения стратиграфии в северной и южной частях участка были заложены два шурфа размерами 2 × 2 м. Согласно результатам археологических разведок на участке землеотвода исторического культурного слоя и артефактов старше 100 лет, исторических поселений, могильников или иных памятников археологии не обнаружено.

Археологические работы на территории усадьбы Богословка (Зиновьево)

Е. Р. Михайлова, В. Ю. Соболев, И. И. Тарасов, А. В. Бехтер

Осенью 2005 г. Лаборатория археологии, исторической социологии и культурного наследия им. проф. Г. С. Лебедева Санкт-Петербургского государственного университета по заказу АРМ-9 института «Спецпроектреставрация» провела обследование нескольких руинированных строений усадьбы Богословка (Зиновьево) во Всеволожском районе Ленинградской области. Археологические работы проводились в связи с разработкой проекта реставрации усадьбы, их непосредственной целью было точное определение расположения объектов на местности и характеристика их состояния. Работы затронули центральный дом усадьбы с парадной каменной лестницей к реке и парковый павильон Эрмитаж.

Усадьба Богословка (Зиновьево) расположена у впадения в Неву небольшой р. Черной, на нынешней территории Невского лесопарка. Усадьбе и ее окрестностям посвящено несколько специальных работ (см., например: Лихоткин, Милаш, 1968; Кормильцева, Лоханов, 2004). Ее история восходит к 1747 г., когда императрица Елизавета Петровна пожаловала своему духовнику Федору Яковлевичу Дубянскому земельную дачу на Неве. Новый владелец устроил здесь мызу, которая была названа Богословкой по роду занятий владельца, одного из образованнейших людей своего времени. Позднее Александр Михайлович Дубянский (внук первого владельца) построил в Богословке новый усадебный дом и разбил пейзажный парк. Важно отметить, что в городском доме Дубянских (современный адрес: наб. р. Фонтанки, д. 46) до наших дней сохранился живописный плафон, в композицию которого включены архитектурные пейзажи с видами Богословки (рис. 1; 2). Предполагается, что панно выполнены архитектором В. И. Беретти, по проектам которого строился усадебный ансамбль (Конюхова, 2012. С. 196–200).

В 1843 г. усадьбу и городской дом унаследовал племянник А. М. Дубянского генерал-адъютант Николай Васильевич Зиновьев, и с середины XIX в. усадьба также называлась Зиновьево. В 1870 г. на Неве рядом с усадьбой была сооружена пристань Шлиссельбургского пароходства Зиновьево. В гостях у владельцев усадьбы часто бывал цесаревич Александр Александрович, будущий император Александр III. Племянник Н. В. Зиновьева статский советник Степан Степанович Зиновьев стал в 1882 г. последним предреволюционным владельцем Богословки. При нем в парке имения было построено несколько домиков, предназначенных для сдачи внаем дачникам.

После революции в национализированной усадьбе с ее огромным парком был учрежден Невский лесхоз. В 1932 г. на землях лесхоза организовано первое в СССР лесопарковое хозяйство, а с 1936 г. началось обустройство первого в стране лесопарка, предназначенного стать местом отдыха трудящихся. Проект устройства лесопарка был разработан архитектором О. А. Ивановой.

В годы Великой Отечественной войны Невский лесопарк оказался в непосредственной близости к переднему краю обороны Ленинграда. На его территории появились многочисленные оборонительные сооружения, для создания которых было вынута 84 тысячи кубометров земли и вырублена значительная часть деревьев. Лесопарк был соединен вновь проложенной гаревой дорогой с Невской Дубровкой, а у пристани на Неве несли боевое дежурство эсминцы «Строгий» и «Строинный» (сейчас близ места стоянки находится братская могила моряков «Строгого»).

После войны началось постепенное восстановление лесопарка, но первоначальный проект так и

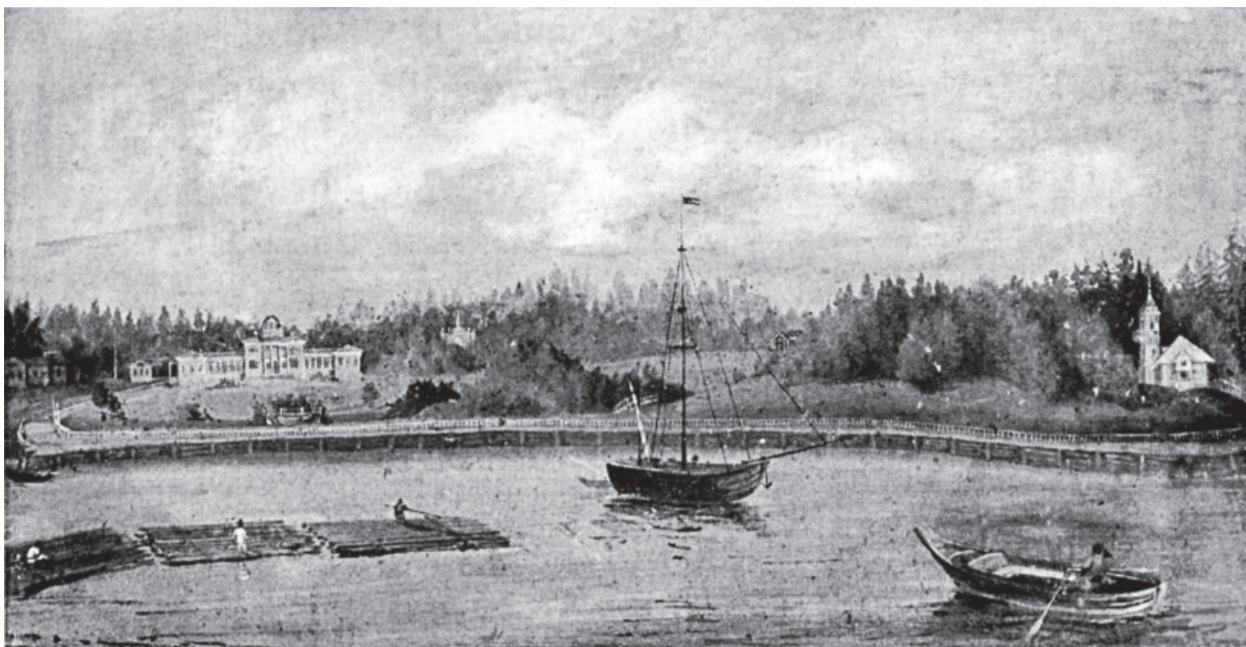

Рис. 1. Живописное панно 1830-х гг. с видом на Неву и усадьбу Богословка (Конюхова, 2012)

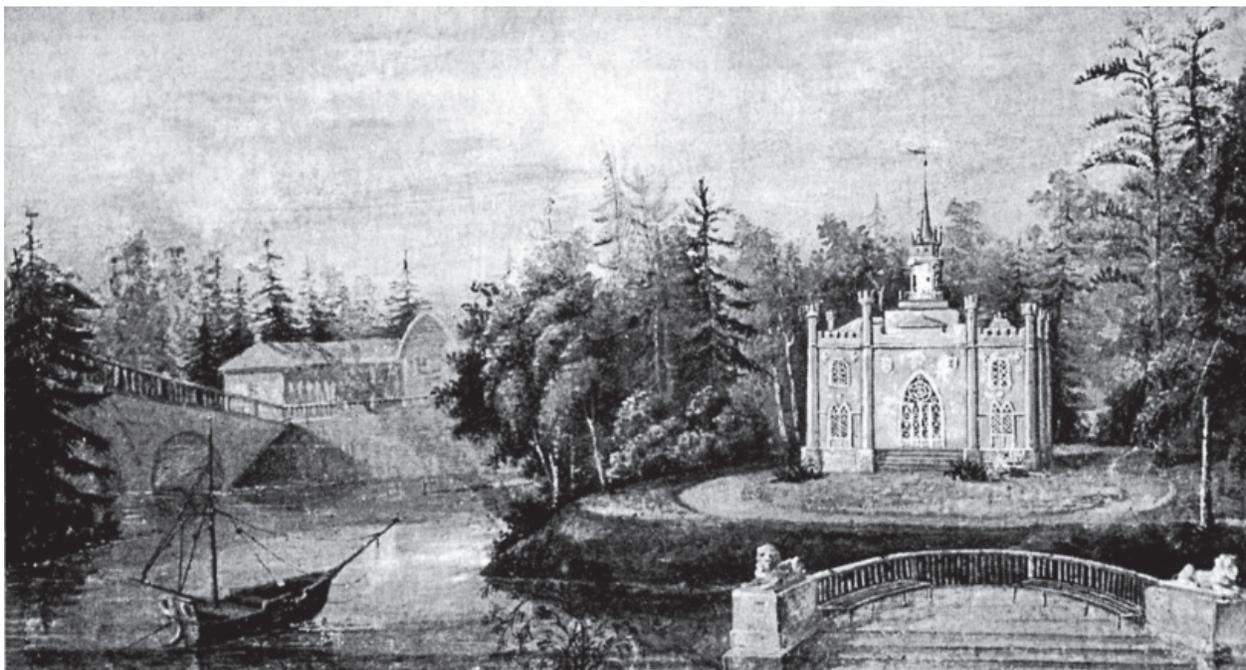

Рис. 2. Живописное панно 1830-х гг. с видом павильона Эрмитаж в парке усадьбы Богословка (Конюхова, 2012)

не был реализован полностью. В 1960 г. постановлением Совета министров РСФСР ансамбль усадьбы Зиновьевых был отнесен к памятникам истории и культуры всероссийского значения, а в 1972 г. Ленгорисполком утвердил границы памятника культуры «Ансамбль усадьбы Зиновьевых» и его охранную территорию. В 1988 г. решением Ассамблеи ЮНЕСКО памятник включен в список всемирного наследия ЮНЕСКО в составе усадебных комплексов вокруг исторического центра Санкт-Петербурга. В 2011 г. распоряжением Правительства Российской Федерации № 605-р от 11.04.2011 г. выявленный объект культурного наследия «Ансамбль дачи Зиновьева (усадьба «Богословка»), XVIII–XIX века» был отнесен к объектам культурного наследия федерального значения и включен в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации. В настоящее время на территории лесопарка строится этнопарк.

Раскоп на месте усадебного дома

Деревянный усадебный дом с бельведером и боковыми галереями, выстроенный по проекту В. И. Беретти в 1828–1830 гг., стоял на высоком берегу Черной, у самого ее устья. От дома к воде спускалась эффектная парадная лестница, у подножия которой располагался каменный грот. В советское время усадебный дом использовался под общежитие, а в конце 1960-х или начале 1970-х гг. обветшавшее здание было разобрано.

Разведочный раскоп был заложен на месте угла, образованного фасадом дома и южной стенкой обращенного к реке и лестнице ризалита (рис. 3). Первоначальные размеры раскопа составили 20 кв. м (4,00 × 5,00 м), однако в процессе работ и размеры, и форма раскопа претерпели существенные изменения, так как, с одной стороны, потребовалось несколько расширить вскрываемую площадь, с другой – выросшие здесь крупные деревья с мощной

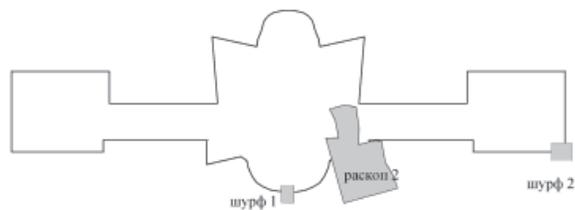

Рис. 3. Усадьба Богословка (Зиновьево), 2005 г. Схема расположения раскопа и шурфов относительно плана усадебного дома

корневой системой сильно ограничивали возможность земляных работ (рис. 4; 5).

В восточной части раскопа был расчищен участок фундамента южной фасадной стены, сложенной из аккуратно пригнанных, ровно отесанных плит плотного серого известняка, обильно залитых известковым раствором. Размеры плит 0,40–0,50 × 0,50–0,80 м, толщина – 0,10–0,15 м. Ширина кладки достигала не менее 1,60 м. В пределы раскопа вошел лишь небольшой участок этой стены (около 1,60 м), вскрыть продолжение которой помешали растущие там деревья.

К описанной кладке примыкала кладка основания стены ризалита, сложенного из тонких рваных плит известняка розовато-желтого цвета на известковом растворе. Высота кладки составила около 1,20 м, поверх нее сохранилось уложенное приблизительно в направлении север – юг (т. е. вдоль стены фасада) крупное обработанное бревно диаметром около 0,40 м. На поверхности бревна в двух местах сохранились следы лежавших поперек него плах или досок – следы конструкций пола. Ширина кладки фундамента составляла 0,90–1,00 м, длина – 3,70 м. Восточный конец конструкции был приложен к фундаменту фасадной стены.

С внешней стороны фундаментной кладки было разобрано заполнение фундаментного рва шириной 0,20–0,25 м с двумя расширениями. Западное расширение было полукруглым в плане, его ширина вдоль рва составила 0,60 м, поперек – 0,60 м (от края кладки). Восточное расширение в плане имело форму прямоугольника длиной 0,80 м и шириной

Рис. 4. Усадьба Богословка (Зиновьево), 2005 г. Разведочный раскоп 2005 г. на месте усадебного дома. Расчистка кладки фундамента

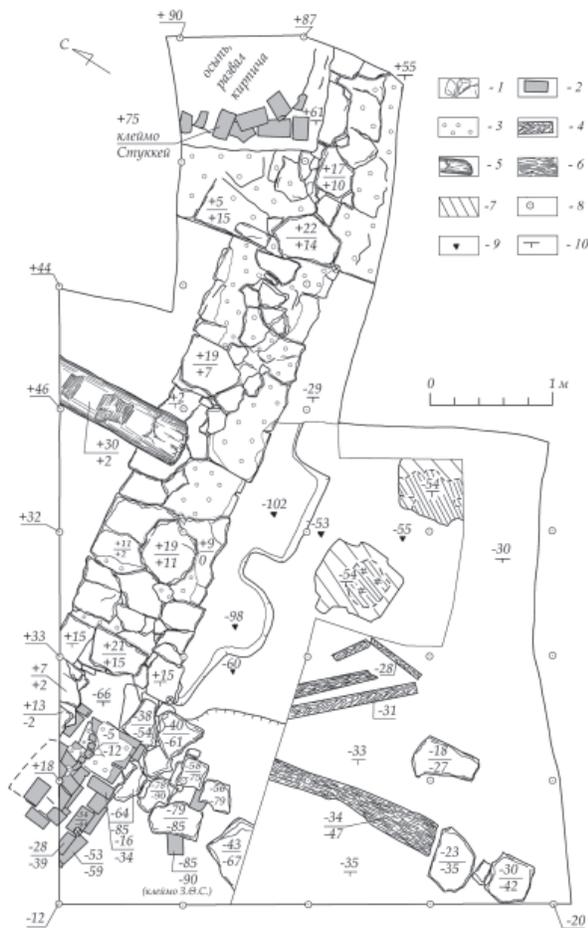

Рис. 5. Усадьба Богословка (Зиновьево), 2005 г. Сводный план разведочного раскопа 2005 г. на месте усадебного дома. Условные обозначения:
1 – известняковые плиты, 2 – керамический кирпич, 3 – известковый раствор, 4 – доска, 5 – бревно, 6 – древесный тлен, 7 – темно-серый суглинок (заполнение материковых ям), 8 – пикеты разметки раскопа, 9 – нивелировочные отметки материка, 10 – нивелировочные отметки поверхности сооружений

от края кладки 0,60 м. Стенки фундаментного рва сравнительно пологие, его глубина составляла около 0,40 м от уровня материка – плотной светлой глины.

Южнее фундаментного рва в материке были разобраны две ямы, каждая размерами 0,60 × 0,60 м, возможно столбовые. Ямы были заполнены коричневым суглинком с древесным тленом.

В западной части раскопа было расчищено несколько разновременных объектов. Наиболее ран-

ним из них является край неглубокого (до 0,30 м) материкового котлована, продолжавшегося за пределы раскопа в западном направлении. На дне котлована были беспорядочно разбросаны известняковые плиты неправильной формы и различного размера, еще несколько таких плит были обнаружены в заполнении котлована во «взвешенном» состоянии. В верхней части заполнения котлована (рыхлый коричневый суглинок) были собраны также несколько кирпичей так называемого указного формата (т. е. изготовленных не ранее 1840-х гг.) с клеймами «Стуккей.40», «Бр.Л.63», «Бр.Л.31», «З.Ө.С».

На дне котлована на развал плит опиралась кладка из тонких известняковых плит, уложенных друг на друга в три-четыре слоя, шириной 1,20 м; от кладки, описанной выше, ее отделяет разрыв шириной около 1,00 м. Расположению и направлению этого разрыва точно соответствует прослеженное южнее обширное пятно древесного тлена – след бревна в основании стены дома. Упомянутый разрыв в кладке был частично заложен кирпичом с клеймами фабрики М. К. Стуккей, а на уровне основания кладки в разрыве была найдена сильно корродированная медная монета XIX в. достоинством 1 копейка.

На кладку из тонких известняковых плит была уложена кирпичная кладка на известковом растворе. Размеры ее кирпичей составляли в среднем 0,24 × 0,055 × 0,095 м, что позволяет датировать их ранним временем.

В составе находок в раскопе следует отметить многочисленный разнообразный строительный крепеж (кованые гвозди, костыли, скобы), фрагмент латунной дверной петли, латунную пластину от механизма дверного замка или стальных часов, медную проволоку со следами оплетки, фрагмент лилового оконного стекла (от витражного остекления?). В южной части раскопа были собраны несколько фрагментов интерьерной гипсовой лепнины и расчищен крупный завал штукатурки и дранки, в который была воткнута проржавевшая железная лопата (рис. 6).

Для проверки точности имеющихся обмерных чертежей усадебного дома было дополнительно заложено два шурфа: в рассчитанной по чертежу вершине дуги ризалита и на юго-восточном углу основного объема здания. Шурфовка подтвердила точность имеющегося обмерного плана (см. рис. 3).

Раскоп на каменной лестнице

Остатки парадной лестницы хорошо заметны на склоне высокого правого берега р. Черной,

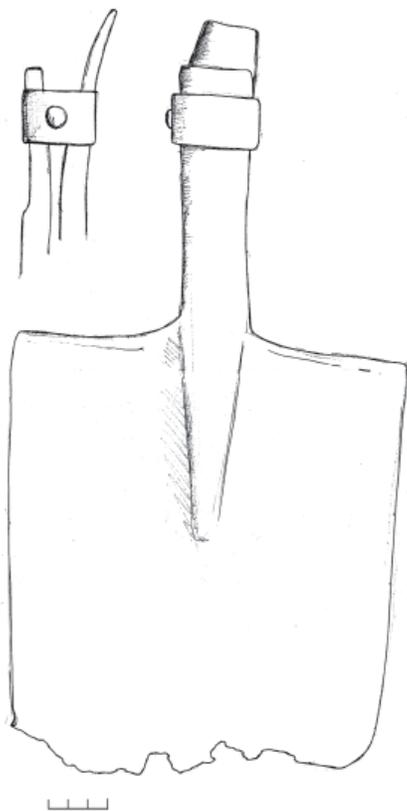

Рис. 6. Усадьба Богословка (Зиновьево), 2005 г.
Железная лопата, найденная в слое разборки
усадебного дома

близ ее устья (в настоящее время перекрытого автодорожным мостом). Просматриваются общие контуры лестничных маршей и площадок; в зарослях кустов на склоне читается арочный проем – вход в грот. Поздней осенью при низком уровне воды в реке обнажились также плиты полукруглой нижней площадки лестницы. Раскоп был заложен на месте третьей сверху площадки, его размеры составили 4×11 м, ориентация соответствовала угадываемым размерам и расположению лестничной площадки (рис. 7).

В пределах раскопа конструкции лестницы были перекрыты незначительным по своей мощности (до 0,20 м) слоем серого суглинка с примесью битого кирпича и известнякового щебня, в котором часто встречались куски и потеки масляной краски, отслоившейся с окрашенной поверхности, так что можно было различить последовательно наложенные друг на друга слои темно-зеленого, кремового и голубого цветов. Здесь же были найдены фрагмент чугунной решетки перил, несколько кованых железных гвоздей, обломок профилированной каменной детали.

Рис. 7. Усадьба Богословка (Зиновьево), 2005 г.
Расчистка участка парадной лестницы

Под слоем серого суглинка было расчищено основание лестничной площадки, сложенное из известняковых плит, залитых известково-песчаным раствором. Ширина обнаруженной конструкции составила 9,50 м. По краям площадки были уложены ровно отпиленные крупные плиты более или менее правильной формы, образующие ровные боковые стенки. На нескольких уложенных с краю плитах имеются ровные плавные вырезы – очевидно, для крепления перил. Плиты внутри кладки в основном неправильной формы, с рваными краями, различных размеров (от $0,08 \times 0,20$ м до $0,40-0,50 \times 0,50-0,60$ м), толщиной в среднем $0,07-0,20$ м (рис. 8).

По обеим сторонам лестницы четко прослеживался контур фундаментного рва, ширина которого составила 0,44 м от северного края лестницы и $0,14-0,20$ м от ее южного края. Стенки рва отвесные; заполнение – изжелта-серый мешаный суглинок с примесью извести и песка. Нижняя часть кладки, скрытая заполнением рва, выступает за пределы боковых стенок лестницы и сложена из плит неправильной формы.

Кладка лестницы сохранилась в сильно нарушенном виде. В профиле восточного борта раскопа хорошо заметна прослойка известкового раствора, перекрывающая сохранившиеся плиты кладки на $0,05-0,15$ м. Сами сохранившиеся плиты лежат неплотно, со значительными промежутками, не образуя ровной горизонтальной поверхности. Очевидно, что верхний слой каменной кладки был снят с лестницы. Известно, что камни от лестницы были использованы в 1941 г. при строительстве оборонительных сооружений поблизости (устное сообщение архитектора проекта Т. Н. Ознобишиной).

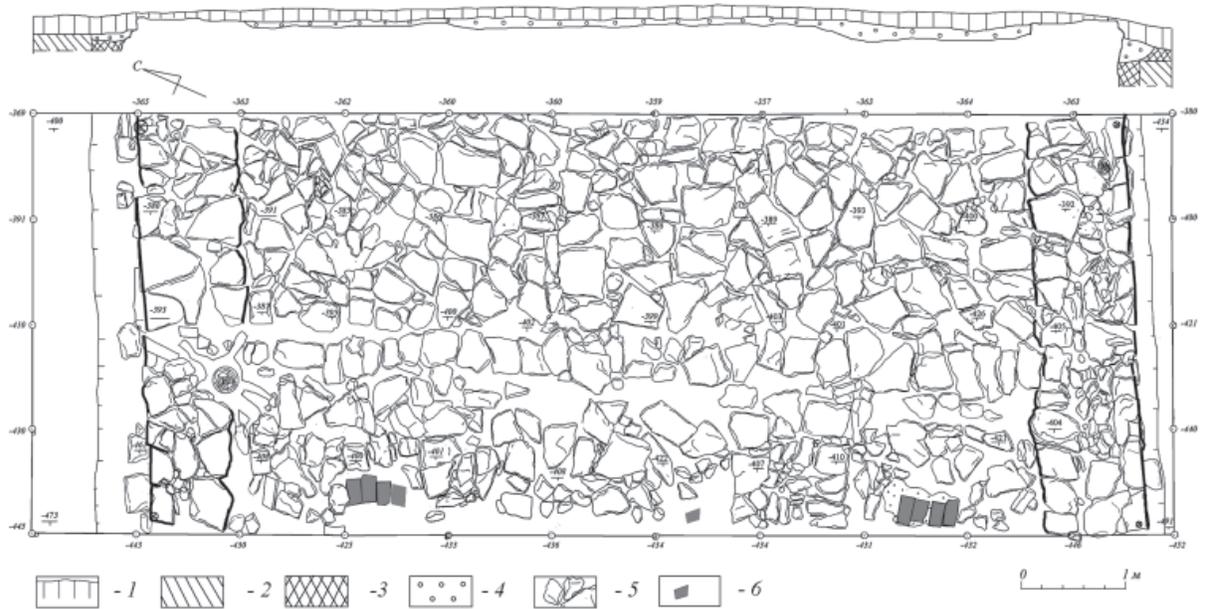

Рис. 8. Усадьба Богословка (Зиновьево), 2005 г. Сводный план раскопа на парадной лестнице.
Условные обозначения: 1 – дерн и поддёрновый слой, 2 – серый суглинок, 3 – мешаный суглинок,
4 – известняковые плиты, 5 – кирпич

Дополнительные разрушения привнесли корни кленов, выросших по краям конструкции, сдвинувшие часть плит с их первоначального места.

В пределы раскопа вошла и часть лестничного марша: в западной части раскопа, обращенной к реке, боковые стенки лестницы переходят из ровных в ступенчатые. Реконструируемая ширина ступеней составила 0,25 м, в пределы раскопа их вошло не менее трех. Ширина площадки в пределах раскопа колебалась от 2,60 до 2,80 м.

В юго-западном углу раскопа на плитах кладки были собраны многочисленные фрагменты крупных цветочных горшков усеченно-конической формы из неглазурованной глины ярко-оранжевого цвета. Они должны датироваться сравнительно недавним временем (после разборки верхнего слоя плит). Еще одна находка на плитах кладки, также в юго-западном углу – монета 1923 г. (20 копеек).

Раскоп на месте павильона Эрмитаж

Выполненный в неоготическом стиле павильон Эрмитаж был построен в 1831 г. по проекту В. И. Беретти к югу от усадебного дома, на выступе берега р. Черной (рис. 9). Первоначально он использовался хозяевами усадьбы как парковый павильон, а в конце XIX в. сдавался дачникам.

Во всех документах и воспоминаниях о Богословке указывается, что павильон Эрмитаж сгорел в 1918 г.

При предварительном осмотре мыса, где некогда располагался павильон, было обнаружено крестообразное в плане понижение местности, в целом соответствующее по форме и размерам сведениям о павильоне. В разных местах из-под дерна выглядывали многочисленные кирпичи и каменные детали. Известно, что в плане павильон Эрмитаж имел форму равноконечного креста, и раскоп был заложен так, чтобы в его пределы полностью вошла одна из ветвей этого креста. Наименее заросла густым кустарником западная часть остатков постройки, здесь и был заложен раскоп. Первоначально он был размечен как правильный прямоугольник размерами 7,00 × 8,00 м, ориентированный по сторонам света, однако корни деревьев и кустарник внесли значительные коррективы в конфигурацию раскопа (рис. 10; 11).

Под слоем опавших листьев и слабо развитого дерна по всей площади раскопа залегал слой рыхлого темно-серого суглинка толщиной 0,30–0,40 м, пронизанный корнями растущих нестарых деревьев и насыщенный мелкими обломками плитняка и битым кирпичом. Среди кирпичных обломков преобладают несущие клеймо завода

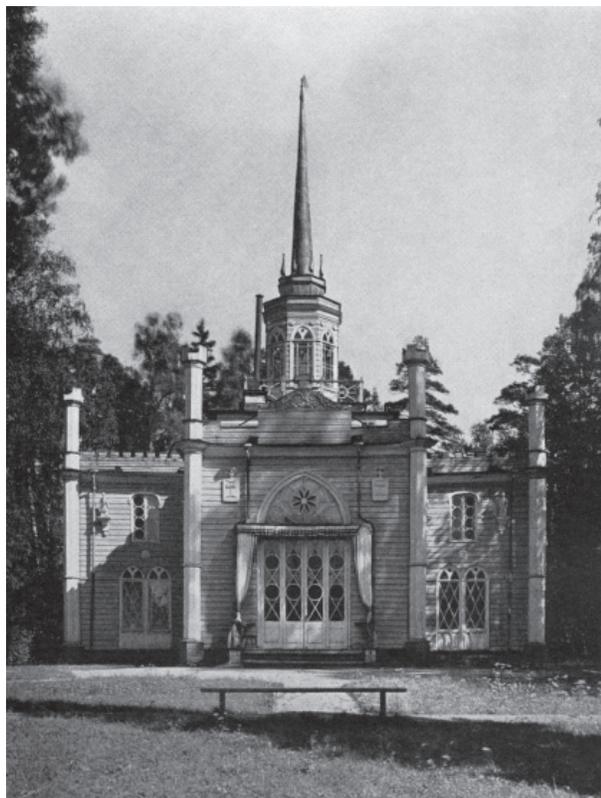

Рис. 9. Усадьба Богословка (Зиновьево).
Павильон Эрмитаж. Фото нач. XX в. (предоставлено
Институтом «Спецпроектреставрация»)

Рис. 10. Усадьба Богословка (Зиновьево), 2005 г.
Раскоп 2005 г. на месте павильона Эрмитаж

братьев Лядовых («Бр. Л.» в прямоугольной рамке), работавшего поблизости в Усть-Славянке в 1841–1885 гг. Обращает на себя внимание его плохое качество: практически все кирпичи с лядовским клеймом сильно поведены и деформированы при

обжиге. По всей вероятности, некачественный и сравнительно поздний кирпич не имеет отношения к конструкциям павильона.

При разборке слоя темно-серого суглинка в северо-восточном углу раскопа были собраны фрагменты не менее трех больших неглубоких тарелок – фарфоровой с подглазурной кобальтовой каймой и двойной золотой узкой полоской и двух фаянсовых со светло-голубой деколью. На днище одной из фаянсовых тарелок нечеткое зеленое клеймо: внутри картуша изображение неких атрибутов (различим молоток), окруженное надписью «НКМП РСФСР в Конакове им. М. И. Калинина». Прочие находки из слоя темно-серого суглинка характеризуют как детали первоначального интерьера павильона Эрмитаж (медная трубка с позолоченной накладкой в виде листа растения; медная цепочка из плоских овальных и двойных проволочных колечек, служившая, очевидно, для подвешивания люстры; небольшая бронзовая ручка на железном штыре от внутренней двери или дверцы мебели), так и материальную культуру XX в. (уже упомянутые тарелки, железная пятизубая столовая вилка, ключ от внутреннего замка, стеклянные флаконы и т. п.). Встречены также кованые гвозди, заклепки и костыли.

Под слоем темно-серого суглинка залегал материк – светло-желтый суглинок, на фоне которого прослежены П-образные в плане очертания рва (под фундамент или цоколь) (рис. 12). По центральной оси П-образного рва расчищены основания двух столбов – квадраты кирпичной кладки на известковом растворе. Кирпичи уложены по тычково-ложковой системе кладки. Размеры столбов составляют в среднем 0,60 × 0,60 м, их высота – 0,30 м над уровнем материка. Рядом с западным столбом обнаружен мощный завал сбитого лепного гипсового декора (в основном растительные мотивы).

В целом замеченные до начала раскопок развалы битого кирпича по своему расположению не находят соответствия в плане выявленного сооружения. Их соотношение с фундаментным рвом и положение в бортах раскопа позволяют утверждать, что это следы послевоенной нивелировки пониженного участка, причем для нивелировки, по всей видимости, были использованы отвалы брака старого кирпичного завода.

В пределах раскопа обнаружались также следы, вероятно, более ранних строительных работ. Помимо фундаментного рва были зафиксированы контуры нескольких неглубоких материковых ям, располагавшихся без явной системы. Рядом с восточным столбом кирпичной кладки, севернее него

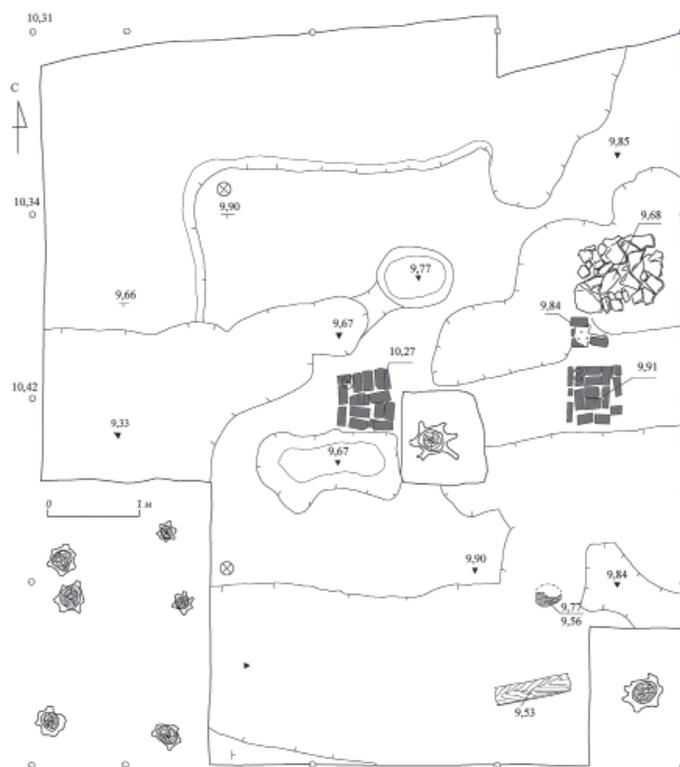

Рис. 11. Усадьба Богословка (Зиновьево), 2005 г. Сводный план раскопа 2005 г. на месте павильона Эрмитаж. Условные обозначения см. на рис. 5

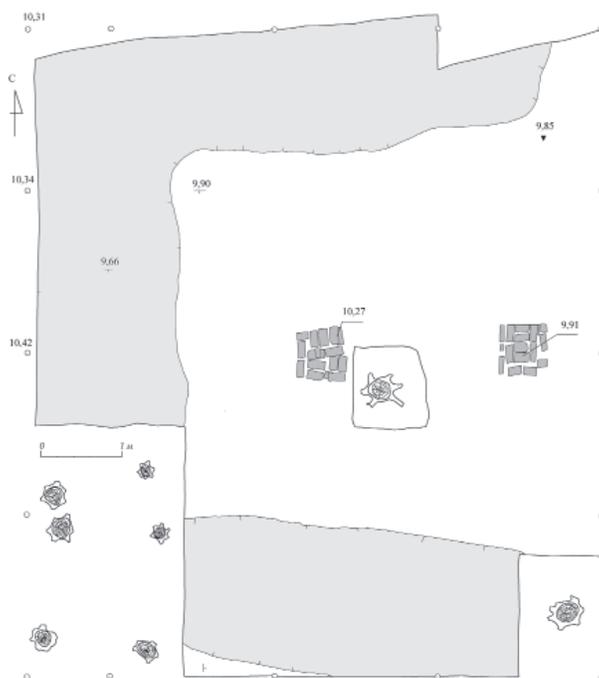

Рис. 12. Усадьба Богословка (Зиновьево), 2005 г. План раскопа 2005 г. на месте павильона Эрмитаж. Контуры фундаментного рва и кладка кирпичных столбов

прослежена заглубленная в материк конструкция из кирпичей, обильно залитых раствором, а еще севернее – плотный развал рваных известняковых плит, залегающий на дне неглубокой материковой ямы.

Судя по ширине фундаментного рва, а также по насыщенности центральной части его заполнения строительным мусором, можно предположить, что кладка фундамента была целенаправленно выбрана. Примечательно, что никаких следов пожара, в котором, согласно имеющимся текстам, погиб павильон, в пределах раскопа не отмечено.

Таким образом, археологическое изучение остатков построек усадьбы Богословка в целом подтвердило точность имеющейся документации и дополнило информацию несколькими важными деталями.

Источники и литература

- Конюхова Е. В., 2012. Новые материалы к архитектурной истории особняка графини Н. Ф. Карловой на Фонтанке, 46 // Первые Тихоновские чтения. Материалы конференции. СПб.
- Кормильцева О. М., Лоханов Г. И., 2004. Усадьба Богословка – Зиновьево – Невский лесопарк // Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга: Краеведческие записки. СПб. Вып. 9.
- Лихоткин Г. А., Милаш Н. Г., 1968. Невский лесопарк. Л. (Серия «Туристу о Ленинграде»).

Обследование проектируемой трассы газопровода у д. Корабсельки Всеволожского района Ленинградской области в 2016 г.

С. А. Семенов, Ст. А. Васильев

В феврале 2016 г. Отделом охранной археологии ИИМК РАН было проведено обследование трассы проектируемого «Распределительного газопровода высокого давления II категории на д. Корабсельки до ПРГ на границе земельных участков с кадастровыми номерами 47:07:0719001:242 и 47:07:0719001:243, расположенных по адресу: Ленинградская область, Всеволожский район, массив Корабсельки, уч. 5 кп-11» (рис. 1; 2).

Исторические сведения о д. Корабсельки

В письменных источниках поселение, с которым, вероятнее всего, можно соотнести современную д. Корабсельки, впервые упоминается в Переписной окладной книге Водской пятины 1500 г. как поселение своеземцев (крестьян-собственников) «Деревня большое Корбоселка над Охтою», находящаяся «в Карбосельском же погосте» Ореховского уезда (Переписная окладная книга, 1851. С. 199, 224). Погост именовался «Воздвиженской Корбосельской», на нем – церковь Воздвижения Честного Креста (Переписная окладная книга, 1851. С. 199). Исходя из перечисления в указанной Переписной книге других деревень, объединенных общим топонимом или гидронимом (?), таких как «деревня на Карбосельске Волково Ортемово», своеземцев «Деревня Игуменовская на Боровской Корбоселке», «Деревня на Карбоселкте Тарасьино Мишутино», «Деревня на Карболькте ж Грихново Мишутино», «Деревня на Карбоселкте ж Яхново Мишутино», «Деревня на Карбоселкте ж Якушево Мишутино», «Деревня на Карбоселкте ж Мишутино», монастырская «Деревня Фефилово Корбоселька Боровская» Карбоселкой, возможно, называлась определенная местность, состоящая из возвышенностей – гряд (финское *Korpiselkä* – лесистая гряда), или же речка, например, безымянная на всех известных нам картах, протекающая севернее д. Корабсельки и впадающая на расстоянии 1,8 км в р. Охта в д. Энколово (?) (Переписная окладная книга, 1851. С. 210,

211, 223–225, 234). То, что «Карбоселкой» могла называться речка, косвенно указывает в Переписной книге 1500 г. очерчивание волости «на Охте и на Сарке и на Карбоселке», которая «В том же Погосте Великого князя волость, что живет за ореховскими наместниками из старины» где Охта и Сарка – однозначно реки. На карте Келтушского погоста Водской пятины, составленной архимандритом Сергием в 1905 г., Саркой названа небольшая речушка, вытекающая из Кавголовского (Токсовского) озера и впадающая в р. Охту в пределах д. Сярги (производное от финского названия деревни *Särki*, т. е. Сарки) в 5 км к северо-востоку от д. Корабсельки (рис. 3). В Переписной книге 1500 г. также упоминаются две разные «Деревня на Сярке на реце на Охте» и «Деревня на Сярке ж» (Переписная окладная книга, 1851. С. 209, 210).

«Корбосельской» погост у реки Б. Охта показан на «Карте пятин Новгородских в XVI в. с показанием в них городов и погостов», составленной на основании анализа древних новгородских письменных документов и опубликованной действительным членом Императорского Русского географического общества К. А. Неволным в 1853 г. (рис. 4). По данным исследователя, погост получил свое название от селения «Карбосельск или Корбоселка» (Неволин, 1853. С. 129). В Писцовой книге Водской пятины «письма и дозору Самсона Григорьевича Дмитриева да подьячего Семейки Киселева 90 году» погост прописан как «Воздвиженской коробельской» (Писцовые книги, 1850. С. 54). «Здвиженский Корбосельский» погост учтен в старых новгородских изгонных книгах XVII в., где указано расстояние от Новгорода до погоста в 220 верст (Болховитинов, 1808. С. 96, № 47).

Данные письменных документов позволяют предполагать, что современная д. Корабселька в XV–XVI вв. являлась центром одноименного по-

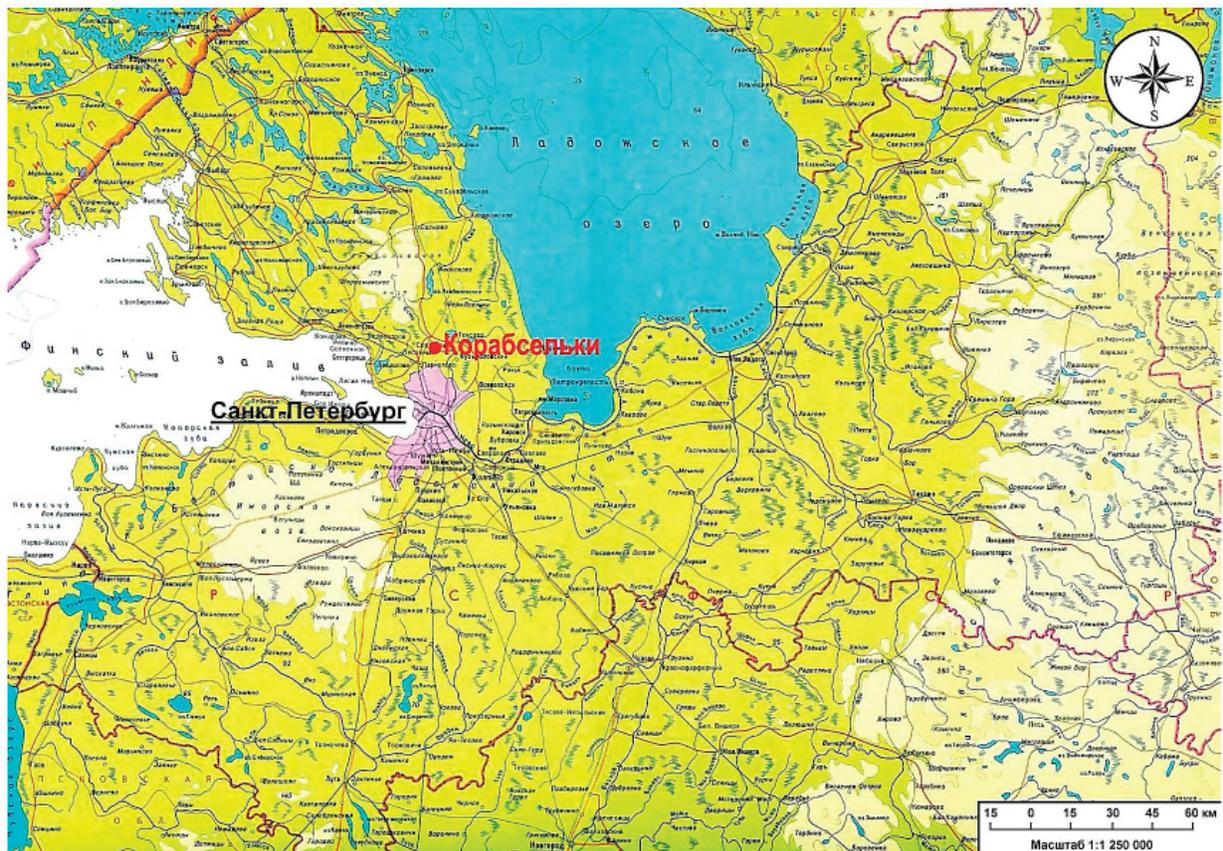

Рис. 1. Ленинградская обл., Всеволожский район, д. Корбсельки, 2016 г. Расположение участка обследования на карте Ленинградской области

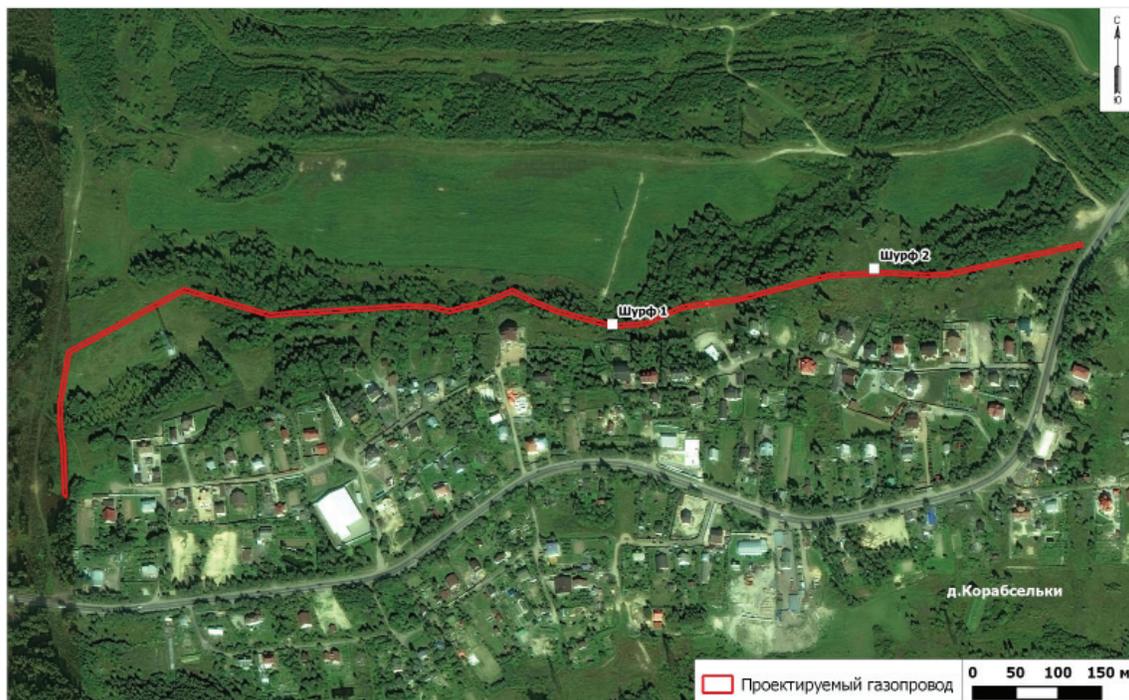

Рис. 2. д. Корбсельки. Расположение участка обследования, разведочных шурфов на космоснимке Bing

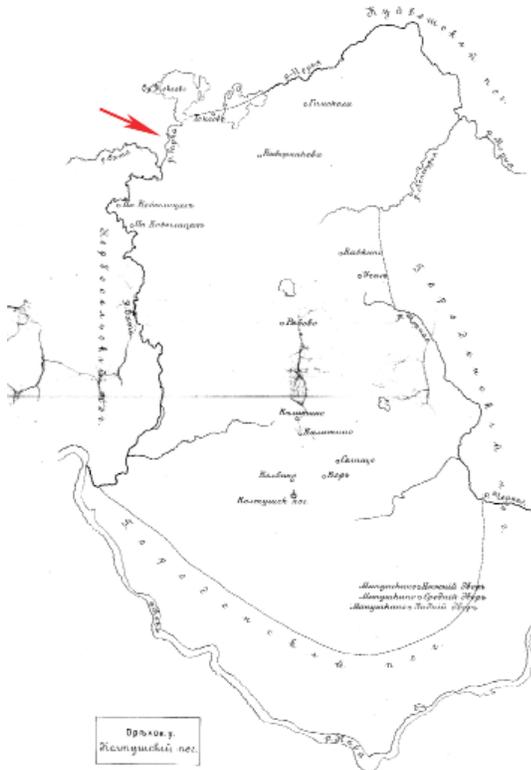

Рис. 3. Речка Сарка на карте Келтушского погоста Водской пятнины, составленной архимандритом Сергием в 1905 г.

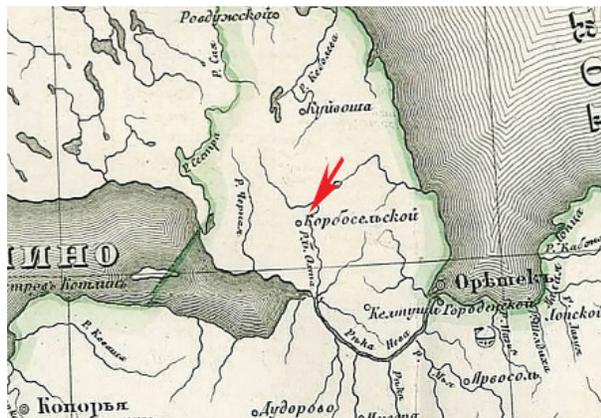

Рис. 4. «Корбосельской» погост у р. Б. Охта на «Карте пятин Новгородских в XVI в. с показанием в них городов и погостов», составленной К. А. Неволиным в 1853 г.

госта (т. е. здесь должна была находиться приходская церковь Воздвижения Честного Креста с кладбищем при ней), где проживало православное (русское и/или ижорское) население. Однако

уже с 1580-х гг. по окончании Ливонской войны Ореховский уезд и все Приневье практически находилось в управлении Швеции. В 1617 г. по Столбовскому мирному договору вся эта территория, получившая название Ингерманландия, уже официально отошла к Шведскому государству, что повлекло за собой коренные изменения в этническом составе населения края. Специальной политикой шведского правительства земли Ингерманландии стали интенсивно отбираться в собственность шведской короны для массовой раздачи во владение и аренду офицерам и генералам. Привлекались к заселению сюда дворяне и богатые жители из Северной Германии. При этом земли для переселенцев должны были быть освобождены от оставшегося коренного русского или ижорского населения, которое было намечено изгнать из этих мест (Семенцов, 1998). Вместо русских, которые массово бежали в Россию, сюда стали прибывать финские крестьяне из Восточной Финляндии. Произошли изменения и в административно-территориальном делении края. Русские уезды превратились в лены (La[h]n), а погосты остались погостами (Pogost) либо стали подразделяться и называться приходами или волостями (Sochn = Socken) (Семенцов, 1998). Ореховский уезд стал Нотеборгским леном, но Карбосельский погост внутри этого лена как территориально-административная единица сохранился под своим названием, что показывают европейские карты XVII в. Погост Korbiselsko отмечен на французской карте Сансон «Carelie, et l'Ingrie, ou Ingermenland» 1666 г. (рис. 5), на шведской карте Ингерманландии (так называемые карты Стюарта) 1699 г. Korbiselshoi Pogost (рис. 6). После возвращения этих земель России к 1775 г. погосты как административно-территориальные подразделения были упразднены.

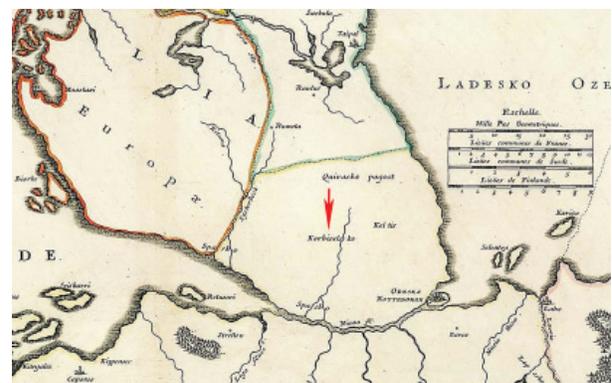

Рис. 5. Погост Korbiselsko на французской карте семьи Сансон Carelie, et l'Ingrie, ou Ingermenland, 1666 г.

Рис. 6. Korboselshoi Pogost на шведской карте Ингерманландии (так называемые карты Стюарта) 1699 г.

Деревня на исторических картах фиксируется с XVII в. Так, на «Карте бывших губерний Ивангорода, Яма, Капорья и Нэтеборга» 1827 г., «показывающей разделение и состояние одного края в 1676 г.» она отмечена как Korboselki (рис. 7). На картах XIX в. использовано различное написание населенного пункта: на Семитопографической карте окрестности Санкт-Петербурга и Карельского

перешейка 1810 г. отмечена Карпоселья (рис. 8), на односторонней карте окрестностей Санкт-Петербурга 1870–1890 гг. – Корпселья (рис. 9), на картах начала и середины XX в. – Коробсельки (рис. 10).

С XVII по XIX в. деревню населяли финно-угорские народности – ижорцы и ингерманландские финны эурямейсет и савакот (Körpen, 1867. С. 37, 54), отмеченные в Историко-статистических сведениях о С.-Петербургской епархии за 1884 г. как чухонцы из д. Крапчелки (Историко-статистические сведения, 1884. С. 163). На 1838 г. здесь проживало 100 душ мужского пола и 117 душ женского пола (Описание Санктпетербургской губернии, 1838. С. 16), на 1862 г. – 39 дворов, 103 жителя мужского пола и 128 женского (Списки населенных мест, 1864. С. 24). По письменным документам церкви или кладбища в XIX в. на поселении не числилось.

В 2007 г. у восточной и северной окраин д. Корабсельки экспедиция ИИМК РАН проводила предварительные разведочные археологические работы по проектируемой трассе БТС-2 (Лапшин, 2008). Памятники археологии по итогам визуального осмотра трассы выявлены не были.

Полевые работы 2016 г.

Обследование территории участка под проектирование и строительство распределительного газопровода проводилось в границах трассы (Скв. 1 – Скв. 10, ПКЗ+79,50/2ПК0 – ПК17+34,00), обозначенного на топографическом плане местности, предоставленном заказчиком. Объект представлял собой линейный землеугод длиной 1400 м и шириной 4 м, огибающий д. Корабсельки с северной и западной

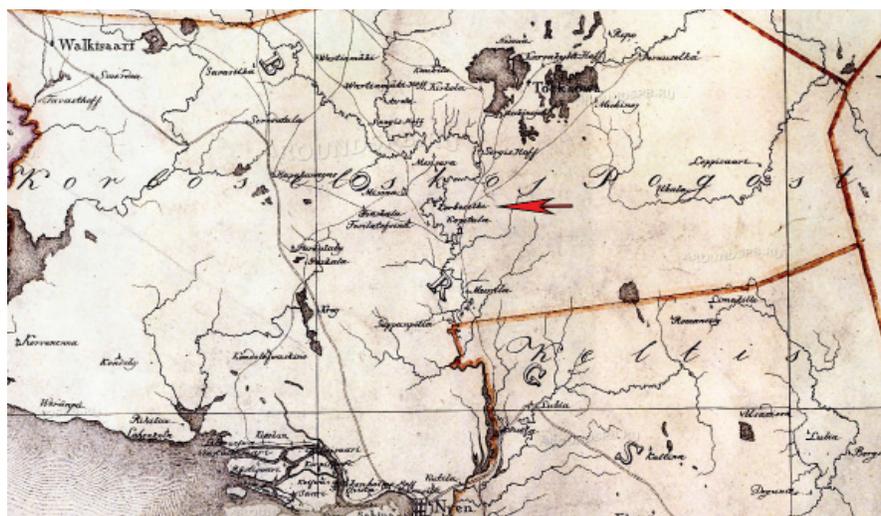

Рис. 7. Деревня Korboselki на «Карте бывших губерний Ивангорода, Яма, Капорья и Нэтеборга» 1827 г., «показывающей разделение и состояние одного края в 1676 г.»

Рис. 8. Деревня Коробселька на Семитопографической карте окружности Санкт-Петербурга и Карельского перешейка 1810 г.

Рис. 10. Деревня Коробсельки с указанием трассы газопровода и шурфов на топографической карте 1960-х гг.

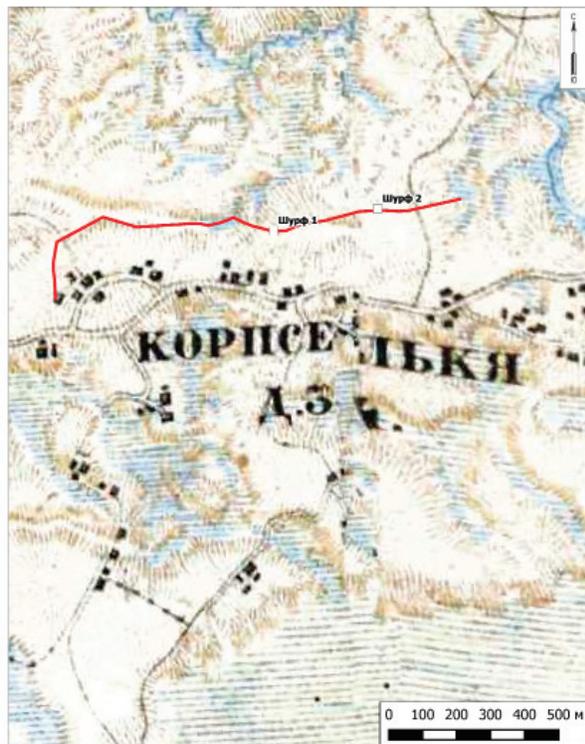

Рис. 9. Деревня Коробселька с указанием трассы газопровода и шурфов на топографической одноверстовой карте окрестностей Санкт-Петербурга 1870–1890 гг.

сторон от автодороги Коробсельки – Энколово до западной окраины д. Коробсельки на удалении от нее 50–150 м (см. рис. 2).

Полевыми работами определено, что восточная часть трассы (ПК3+79,50/2ПК0) газопровода проходит вдоль небольшого ручья в нижней части заросшего кустами и деревьями оврага, а западная часть – по окраине деревни от оврага вверх по склону (в южном направлении) до существующего газопровода (ПК17+34,00). Рельеф участка неровный: южный склон оврага крутой, северный более пологий, переходящий в центральной части исследуемого отрезка в уплощенную площадку холма. По верхнему краю южного склона оврага построены современные коттеджные постройки (усадьбы), расположенные вдоль ул. Нагорная. С северной стороны от оврага расположены холмы, занятые под сенокосные поля.

В процессе обследования были произведены визуальный осмотр участка и фотофиксация современного состояния территории. Для выяснения стратиграфической ситуации были заложены два шурфа размерами 2,00 × 2,00 м общей площадью 8

кв. м (см. рис. 2). Признаков культурного слоя археологического памятника и археологических находок в заполнении шурфов не зафиксировано. Таким образом, в результате полевого обследования 2016 г. в границах участка землеотвода археологические объекты не обнаружены.

Источники и литература

Болховитинов Е. А., 1808. Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода. М.

Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. СПб. 1884. Вып. 8.

Лапшин В. А., 2008. Краткий отчет об археологическом обследовании трассы нефтепровода БТС-2, проведенном на территории Ленинградской области (Лужский, Тосненский, Кировский, Всеволожский и Выборгский районы) в 2007 году. СПб.

Неволин К. А., 1853. О пятинах и погостах новгородских в XVI веке, с приложением карты // Записки Императорского Русского географического общества. СПб. Кн. VIII.

Описание Санктпетербургской губернии по уездам и станам. СПб. 1838.

Переписная окладная книга по Новугороду Вотьской пятины. 7008 года (2-я половина) // Временник Императорского московского общества истории и древностей Российских. М. 1851. Книга однадцатая.

Писцовые книги Водской пятины. Государевы Царевы и В. К. Дворцовые села и деревни и пустоши письма и дозору Самсона Григорьевича Дмитриева да подьячего Семейки Киселева 90 году // Временник ИМОИДР. М. 1850. Кн. 6.

Семенцов С. В., 1998. Система поселений шведского времени и планировка С.-Петербурга при Петре I // Шведы на берегах Невы. Стокгольм.

Списки населенных мест Российской империи, составленные и изданные Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. СПб. 1864. Т. XXXVII: Санкт-Петербургская губерния. Список населенных мест по сведениям 1862 года.

Köppen P., 1867. Erklärender Text zu der ethnographischen Karte des St. Petersburger Gouvernements. St.-Petersburg.

Разведочные работы на территории г. Луги в 2016 г.

С. А. Семенов, Ст. А. Васильев

В марте 2016 г. Отделом охранной археологии ИИМК РАН были проведены археологические работы по обследованию земельного участка, выделенного под строительство многоэтажного жилого дома на ул. Миккели (кадастровый номер 47:29:0103015:1498) в г. Луга Ленинградской области (рис. 1).

Город Луга

Город Луга был основан в 1777 г. указом Екатерины Великой, в котором она повелела: «На реке Луге учредить новый город близ урочища, где р. Вревка в Лугу впадает, наименовав оный город Луга». История города началась торжествами по случаю открытия в нем присутственных мест 13 (24) января 1778 г., а 16 (27) июня 1778 г. в Царском Селе Екатерина II утвердила план «новоучрежденного» города, начертан на нем: «Быть по сему» (Носков, 2013. С. 28, 34) (рис. 2). До 1781 г. г. Луга принадлежал к Псковскому наместничеству, в 1782 г. вошел в состав Санкт-Петербургской губернии, в 1802 г. получил статус уездного города. Застройка в нем началась с 1779 г., а первые каменные здания (соборная городская церковь и народная школа) появились в 1786 г. (Луга, 2009. С. 11–13). Однако еще в середине XIX в. путешественники отмечали: «Луга вовсе не похожа на город, это просто небогатое село, в котором, кроме собора, нет другой церкви и ни одного красивого дома» (Мурашова, Мыслина, 2001. С. 6).

В начале второй половины XIX в., особенно в связи со строительством Варшавской железной дороги, г. Луга начинает бурно развиваться, численность жителей быстро возрастает. К концу 1882 г. был утвержден новый план города, заключавшийся в застройке выгонной земли. По сведениям историка А. В. Носкова (2013. С. 144–145): «По этому плану под городские кварталы были прирезаны территории от современной ул. Победы до Лангиной горы и от ул. Московской до р. Наплатинки, где новые кварталы заняли всю площадь, ограниченную

железной дорогой, р. Лугой и Наплатинкой. Здесь появился живописный дачно-парковый массив с ул. Дворянской, Малой Дворянской (ныне Пислегина) и Нарвской. Парковые сосны спускались по склону до самой Наплатинки. В южной части города новые кварталы протянулись вдоль шоссе на Псков. Здесь вновь проложенные улицы были названы по именам городов соседних Новгородской и Псковской губерний: Валдайская, Порховская (ныне ул. Победы), Островская, Старорусская, Солецкая».

По данным энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, к 1895 г. в Луге было 39 каменных и 1415 деревянных зданий, к 1896 г. – 3592 жителя. В 1896 г. был разработан и в 1897 г. утвержден новый план, по которому в городскую черту были включены территории прежней выгонной земли, а также за рекой и за железной дорогой, занятые боровым лесом (рис. 3). «Новая граница городских земель полностью совпала с границей выгонной земли, отведенной городу еще в 1800 г. План 1897 г. определил ту трехчастную структуру Луги, которая сохранилась до наших дней и состоит из трех планировочных районов: Центрального, Железнодорожного и Заречного. Свободными от жилых кварталов остались территории, отведенные под размещение казарм, манежей и складских хранилищ 24-й артиллерийской бригады и граничащие с ней земли приюта имени принца П. Г. Ольденбургского (район ул. Миккели и восточной части Лангиной горы)» (Носков, 2013. С. 147).

На картографических источниках впервые г. Луга отмечен на планах генерального межевания, составленных в 1781–1790 гг. (рис. 4), и картах конца XVIII в. (рис. 5).

Ул. Миккели

Ул. Миккели, на которой находится объект обследования, – самая молодая улица в городе

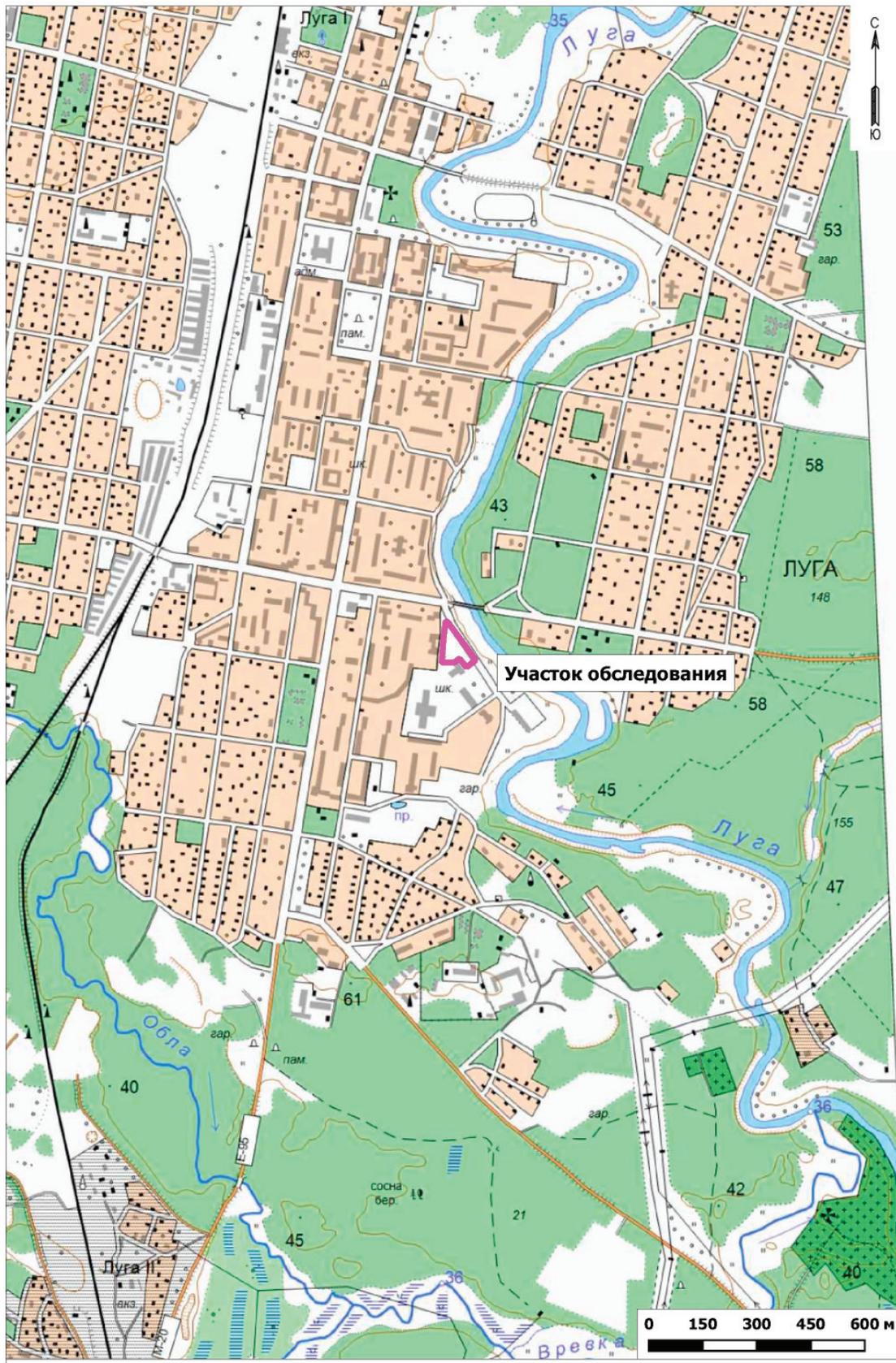

Рис. 1. г. Луга, ул. Миккели. Расположение участка обследования под строительство жилого дома в пять-девять этажей

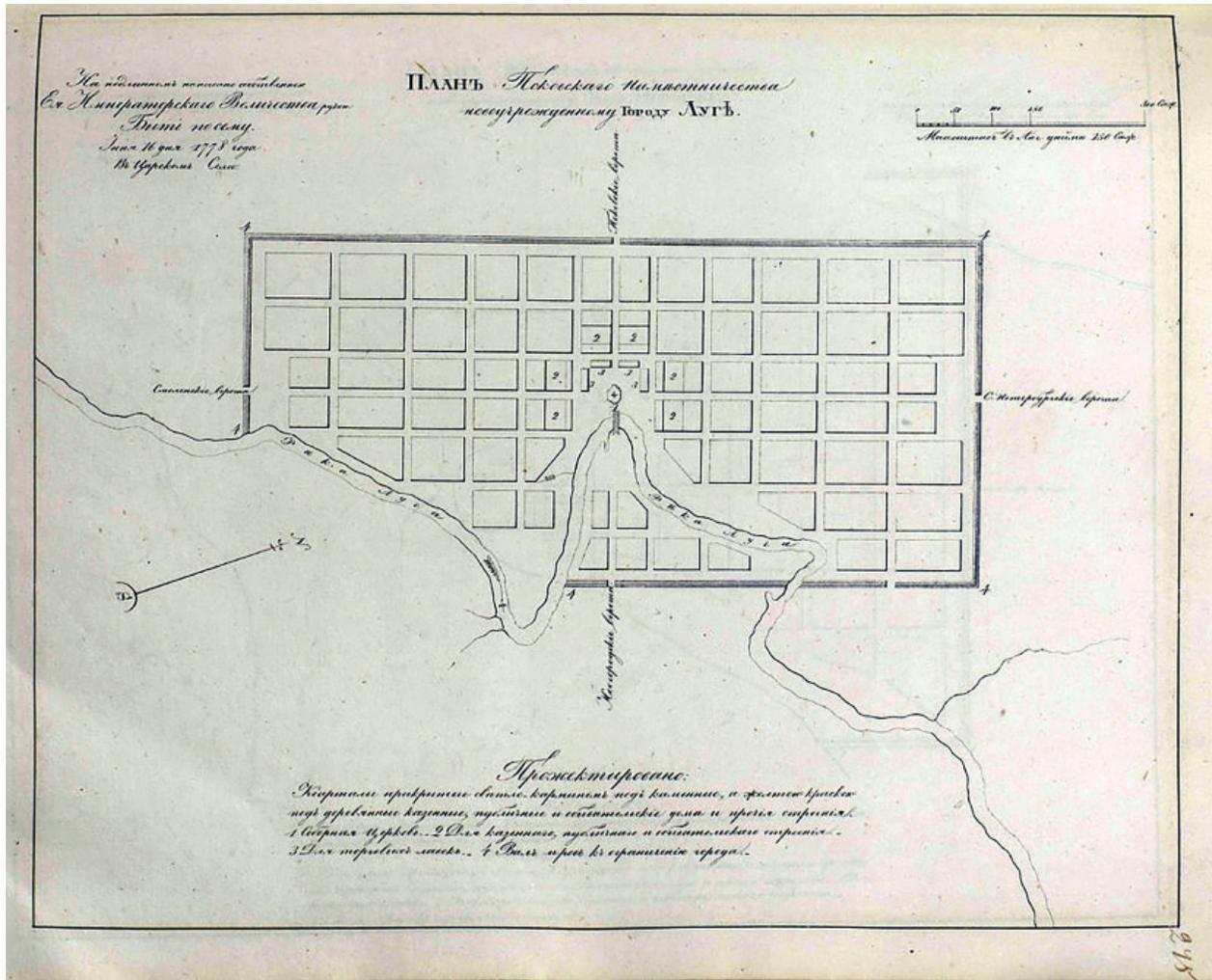

Рис. 2. Утвержденный Екатериной II план г. Луги. 1778 г.

(рис. 1; 6). Она названа в честь финского города Миккели (город Св. Михаила), ставшего побратимом Луги в 1966 г. (Носков, 2013. С. 328). Район ул. Миккели, расположенный в южной части города, вдоль левого берега р. Луги и примыкающий к ул. Победы (бывш. Порховская), по планам развития города конца XIX в. отводился под нужды 24-й артиллерийской бригады. На «Плане уездного города Луги С.-Петербургской губернии» 1897 г. это место показано «пустопорожним», не застроенным (рис. 3). 24-я артиллерийская бригада переводится из Финляндии в Лугу в 1892 г. В том же году местность площадью около 22 га между ул. Пески (сейчас Красной Артиллерии) и р. Лугой предоставляется для бригадных казарм, под застройку артиллерийских сараев, порохового погреба, конюшни и т. д. (Носков, 2013. С. 190). Здесь же в 1904 г. была построена бригадная Покровская церковь. Здание храма частично (без колокольни и

главы) сохранилось по адресу ул. Победы, д. 14. Кроме церкви и бывшего здания офицерского собрания от построек 24-й артиллерийской бригады сохранились здание казарм (общезитие бывшей обувной фабрики на ул. Победы, д. 2а), здание манежа (у школы № 6) и пороховые погреба (жилые дома на ул. Луговой). В советское время территория продолжала использоваться под военные нужды. Во второй половине 1970-х гг. состоялась передача этих земель городу, и ныне здесь размещается микрорайон «Центральный-1» (Носков, 2013. С. 198).

Предшественники города

Историк-краевед А. В. Носков для выяснения выбора конкретного места под строительство г. Луги обратился к рапорту лужского городничего Демида Ефремова от 19 декабря 1796 г, в котором говорится, что «здесьний город Луга» основан «не из казенного

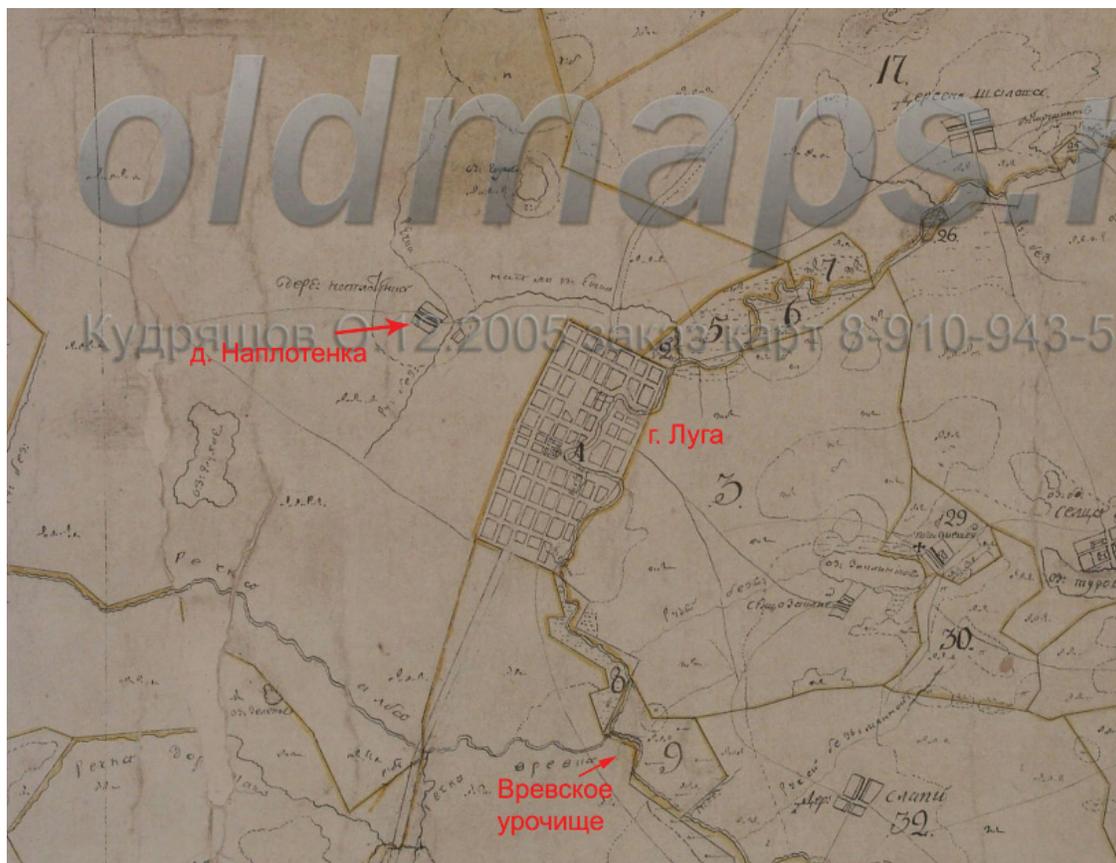

Рис. 4. г. Луга и окрестности на плане генерального межевания 1781–1790 гг.

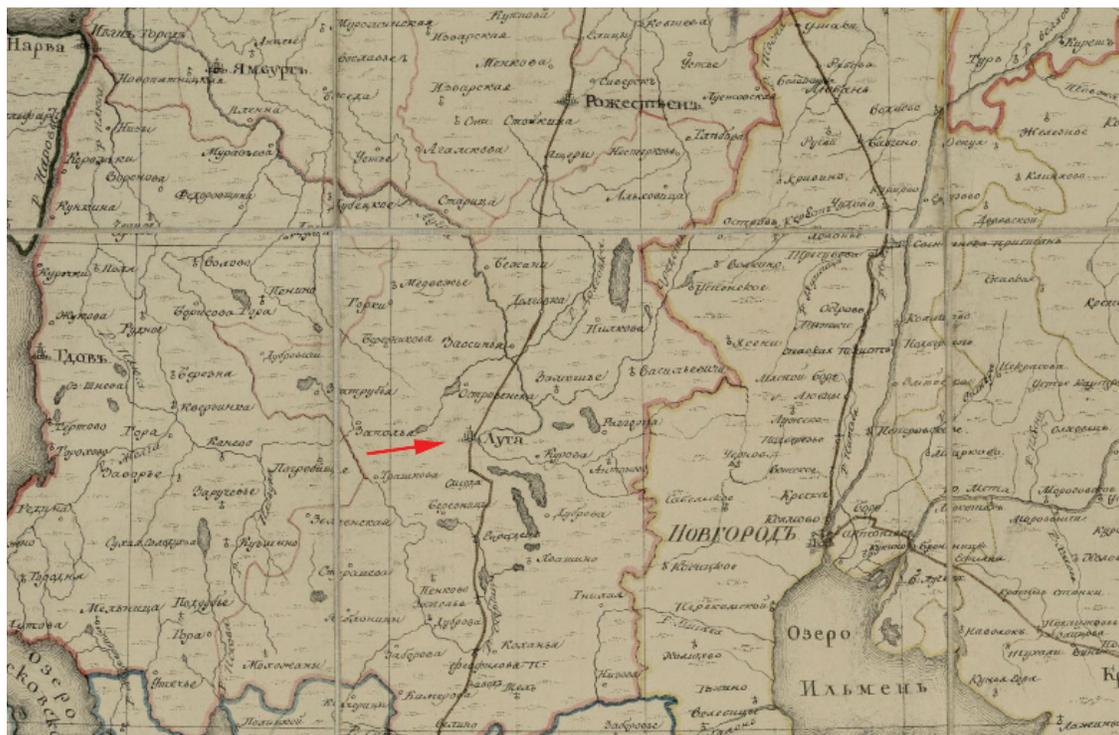

Рис. 5. г. Луга на карте 1787 г.

Рис. 6. г. Луга, ул. Миккели. Участок обследования под строительство жилого дома в пять-девять этажей. Место расположения разведочных шурфов и видовых фотографий на космоснимке Yandex

селения, а на пустопорожном местоположении из владения, описанного за казенные долги надворного советника Ивана Елагина, вниз по течению р. Луги, ниже устья, где впадает в р. Луга р. Вревка, на левом по течению берегу, и где оный город расположен, не было никакого селения и пахоты, и проезжей даже дороги, на боровом самоослабленном песчаном грунте земли на косогоре» (Носков, 2013. С. 30). Действительно ли город Луга возник на пустом месте, и были ли у него предшественники?

По сведениям Переписной оброчной книги Шелонской пятины 1498 г. в окрестностях города Луги с XV в. располагались две деревни Дремяцкого погоста «В Островне на Лузе: Д. Коробино» и «Д. на Платье» (Переписные оброчные книги, 1886. С. 131). Каждая деревня состояла только из двух дворов. Историк-архивист А. М. Андрияшев в

своем труде «Материалы по исторической географии Новгородской земли. Шелонская пятина по писцовым книгам 1498–1576 гг.» отмечал, что «Островней» называлась местность по левому берегу р. Луги, близ г. Луги, и по разбросанным к западу от него многочисленным озерам – с центром в ныне погосте Островенском на оз. Островенском» (Андрияшев, 1914. С. 157). Вероятно, д. Коробино, со временем попавшая в современные границы города, находилась в северо-западной, «Зажелезнодорожной» части, где с этим топонимом связаны существующие названия Коробинского проезда и Коробинского переулка, переименованного в 1970 г. в переулок сержанта Бычкова (Носков, 2013. С. 15, 322, 323) (рис. 7). Деревня Наплатинка («на Платье в Островне на Луге» = «д. Наплатенка на р. Наплатинке, впадающей в Лугу в гор. Луге») А. М. Андрияшевым на карте погостов Шелонской пятины, составленной им по писцовым книгам 1498–1576 гг., отмечена при впадении в р. Наплатинку безымянной речки или ручья, возможно, р. Козовка на карте Генштаба 1989 г. (лист О-35 Б) на северо-западной окраине современного г. Луга, к северу от д. Коробино (Андрияшев, 1914. С. 157; Андрияшев, 1913. Карта 2) (рис. 7; 8). На планах генерального межевания 1780–1790 гг. д. Наплатенка, возможно, показана при впадении с юго-запада в р. Наплатенку безымянного ручья, расположенного в 0,5 км к западу от р. Козовка (рис. 4).

Некоторые историки и краеведы предполагают, что предшественником нынешнего г. Луги является сельцо Луское (Зерцалов, 1972), упоминание о котором исследователь новгородских писцовых книг историк К. А. Неволин нашел в Новгородской писцовой книге Шелонской пятины «90 году (1581–1582 г.)»: «В том же погосте писаны села и деревни и починки и пустоши за детьми боярскими в поместье и порозжие земли. За Олексеем да за Юрьем за Ждановыми детьми» и т. д. Также описываются: «сельцо Заполье на оз. Вреве, дерр. Витова, Высокое, Курецко, сельцо Ретюнь, сельцо Луское; пустоши, что были дерр. Кривчицы, Лескова на оз. на Лескове, Редковичи» (Неволин, 1853. С. 88).

Из приведенного текста и перечисления поселений совсем не вытекает вывод о том, что сельцо Луское находилось на реке Луге, на месте будущего города или в ближайших окрестностях. В других письменных документах это село в Дремяцком погосте не упоминается. Вполне вероятно, что в указанной писцовой книге или в самом труде К. А. Неволлина закралась описка и, к примеру, известная в Дремяцком погосте с конца XV в. д. Лукое у оз. Лукома (рис. 8) превратилась в

Рис. 7. Исторические поселения в г. Луге и окрестностях на карте Генштаба 1989 г.

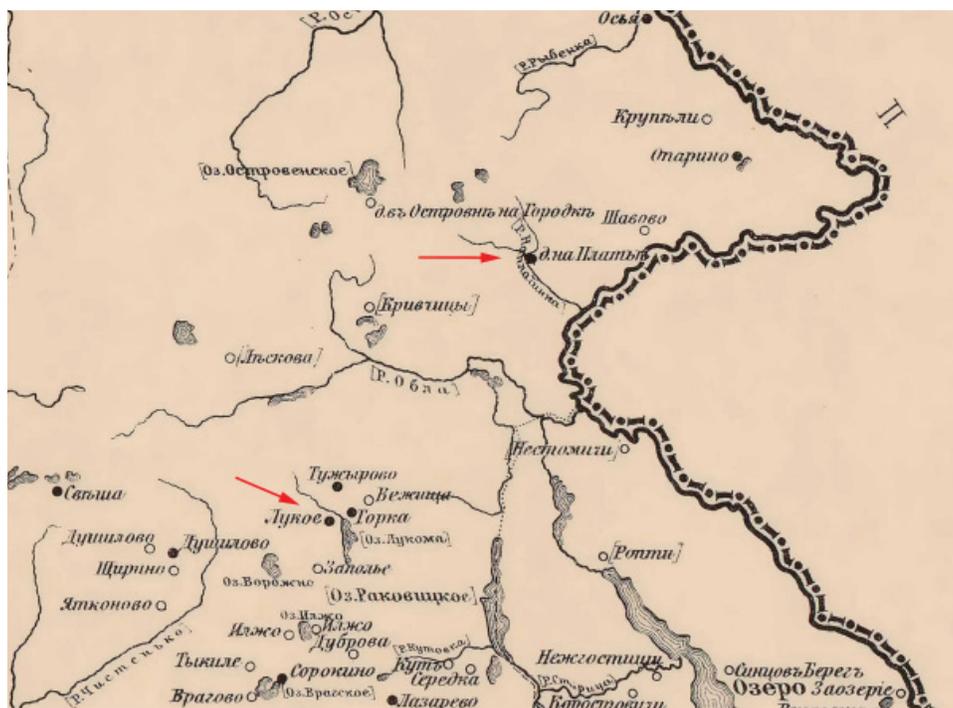

Рис. 8. Карта Дремыцкого погоста, составленная А. М. Андрияшевым по писцовым книгам 1498–1576 гг.

сельцо Луское (Переписные оброчные книги, 1886. С. 137). Возможно, что в документах присутствует и фактическая ошибка, так как топоним Луско-Лусский достаточно распространен в Полужье. Так, в верховьях р. Луги существовал Егорьевский Лусский (Лузский) погост и с. Луско или Лусское (ныне д. Лугско Батецкого района Новгородской области) (Переписная оброчная книга, 1868. С. 43; Тихомиров, 1900. С. 18–20, 24 сл., 104). По Переписной оброчной книге Вотской пятины 1500 г. известны д. Луское в Сабельском погосте (верховья р. Луга), д. Луско в Дмитриевском Городенском погосте (среднее течение р. Луги), д. Лутско в Климентовском Тесовском погосте (нижнее течение р. Оредеж) (Переписная оброчная книга, 1868. С. 70, 122, 256, 263; Тихомиров, 1900. С. 104). В Переписной книге Шелонской пятины от 1571 г. упоминается д. Луско Большое (ныне Большой Луцк) в Ямском Окологороде, т. е. в низовьях р. Луги (Андрияшев, 1914. С. 453, 455). Из всех перечисленных поселений только д. Луско Дмитриевского Городенского погоста могло быть ошибочно приписано к граничащему с ним по р. Луге Дремяцкому погосту.

В ближайших окрестностях г. Луги есть место, все еще до конца не раскрывшее всех своих тайн, – «урочище, где река Вревка в Лугу впадает» из указа Екатерины II об учреждении нового города. Расположено оно в 2,7 км к юго-востоку от исторического центра (от храма Св. Екатерины) и в 0,6 км от современной границы города (рис. 1; 4; 7). Эта местность, занятая старинным Вревским кладбищем и разрушенным храмом, представляет собой высокий мыс, омываемый с двух сторон реками Вревкой и Лугой, а с третьей стороны охваченный заболоченной низиной. Для средних веков это было идеальное место для устройства городища – укрепленного поселения или городища-укрытия, которых в Лужском районе известно около пятнадцати. Из-за расположенного здесь кладбища полноценные археологические исследования провести на мысу невозможно, но многое свидетельствует о том, что здесь мог располагаться древний памятник. Урочище – это местность, выделяющаяся среди окружающего ландшафта естественными границами. Иногда этот термин применялся и к населенным пунктам, особым или почитаемым местам. Следует полагать, что Вревское урочище в указе Екатерины II было выбрано не случайно в качестве топографического ориентира. В этом месте до основания г. Луги, по некоторым данным, уже с XVI в. стояла Никольская церковь, при которой с XVIII в. фиксируется кладбище-погост (Носков, Набокина, 2013. С. 165–168). Пример, когда церковь и кладбище занимает древнее городище, в Лужском

районе можно наблюдать в Городце (Городце под Лугой), расположенном в Володарском сельском поселении. Ряд историков-краеведов (В. И. Зерцалов, А. В. Носков и др.) поддерживают гипотезу, что на Вревском мысу могло находиться известное по писцовым книгам сельцо Луское. А. В. Носков также полагает, что церковь могла появиться здесь при «каком-нибудь пограничном острожце, пограничном пункте в период русско-шведской войны XVII в.» (Носков, 2013. С. 185).

Археологические памятники г. Луги

На территории современного г. Луги в настоящее время известен только один объект археологического наследия – неолитическая стоянка IV тыс. до н. э. Памятник был выявлен в 1957 г. разведкой Н. Н. Гуриной у крайних домов северо-восточной окраины г. Луги, на первой надпойменной террасе правого берега р. Луги, занятой огородами, на высоте 1,30–1,50 м от уровня воды (рис. 7). На небольшом сохранившемся останце стоянки, в культурном слое, представлявшем собой светло-желтый песок, толщиной 0,15 м, найдены мелкие отщепы кремня, кварца и фрагменты ямочно-ребенчатой керамики (Гурина, 1961. С. 410; Лапшин, 1990. С. 26, № 146).

Полевые исследования

Полевыми работами определено, что землеотвод расположен на левом коренном берегу р. Луги, на расстоянии около 70 м от кромки воды и ограничен с восточной стороны ул. Миккели, с северной – д. № 4, с юга – современными производственными корпусами и д. № 2 (скульптурная мастерская, бывшее здание манежа 24-й артиллерийской бригады?), с запада – школой № 6 и школьной территорией (рис. 1; 8; 9).

В настоящее время объект представляет собой участок земли, который условно можно разделить на две части: северо-западную и юго-восточную, отделенные друг от друга асфальтовой дорогой – подъездным путем от ул. Миккели к территории школы № 6. Юго-восточный участок представляет собой открытую площадку перед кирпичным зданием № 2, частично заваленную строительными отходами, бетонными блоками, мусором. Поверхность площадки неровная, местами задернована, вдоль кирпичного здания к ул. Миккели наезжена грунтовая дорога. Северо-западный участок представляет собой зеленую зону перед школой, частично заросшую мелкоколесем (береза, ель, кусты). Поверхность задернована. По участку вдоль ул. Миккели проходит подземный водопровод с несколькими бетонными техническими колодцами-выходами на поверхность (рис. 8; 9).

Рис. 9. г. Луга, ул. Миккели, 2016. Участок обследования. Вид с юго-востока

В процессе обследования был произведен визуальный осмотр участка, а для выяснения стратиграфии культурных напластований в центральной части землеотвода на площадке, свободной от растительности и подземных коммуникаций (водопровода и электрокабелей), заложены два шурфа размерами $2,00 \times 2,00$ м общей площадью 8 кв. м (рис. 8).

В результате археологического обследования участка землеотвода на ул. Миккели (кадастровый номер 47:29:0103015:1498) установлено, что исторический культурный слой старше 100 лет на территории землеотвода отсутствует или был уничтожен в процессе хозяйственного освоения участка в XX–XXI вв. Стратиграфия участка представлена мощными слоями нивелировочной песчаной подсыпки и слоем строительного мусора (бетонные плиты, арматура, остатки кабелей, резиновые шланги и проч.) толщиной до 1 м, связанных со строительными и хозяйственными работами новейшего времени. Снизу техногенный слой подстилается материковым песком. Объекты археологического наследия и археологические артефакты в границах участка обследования не выявлены.

Источники и литература

- Андряшев А. М., 1913. Материалы по исторической географии Новгородской земли. Шелонская пятина по писцовым книгам 1498–1576 гг. М. 1913. Т.1: Списки селений.
- Андряшев А. М., 1914. Материалы по исторической географии Новгородской земли. Шелонская пятина по писцовым книгам 1498–1576 гг. СПб. 1914. Т. 2: Карты погостов.
- Гурина Н. Н., 1961. Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР. М. (МИА. № 87).
- Зерцалов В. И., 1972. Луга. Путеводитель. Л.
- Лапшин В. А., 1990. Археологическая карта Ленинградской области. Л. Ч. 1: Западные районы. Луга. СПб. 2009.
- Мурашова Н. В., Мыслина Л. П., 2001. Дворянские усадьбы Санкт-Петербургской губернии. Лужский район. СПб.
- Неволин К. А., 1853. О пятинах и погостах новгородских в XVI веке, с приложением карты // Записки Императорского Русского географического общества. СПб. Кн. VIII.

Носков А. В., 2013. Луга. Прошлое и настоящее уездных городов России. Ленинградская область. Архитектурно-краеведческий очерк. СПб.

Носков А. В., Набокина О. В., 2013. Лужские храмы. Луга. Т. 2.

Переписная оброчная книга Вотской пятины, 1500 года. Первая половина // Новгородские писцовые книги, изданные археографической комиссией. СПб. 1868. Т. 3.

Переписные оброчные книги Шелонской пятины. I. 1498 г. II. 1539 г. III. 1552–1553 гг. // Новгородские писцовые книги, изданные археографической комиссией. СПб. 1886. Т. 4.

(Тихомиров) Архимандрит Сергей, 1900. Новгородский уезд Водской пятины по писцовой книге 1500 г. Историко-экономический очерк. М.

Исследования Отдела охранной археологии ИИМК РАН в Ленинградской области в 2016 г.

С. А. Семенов, Ст. А. Васильев, Н. Ф. Соловьева, А. Ю. Городилов

В 2016 г. отряд Ленинградской областной экспедиции ИИМК РАН провел 15 археологических обследований по хозяйственным договорам в семи районах области: Лужском, Гатчинском, Тосненском, Волосовском, Всеволожском, Волховском и Тосненском. В полевых работах отряда принимали участие сотрудники ИИМК РАН С. Г. Попов, А. А. Бессуднов, А. К. Очередной, Е. В. Журбин, А. Н. Домасев, П. А. Иванов, З. Р. Румянцева, А. А. Артюшенко, Н. А. Кубло и А. Ю. Касимов.

Лужский район (два объекта)

1. пос. Скреболово (рис. 1; 2). В Скреболово производилось обследование территории участка под проектирование и строительство Дома культуры в юго-восточной части поселка, в недалеком прошлом занятого временными деревянными хозяйственными постройками. Для выяснения стратиграфии культурных напластований в северной и юго-восточной частях землеотвода были заложены два шурфа размерами 2,00 × 2,00 м. Раскопками определено, что погребенная почва и исторический (археологический) культурный слой старше 100 лет на территории землеотвода отсутствуют или были уничтожены в процессе хозяйственного освоения участка в XX в. В стратиграфии стенок шурфов это фиксируется мощным слоем строительного мусора XX–XXI вв. толщиной 2,20 м, происхождение которого следует связывать с разрушением находящихся здесь ранее деревянных сараев. Слой разрушения построек для выравнивания поверхности сверху перекрыт слоем коричневого мешаного суглинка (переотложенный материк) толщиной 0,60 м. Снизу слой разрушения подстилался материковой глиной.

2. г. Луга (рис. 1). В г. Луга на ул. Миккели проведено обследование земельного участка под проектирование и строительство жилого дома. Для выяснения стратиграфии культурных напла-

стований в центральной части землеотвода были заложены два шурфа размерами 2,00 × 2,00 м. Согласно материалам разведочных шурфов и визуального обследования наличие исторического культурного слоя и артефактов старше 100 лет, исторических поселений, могильников или иных памятников археологии на территории землеотвода не выявлено.

Гатчинский район (четыре объекта)

3. пос. Орлино (рис. 1). В пос. Орлино производилось обследование землеотвода под газораспределительную сеть, протянувшуюся от шоссе Сиверская – Лампово – Дружная Горка, через улицы Полевая, Пески и Центральная к Спасо-Преображенскому храму. Для выяснения стратиграфии культурных напластований в начальной части землеотвода на сенокосном поле были заложены два шурфа размерами 2,00 × 2,00 м. В результате полевого обследования, помимо каменного мощения дороги на пересечении улицы Полевая и улицы, ведущей к кладбищу (Луговая?), наличие культурного слоя и артефактов старше 100 лет, древних поселений, могильников или иных памятников археологии по трассе газопровода не выявлено.

4. г. Коммунар (рис. 1). В г. Коммунар, в переулке Технический произведено обследование земельного участка под проектирование и строительство многоквартирных среднеэтажных жилых домов. Для выяснения стратиграфии культурных напластований на свободных площадках в северной и южной частях землеотвода были заложены два шурфа размерами 2,00 × 2,00 м. На поверхности площадки шурфа 1 найдены переотложенные фрагменты кирпичей начала XX в. с клеймами «ХАРЧЕНК[О]» и «А.А.Я.9». С восточной части территории землеотвода происходит еще один найденный на поверхности фрагмент силикатного огнеупорного кирпича начала XX в. (?), вероятно, импортного

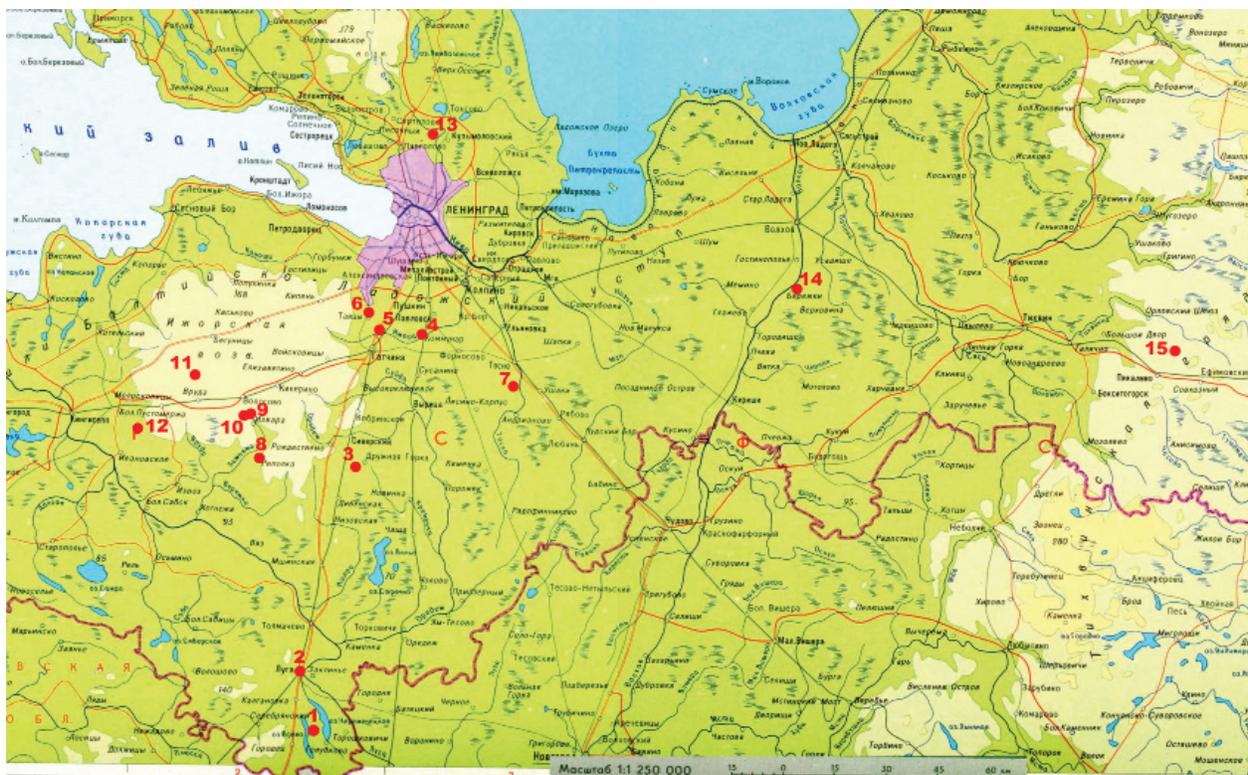

Рис. 1. Карта Ленинградской области с отмеченными объектами исследования

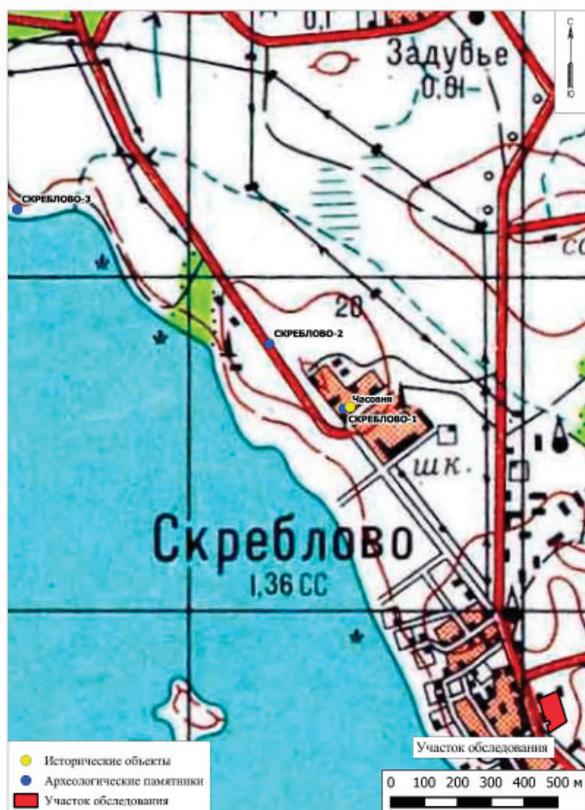

Рис. 2. Участок обследования в пос. СкреблOVO

происхождения, с символическим клеймом в виде креста и свастики (?) в круге. Наличие исторического культурного слоя (старше 100 лет), исторических поселений, могильников или иных памятников археологии в границах территории строительства не выявлено.

5. д. Малое Верево (рис. 1). В д. Малое Верево произведено обследование земельного участка под проектирование и строительство недвижимых объектов. В трех шурфах размерами 2,00 × 2,00 м, заложенных в южной, центральной и северной частях землеотвода, наличие исторического культурного слоя (старше 100 лет) и артефактов, исторических поселений, могильников или иных памятников археологии не выявлено.

6. д. Александровка (рис. 1). В д. Александровка были проведены архитектурно-археологические исследования фундамента церкви Св. Александра Невского. Для определения характеристики и технического состояния фундамента с разных сторон храма по согласованию с заказчиком были заложены четыре шурфа. Во всех шурфах исторический каменный фундамент церкви закрыт бетонной укрепительной стяжкой 2009–2011 гг. В шурфах 2 и 3 фундамент дополнительно был укрыт искусственным гидроизоляционным покрытием.

Тосненский район (один объект)

7. Тосно – Тарасово (рис. 1; 3). В Тосненском районе проведено обследование трассы проектируемого строительства водопровода между г. Тосно и д. Тарасово в виде линейного объекта шириной 9 м общей протяженностью 21 км. Для выяснения стратиграфии культурных напластований в створе трассы при пересечении р. Тосна были заложены три шурфа размерами 1,00 × 1,00 м. По результатам проведенных работ наличие исторического культурного слоя (старше 100 лет) и артефактов, исторических поселений, могильников или иных памятников археологии (объектов археологического наследия) на объекте исследования не выявлено.

Волосовский район (пять объектов)

8. д. Реполка (рис. 1). В д. Реполке Изварского сельского поселения проведено обследование трассы проектируемого распределительного газопровода общей протяженностью 5,26 км. Разведочный шурф размерами 2,00 × 2,00 м был заложен на бывшем пахотном поле на окраине поселения у д. № 12 по ул. Дачная возле оконечности полосы отвода. Помимо фрагментов каменного мощения на ул. Заречная, наличие исторического культурного

слоя (старше 100 лет) и артефактов, исторических поселений, могильников или иных памятников, обладающих признаками объекта культурного наследия, в пределах землеотвода трассы не выявлено.

9. д. Заполье (рис. 1). В д. Заполье Изварского сельского поселения проведено обследование трассы проектируемого распределительного газопровода общей протяженностью 5,17 км. Разведочный шурф размерами 2,00 × 2,00 м был заложен на окраине поселения в начальной части землеотвода. Обнаруженные в пахотном слое шурфа шесть фрагментов красноглиняной керамики нового времени являются случайными артефактами, вероятно, попавшими на поле в связи с хозяйственной деятельностью людей (с удобрениями и т. п.). Известный археологический памятник «Курганный могильник Грызово, 11 насыпей» возле д. Заполье у погоста Грызово во время полевого обследования обнаружить не удалось. Вероятно, могильник был уничтожен при мелиорации полей. По сведениям старшего научного сотрудника музея-усадьбы Н. К. Рериха в Изваре И. В. Стасюка, произведенная им в недавнее время попытка найти могильник также не увенчалась успехом. Исходя из описаний местоположения памятника, трасса проектируемого газопровода не затрагивает его территорию. По результатам проведенных работ наличие исторического культурного слоя (старше 100 лет), исторических поселений, могильников или иных памятников, обладающих признаками объекта культурного наследия, в пределах землеотвода трассы не выявлено.

10. д. Озертицы (рис. 1). В д. Озертицы Изварского сельского поселения проведено обследование трассы проектируемого распределительного газопровода общей протяженностью 3,49 км. Для выяснения стратиграфии культурных напластований поселения с разрешения владельцев на частном участке д. № 1 по ул. Озертицы в «русском конце» деревни был заложен шурф размерами 2,00 × 2,00 м. Из шурфа происходят фрагменты железных хозяйственных предметов XX в., фрагмент каменного жернова с выбитой цифрой 59. Известные в окрестностях археологические памятники «Курганная группа Озертицы-1, четыре насыпи», «Курганная группа Озертицы-2, один курган» и «Курганная группа Озертицы-3, две насыпи» во время полевого обследования не обнаружены. Также, по данным старшего научного сотрудника музея-усадьбы Н. К. Рериха в Изваре И. В. Стасюка, курганные могильники в д. Озертицы не сохранились. По сведениям, полученным И. В. Стасюком от местных жителей, курганная группа Озертицы-1 на северной окраине деревни распахана. Исходя из описаний местоположений памятников, строительство газо-

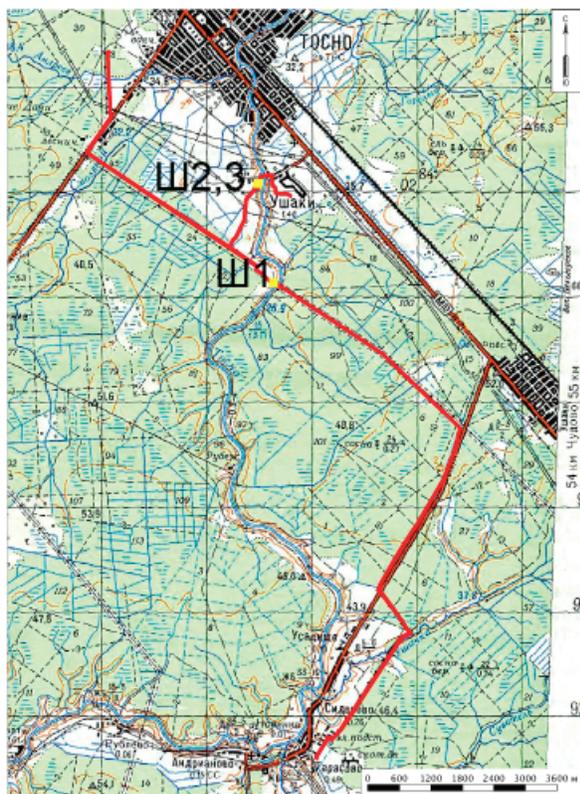

Рис. 3. Трасса водопровода Тосно–Тарасово на карте Ленинградской области

провода не затрагивает их территорию. В результате обследования трассы проектируемого газопровода в д. Озертицы, кроме фрагментов каменного дорожного мощения на ул. Озертицы вдоль д. № 14а и № 14б, наличие памятников, обладающих признаками объекта культурного наследия, в пределах землеотвода сети не выявлено.

11. д. Княжево (рис. 1). В д. Княжево Большеврудского сельского поселения проведено обследование трассы проектируемого распределительного газопровода общей протяженностью 3,73 км. Для выяснения стратиграфии культурных напластований на северной окраине поселения на поле был заложен шурф размерами 2,00 × 2,00 м. В процессе поиска двух известных у д. Княжево археологических памятников – «Курганно-жальничного могильника Княжево-1» и «Каменного креста Княжево-3» – было установлено следующее:

1. «Курганно-жальничный могильник Княжево, 134 погребальных комплекса» (Княжево-1) расположен в роще, в 200 м к юго-востоку от конца ветки проектируемого газопровода. В настоящее время часть памятника уничтожена, а территория занята частной усадьбой с пасекой;

2. «Каменный крест» (Княжево-3) на месте его последней фиксации, попадающей на трассу газопровода, отсутствует. По сведениям местного населения и старшего научного сотрудника музея-усадьбы Н. К. Рериха в Изваре И. В. Стасюка, крест в 2009 г. был передан администрацией МО Большеврудское сельское поселение на хранение в музей-усадьбу Н. К. Рериха в д. Извара, что подтверждается актом о передаче от 18.08.2009 г.

По результатам проведенных работ наличие других памятников культурного наследия в пределах землеотвода трассы не выявлено.

12. пос. Беседа (рис. 1; 4). В пос. Беседа проведено обследование трассы проектируемого распределительного газопровода общей протяженностью 2,8 км и шириной 6 м. Основная часть трассы проложена по придорожным полосам поселка, где вероятность сохранности культурного слоя исторического поселения низка вследствие проведенных в XX – начале XXI в. землеустроительных работ по обустройству объектов инфраструктуры и коммуникаций. Только северный отрезок участка землеотвода, проложенный по береговому склону русла впадающего в р. Хревица безымянного ручья, затрагивает относительно нетронутую территорию. На этом отрезке были заложены два шурфа размерами

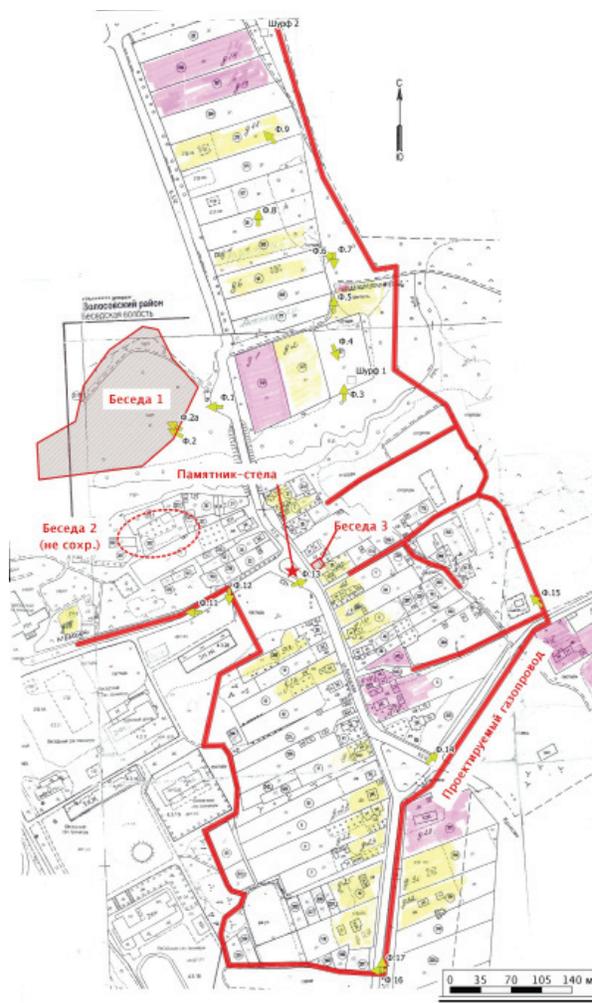

Рис. 4. Схема расположения участка обследования с указанием мест расположения известных археологических и культурно-исторических памятников, а также мест закладки шурфов на плане пос. Беседа

2,00 × 2,00 м, не выявившие признаков культурного слоя археологических памятников. В результате полевого обследования земельного участка проектируемого газопровода в пос. Беседа наличие исторического культурного слоя (старше 100 лет) и артефактов, исторических поселений, могильников или иных памятников археологии (объектов археологического наследия) не выявлено. Все известные археологические и исторические памятники в пос. Беседа – курганные могильники Беседа-1, Беседа-2, каменные кресты Беседа-3, Памятник-стела на рубеже обороны подступов к Ленинграду в 1941 г., усадебный дом, парк (4,7 га) и комплекс построек Земского училища XIX – начала XX в. – расположены на достаточном удалении от проектируемой трассы газопровода.

Всеволожский район (один объект)

13. д. Корабсельки (рис. 1). В д. Корабсельки проведено обследование трассы проектируемого распределительного газопровода длиной 1,4 км и шириной 4 м, огибающей д. Корабсельки с северной и западной сторон от автодороги Корабсельки – Энколово до западной окраины деревни на удалении от нее 50–150 м. В наиболее перспективных местах землеотвода были заложены два шурфа размерами 2,00 × 2,00 м, не выявившие признаков культурного слоя археологических памятников. В результате полевого обследования 2016 г. в границах участка линейного землеотвода объекты археологического наследия и археологические артефакты не выявлены.

Волховский район (один объект)

14. д. Бережки (рис. 1; 5). В д. Бережки проведено обследование трассы проектируемого распределительного газопровода шириной 4 м и общей протяженностью 2,5 км. Трасса проходит с восточной стороны территории выявленных в 2000-е гг. позднесредневековых археологических памятников:

Рис. 5. Схема расположения проектируемого газопровода с указанием местоположения шурфов и известных выявленных памятников археологии Бережки 1–3

Селища Бережки-2 и Бережки-3 под существующими деревенскими дорогами/проездами, в границах придорожных дренажных канав или линий ЛЭП, где сохранность культурного слоя археологических памятников маловероятна. Также трасса проходит на удалении более 35 м к западу и югу от современного деревенского кладбища, на территории которого в 2000-е гг. был зафиксирован позднесредневековый жальничный могильник Бережки-1. При осмотре территории кладбища остатков жальничных могил не обнаружено. Возможно, к настоящему моменту он уничтожен современными захоронениями. В целом практически вся трасса землеотвода проложена в границах существующих коммуникаций: под деревенскими улицами/проездами, по придорожным полосам или в границах ЛЭП и глубоких придорожных дренажных канав шириной до 3 м, где сохранность культурного слоя археологических памятников маловероятна.

В северной, наименее застроенной части деревни были заложены два разведочных шурфа, которые не выявили признаков культурного слоя археологических памятников. В заполнении шурфа 2 в слое темно-серой гумусированной супеси зафиксированы несколько небольших переотложенных фрагментов гончарной керамики XVIII–XIX вв., происхождение которых носит случайный характер.

В целом строительство проектируемого газопровода в д. Бережки не затрагивает известные археологические памятники Бережки 1–3, при этом новые археологические памятники в створе трассы проектируемого газопровода не зафиксированы.

Бокситогорский район (один объект)

15. Карьер Восточный (рис. 1). В Бокситогорском районе был обследован земельный участок, отводимый под разработку нового участка месторождения известняков карьера «Восточный V» недалеко от г. Пикалево. Территория землеотвода состоит из пяти участков (основные участки и подъездные пути) общей площадью 879 га. Основные два участка расположены в 8,2 км к северо-востоку от г. Пикалево. Для поиска археологических памятников в перспективных местах землеотвода было заложено 50 рекогносцировочных шурфов размерами 2,00 × 2,00 м общей площадью 200 кв. м.

В четырех шурфах в гумусных слоях найдены пять фрагментов керамики. Все они изготовлены на гончарном круге из светложгущейся глины с добавлением отсеянного мелкого песка. Тесто плотное, однослойное, обжиг хороший и ровный, в горне. На трех фрагментах сохранился нагар, свидетельствующий об использовании посуды для

приготовления пищи. Все фрагменты датируются временем не ранее XIX в. Вблизи северо-восточной границы предварительного землеотвода, но за его пределами, в конце грунтовой дороги из д. Сычево, на склоне небольшой возвышенности, на поле с посевами овса, перед охотничьими вышками найдены аналогичный вышеописанным фрагмент керамики и мебельная ручка из медного сплава с рельефным растительным орнаментом по центру и завершением в виде рельефного листика с одной стороны. Предварительная датировка ручки – XVIII – начало XX в.

Столь малое количество находок, отсутствие на месте проведения археологических шурфов признаков культурного слоя, следов от построек, сооружений, хозяйственных ям и пр. позволяют сделать вывод о том, что территория обследования входила только в зону хозяйственного и промыслового освоения.

За пределами землеотвода карьера при осмотре территории старого кладбища, расположенного на месте утраченного жальничного могильника между д. Пакшеево и д. Сара, был найден недавно перемещенный каменный крест (вероятно, с жальничного могильника). Крест вкопан в землю между двумя грунтовыми дорогами в 15 м к юго-западу от границы кладбища (рис. 6). Крест небольшой, высотой 0,32 м и толщиной 0,10 м, ширина перекрестия около 0,23 м, ширина у основания 0,20 м. Форма четырехконечная, с короткими лопастями, верхняя лопасть и основание расширяющиеся, боковые прямоугольные. Осевые лопасти отделены от боковых острыми углами. На верхней и левой

боковых лопастях видны сколы. В средокрестии вырезан крест на П-образной Голгофе со ступенькой, верх креста не сохранился. На левой лопасти заметны, возможно, остатки монограммы ІСЪ, на правой – ХЪ. Крест изготовлен из местного известняка. По мнению исследовательницы крестов В. Панченко (Яшкиной), крест может быть датирован временем не ранее XV в.

В результате всего комплекса проведенных историко-библиографических, полевых и камеральных работ, связанных с археологическим обследованием земельных участков, отходящих под разработку известнякового карьера, следует констатировать, что наличие исторического культурного слоя (старше 100 лет) и артефактов, исторических поселений, могильников или иных памятников археологии, обладающих признаками объекта археологического наследия, на данной территории не выявлено.

Рис. 6. Каменный крест на месте утраченного жальничного могильника между д. Пакшеево и д. Сара у границы карьера «Восточный»

Разведочные работы на Петроградской набережной в 2014 г.

С. А. Семенов, А. Ю. Городилов, С. В. Александров

В мае 2014 г. сотрудниками Отдела охранной археологии ИИМК РАН были проведены разведочные археологические работы на объекте, расположенном по адресу: г. Санкт-Петербург, Петроградская наб., участок № 1, северо-западнее д. 26–28 и юго-западнее д. 30 (рис. 1).

Участок, отведенный под обследование, находился на внутренней территории квартала, образованного Петроградской наб., ул. Чапаева и Пинским переулком, между зданиями, принадлежащими компании «Сигма-Моторс», бизнес-центру «Сенатор» и котельной. На момент начала работ большая часть объекта исследования была застроена производственными зданиями автоцентра (складские помещения, ремонтная база), территория заасфальтирована.

Согласно историческим сведениям городское освоение участка обследования началось в первой половине XVIII в. и представлено характерной для Петроградского острова стихийной деревянной застройкой (рис. 2). В это время здесь селились преимущественно «посадские» и «служивые» люди. Характер застройки участка практически не менялся на протяжении XVIII – первой половины XIX в. Первые каменные строения отмечены на плане 1861 г. (рис. 3).

Для проведения археологического обследования на участке было заложено три шурфа общей площадью 6 кв. м: два шурфа (№ 1 и 2) – непосредственно на территории обследования с целью выявления стратиграфии культурных напластований, и один (№ 3) – на близлежащей площади, свободной от современных инженерных коммуникаций, с целью оценить степень сохранности культурного слоя за пределами территории, подвергшейся современной застройке.

В результате проведения работ установлено, что в шурфе № 2 археологические напластования уничтожены при строительстве кирпичного здания XX в. В шурфах № 1 и 3 сохранились непереотложенные культурные напластования, представленные как строительными горизонтами, так и прослойками гумусированной супеси, связанными с двумя горизонтами обитания (рис. 4; 5). В обоих шурфах ранний (первый) горизонт обитания (темно-серая гумусированная супесь толщиной 0,23–0,25 м, перекрывающая материковый желтый песок) – это исторический почвенный слой (погребенная почва), насыщенный археологическими находками начала – середины XVIII в. Следующий жилой (почвенный) горизонт, отделенный от предыдущего слоями строительного мусора (кирпичной крошкой и известью), – темно-серая супесь толщиной 0,15–0,18 м, судя по находкам и стратиграфии, образовавшаяся во второй половине – конце XVIII – первой половине XIX в. Второй жилой горизонт перекрыт слоем строительного мусора, состоящего из мешаной серой супеси и битого кирпича. В этом слое найдены фрагменты керамики и другие материалы XIX в. Верхние слои стратиграфии шурфов, толщиной до 0,80 м, представляли собой асфальтовое напластование с чередующимися технологическими подсыпками из песка и гравия. Общая мощность культурных напластований достигает 2,30 м.

На дне шурфа № 3 обнаружена яма с остатками столба диаметром 0,20 м, заглубленная в материк на 0,25 м. В заполнении ямы найдены фрагмент кровельной черепицы, железная скоба и бронзовое колечко со стерженьком с винтовой нарезкой (деталь мебельной гарнитуры?) (рис. 6; 7). Яма вырыта с уровня серой супеси не позднее середины XVIII в.

В процессе работ собран археологический материал в количестве 37 артефактов. В верхних

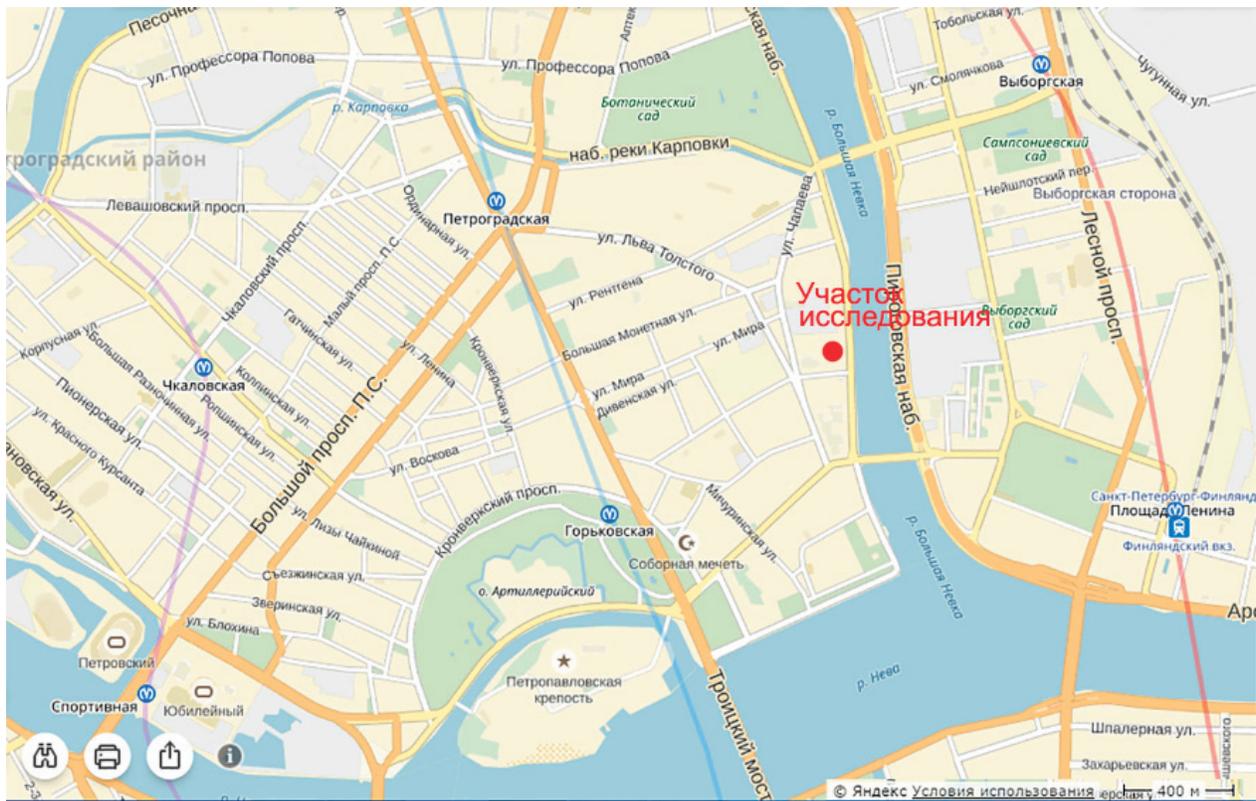

Рис. 1. Участок исследования на современной карте Петербурга

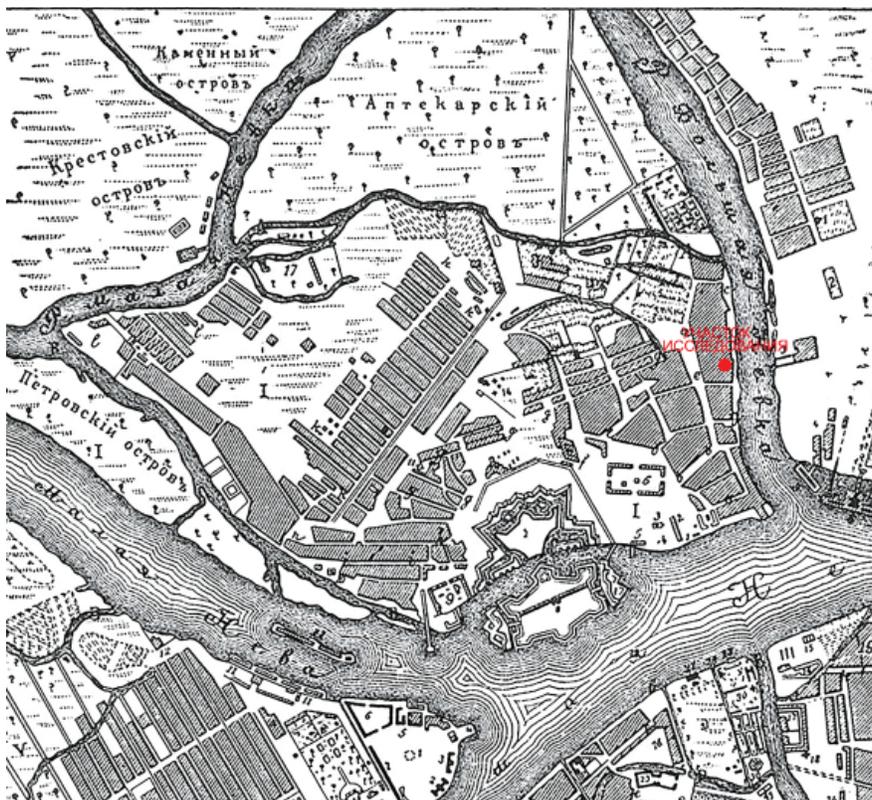

Рис. 2. Деревянная застройка участка исследования на «Плане г. С.Петербурга 1703–1738 гг.», составленным П. Петровым (фрагмент)

Рис. 3. Первые каменные строения в районе участка обследования на «Плане Петербургской части города С. Петербурга» 1861 г. (фрагмент)

техногенных слоях XIX в. найдены фрагменты керамики, осколки стеклянных бутылок зеленого цвета, фрагмент керамической бутылки конца XIX – начала XX в. от Рижского бальзама с клеймом овальной формы и надписью внутри: «КЕРКОВІУСЪ и КОМП * РИГА» (рис. 8: 1). В перемешанных слоях шурфа № 2 найдены: фрагмент фаянсовой аптечной (помадной) банки с надписью «НЕВСКАЯ АПТЕКА У АНИЧКОВА МОСТА» (рис. 8: 2), ручка костяной зубной щетки (рис. 9: 1) и костяная пуговица (рис. 9: 2).

В слоях второго жилого горизонта второй половины – конца XVIII в. – первой половины XIX в.

обнаружены находки из керамики, фарфора, стекла и кости. В составе керамических изделий представлены два фрагмента стебля так называемой голландской курительной белоглиняной трубки, донце цветочного красноглиняного горшка, фрагменты двух плоских красноглиняных мисок или цветочных поддонов, изнутри покрытых светло-желтой поливой, два венчика сосудов горшковидной формы, один из которых белоглиняный, другой красноглиняный с желто-зеленой поливой изнутри; два фрагмента красноглиняного голосника; обломок красноглиняного плосечного светильника (рис. 10). Следует упомянуть стенку бутылки из так называемой каменной массы с коричневой поливой

Рис. 4. Петроградская наб., д. 26–28, 2014 г.
Стратиграфия шурфа № 1

Рис. 5. Петроградская наб., д. 26–28, 2014 г.
Стратиграфия шурфа № 3

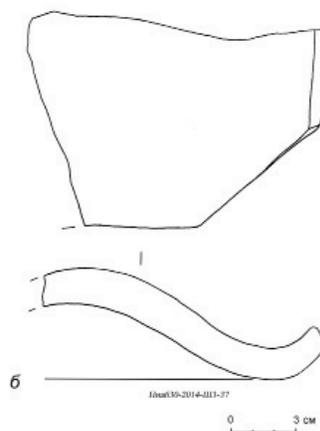

Рис. 6. Петроградская наб., д. 26–28, 2014 г. Шурф № 3. Фрагмент кровельной черепицы середины XVIII в. из ямы

Рис. 7. Петроградская наб., д. 26–28, 2014 г. Шурф № 3. Железные изделия середины XVIII в. из ямы

Рис. 8. Петроградская наб., д. 26–28, 2014 г. Находки из слоев XIX – начала XX в.: 1 – фрагмент керамической бутылки для рижского бальзама завода глиняных изделий «Керковиус & Ко»; 2 – фрагмент аптечной фаянсовой банки

Рис. 9. Петроградская наб., д. 26–28, 2014 г. Находки из перемешанных слоев: 1 – ручка костяной зубной щетки; 2 – костяная пуговица

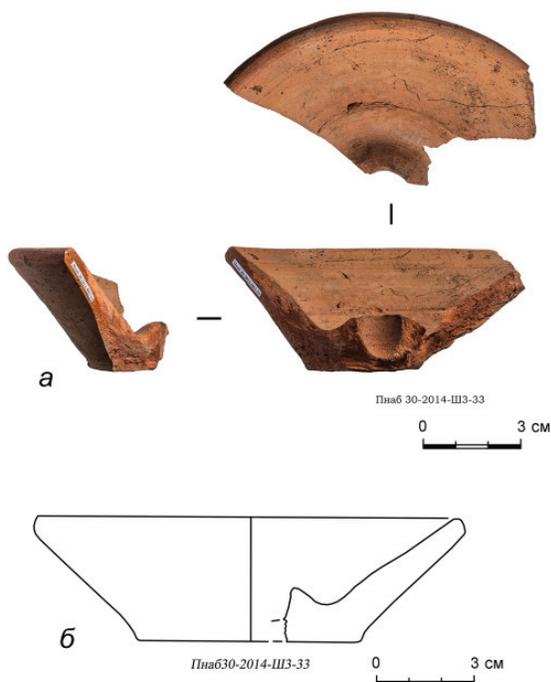

Рис. 10. Петроградская наб., д. 26–28, 2014 г. Глиняный плосечный светильник из слоя второй половины–конца XVIII – первой половины XIX в.

внутри и серо-коричневой снаружи. На внешней стороне стенки сохранилась часть клейма в виде тисненой надписи «ZOGTHUM N[ASSAU]». В таких глиняных бутылках с конца XVIII в. в Россию из Германии ввозилась сельтерская минеральная вода. Фарфоровые изделия представлены донцем блюда с белой глазурью снаружи и зеленым подглазурным изображением цветов в технике деколь внутри. На донце нанесено зеленое подглазурное клеймо с изображением двуглавого орла и надписью «Братьевъ Корниловы[хъ] въ С.Пе[тербурге]».

В том же слое найден фрагмент горлышка бутылки темно-зеленого цвета ручной работы и игральная кость, сделанная из первой фаланги крупного животного. Кость была просверлена, и внутрь залит свинец (рис. 11). На поверхности фаланги четко видны две параллельные прорезные линии, похожие на римскую цифру II, перечеркнутую слабыми прорезями, или на православный шестиконечный крест. На другой стороне кости прочерчена крестообразная отметка (рис. 12). Вне всякого сомнения, это игральная кость для игры в бабки. Согласно этнографическим сведениям, для некоторых игр кости, отобранные для биты, для большей тяжести заливались в просверленное углубление оловом или свинцом (Покровский, 1895. С. 320–321). В составе археологических материалов известны бабки с забитыми в отверстие железными гвоздями (Семенов, Смирнов, 2013. С. 180). Нашу находку также следует считать битой. Нанесенные на ней крестообразные изображения, возможно, являются знаками собственности или охранительно-магическими, помогавшими их владельцу в игре. В России в бабки играли как в деревнях, так и в городах (рис. 13).

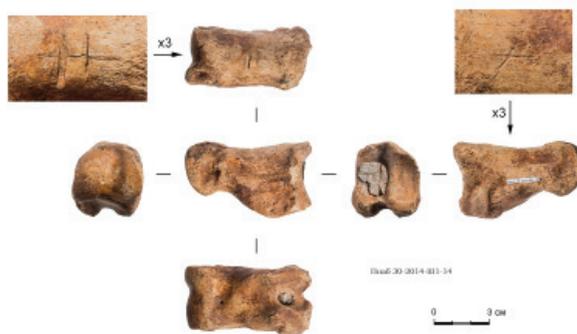

Рис. 11. Петроградская наб., д. 26–28, 2014 г. Игральная кость-бита с процарапанными знаками из слоя второй половины – конца XVIII – первой половины XIX в.

Рис. 12. Петроградская наб., д. 26–28, 2014 г. Игральная кость-бита с процарапанными знаками из слоя второй половины – конца XVIII – первой половины XIX в. (прорисовка)

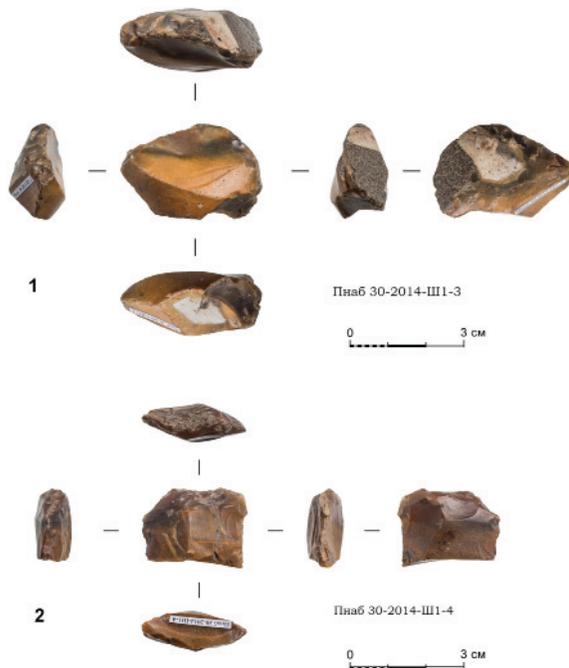

Рис. 14. Петроградская наб., д. 26–28, 2014 г. Находки из слоя начала XVIII – середины XVIII в.: 1 – кресальный кремль(?); 2 – ружейный кремль

Рис. 13. Игра в бабки в Москве. С гравюры Фридриха Дюрфеля XVIII в. (<http://www.kolizej.at.ua/>)

В слоях раннего (первого) горизонта обитания, датированных началом XVIII – серединой XVIII в., количество находок меньше. К ним относятся: фрагмент венчика красноглиняного сосуда со следами прозрачной поливы изнутри и снаружи, кресальный (?) и ружейный кремни (рис. 14), фрагмент стебля «голландской» курительной белоглиняной трубки. Отдельно следует выделить донце сероглиняного сосуда, покрытого изнутри темно-зеленой поливой, на наружной стороне которого процарапано «клеймо» (?) или знак в виде неровного круга с цифрой 6 или 9 (рис. 15).

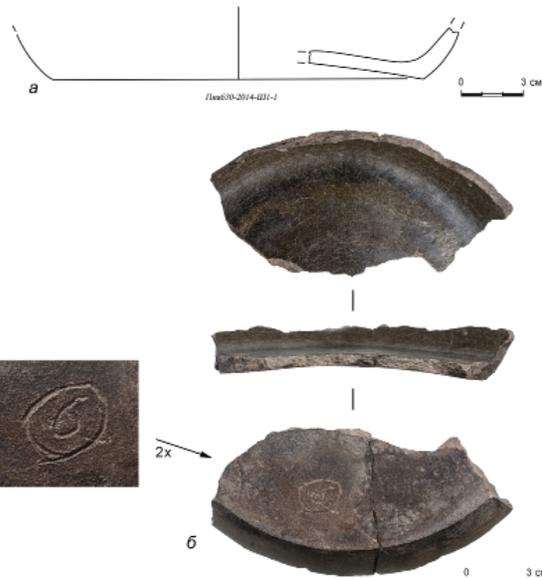

Рис. 15. Петроградская наб., д. 26–28, 2014 г. Находки из слоя начала XVIII – середины XVIII в.: донце сероглиняного сосуда с процарапанным знаком в виде круга с цифрой 6 или 9

Источники и литература

Кириков Б. М., Кирикова Л. А., Петрова О. В., 2006. Невский проспект. Дом за домом. М.; СПб.

Покровский Е. А. 1895. Детские игры, преимущественно русские. М., 1895. (Историческое наследие. СПб., 1994. Репринт).

Семенов С. А., Смирнов А.М., 2013. Исследования в урочище Ушково под Новгородом в 2011 г. // Бюллетень ИИМК РАН. СПб. № 3.

Раскопки «курганов» в Тосненском районе Ленинградской области

В. Ю. Соболев, К. В. Шмелев

В результате обследования территории, прилегающей к разрабатываемому песчаному карьеру «Брусова Гора», находящемуся на восточной окраине пос. Шапки Тосненского района Ленинградской области, были выявлены три неизвестные ранее невысокие насыпи, аналогичные по форме и размерам средневековым надгробным сооружениям. Топографическая ситуация – расположение вновь выявленных объектов на вершине холма в сосновом лесу – сближала их с известными на территории Новгородской земли погребальными памятниками эпохи раннего Средневековья или древнерусского времени.

На момент выявления насыпей в окрестностях пос. Шапки Тосненского района Ленинградской области был известен лишь один памятник археологии – монетный клад общим весом 29 фунтов, найденный при постройке железной дороги в 1910 г. (Лапшин, 1995). Его находка, казалось, намекала на возможность выявления поблизости и других объектов, относящихся к эпохам Средневековья и/или Нового времени. Обнаружение и археологическое исследование средневековых, судя по внешнему виду, казавшихся надгробными, насыпей выглядело, таким образом, логично и открывало перспективное направление исследований.

Раскопки были проведены Северо-Западной археологической экспедицией Научно-исследовательского института комплексных социальных исследований Санкт-Петербургского государственного университета в 2006 г.¹ Приведем описание исследованных объектов.

¹ В настоящее время, после организационных изменений, произошедших в СПбГУ в последние годы, она стала называться Северо-Западной археологической экспедицией Лаборатории археологии, исторической социологии и культурного наследия СПбГУ.

Насыпь № 1 находилась практически на краю существующего карьера, ее западная полая была засыпана отвалом и поваленным лесом – «вскрышей» расширяющегося карьера. Диаметр насыпи достигал 10 м, высота – около 0,40 м. Насыпи № 2 и 3 были диаметром около 8 м и высотой 0,40 м. Все они имели заплывшие повреждения, полученные от распашки лесопосадочной техникой, вокруг насыпей до раскопок заметны заплывшие ямы, из которых, по всей вероятности, и брался песок для их возведения. Вершина холма, включая располагавшиеся на нем насыпи, была распахана и засажена соснами.

Насыпь № 1 располагалась в западной части участка, в 2 м от восточного края существующего карьера. До раскопок насыпь имела округлую в плане форму диаметром 10 м и высоту около 0,40 м с углублением в центральной части. Раскопки выявили сложное строение насыпи (рис. 1; 2).

Под слоем дерна толщиной около 0,10 м залегала прослойка темно-серого гумусированного песка толщиной 0,40 м с отдельными вкраплениями мелких угольков и отдельными более крупными фрагментами нетолстых березовых бревен или горбыля, на которых кое-где сохранились фрагменты бересты. Ниже ее, по всей поверхности прослежена прослойка угля толщиной 0,10–0,20 м, отсутствовавшая только в западной полой насыпи. Ниже слоя угля залегал еще один слой гумусированного темного песка с включениями мелких угольков, толщиной 0,15–0,35 м, его подстилал слой погребенного дерна с прослойкой темно-серого гумусированного песка толщиной около 0,10 м, ниже которой залегал материк – плотный желтый местами прокаленный песок, приобретающий от действия огня розоватый цвет (рис. 2; 3).

В центре перекрытой насыпью площадки была открыта сложная система материковых ям, полностью

Рис. 3. «Брусова Гора» 2006 г. Производственное сооружение 1. Юго-восточный сектор раскопа. Вид с юго-востока

исследовать которые, к сожалению, не удалось, часть ям и их края оказались сильно нарушенными корнями росших на насыпи сосен (рис. 2; 3).

Под центральной частью насыпи исследована яма подпрямоугольной в плане формы размерами $4,40 \times 2,35$ – $2,45$ м и глубиной $0,30$ – $0,35$ м от поверхности материка, с вертикальными стенками и плоским дном, ориентированная длинной осью по линии юго-восток – северо-запад. Яма почти вся была заполнена кусками угля различных размеров и сильногумусированным почти черным песком. На дне ямы отчетливо заметны следы от лопат в виде небольших ямок полукруглой формы, также заполненных почти черным гумусированным песком (рис. 2; 3). Дно ямы – плотный желтый, местами прокаленный песок, приобретший от действия огня розоватый цвет.

К северной стенке ямы примыкала небольшая яма подпрямоугольной в плане формы размерами $1,00 \times 1,00$ м и глубиной $0,60$ м с вертикальными стенками и углубленной центральной частью, также заполненная темным гумусированным песком. В $0,22$ м к востоку от ее северо-восточного угла была исследована еще одна яма подпрямоугольной в плане формы, размерами $2,20 \times 0,82$ м и глубиной $0,35$ – $0,38$ м, ориентированная длинной стороной по линии восток – запад. Яма была заполнена темно-серым гумусированным песком, в заполнении встречены отдельные угли (рис. 2; 3).

К южной стенке центральной ямы с внутренней и внешней сторон примыкали две ямы подпрямоугольной и ромбической в плане формы, конические в разрезе, соединенные между собой. Размеры одной из них составили $1,50 \times 0,83$ м, а ее глубина –

$0,20$ м, размеры второй – $1,00 \times 0,82$ м, глубина – $0,35$ м, глубина перемычки – $0,15$ м. Обе ямы были заполнены темно-серым гумусированным песком с включениями фрагментов угля (рис. 2).

К югу от последних была расчищена яма с покатыми стенками и плоским дном, овальной в плане формы размерами $2,25 \times 1,05$ – $0,84$ м и глубиной $0,30$ м, вытянутая длинной осью по линии юго-восток – северо-запад. Заполнение ямы – темный гумусированный песок с вкраплениями мелких углей. К западной части ямы примыкала небольшая овальная в плане яма конусовидной в разрезе формы размерами $0,80 \times 0,60$ м и глубиной около $0,50$ м, заполненная темно-серым гумусированным песком, возможно, естественного происхождения.

В $1,05$ м к западу от нее была расчищена небольшая ямка овальной в плане формы, коническая в разрезе, размерами $0,75 \times 0,35$ м и глубиной $0,30$ м, вытянутая длинной стороной по линии северо-запад – юго-восток, заполненная темно-серым гумусированным песком.

В $0,60$ м к западу от нее была расчищена подквадратная в плане ямка размерами $0,48 \times 0,45$ м и глубиной $0,25$ м, заполненная темно-серым гумусированным песком.

В $0,50$ м к северу от последней была расчищена яма Т-образной формы с почти отвесными стенками и плоским дном. Короткая сторона ямы, вероятно, примыкала к западной стенке большой ямы, расчищенной под центральной частью насыпи, однако корни росшей над местом примыкания крупной сосны не позволили проследить и уверенно утверждать последнее. Сохранившаяся длина короткой стороны $0,50$ м, ширина $0,80$ – $0,47$ м, глубина $0,35$ м. Длинная сторона ямы имела подпрямоугольную в плане форму размерами $2,50 \times 0,54$ – $0,50$ м и глубину $0,30$ – $0,35$ м, была вытянута длинной осью по линии север – юг, заполнена темно-серым гумусированным песком (рис. 2; 3). К прогиволежащей, восточной стороне центральной ямы также примыкала яма сложной формы, размерами $2,00$ – $0,80 \times 2,00$ – $1,35$ м и глубиной $0,35$ м. Южная часть ямы также повреждена корнями росшей над ней сосны. Яма заполнена темно-серым гумусированным песком.

Этот объект может быть интерпретирован как «углежогная яма», или «углежогная куча», – производственное сооружение для получения древесного угля, широко применявшегося в первую очередь в кузнечном деле на протяжении Средневековья и Нового времени. Несмотря на значительные по-

вреждения, нанесенные сооружению корнями деревьев, исследованный объект можно реконструировать следующим образом. В центре площадки была выкопана прямоугольная яма, на дно которой уложены нетолстые березовые бревна или горбыль, еще один слой бревен или горбыля уложен на 0,20 м выше уровня погребенного дерна; в северном и южном бортах ямы дополнительно выкопали узкие канавки. К восточному и западному бортам были прокопаны дополнительные Т-образные канавки. По всей вероятности, все дополнительные ямки служили для доступа воздуха в нижнюю часть ямы. Сверху штабель дерева был перекрыт слоем песка. Назначение остальных ям не вполне ясно.

Возможной причиной того, что сооружение не было разобрано, а древесный уголь не был вынут, стало то, что часть штабеля вспыхнула вместо того, чтобы тлеть под слоем песка. Об этом, на наш взгляд, свидетельствует неоднородность найденных фрагментов дерева – от слегка обожженного до сильно обгоревшего, также на это может указывать прокаленность материка.

Археологических находок при раскопках не обнаружено. По всей вероятности, строительство этого сооружения предварительно может быть датировано концом Средневековья – эпохой Нового времени.

Насыпь № 2 располагалась в центральной части участка, отводимого под расширение карьера. Насыпь находится на территории, распаханной и засаженной соснами разных размеров (рис. 1; 4; 5). До раскопок насыпь имела округлую в плане форму диаметром около 8,00 м и высотой 0,30 м (рис. 4).

Раскопки выявили следующее строение насыпи. Под слоем дерна, мощность которого достигала 0,10–0,13 м, залегал слой серого гумусированного песка с отдельными мелкими угольками толщиной 0,40 м. В центре перекрытой насыпью площадки ниже этого слоя залегал материк – желтый плотный песок, тогда как по краям площадки была прослежена прослойка более темного гумусированного песка с вкраплениями отдельных угольков толщиной 0,20 м, которая, по всей вероятности, может быть интерпретирована как слой погребенного дерна.

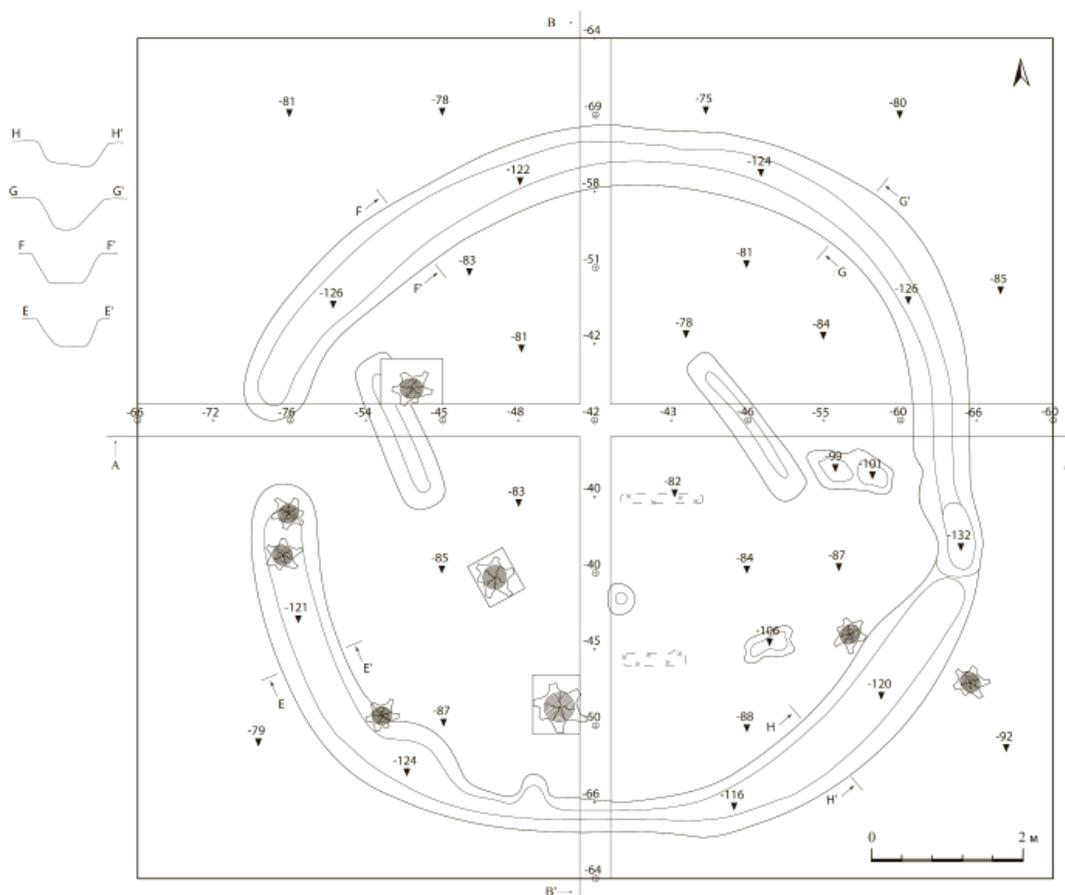

Рис. 4. «Брусова Гора» 2006 г. Производственное сооружение 2. План и разрезы

Рис. 5. «Брусова Гора» 2006 г. Производственное сооружение 2. Юго-восточный сектор раскопа. Вид с юга

В 2,32 м к западу от центрального кола была открыта яма подпрямоугольной в плане формы размерами 2,10 × 0,60 м и глубиной 0,25 м; стенки ямы покатые, дно плоское. Яма была ориентирована длинной осью по линии юго-восток – северо-запад, ее заполнение – темно-серый гумусированный песок.

В 1,68 м к востоку от центрального кола была открыта яма подпрямоугольной формы размерами 2,08 × 0,40–0,50 м и глубиной около 0,20 м от уровня материка. Яма ориентирована параллельно вышеописанной, длинной осью по линии северо-запад – юго-восток и также была заполнена серым гумусированным песком. Стенки ямы покатые, дно плоское.

В 0,15 м к востоку от юго-восточного угла вышеописанной ямы была раскрыта небольшая яма подпрямоугольной формы размерами 0,75 × 0,50 м, с пологими стенками, ориентированная длинной осью по линии восток – запад. В дне ямы устроены два углубления подпрямоугольной в плане формы размерами 0,35 × 0,32 м (западное) и 0,41 × 0,26 м (восточное), глубиной 0,12–0,14 м. Заполнение ямы – темно-серый гумусированный песок. В 1,63 м к югу от южного угла восточной ямы открыта яма неправильной трапециевидной формы размерами 0,60 × 0,31 м и глубиной 0,22 м с довольно пологими стенками и плоским дном, ориентированная длинной осью по линии восток – запад. Яма была заполнена темно-серым гумусированным песком.

В 2,36 м к югу от центрального кола была расчищена яма округлой в плане формы диаметром 0,35 м и глубиной 0,25 м, заполненная темным гумусированным песком, по всей вероятности, имевшая естественное происхождение. В 1,00 м

к югу от центрального кола на уровне материка прослежены остатки обожженного березового поляна в виде отдельных фрагментов угля и бересты размерами 1,08 × 0,12 м и толщиной 0,02 м. В 3,10 м к югу от центрального кола на уровне материка также прослежены отпечатки дерева на участке размерами 0,80 × 0,20 м.

Перекрытая насыпью площадка диаметром 8 м была окружена кольцевым рвом с разрывом в западной части (рис. 5). Ширина рва колебалась в пределах 1,10–0,85 м, а его глубина – 0,35–0,45 м. Стенки рва пологие, дно плоское, ширина разрыва в западной части составила 0,80 м. В южной и юго-восточной частях рва в его дне прослежено несколько полукруглых расширений и углублений, по всей вероятности, образованных корнями деревьев. Заполнение рва – темно-серый гумусированный песок.

Археологических находок при раскопках насыпи и рва не обнаружено. Вышеописанное сооружение могло быть использовано, как и предыдущее, в целях производства древесного угля, по всей вероятности, в Новое время.

Насыпь № 3 также была повреждена распашкой и засажена соснами. До раскопок представляла собой округлое в плане сооружение диаметром около 6 м и высотой 0,20–0,30 м от современной дневной поверхности, в центре которого прослежена заплывшая яма. Вся насыпь оказалась засаженной соснами.

В ходе раскопок выявлена структура насыпи (рис. 6). В ее центральной части под слоем дерна прослежена яма диаметром 2,00–2,50 м и глубиной 1,15 м от современной дневной поверхности, заполненная серым гумусированным песком вперемешку с лесным мусором. Насыпь состояла из серого гумусированного песка, ее толщина до уровня погребенного дерна составляла 0,10–0,25 м. Ниже залегал слой погребенного дерна – темного гумусированного песка толщиной 0,10–0,14 м, перекрывавшего материк – желтый плотный песок. В насыпи не обнаружено следов конструкций, а также археологических находок. Возможно, исследованная насыпь также являлась остатками производственного сооружения, аналогичного двум первым комплексам, или же образовалась в результате разрыва минометной мины, воронка от которой позднее была задернована и распаханна.

Уделяя столь пристальное внимание исследованным комплексам, следует отметить, что изготовление древесного угля – один из важнейших элементов

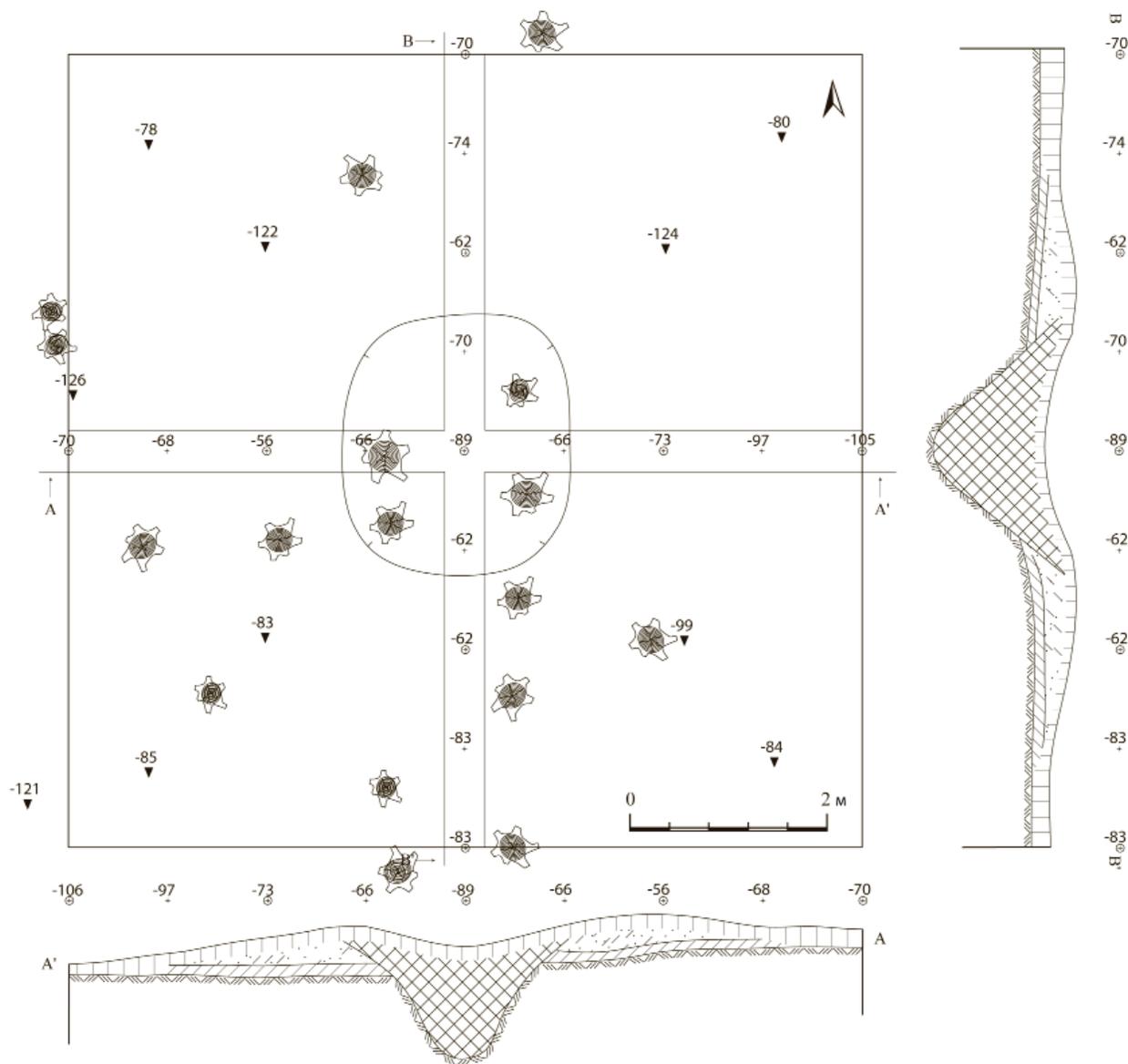

Рис. 6. «Брусова Гора» 2006 г. Производственное сооружение 3. План и разрезы

в технологической цепочке древнего металлургического производства. Среди множества работ, посвященных его изучению, как этнографических², так и исторических, на наш взгляд, важно выделить ряд сводных трудов по истории металлургии древнерусского и московского времени. Прежде всего, следует отметить исследования Б. А. Колчина (1949; 1953; 1959).

Большинство исследователей выделяет два основных способа производства угля – печной, харак-

терный для промышленного производства, и ямный, или «кучный», или «кабанный», применявшийся в качестве основного способа производства угля на протяжении всего периода существования кустарной металлургии (Крепостная мануфактура, 1931). Этот способ активно применялся населением Российского государства на протяжении последних столетий вплоть до этнографической современности во всех регионах, где сохранилось кустарное производство.

Получение древесного угля в этом случае характеризуется постройкой специальных сооружений – углежогных ям (или куч), представлявших собой наземные площадки или ямы округлой и

² В ряде регионов мира производство угля кустарным способом продолжается до настоящего времени или существовало в недалеком прошлом.

подпрямоугольной формы, снабженные вертикальной вытяжной трубой – «кабаном», с внутренними деревянными крепежными конструкциями и земляной засыпкой. Наиболее ранние сооружения подобного типа в Восточной Европе были прослежены на памятнике зарубинецкого времени у с. Лютеж в белорусском Полесье (Пачкова, 1970). Следует отметить, что авторы раскопок подчеркивали близость выявленных сооружений в виде округлых ям, заполненных углистым слоем, с углежогными конструкциями, известными по этнографии Полесья 1930-х гг. Для древнерусского времени достоверные углежогные ямы подпрямоугольной формы зафиксированы в районе Гнездово (Третьяков, 1973).

На территории Северо-Запада и Севера России также известны подобные сооружения, исследование которых проводилось в 1905–1908 гг. С. С. Гамченко, отметившим в окрестностях Сестрорецка 19 групп с 732 насыпями – так называемых Сестрорецких курганов. В целом было исследовано порядка 120 сооружений (Гамченко, 1906; 1908; 1909; 1913а; 1913б). Однако исследователь ошибочно принял углежогные кучи за погребальные памятники и даже попытался произвести реконструкцию погребального сооружения, представляя его в виде сожженной землянки со срубом или коническим шатром внутри.

В 1990-е гг. ряд сооружений описанного типа (группа насыпей в урочище Сосновая Гора) исследовалась П. Е. Сорокиным, подтвердившим производственное назначение «Сестрорецких курганов» и их датировку серединой XVIII – началом XIX в. (Сорокин, 1996). Концентрация ям в непосредственной близости от Сестрорецкого оружейного завода позволяет предположить, что, по всей вероятности, они сооружались для снабжения завода углем. В то же время следует отметить, что к началу XX в. они не воспринимались как объекты угледобычи и как сооружения, имеющие отношение к Сестрорецкому заводу. По крайней мере сотрудник завода С. С. Гамченко не имел ни малейшего представления об их происхождении.

Аналогичные сооружения для выделки древесного угля, функционировавшие при уральских заводах в XVIII в., описаны В. де Геннином (1937), строившим Сестрорецкий завод в начале XVIII в.

Производственные сооружения для получения древесного угля, вероятно, датируемые различным временем, в последние годы все чаще выявляются при работах по обследованию тех или иных территорий. Кроме описанных в нашей статье и приведенных в качестве аналогий исследован также ряд

сооружений углежогного промысла в Приладожье (Михайлова и др., 2008), на Русском Севере (Суворов, 2008), а так же на территории Карелии. Несколько аналогичных по конструкции сооружений было исследовано М. М. Шахновичем в Северной Карелии на о. Лиетесуари на озере Верхнее Куйто около д. Вокнаволок в 2008 г. (Шахнович, 2014). Автор интерпретировал раскопанные им сооружения как смолокурные ямы, однако по описанию они могут быть интерпретированы и как углежогные.

Три схожих по размерам и конструкции сооружения были исследованы в сезоне 2015 г. сотрудниками Северо-Западной археологической экспедиции Лаборатории археологии, исторической социологии и культурного наследия СПбГУ в районе крепости Тронгсунд (Trångsund), ныне г. Высоцк Выборского района Ленинградской области. Еще пять производственных сооружений похожего типа, обнаруженные при разведочном обследовании земельного участка, отводимого под строительство газоперерабатывающего завода на юго-западной окраине города Петрозаводска, раскопаны в сезоне 2016 г. сотрудниками СЗАЭ Лаборатории археологии, исторической социологии и культурного наследия СПбГУ.

Как показали наши исследования, углежогные сооружения отличались друг от друга формой и размерами и имели разную конструкцию. Являются ли указанные отличия хронологическими или региональными, какова детальная хронология и география распространения данного типа памятников можно будет понять при дальнейшем их изучении.

Источники и литература

- Геннин В. де, 1937. Описание уральских и сибирских заводов. М.
- Гамченко С. С., 1906. Работы в районе Сестрорецкого Разлива // РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Д. 12.
- Гамченко С. С., 1908. О раскопках в районе Сестрорецкого Разлива // РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Д. 71.
- Гамченко С. С., 1909. Исследования Сестрорецких курганов в 1907 г. // Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества. СПб. Т. 8. Вып. 2.

- Гамченко С. С., 1913а. О раскопках в Санкт-Петербургской губернии // РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Д. 224.
- Гамченко С. С., 1913б. Исследования Сестрорецких курганов в 1908 г. // Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества. СПб. Т. 9.
- Колчин Б. А., 1949. Обработка железа в Московском государстве в XVI в. // Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. 2. М.; Л. (МИА. № 12).
- Колчин Б. А., 1953. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси // МИА. М., № 32.
- Колчин Б. А., 1959. Железообрабатывающее производство Новгорода Великого // МИА. М. № 65.
- Крепостная мануфактура в России. М. 1931. Ч. II.
- Лапшин В. А., 1995. Археологическая карта Ленинградской области. СПб. Ч. II: Восточные и северные районы.
- Михайлова Е. Р., Кузьмин С. Л., Бехтер А. В., 2008. Курганная группа у д. Горелуха – памятник приладожской курганной культуры // Исследования археологических памятников эпохи средневековья. СПб.
- Пачкова С. П., 1970. Металлургический комплекс зарубинецкой культуры у с. Лютеж // СА. 1970. № 1.
- Сорокин П. Е., 1996. Археологические исследования и проблемы сохранения культурного слоя на территории Санкт-Петербурга // Археология Петербурга. СПб.
- Суворов А. В., 2008. Новые археологические исследования объектов углежогого промысла в Вологодской и Архангельской областях // Русский Север: вариативность развития в контексте исторического и социально-философского осмысления. Вологда.
- Третьяков П. Н., 1973. Ямы углежогов XIV–XVI вв. в верхнем Поднепровье // КСИА. № 135.
- Шахнович М. М., 2014. «Лопарские ямы» Северной Карелии, или О смолокурении в позднем Средневековье // Археология Севера. Череповец. Вып. 5.

Исследования в Санкт-Петербурге в 2016 г.

К. С. Хребтикова

В 2016 г. отряд Санкт-Петербургской городской археологической экспедиции ИИМК РАН под руководством К. С. Хребтиковой и С. А. Семенова провел шесть археологических исследований по хозяйственным договорам в Петроградском и Выборгском районах Санкт-Петербурга, на территории г. Кронштадт. В полевых работах отряда принимали участие сотрудники ИИМК: Е. К. Блохин, Е. В. Журбин.

г. Санкт-Петербург, Большой Сампсониевский пр., д. 66 (рис. 1: 1)

При проведении археологических исследований в границах отведенного земельного участка по адресу: г. Санкт-Петербург, Выборгский район, Большой Сампсониевский проспект, д. 66, площадью 6,58 га в шурфах 1–7 было обнаружено: шурфы 2 и 3 содержали фрагменты переотложенного исторического культурного слоя XIX – начала XX в., фрагменты бутовых и кирпичных кладок, типичных для рядовой застройки XIX в.; шурфы 1, 4–7 не содержали каких-либо исторических конструкций, культурного слоя и археологических находок. Исторический культурный слой в шурфах 2 и 3 в значительной степени поврежден строительными работами, проводившимися на протяжении XX в., и частыми наводнениями. Обнаруженные фрагменты кладок сильно фрагментированы и не представляют интерес в научном плане. В ходе работ было собрано 16 артефактов (все они происходят из шурфа 2). В коллекцию находок вошли изделия из красноглиняной и белоглиняной керамики, кожи, стекла, фаянса – типичные предметы быта городского населения XIX – начала XX в.

г. Санкт-Петербург, ул. Вязовая, д. 4, лит. А, Б, В (рис. 1: 2)

В июне 2016 г. сотрудниками ИИМК РАН были проведены научно-исследовательские археологические работы (археологические разведки) в виде историко-культурного научного археологического обследования

объекта в рамках выполнения «Реконструкций и нового строительства объектов недвижимости учебно-спортивного центра «Знамя» (с приспособлением под современное использование выявленного объекта культурного наследия) по адресу: г. Санкт-Петербург, Петроградский район, ул. Вязовая, д. 4, лит. А, Б, В». При проведении археологических исследований в границах отведенного земельного участка площадью 3,82 га было заложено шесть разведывательных шурфов размерами 2,00 × 2,00 м, общая площадь шурфов составила 24 кв. м. В результате проведения полевых археологических работ в шурфах 1–6 были выявлены фрагменты переотложенного исторического культурного слоя, содержащие предметы быта городского населения XIX в., а также в шурфе 1 – элементы кирпичной и деревянной построек XIX в. Кирпичный столб, скорее всего, являлся основанием деревянной постройки, вымостка из кирпичей могла служить своеобразным полом подвального помещения дома. Фрагмент деревянной постройки, обнаруженный в шурфе 1 на уровне материка, плохой сохранности и не представляет собой целой конструкции. Исторический культурный слой во всех шурфах в значительной степени поврежден строительными работами, проводившимися на протяжении XX в., и частыми наводнениями; исторические конструкции, представляющие интерес в научном плане, подлежащие дополнительным археологическим исследованиям, отсутствуют. В коллекцию находок вошло 189 единиц хранения (146 индивидуальных номеров находок), среди которых фрагментированные изделия из керамики, стекла, фарфора, фаянса, металла и др. – типичные находки культурного слоя окраины Петербурга XIX в.

г. Санкт-Петербург, г. Кронштадт (четыре объекта) (рис 1: 3, 4, 5, 6)

В октябре–ноябре 2016 г. сотрудниками ИИМК РАН были проведены научно-исследовательские археологические работы (разведки) в виде исто-

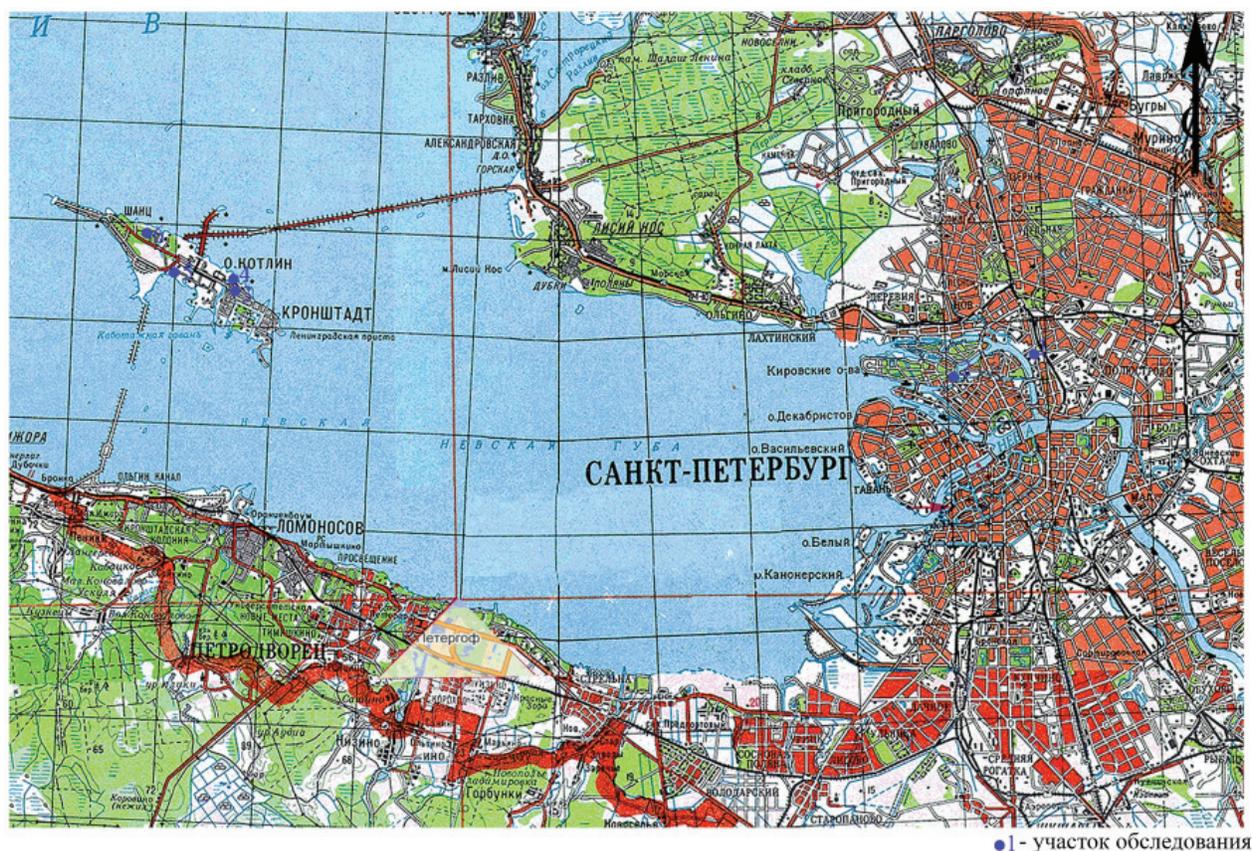

Рис. 1. Участки обследования на карте Санкт-Петербурга: 1 – Б. Сампсониевский пр., д. 66; 2 – ул. Вязовая, д. 4, лит. А, Б, В; 3 – г. Кронштадт, Кронштадтская ул., д. 19; 4 – г. Кронштадт, Кронштадтское шоссе, д. 7, лит. В; 5 – г. Кронштадт, Цитадельское шоссе, д. 38, 40; 6 – г. Кронштадт, Кронштадтское шоссе, д. 33, лит. А

рико-культурного научного археологического обследования на объекте по адресу: г. Санкт-Петербург, г. Кронштадт, ул. Кронштадтская, д. 19 (рис. 1: 3). Площадь участка обследования составляет 8490 кв. м, участок находится в юго-западной части г. Кронштадт, на острове Котлин, в 27 км к западу от Санкт-Петербурга, внутри жилого квартала, ограниченного ул. Посадская, Владимирская, Восстания и пр. Ленина, и в 82 м на северо-восток от перекрестка ул. Владимирской с ул. Посадской. При проведении археологических исследований в границах отведенного земельного участка было заложено шесть разведывательных шурфов размерами 2,00 × 2,00 м, общая площадь шурфов составила 24 кв. м. В результате проведения археологического обследования в шурфах 1–6 были выявлены участки культурного слоя XIX в., однако они не представляют интереса в научном плане и не требуют дополнительных исследований. Коллекция, собранная в процессе работ, насчитывает 121 единицу хранения (105 индивидуальных номеров находок), представляющих собой типичные находки культурного слоя Петербурга XIX в. В большинст-

ве своем изделия представлены фрагментарно и какой-либо историко-культурной ценности не представляют.

В октябре–ноябре 2016 г. сотрудниками ИИМК РАН были проведены научно-исследовательские археологические работы (разведки) в виде историко-культурного научного археологического обследования на объекте по адресу: г. Санкт-Петербург, г. Кронштадт, Кронштадтское шоссе, д. 7в (рис. 1: 4). Площадь участка обследования составляет 10026 кв. м. Исследуемый участок находится в юго-западной части г. Кронштадт, на острове Котлин, в 27 км к западу от Санкт-Петербурга, в 93 м на восток от заправки ПТК и в 76 м на север от стелы «Город воинской славы», установленной в Партерном саду г. Кронштадт на берегу Кронверкского канала. С юга и востока участок обследования ограничен Кронверкским каналом, с севера – складским комплексом «Адмирал», с запада – транспортной базой УНР-519. Участок обследования расположен в охранной зоне крепостного оборонительного рва, построенного в 1710–1724 гг. и перестроенного в 1761–1764 гг. и

1825–1827 гг. В XX в. на территории обследования располагался 57-й военный городок, до недавнего времени там функционировала транспортная база ГУП Министерства обороны РФ «67 УНР».

При проведении археологических исследований в границах отведенного земельного участка было заложено шесть разведывательных шурфов размерами 2,00 × 2,00 м, общая площадь шурфов составила 24 кв. м. В результате проведения археологического обследования в шурфах 4 и 5 были выявлены участки погребенной почвы XIX в. (слой торфа), не представляющие интереса в научном плане и не требующие дополнительных исследований. Коллекция, собранная в процессе работ, насчитывает восемь индивидуальных номеров, представляющих собой типичные находки культурного слоя Петербурга XIX в. В большинстве своем изделия представлены фрагментарно и какой-либо историко-культурной ценности не представляют.

В октябре–ноябре 2016 г. сотрудниками ИИМК РАН были проведены научно-исследовательские археологические работы (разведки) в виде историко-культурного научного археологического обследования на объекте по адресу: г. Санкт-Петербург, г. Кронштадт, Цитадельское шоссе, д. 38, 40 (рис. 1: 5). Площадь участка составляет 7,9 га, он расположен на территории выявленного объекта культурного наследия под названием «Люнет Литке (комплекс): рвы и валы». Люнет Литке расположен на Южной Кронштадтской дороге. Эта территория имела важное стратегическое значение в обороне Кронштадта, создание укреплений на ней планировалось с петровских времен (генплан 1721 г.). В 1850-х гг. в этом месте была построена батарея № 2 «Адмирал Литке», игравшая важную роль в обороне южного фарватера. В 1863–1864 гг. батарея была перестроена в люнет Литке. Батарея также входила в состав передовой линии укреплений, вынесенных западнее валов основной цитадели, проходившей поперек косы, вдоль редута «Ден», люнетов Политковского и Швебс. Люнет Литке выступал в роли южного рубежа этой линии. Кроме того, люнет был связан с обороной и обеспечением мощнейшего форта «Константин», находился около начала ведущей на него дамбы. В 1892 г. люнет был приспособлен для устройства Минного городка с размещением пороховых погребов, складов влажного пироксилина и минных принадлежностей. К 1894 г. были проложены железнодорожные подъездные пути. В 1900 г. на люнет перенесены с рифа косы минная станция и сарай для локомотива. Севернее люнета устроены три барака крепостных пехотных батальонов.

В 1910-х гг. в районе люнета Литке построены канал и гавань с металлическим ангаром для минных катеров, перестроен Южный минный склад. На генплане Кронштадтской косы 1915 г. данная территория обозначена как Минный городок с Минной пристанью, связанный с территорией соседней Минной роты и фортом «Константин» железной дорогой.

Исследуемый участок находится в юго-западной части г. Кронштадт, на острове Котлин, в 27 км к западу от Санкт-Петербурга и в 160 м на юго-восток от Южной Кронштадтской дороги. С юга участок ограничен гаванью Базы Литке, с юго-запада – паромно-перегрузочным терминалом ООО «Моби Дик», с юго-востока – парковым комплексом, связанным с историческим районом Кронштадта «Морское селение», с севера и северо-востока – Цитадельским шоссе и 19-м жилым районом г. Кронштадт. Поверхность участка обследования представляет собой залесенную (ольха, осина) местность, сильно заболоченную, со средним перепадом высот около 1,50–2,00 м, местами достигающим до 10 м. Рельеф участка в связи со строительством в XIX в. земляных оборонительных сооружений носит выраженный пересеченный характер. Остатки земляных валов Люнета Литке расположены в восточной, южной, северо-западной и северо-восточной частях участка обследования, вдоль них расположены рвы, заполненные водой, на территории площадки сохранились частично руинированные каменные постройки XIX в., пороховые погреба. При проведении археологических исследований в границах отведенного земельного участка было заложено шесть разведывательных шурфов размерами 2,00 × 2,00 м, общая площадь шурфов составила 24 кв. м. В результате проведения археологического обследования на территории выявленного объекта культурного наследия «Люнет Литке (комплекс): рвы и валы» в шурфах 1–6 не было обнаружено исторически значимого культурного слоя.

В ноябре 2016 г. сотрудниками ИИМК РАН были проведены научно-исследовательские археологические работы (разведки) в виде историко-культурного научного археологического обследования на объекте по адресу: г. Санкт-Петербург, г. Кронштадт, Кронштадтское шоссе, д. 33, лит. А (рис. 1: 6). Площадь участка составляет 3,1 га. Территория участка обследования, судя по историческим планам, начала осваиваться еще в XVIII в. В XIX в. она была расположена вблизи Кронштадтской дороги, на пути к Александровской батарее и форту Александр, с конца XIX в. с востока

от участка обследования стало формироваться Русское кладбище с церковью Св. Троицы. В настоящее время на всей территории обследования расположены склад временного хранения ООО «Корунд Терминал», Кронштадтский таможенный пост, ОТОиТК № 2, Балтийская таможня. Ранее, во второй половине – конце XX в. в этом месте находилась позиция зенитно-ракетного дивизиона «Иранец», бывшей 82-й бригады (по состоянию на 1973–1975 гг.).

При проведении археологических исследований в границах отведенного земельного участка было заложено четыре разведывательных шурфа размерами 2,00 × 2,00 м, общая площадь шурфов составила 16 кв. м. В результате проведения научно-исследовательского археологического обследования в шурфах 1–4 были обнаружены мощные почвенные слои, образованные строительным мусором XX в., которые перекрывали болотистые почвы естественного происхождения. Наличие исторического культурного слоя (старше 100 лет) и артефактов, исторических поселений, могильников или иных памятников археологии (объектов археологического наследия) не установлено.

Исследования в Ленинградской области в 2016 г.

К. С. Хребтикова

В 2016 г. отряд Ленинградской областной экспедиции ИИМК РАН под руководством К. С. Хребтиковой, С. А. Семенова, Ст. А. Васильева, Н. Ф. Соловьевой и А. Ю. Городилова провел 13 археологических исследований по хозяйственным договорам в пяти районах Ленинградской области: Всеволожском, Кингисеппском, Гатчинском, Тосненском и Подпорожском. В полевых работах отряда принимали участие сотрудники ИИМК: Е. К. Блохин, Е. В. Журбин.

Всеволожский район (восемь объектов) пос. Бугры (рис. 1: 1)

При проведении археологических исследований в границах отведенного земельного участка, предназначенного для строительства автоматизированной газовой котельной, тепловых сетей и сетей водоснабжения и водоотведения от автоматизированной газовой котельной в поселке Бугры, было заложено четыре разведывательных археологических шурфа размерами 2,00 × 2,00 м каждый и общей площадью 16 кв. м. В результате проведения полевых археологических работ во всех шурфах были зафиксированы почвенные слои, связанные с развитием сельского хозяйства окраины поселка; в шурфе 1 в пахотном слое обнаружены четыре находки, датируемые началом – концом XX в. Признаков культурного слоя и каких-либо исторических конструкций на территории обследованного земельного участка обнаружено не было.

Индустриальный парк «Кола» (рис. 1: 2)

При проведении археологических исследований в границах отведенных земельных участков, необходимых для размещения (строительства) линейных объектов – наружных сетей газоснабжения, водоснабжения, водоотведения и связи объекта регионального значения Индустриальный парк «Кола», протяженностью 1,4 км, было заложено два разведывательных археологических шурфа размерами 2,00 × 2,00 м каждый и общей площадью 8 кв. м. В результате проведения полевых археологических работ

во всех шурфах были зафиксированы характерные для Ленинградской области почвенные слои. Наличие исторического культурного слоя (старше 100 лет) и артефактов, исторических поселений, могильников или иных памятников археологии (объектов археологического наследия) не установлено.

д. Новое Девяткино, у дома № 75 (рис. 1: 3)

При проведении археологических исследований в границах отведенного земельного участка под проектирование объекта «Многоквартирный жилой дом со встроенными помещениями» по адресу Ленинградская область, Всеволожский район, Новодевяткинское сельское поселение, д. Новое Девяткино, у д. № 75, общей площадью 1,3 га, было заложено два разведывательных археологических шурфа. В результате проведения полевых археологических работ в шурфах 1 и 2 были зафиксированы характерные для Ленинградской области почвенные слои. Наличие исторического культурного слоя (старше 100 лет) и артефактов, исторических поселений, могильников или иных памятников археологии (объектов археологического наследия) не установлено.

д. Новосаратовка (3 объекта) (рис. 1: 4, 5, 6)

При проведении археологических исследований в границах отведенного земельного участка под проектирование объекта «Массив малоэтажной многоквартирной блокированной жилой застройки с элементами сервисной инфраструктуры (школы, ДДУ, торговый комплекс)» по адресу Ленинградская область, Всеволожский район, д. Новосаратовка, общей площадью 38 га было заложено 20 разведывательных археологических шурфов размерами 2,00 × 2,00 м каждый и общей площадью 80 кв. м (рис. 1: 4). В результате проведения полевых археологических работ в шурфах 1–8 зафиксированы насыпные грунты XX в. толщиной 1,80 м, включающие в себя фрагменты

● 1 - участок обследования

Рис. 1. Участки обследования на карте Ленинградской области: 1 – пос. Бугры; 2 – Индустриальный парк «Кола»; 3 – д. Новое Девяткино, у д. № 75; 4–6 – д. Новосаратовка (три объекта); 7 – д. Скотное; 8 – д. Янино; 9 – г. Гатчина; 10 – д. Ивановка; 11 – д. Федоровское; 12 – морской порт Усть-Луга

строительного мусора, кирпичей, резиновых изделий и пропитанные мазутом; в шурфах 9–20 зафиксированы почвенные слои, связанные с развитием сельского хозяйства окраины поселка Красная Заря. Признаков культурного слоя и каких-либо исторических конструкций на территории обследованного земельного участка не обнаружено.

При проведении археологических исследований в границах отведенного земельного участка под проектирование объекта «Инженерная подготовка территории объекта по адресу: Ленинградская область, Всеволожский район, д. Новосаратовка, центральное отделение, кадастровый номер 47:07:0605001:458» общей площадью 23,84 га, было заложено семь разведывательных археологических шурфов размерами 2,00 × 2,00 м каждый и общей площадью 24 кв. м (рис. 1: 5). В результате проведения полевых археологических работ в шурфах 1–7 были зафиксированы почвенные слои, связанные с развитием сельского хозяйства окраины д. Новосаратовка; в шурфе 4 обнаружен дерново-почвенный слой, характерный

для подзолисто-глинистых почв Ленинградской области. Признаков культурного слоя и каких-либо исторических конструкций на территории обследованного земельного участка не обнаружено.

При проведении археологических исследований в границах отведенного земельного участка под проектирование объекта «Наружные сети водоснабжения и канализации Квартала блокированной застройки «Невская усадьба», находящегося по адресу: Ленинградская область, Всеволожский район, д. Новосаратовка, центральное отделение», в ноябре 2016 г. на участке протяженностью 5207 м и площадью 23,9 га было заложено семь разведывательных археологических шурфов размерами 2,00 × 2,00 м каждый и общей площадью 24 кв. м (рис. 1: 6). В результате проведения полевых археологических работ в шурфах 1–2, 4–5 были обнаружены характерные для Ленинградской области почвенные слои, в шурфах 3, 6 – насыпные грунты, образованные строительным мусором XX в. Наличие исторического культурного слоя (старше 100 лет) и артефактов, исторических поселений, могильников или иных

памятников археологии (объектов археологического наследия) не установлено.

д. Скотное (рис. 1: 7)

При проведении археологических исследований в границах отведенного земельного участка, отходящего под проектирование объекта «Многоквартирные жилые дома по адресу: Ленинградская область, Всеволожский район, Агалатовское сельское поселение, д. Скотное» общей площадью 2,9 га, было заложено четыре шурфа размерами 2,00 × 2,00 м общей площадью 16 кв. м. В результате проведения полевых археологических работ в шурфах 1–4 были обнаружены мощные почвенные слои, образованные строительным мусором XX в., которые перекрывали характерные для Ленинградской области супесчаные почвы. Наличие исторического культурного слоя (старше 100 лет) и артефактов, исторических поселений, могильников или иных памятников археологии (объектов археологического наследия) не установлено.

д. Янино (рис. 1: 8)

При проведении археологических исследований в границах земельного участка по адресу: Ленинградская область, Всеволожский район, Заневское сельское поселение, д. Янино, уч. 1Д, кадастровый номер земельного участка 47:07:1005005:60 было заложено два шурфа размерами 2,00 × 2,00 м общей площадью 18 кв. м. В результате проведения полевых археологических работ в шурфе 1 были зафиксированы супесчаные и песчаные грунты природного происхождения, в шурфе 2 обнаружены насыпные грунты XX в. толщиной 2,25 м, включающие в себя фрагменты строительного мусора, кирпичей, резиновых изделий, бетонных плит и балок. Признаков объекта археологического наследия и каких-либо археологических находок на территории обследованного земельного участка не обнаружено.

г. Гатчина (один объект) (рис. 1: 9)

При проведении археологических исследований в границах отведенного земельного участка под проектирование объекта «Проектирование строительства общежития Государственного бюджетного образовательного учреждения Ленинградской области «Гатчинский педагогический колледж им. К. Д. Ушинского» на 300 мест», находящегося по адресу: Ленинградская область, г. Гатчина, ул. Рошинская, д. 7», общей площадью 8946 кв. м, в шурфах 1–2 были зафиксированы техногенные насыпные грунты XX в. Признаков культурного слоя, как и каких-либо исторических конструкций на территории обследованного земельного участка не было обнаружено.

Гатчинский район, д. Ивановка (один объект) (рис. 1: 10)

При проведении археологических исследований в границах отведенного земельного участка под проектирование объекта «Полигон собственных отходов АО «КНАУФ ПЕТРОБОРД», третья очередь строительства (расширение действующего полигона)» на земельном участке вблизи д. Ивановка Гатчинского района Ленинградской области, общей площадью 19,79 га в шурфах 1–9 были зафиксированы характерные для Ленинградской области почвенные слои. Наличие исторического культурного слоя (старше 100 лет) и артефактов, исторических поселений, могильников или иных памятников археологии (объектов археологического наследия) не установлено.

Подпорожский район, г. Подпорожье (один объект)

При проведении археологических исследований в границах отведенного земельного участка, по адресу: Ленинградская область, Подпорожский район, г. Подпорожье, пр. Кирова, д. 25а, было сделано визуальное обследование территории участка площадью 6,1 га и в его западной части заложен один шурф размерами 2,00 × 2,00 м, общей площадью 4 кв. м. В шурфе обнаружены супесчаные грунты природного происхождения, характерные для почв Ленинградской области. Наличие исторического культурного слоя (старше 100 лет) и артефактов, исторических поселений, могильников или иных памятников археологии (объектов археологического наследия) не установлено.

Тосненский район (один объект) (рис. 1: 11)

При проведении археологических исследований в границах отведенного земельного участка под проектирование объекта: «Канализационные очистные сооружения хозяйственно-бытовых и сточных вод производительностью 10000 куб. м/сут. «Федоровское» по адресу: Ленинградская область, Тосненский район, д. Федоровское» площадью 3,3 га в шурфах 1–2 были зафиксированы характерные для Ленинградской области почвенные слои. Наличие исторического культурного слоя (старше 100 лет) и артефактов, исторических поселений, могильников или иных памятников археологии (объектов археологического наследия) не установлено.

Кингисеппский район (один объект) (рис. 1: 12)

При проведении археологических исследований на территории и акватории объекта «Терминал по перевалке минеральных удобрений в Морском торговом порту Усть-Луга. Все этапы развития» площадью 2,7 га, в шурфах 1–3 были обнару-

жены мощные почвенные слои, образованные крупнозернистым песком, характерным для естественного берегового намыва Финского залива. Наличие исторического культурного слоя (старше 100 лет) и артефактов, исторических поселений, могильников или иных памятников археологии не установлено.

Археологические исследования на северо-западе России

Могильник Сторожинец в Восточном Причудье: курганы с сожжениями (исследования 1988–1990 гг.)

С. Г. Попов

На восточном побережье Чудского озера погребальные древности представлены разнообразными могильниками, относящимися в основном к концу X – XVI в. Непосредственно в прибрежной полосе выявлено лишь три памятника, содержащих достоверно относящиеся к культуре длинных курганов насыпи (Залахтовье, Сторожинец и Сорокина Горка-1). Могильник Сторожинец можно считать одним из самых значительных памятников второй половины I тыс. на северо-западных рубежах ареала распространения культуры длинных курганов (Попов, 1995а; 1997). Однако при многолетних раскопках выяснилось, что в его состав входят и курганы с поздними сожжениями конца X – середины XI в. с многочисленным инвентарем типа «домиков мертвых» в Залахтовье, а также впускные грунтовые труположения древнерусского времени (Попов, 1995б)¹.

Могильник расположен в 0,15 км к юго-юго-западу от городища, в 1 км к северо-востоку от д. Сторожинец. Курганы вытянуты двумя-тремя цепочками вдоль дорог, идущих параллельно по гребню песчаной возвышенности на краю надпойменной террасы (рис. 1). Могильник входит в один комплекс с городищем, на котором нами в течение ряда лет проводились раскопки (Попов, 1989а; 2008), и двумя селищами, расположенными на берегах озера Речицкое.

Древний некрополь был открыт в 1978 г. Гдовским отрядом ЛОИА АН СССР под руководством Н. В. Хвоцинской (Хвоцинская, 1978), отметившей на

¹ Эта статья является в определенной степени переизданием публикации в Эстонии (Попов, 2015. С. 90–143). Эстонское издание, доступное не всем исследователям длинных курганов на Северо-Западе России, вызвало значительный интерес. Было решено опубликовать результаты наших работ с незначительными дополнениями в России.

плане 14 курганов, два из которых были разрушены. В 1986 г. нами произведена детальная съемка могильника (Попов, 1986). Зафиксировано 36 курганов², частично пострадавших от разездов дорог и хозяйственной деятельности. Могильник, по тем данным, состоял из семи длинных, пяти удлинённых, шести полусферических, 11 сравнительно низких круглых и семи неопределённой формы частично нарушенных насыпей. Возможно, изначально их было больше. В 1986 г. открыты и зафиксированы селища Сторожинец-1 и 2 (Попов, 1986).

Раскопки начались в 1988 г. в наиболее сохранившейся северо-восточной части могильника. Исследованы курган № 7 и погребение в разрушенном кургане № 15 (Попов, 1988). В 1989 г. изучен удлинённый курган № 2 (Попов, 1989б). В 1990 г. исследован длинный курган № 25 в центральной части могильника и часть разрушенного кургана № 37, комплексы которого выявлены только на уровне материка. В этот же год исследован курган № 3, полностью изменивший представления об общей структуре и хронологии могильника (Попов, 1990). Низкая насыпь кургана перекрывала поздние сожжения с материалами, соответствующими «домикам мертвых» Залахтовского могильника. В курган № 3 и рядом с ним в материк были впускены три труположения с инвентарем «новгородского типа» XI–XIII вв.

Весной 1991 г. с юго-западной и юго-восточной сторон могильник был нарушен подготовительными работами по строительству новой дороги на д. Сторожинец. Эта «деятельность» псковской и гдовской дорожно-строительных организаций была остановлена Псковским управлением культуры³. В 1991 г.

² Курган № 37 выявлен лишь при раскопках 1990 г.

³ Новая дорога на д. Сторожинец прошла вдоль южной окраины могильника.

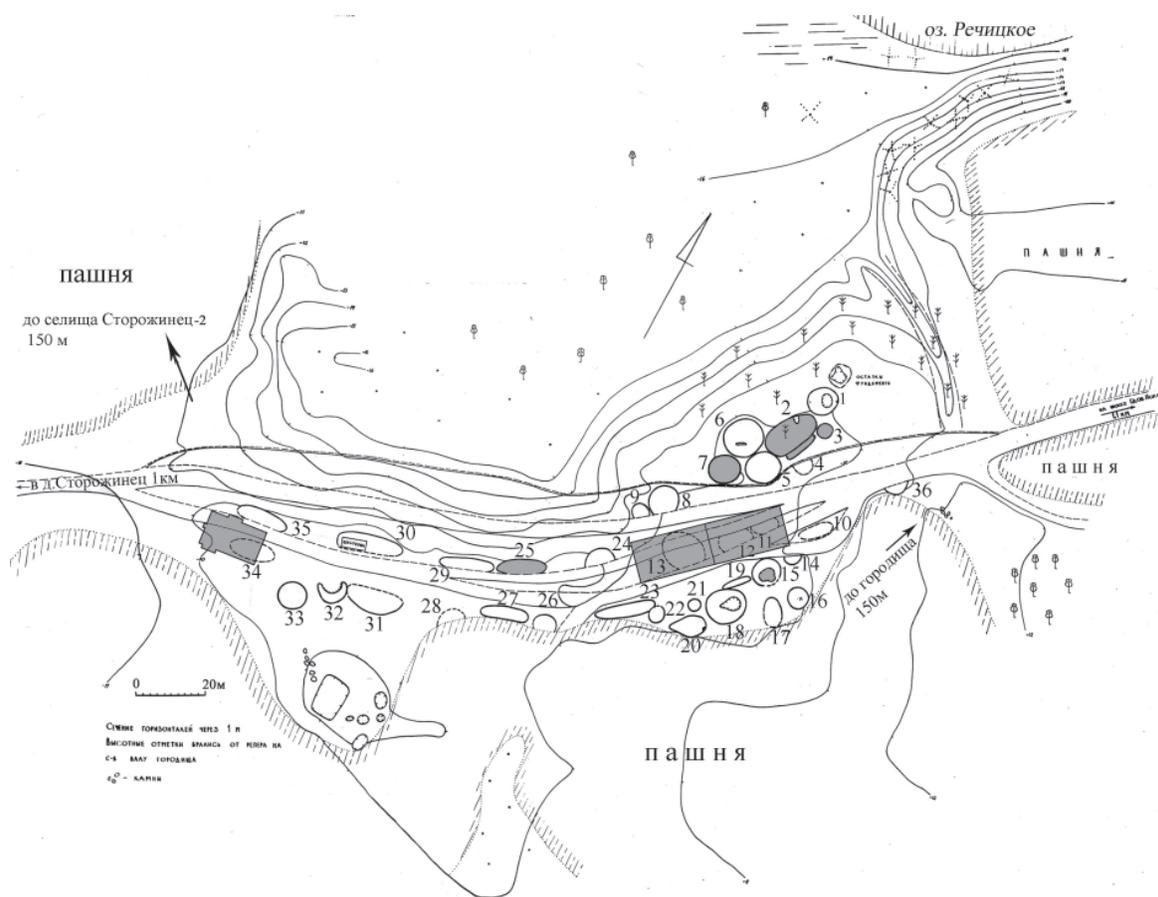

Рис. 1. План могильника у д. Сторожинец. Исследованные насыпи и раскопы 1988–1992 гг. (съемка С. Г. Попова)

на месте разрушенных насыпей (№ 11 и 12) был заложен раскоп размерами 12 × 20 м (Попов, 1991). В его пределах изучены заглубленные в материк сооружения, оставшиеся от курганов, в том числе два трупосожжения и одно впускное труположение древнерусского времени. В 1992 г. на месте кургана № 13 заложен раскоп I, примыкавший с юго-запада к раскопу 1991 г. (Попов, 1992). В нем изучены комплексы кургана № 13, углубленные в материк (в том числе два трупосожжения). В том же году на юго-западной оконечности могильника заложен раскоп II размерами 10 × 17 м, что позволило исследовать часть разрушенного кургана № 34 (ряд комплексов в материке и два трупосожжения). На этом изучение могильника нами было закончено (Попов, Хвоцинская, 2007; Попов, 2009. С. 429–432).

В этой статье вследствие большого объема публикуются пока лишь материалы исследований насыпей культуры длинных курганов, проведенных в 1988–1990 гг.

Курган № 7

Значительный интерес для реконструкции погребальной обрядности культуры длинных курганов представляет круглый курган № 7 (диаметром 6,30 м, высотой 0,50 м). Он был сооружен в несколько приемов и обладал рядом конструктивных особенностей. До начала совершения погребений в кургане были произведены определенные подготовительные действия конструктивно-ритуального характера.

Первоначально, на месте подкурганной площадки в материке были выкопаны столбовые ямы № 3, 5, 7, 30 и Г-образное углубление (№ 33). Затем эта поверхность была выжжена. Таким образом, ямы и предматериковый слой оказались перекрыты слоем гумусированного песка черно-серого цвета – новой погребенной почвы. После этого площадка (размерами 4,00 × 4,20 м) была оформлена тремя вырытыми по ее периметру ровиками и девятью столбовыми ямами № 3, 4, 6, 8, 10–14, 19 диаметром

Рис. 2. Курган № 7. Зачистка подкурганной площадки на уровне материка с углубленными в него комплексами. Вид с северо-северо-востока

0,12–0,65 м и глубиной 0,11–0,43 м, которые были заполнены гумусированным и мешаным песком (рис. 2; 3).

В центре площадки были сооружены две примыкающие друг к другу ямы диаметром 0,82–1,24 м и глубиной 0,15–0,26 м, прорезавшие погребенную почву и материк, заполненные слабогумусированным песком. Затем над центральной частью площадки была возведена насыпь из двух подсыпок песка мощностью 0,46 м, обложенная дерном или успешая зараста. Погребенная почва на ее крутых склонах мощностью до 0,12 м смыкалась с погребенной почвой площадки.

В центральную часть первоначальной насыпи была впущена яма погребения № 1 диаметром 0,27 м и глубиной 0,10 м, которое можно считать самым ранним, но зафиксированным под дерном (рис. 4). В заполнении ямы из темно-серого углистого гумуса с вкраплениями желтого песка

обнаружены мелкие кальцинированные косточки ребенка возрастом до одного года⁴.

На втором этапе сооружения кургана ровики № 1–3 были засыпаны, а полы кургана со всех сторон были подсыпаны слоем песка мощностью 0,40 м. Насыпь по периметру была закреплена, о чем свидетельствует крутизна ее склонов и гумусированные включения у ее подножия.

В юго-западном секторе в полу насыпи было впущено погребение № 4, принадлежавшее мужчине (?), – яма подовальной формы размерами 0,36 × 0,70 м и глубиной 0,10 м с уплотненным дном, с уклоном в сторону подножия кургана. В ее северо-восточной части найден развал лепного горшка (рис. 5: 2)⁵, а в остальной части

⁴ Здесь и далее все антропологические и остеологические определения сделаны н. с. ЛОИА АН СССР А. В. Грозовым.

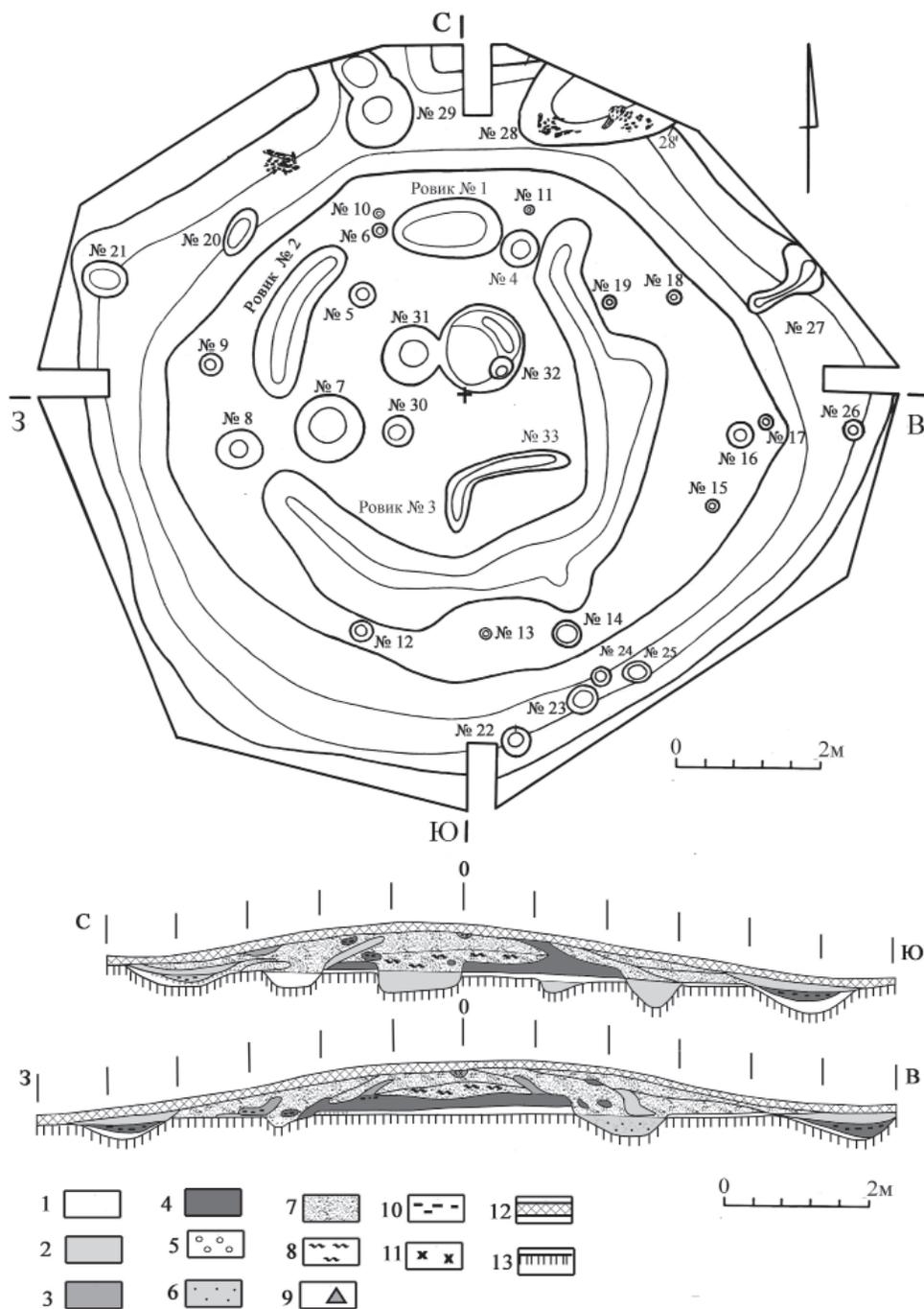

Рис. 3. Могильник Сторожинец. Курган № 7. План сооружений, углубленных в материк, и разрезы кургана.
 Условные обозначения: 1 – слабо-слабогумусированный песок белого и пепельно-серого цвета; 2 – слабогумусированный песок серого цвета; 3 – гумусированный песок темно-серого цвета; 4 – сильногумусированный песок черно-серого цвета; 5 – прокаленный песок красного цвета; 6 – слабогумусированный песок желто-серого цвета; 7 – песок желтого и оранжевого цвета; 8 – мешаный песок соответствующего цвета; 9 – находки; 10 – угли и углистые включения; 11 – кальцинированные кости; 12 – дерн; 13 – материк

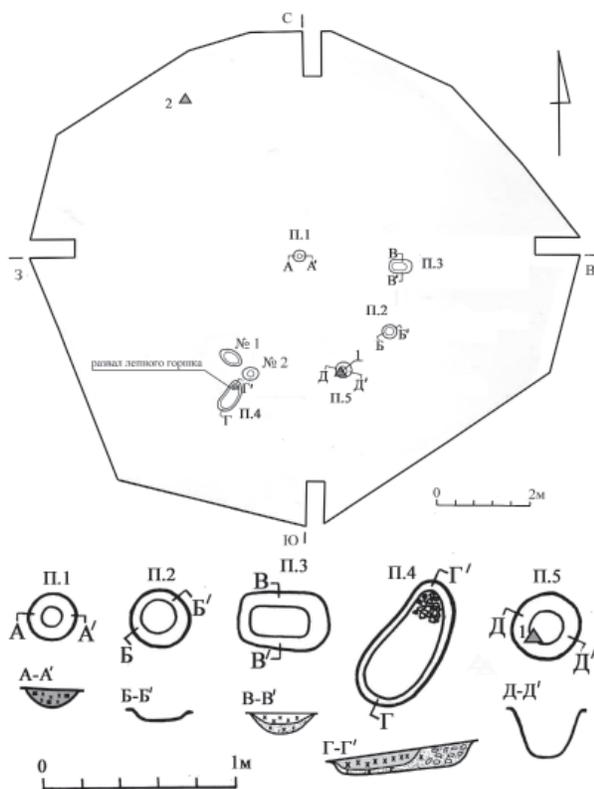

Рис. 4. Могильник Сторожинец. Курган № 7. Планы, разрезы и профили впускных погребений (условные обозначения на рис. 3)

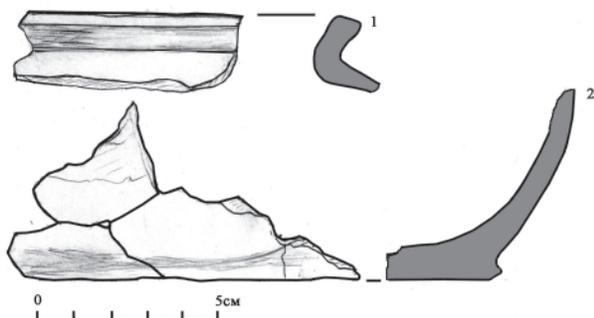

Рис. 5. Могильник Сторожинец. Находки из кургана № 7: 1 – венчик гончарного сосуда (Стм-9, заполнение ровика); 2 – придонная часть лепного сосуда (Стм-3, погребение № 4)

в слабогумусированном песке желтого цвета – компактное овальное в плане скопление костей, размерами $0,30 \times 0,44$ м и мощностью $0,14$ м, очищенных от угля, и, возможно, помещенных в колоду. Ниже прослежена прослойка песка желтого цвета с мелкими косточками мощностью $0,05$ м. С погребением связаны расположенные рядом с ним ямки подовальной формы размерами $0,32 \times 0,52$ м и $0,28 \times 0,35$ м, глубиной $0,25$ м и $0,24$ м, заполненные темно-серым гумусированным песком.

Одновременно с погребением № 4 сооружен кольцевой ровик, ограничивший площадку в форме многоугольника со скругленными углами. С этим этапом сооружения кургана связаны пять столбовых ям с внутренней стороны ровика (№ 9, 15–18) диаметром $0,18$ – $0,36$ м и глубиной $0,16$ – $0,37$ м. В дно и стенки ровика были впущены ямы округлой (№ 22–24, 26: диаметром $0,27$ – $0,42$ м и глубиной $0,13$ – $0,20$ м), овальной (№ 20, 21, 25: размерами от $0,31 \times 0,39$ м до $0,51 \times 0,66$ м, глубиной $0,13$ – $0,19$ м) и неправильной (№ 27) формы. Одна из этих ям (№ 25) содержала три кальцинированных кости, две из которых – фаланги пальцев взрослого человека, другая (№ 22) – три фрагмента стенок лепного сосуда и одну кальцинированную косточку, а третья (№ 23) – две косточки. Ямы были заполнены песком разной степени гумусированности. Вероятно, часть этих ям можно считать ритуальными – связанными с тризнами.

При сооружении кольцевого ровика полы кургана были подсыпаны песком на толщину $0,24$ м. В эту подсыпку в юго-восточном секторе было впущено погребение № 5. Погребальная яма круглой формы, диаметром $0,34$ м и глубиной $0,25$ м, с уплощенно-округлым дном. В ее заполнении – желто-сером гумусированном песке – найдены кальцинированные кости ребенка возрастом около одного года, один фрагмент кости взрослого человека, бронзовый пластинчатый перстень (?) с прикипевшей к нему капелькой стекла и оплавленный кусок синего стекла (рис. 6: 2).

Одновременно с совершением погребения № 5 в северо-западном и северо-восточном секторах были сожжены конструкции из плах или бревен, укреплявшие внутренние стенки ровика, о наличии которых свидетельствуют «сотообразная» форма

⁵ Выражаю свою глубокую признательность художницам Татьяне Борониной, Галине Кузнецовой, Елене Поповой, а также Зое Румянцевой, участвовавшим в наших раскопках и сумевшим графически тонко отобразить находки и керамику, оформившим мои полевые чертежи.

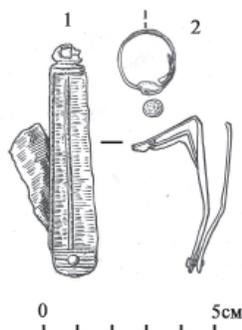

Рис. 6. Могильник Сторожинец. Находки из кургана № 7: 1 – бронзовая орнаментированная пластинчатая обойма от ремня (Стм-2, верхняя часть заполнения кольцевого ровика); 2 – бронзовый пластинчатый перстень с приклепавшей капелькой стекла (Стм-1, погребение № 5)

площадки и значительное количество фрагментов глиняной сильно обожженной обмазки в заполнении ровика. Они имели следы заглаживания и отпечатков дерева. Прослежена сильная прокаленность песка по дну, внутренней стенке ровика и краю площадки мощностью 0,08–0,12 м.

С этим этапом связана яма № 29 на северной границе ровика размерами 0,64–0,92 × 1,40 м и глубиной 0,32–0,62 м. В нижней части ее заполнения – в линзе прокаленного песка – найдено 109 крупных и 78 мелких фрагментов обмазки, один фрагмент стенки лепного сосуда, встречены угольки. Стенки ямы были сильно прокалены и, очевидно, обмазаны глиной.

Нижнюю часть заполнения кольцевого ровика составляла линза слабо-слабогумусированного песка пепельно-серого цвета. Между нижней и средней частями заполнения прослежена прослойка прокаленного песка. В средней части заполнения ровика, в линзе черно-серого гумусированного песка с угольками или целыми скоплениями углей, кроме обмазки найдено четыре фрагмента стенок лепных сосудов.

В верхней части заполнения, в слое серого песка мощностью 0,13 м найдены: бронзовая орнаментированная пластинчатая ремная обойма (рис. 6: 1), 63 фрагмента обмазки, пять фрагментов лепных сосудов, один фрагмент венчика гончарного сосуда XII–XIV вв. (рис. 5: 1).

В северо-восточном секторе в заполнение ровика кургана № 7 оказалась впущена оконечность ровика

полусферического кургана № 6, шириной 1,96 м и глубиной до 0,60 м. В нижней части его заполнения, в слое прокаленного песка красно-розового цвета мощностью до 0,12 м расчищены остатки головней и углей, а в верхней части заполнения найден один фрагмент стенки лепного сосуда.

Следующими в насыпь кургана были впущены погребения № 2 и 3. Погребальная яма № 2 имела круглую форму, диаметром 0,31 м, и глубину 0,05 м, и уплощенное дно. В ее заполнении из слабогумусированного желтого песка обнаружены кальцинированные кости взрослой женщины (старше 20 лет).

Погребальная яма № 3 овально-прямоугольной формы размерами 0,31 × 0,47 м и глубиной 0,09 м с округлым в разрезе дном была ориентирована по линии запад – восток. В верхней части заполнения расчищено компактное скопление плотно лежавших кальцинированных костей, трапециевидное в сечении, мощностью 0,06 м. В нижней части заполнения залегала прослойка желтого песка с мелкими кальцинированными костями мощностью 0,04 м. Кости, очевидно, были помещены в колоду, о чем свидетельствует форма и разрез ямы. Погребение принадлежало женщине (?) возрастом до 45 лет и ребенку возрастом около пяти лет (в составе костей три зуба, по которым определен возраст).

После совершения погребений № 2 и 3 курган был подсыпан с востока, юго-востока и юга слоем песка желто-оранжевого цвета мощностью до 0,18 м, перекрывшим частично заполнение ровика, а с севера и северо-востока – слоем песка оранжевого цвета мощностью 0,09 м.

Итак, курган № 7 представлял собой достаточно сложное в конструктивном плане многоэтапное сооружение. Деревянные конструкции, укреплявшие стенки ровиков и саму насыпь от расплзания, встречались в курганах Эстонии, «сотообразная» структура оформления основания полусферических насыпей отмечена в могильниках юга Ленинградской области и юга Псковщины⁶. Рассмотрим подробнее материалы, происходящие из комплексов кургана № 7.

Ремная обойма-накладка с тисненым линейным орнаментом (рис. 6: 1) имеет близкие аналогии в материалах из раскопок кургана № 6 в могильнике Лезги (Гроздилов, 1965. С. 81, рис. 15: 2, 3, 5;

⁶ В могильниках возле оз. Мерёво в Лужском районе Ленинградской области и возле д. Мартиново в Бежаницком районе Псковской области (наблюдения, проведенные в процессе инвентаризации археологических памятников этих областей при руководстве и участии автора).

Седов, 1974. Табл. 24: 9; 25: 6; 28) и могильников Рысна-Сааре I и II (Аун, 1979. С. 369–370; 1992. Рис. 52: 12), Березино (Исланова, 2006. Рис. 103: 2), Реха (Пронин, 1988. С. 117, рис. 4). Погребение № 1 удлиненного кургана № 6 могильника Лезги, где были найдены пряжка с пластинчатой обоймой и обломки ременных обойм, бляшка-скорлупка и др., по мнению В. В. Седова (1974. С. 34), учитывавшего раннее бытование бляшек-скорлупок в каменных эстонских могильниках, может быть датировано VI–VII вв. Обоймы-накладки из могильников Рысна-Сааре I и II по найденным в тех же погребениях пряжкам (в частности, В-образным) могут быть датированы VI или VI–VII вв. (Аун, 1992. С. 130, рис. 52: 12). Погребение № 2 длинного кургана № 1 Атокинского могильника в Северной Белоруссии, в котором найдены бронзовая орнаментированная ременная накладка, 19 бляшек-скорлупок, фрагменты костяных предметов, два куска кремня, по мнению Г. В. Штыхова, может быть датировано V–VI вв. (по бляшкам-скорлупкам), а сооружение самого кургана следует отнести ко времени не позднее VI в. (Археалогія Беларусі, 1999. С. 382, рис. 128). Однако по ряду новых данных верхняя граница бытования бляшек-скорлупок может быть расширена вплоть до VIII в. (Аун, 1992. С. 129) и даже выше (Михайлова, 2007. С. 390–391).

Бронзовый пластинчатый предмет (перстень?) с заходящими концами и приплавившейся бусинкой из синего стекла (рис. 6: 2), найденный в кургане № 7 Сторожинецкого могильника, не имеет прямых аналогий в погребениях длинных курганов. Несмотря на прямоугольное сечение, он скорее подобен височным кольцам (серьгам или привескам со стеклянной бусиной), распространенным в основном в западной части территории, занимаемой культурой длинных курганов.

Керамический комплекс, связанный с курганом, немногочисленен. Это прежде всего фрагменты стенок и придонной части лепного сосуда, возможно миски, сделанной из сравнительно грубого, но плотного теста (рис. 5: 2), из погребения № 7. Отдельные фрагменты стенок, найденные в заполнении ям и ровика, вполне соответствуют одной из категорий лепной керамики, сделанной из плотной глины бежевого и бежево-серого цвета с включением средней по размерам дресвы и песка, свойственной культуре длинных курганов. Один фрагмент венчика гончарного сосуда (рис. 5: 1) из заполнения ровика типичен для гончарной посуды XII–XIV вв. городища Сторожинец.

Серия из шести радиоуглеродных датировок позволяет уточнить хронологию всего комплекса

(табл. 1). Суммарный анализ пяти датировок (плашки из внешнего рва, уголь с выжженной погребальной площадки и из ряда столбовых ям) позволяет отнести время осуществления погребений в кургане № 7 к 868–977 гг. (cal AD). Таким образом, получается, что ременные накладки-обоймы бытовали, очевидно, на протяжении почти всей второй половины I тыс. Особый интерес вызывает одна датировка (JE-3149), позволяющая отнести угольную яму в окончании ровика соседнего полусферического кургана № 6, впущенного в ровик исследованной насыпи, к более позднему времени (896–912, 961–1028 гг. – cal AD), что соответствует общим представлениям о хронологии полусферических курганов финальной фазы культуры длинных курганов.

Итак, в основании круглого низкого кургана № 7 лежала специально подготовленная площадка, связанная с определенными действиями ритуального и «архитектурного» порядка. Площадка была перекрыта специально подготовленной и оформленной насыпью, содержащей только впускные погребения с соответствующими подсыпками. Согласно радиоуглеродной хронологии, наиболее достоверное время функционирования всего комплекса – последняя четверть IX – третья четверть X в.

Курган № 15

Круглый курган № 15 в восточной части могильника диаметром 10,30 м и высотой 0,30 м был нарушен большой ямой неправильной формы размерами 2,20–5,0 × 6,60 м и глубиной 1,20–1,30 м, в южной стенке которой обнаружено частично разрушенное погребение (рис. 7; 8). *Погребальная яма № 1*, углубленная в материк, имела округло-овальную форму диаметром 0,40–0,50 м и глубиной 0,28 м и округлое в разрезе дно. В линзе углистого песка с вкраплениями мелких кальцинированных костей мощностью 0,07–0,18 м зафиксировано компактное скопление костей, в плане имеющее форму полуовала шириной 0,13–0,20 м, а в разрезе – прямоугольно-трапецивидную форму глубиной 0,20 м. В погребальной яме захоронен человек 40–60 лет (стертые зубы, позвонки с разрастанием), кости которого были помещены в колоду или короб. Погребение располагалось в центральной части кургана, сооруженного в один прием.

Удлиненный курган № 2

Курган № 2 удлиненных пропорций, размерами 14,60 × 6,50–9,80 м и высотой 0,60–0,80 м, ориентирован длинной осью по линии северо-северо-восток – юго-юго-запад (рис. 9). Северо-северо-восточный торцевой склон был наиболее пологим. Вдоль длинных сторон и юго-западного торца кургана прослеживались заплывшие ровики.

Табл. 1. Результаты радиоуглеродного датирования курганов могильника Сторожинец (1988–1990 гг.)

Номер образца	Курган, год раскопок, археологическая датировка, объект датирования	Материал	¹⁴ C-возраст BP (±1σ)	Калиброванная дата по программе Groningen 1.20 (1995), cal AD (1σ)
ЛЕ-3847	Длинный курган № 25, вторая половина I тыс. н.э., 1990 погребение № 5, сектор 7	уголь	1340±55	654...718 AD, 738...768 AD
ЛЕ-3850		уголь	1320±40	666...716 AD, 742...766 AD
ЛЕ-3853		уголь	1325±60	660...724 AD, 732...772 AD
ЛЕ-3854		уголь	1310±55	668...728 AD, 732...772 AD
ЛЕ-3857		уголь	1280±30	694...752 AD, 756...774 AD
ЛЕ-3858	с уровня погребенной почвы, секторы 5–7	уголь	1330±40	662...712 AD, 744...766 AD
ЛЕ-3859	с уровня погребенной почвы, сектор 3	уголь	1340±30	658...698 AD, 750...760 AD
ЛЕ-3863	центральная и нижняя часть заполнения ровика № 4, сектор 1	уголь	1320±30	668...710 AD, 746...764 AD
ЛЕ-3864		уголь	1350±50	650...712 AD, 744...766 AD
	Круглый курган № 7, последняя четверть I тыс. н.э., 1988			
ЛЕ-3149	внешний ров, СЗ сектор, плашки	уголь	1190±60	780...892 AD, 920...951 AD
ЛЕ-3151	угольная яма № 29 во внешнем ровике, относящемся к полусферическому кургану № 6, СЗ сектор	уголь	1050±50	896...912 AD, 961...1028 AD
ЛЕ-3152	погребенная почва выжженной погребальной площадки, все секторы	уголь	1160±40	822...838 AD, 868...902 AD, 904...966 AD
ЛЕ-3154	столбовые ямы № 23, 25, 27 во внешнем ровике, СВ и ЮВ секторы	уголь	1100±50	892...922 AD, 940...1000 AD
ЛЕ-3155	столбовые ямы № 3, 5, 9, 12–14, 17	уголь	1120±60	884...996 AD
ЛЕ-3156		столбовая ямка № 16 на площадке между ровиками	уголь	1100±80
	Удлиненный курган № 2, вторая половина I тыс. н.э., 1989			
ЛЕ-3515	уровень 3 погребенки, секторы 3–5, 7	уголь	1110±40	892...922 AD, 938...984 AD
ЛЕ-3517	яма № 1 (с уровня 1 погребенки), сектор 5	уголь	1150±30	882...896 AD, 912...963 AD
ЛЕ-3519	ритуальная яма № 18	уголь	1130±90	796...798 AD, 816...844 AD, 855...1008 AD
ЛЕ-3522а	яма № 39 в дне ровика, сектор 3	уголь	1150±60	820...840 AD, 858...978 AD
ЛЕ-3524	яма № 25, сектор 8	уголь	1120±50	888...980 AD
ЛЕ-3525		угли плах на поверхности 2 сверху насыпи, сектор 1	уголь	1070±45
ЛЕ-3522	яма № 38 в дне ровика, на границе секторов 3 и 4	уголь	990±40	1008...1048 AD, 1088...1118 AD, 1140...1156 AD

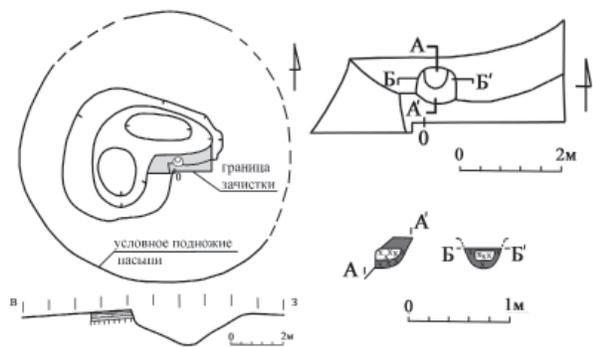

Рис. 7. Могильник Сторожинец. Курган № 15. План и разрезы погребения № 1, нарушенного выборкой песка (условные обозначения на рис. 3)

Рис. 8. Могильник Сторожинец. Курган № 15. Зачистка погребения № 1 на границе «грабительской» ямы. Вид с севера

Рис. 9. Могильник Сторожинец. Курган № 2 перед началом раскопок. Вид с востока

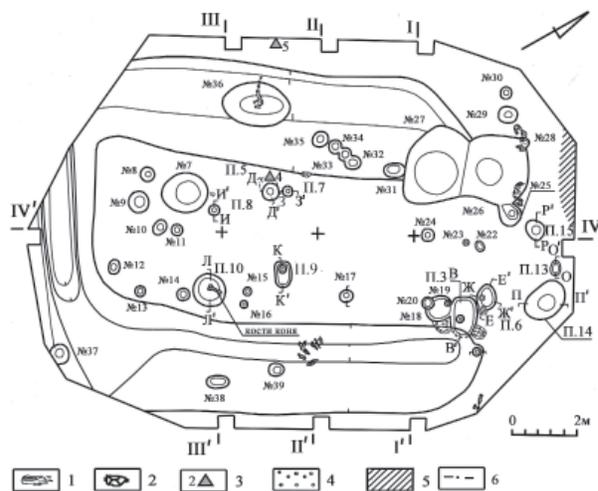

Рис. 10. Могильник Сторожинец. Курган № 2. План погребений и сооружений, углубленных в погребенную почву и материк: 1 – остатки обугленного дерева, 2 – камни, 3 – находки, 4 – прокаленный песок красного цвета, 5 – серый слабогумусированный песок (пятно ровика кургана № 1); 6 – границы скопления кальцинированных костей в погребениях

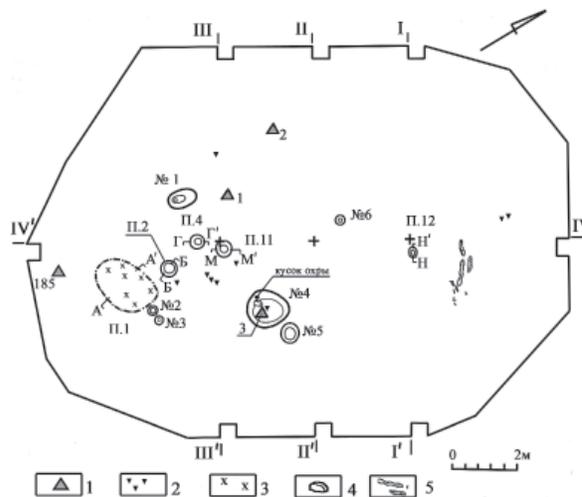

Рис. 11. Могильник Сторожинец. Курган № 2. План впускных погребений и ям: 1 – находки, 2 – фрагменты керамики, 3 – кальцинированные кости, 4 – камни; 5 – остатки обугленного дерева

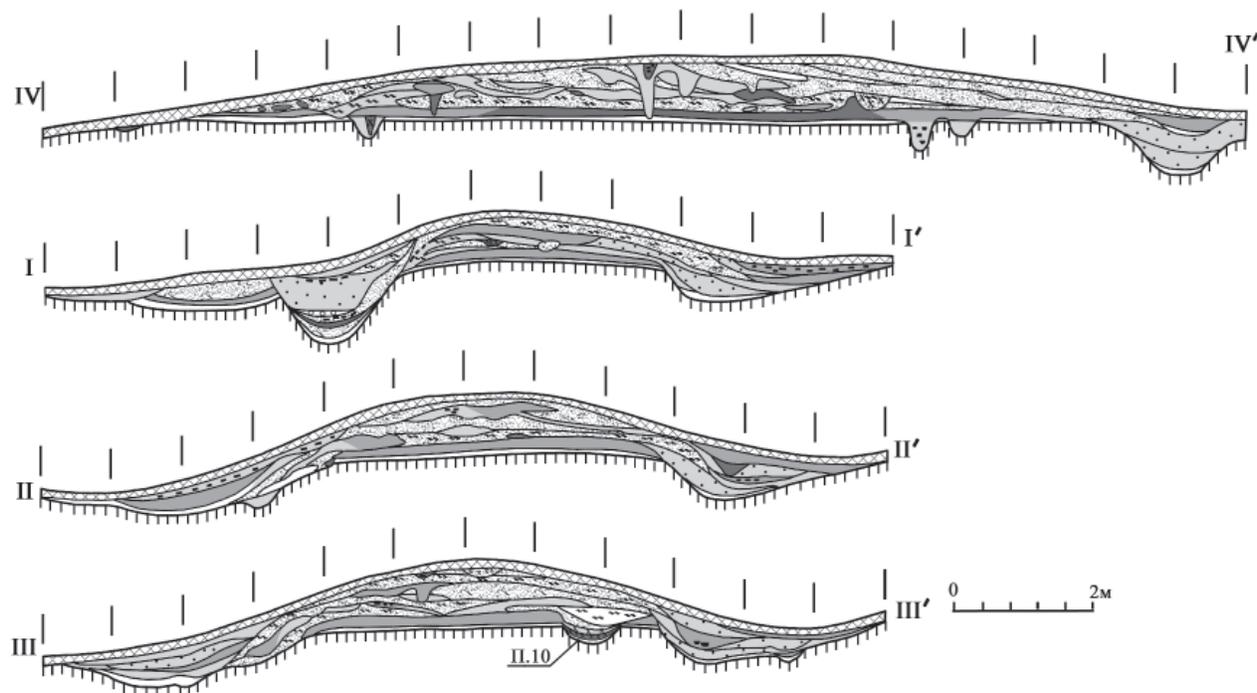

Рис. 12. Могильник Сторожинец. Разрезы кургана № 2. Условные обозначения на рис. 3

В основании кургана прослежена вырезанная в материке подпрямоугольная площадка размерами 4,44–4,80 × 12 м, которую с северо-запада, юго-запада и юго-востока окружал П-образный ровик шириной 1,60–3,00 м и глубиной 0,46–0,67 м (рис. 10; 11)⁷. Ровик с полого-уплощенным в разрезе дном имел с запада на внутренней стенке уступ с остатками древесного тлена. Возможно, с этой стороны насыпь была укреплена бревнами. Заполнение ровика было неоднородным. По его стенкам везде зафиксирована прослойка песка пепельно-белого цвета толщиной 0,04–0,10 м. Выше в заполнении отмечены линзы и прослойки песка, свидетельствующие о многоэтапности сооружения насыпи (рис. 12). С северо-западной стороны подкурганной площадки в дне ровика зафиксирована подовальная в плане яма размерами 1,50 × 2,10 м и глубиной 0,28 м, над которой обнаружены остатки головней. Угли и головни отмечены также в верхней части заполнения юго-восточной части ровика.

⁷ Нумерация секторов курганов № 2 и 25 идет по часовой стрелке, начиная с правого нижнего, арабскими цифрами от 1 до 8.

На подкурганной площадке прослежена прослойка предматерикового песка пепельно-серого цвета мощностью 0,04–0,06 м, перекрытая погребенной почвой, которая представляла собой слой сильногумусированного песка черно-серого цвета в центральной части мощностью 0,10–0,18 м, свидетельствующего, очевидно, об очищении площадки огнем. К краям площадки цвет и степень гумусированности ослаблялись. На поверхности погребенной почвы и при ее разборке собрано 95 фрагментов лепных слабопрофилированных сосудов (рис. 13: 4), два шлака и два не побывавших в костре зуба коровы. Первоначально на погребальной площадке было выкопано 10 ям, зафиксированных на уровне материка.

К первому этапу сооружения погребального комплекса, очевидно, относятся пять ям на северо-западном склоне площадки, выявленные на уровне материка. Большинство ям, округлой и овальной в плане формы, имели размеры 0,46 × 0,64 м и глубину 0,10–0,37 м, были заполнены слабогумусированным песком. По крайней мере три из этих ям были сооружены до выжигания площадки (№ 10, 11, 24). В цент-

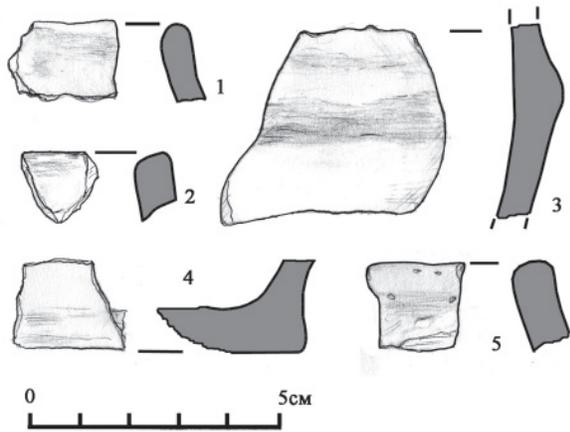

Рис. 13. Могильник Сторожинец. Курган № 2. Лепная керамика: 1 – Стм-88, заполнение ямы № 4; 2 – Стм-106, заполнение ямы № 33; 3 – Стм-95, заполнение ямы № 18; 4 – Стм-58, погребенная почва, сект. 5; 5 – Стм-29, гумусированная прослойка под второй насытью, сект. 4

ральной части заполнения ямы № 24, в конусе сильногумусированного песка найдено несколько кальцинированных костей и один фрагмент стенки лепного сосуда. В заполнении нескольких ям также найдены отдельные фрагменты лепных сосудов и немногочисленные кальцинированные кости (из определяемых: кусок черепа рогатого скота, кусок ребра и кости животного), шлак. Таким образом, десять ям первого этапа, как столбовых, так и ритуальных, содержали в своем заполнении один-два фрагмента лепной керамики и несколько костей.

Вероятно, самым ранним можно считать погребение № 8 в округлой ямке диаметром 0,32 м и глубиной 0,08 м, открытой на уровне материка в юго-западной части площадки (планы и разрезы погребений на рис. 14), в которой собрано 13 г кальцинированных костей. К юго-западу от погребения располагались четыре вышеописанные столбовые ямы и подовальная яма № 7 размерами 1,20 × 1,42 м и глубиной 0,42 м, впущенная в материк с уровня погребенной почвы.

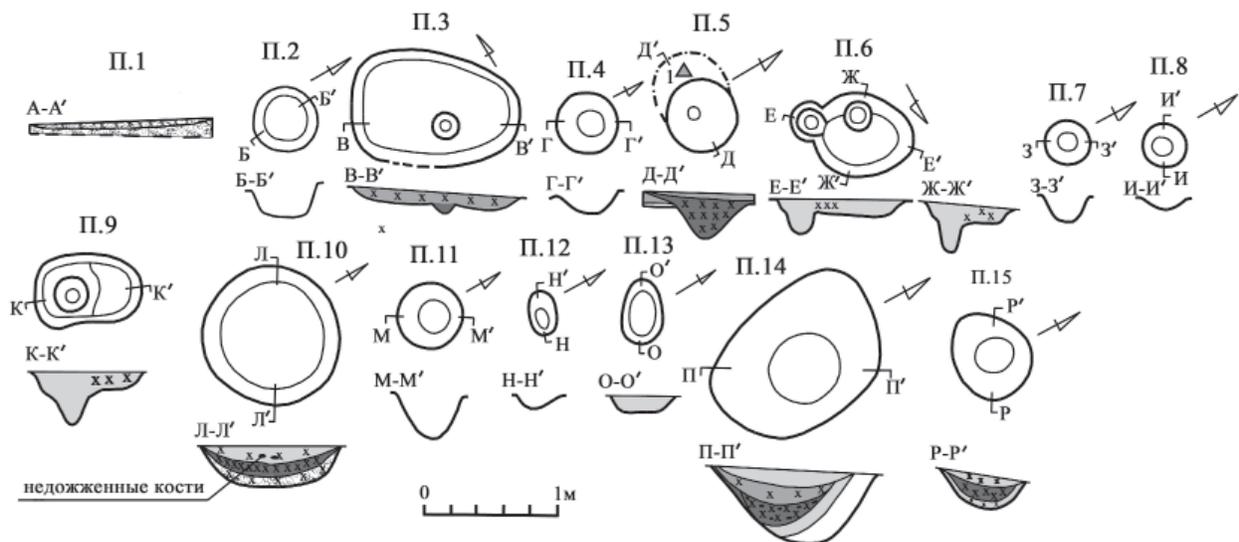

Рис. 14. Могильник Сторожинец. Курган № 2. Планы, разрезы и профили погребений. Условные обозначения на рис. 3

В ее заполнении найдено три фрагмента лепной керамики. После совершения погребения № 8 и сооружения связанных с ним пяти ям площадка над ними была подсыпана песком на высоту 0,14 м. Эта насыпь доходила до середины площадки и спускалась на северо-западе в ровик. Сверху она была обложена дерновинами.

После этого на юго-восточном краю площадки было осуществлено погребение № 10, впущенное с уровня погребенной почвы, – круглая яма, впущенная с уровня погребенной почвы, диаметром 1,00 м и глубиной 0,29 м, с округлым в разрезе дном. В ее заполнении собрано 2,8 кг костей, принадлежавших человеку, овце (?) и коню (остатки недогоревших костей последнего расчищены в верхней и средней частях заполнения). Погребальная яма была присыпана со стороны площадки мешаным песком оранжевого цвета на высоту 0,05–0,09 м, а сверху – двумя слоями слабогумусированного песка мощностью до 0,35 м. С погребением связаны по крайней мере три столбовые ямы (№ 14–16).

К северу от погребения № 10 на уровне материка зафиксировано погребение № 9. Могильная яма подовальной формы с уплощенным дном, размерами 0,48 × 0,78 м и глубиной 0,12–0,14 м, с круглым углублением в северо-западной части, диаметром 0,27 м и глубиной 0,39 м. В заполнении подовальной ямы собрано 0,13 кг костей взрослого человека (в том числе четыре зуба) и мелкого рогатого скота, один фрагмент стенки лепного сосуда и один маленький шарик оплавленной бронзы. Определить очередность погребений № 10 и № 9 не представляется возможным.

Следующими на площадке были осуществлены погребения № 7 и 5.

Погребение № 7, выявленное на северо-западном краю площадки, на уровне материка, также относится к раннему этапу сооружения кургана. Его круглая в плане яма с уплощенным дном, диаметром 0,29 м и глубиной 0,22 м, была заполнена сильногумусированным углистым песком, в котором были равномерно распределены кальцинированные кости (0,3 кг) человека старше 25 лет.

Рядом с погребением № 7 открыто погребение № 5 в виде сильно гумусированного пятна диаметром 0,51 м и толщиной 0,02–0,03 м с мелкими косточками на уровне погребенной почвы. При разборке пятна найдена часть железного предмета, прямоугольного в сечении (рис. 15: 6), и восемь фрагментов стенок лепного сосуда. Под пятном обнаружена круглая яма диаметром 0,52 м

и глубиной 0,23 м с округло-коническим дном. В ее сильногумусированном заполнении собрано 24 г пережеванных костей человека возраста до 20 лет.

После совершения погребений № 5 и 7 практически вся подкурганная площадка была перекрыта насыпью из оранжевого мешаного песка мощностью 0,20 м, перекрывавшая на юго-востоке линзу песка, которым был подсыпан склон юго-восточного ровика. На поверхности этой насыпи, в слабогумусированных прослойках песка (второй погребенной почве) собрано 38 фрагментов лепных сосудов (рис. 16: 6, 7; 13: 5) и верхний клык молодого кабана (рис. 15: 1).

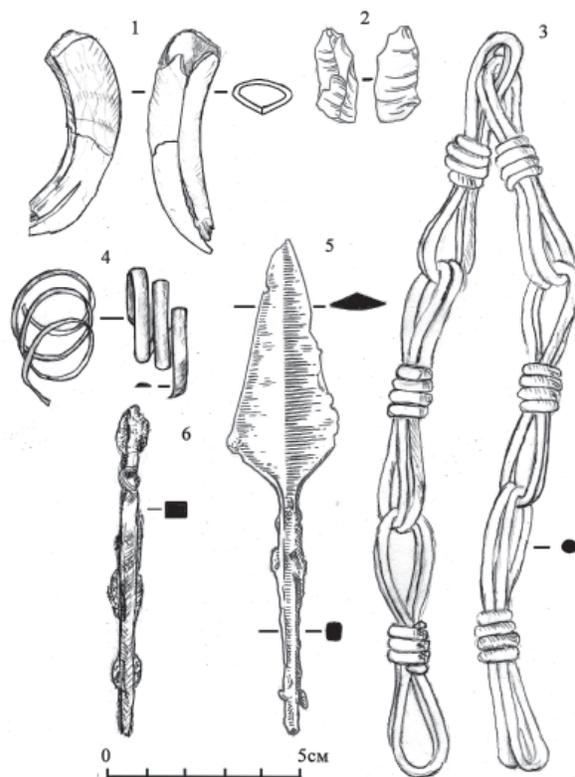

Рис. 15. Могильник Сторожинец. Курган № 2. Находки: 1 – клык кабана (Стм-1, гумусированные прослойки под второй насыпью, сект. 6); 2 – кремневый отщеп (Стм-3, разборка заполнения ямы № 4); 3 – железная цепь (Стм-2, верхняя часть заполнения ровика, сект. 6); 4 – бронзовый спиральный перстень (Стм-185, насыпь над верхней частью заполнения ровика, сект. 4); 5 – ромбовидный наконечник стрелы (Стм-5, верхняя часть заполнения ровика, сект. 6); 6 – часть железного предмета (Стм-4, пятно погребения № 5)

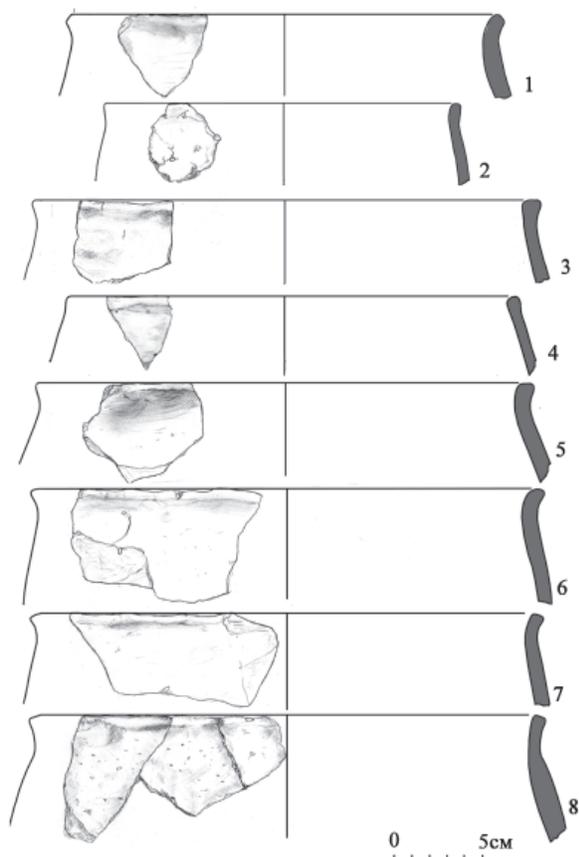

Рис. 16. Могильник Сторожинец. Курган № 2.
Венчики лепных сосудов: 1 – Стм-80, погребение № 11; 2 – Стм-74, погребение № 3; 3 – Стм-68, погребение № 1; 4 – Стм-69, погребение № 1; 5 – Стм-98, яма № 24; 6 – Стм-28; 7 – Стм-27, гумусированная прослойка под второй насыпью, сект. 4; 8 – Стм-18, поверхность второй насыпи, сект. 3

На северо-северо-восточном краю площадки, за пределами насыпи первого этапа, на прослойке погребенной почвы выявлено погребение № 6. Могильная яма подовальной формы размерами 0,61 × 0,74 м и глубиной 0,11 м с уплощенным дном. Юго-западную стенку и дно погребения прорезала столбовая ямка. Вторая столбовая ямка зафиксирована на юго-восточном краю погребения. В юго-западной половине погребальной ямы собрано 0,05 кг костей взрослого (молодого?) человека и один фрагмент стенки лепного сосуда.

Несколько позже рядом было свершено погребение № 3 в овально-прямоугольной яме, размерами 0,82 × 1,26 м и глубиной 0,10 м, зафиксированной на уровне погребенной почвы. Яма имела уплощенное

дно с наклоном в юго-восточном направлении. В ее заполнении собрано 20 мелких кальцинированных костей новорожденного (?) ребенка, одна кость крупной рыбы и три фрагмента лепных сосудов (рис. 16: 2). Дно погребальной ямы прорезала круглая столбовая ямка с одним фрагментом стенки лепного сосуда в заполнении. С юго-запада к погребению примыкала круглая яма № 18 диаметром 0,95 м и глубиной 0,06 м с плоским дном. В заполнении ямы № 18 найдено четыре фрагмента стенок лепного сосуда (один с легким ребром: рис. 13: 3), три фрагмента придонных частей лепных сосудов стройных пропорций и баночного сосуда, три кальцинированные косточки. К югу и востоку от погребения № 3 отмечено два пятна прокаленного песка.

С последними погребениями, очевидно, связана подсыпка на северном краю площадки из слабогумусированного песка мощностью 0,08 м.

В северо-северо-восточной части площадки в насыпь первого этапа было впущено погребение № 12. Могильная яма овальной формы размерами 0,21 × 0,30 м и глубиной 0,10 м. Кальцинированные кости (75 г) взрослого человека были равномерно распределены в слабогумусированном песке заполнения. После совершения этого погребения восточная часть насыпи была подсыпана слоем слабогумусированного песка мощностью 0,20 м. Затем с этой же стороны курган был окончательно подсыпан слоем мешаного песка желтого цвета мощностью до 0,20 м. В нижней части этой подсыпки обнаружены несколько головней, лежащих перпендикулярно длинной оси кургана, и незначительная прокаленность песка. Возможно, они связаны с погребением № 12.

В центральной части кургана в нижнюю его насыпь была впущена яма № 6 с округло-коническим дном диаметром 0,26 м и глубиной 0,18 м. В неоднородном заполнении ямы, в сильногумусированном песке собрано 25 неопределимых кальцинированных костей (погребение?). После образования комплексов погребения № 12 и ямы № 6 курган был подсыпан слоем желтого песка мощностью 0,36 м.

В насыпь первого этапа было впущено погребение № 4 – округлая яма диаметром 0,45 м и глубиной 0,15 м. В ее заполнении – слабогумусированном песке – собрано 75 г костей взрослого человека. На этом же уровне к западу выявлена подовальная яма, размерами 0,52 × 0,89 м и глубиной 0,26 м, с прокаленными стенками. В ее заполнении найдено три фрагмента лепной керамики и две кальцинированные косточки.

В секторе 4 в насыпь первого этапа были впушены две столбовые ямы № 2 и № 3. В секторе 3 зафиксированы две ямы, впущенные в погребенную почву также с поверхности первой насыпи. Яма № 4, яйцевидной в плане формы, имела размеры $1,09 \times 1,3$ м и глубину 0,19 м. Пятно ямы перекрывал небольшой камень, а в ее заполнении найдены один фрагмент венчика лепного сосуда (рис. 13: 1), кусок охры и кремневый отщеп белого цвета (рис. 15: 2). Яма № 5 имела округлую в плане форму размерами $0,54 \times 0,62$ м и глубиной 0,22 м.

После образования вышеописанных комплексов курган был подсыпан с юго-запада слоем оранжевого песка мощностью 0,24 м. На поверхности этой насыпи отмечены гумусированные прослойки, собрано 23 фрагмента лепных сосудов (рис. 16: 8).

В секторе 4 в насыпь с поверхности подсыпки из желтого мешаного песка мощностью до 0,14 м было впущено погребение № 2. Оно представляло собой круглую яму диаметром 0,46 м и глубиной 0,21 м. В слабогумусированном песке, заполнявшем яму, собрано 67 г костей взрослого человека (старше 17 лет) и один фрагмент стенки лепного сосуда; один такой же фрагмент был найден рядом с ямой. После этого насыпь была окончательно подсыпана с юго-запада слоем желтого песка мощностью 0,16 м.

С уровня подсыпки в насыпь была впущена погребальная яма № 11 округлой в плане формы диаметром 0,49 м и глубиной 0,33 м. В ее заполнении из желто-серого слабогумусированного песка собрано 1,75 кг плотно лежавших кальцинированных костей. Погребение принадлежало, скорее всего, женщине возрастом до 25–35 лет. В погребении встречены также кости овцы или козы и два фрагмента лепных сосудов (рис. 16: 1).

В южной части кургана в пятне размерами $1,32 \times 1,92$ м под дерном собраны 21 кальцинированная кость и 11 фрагментов лепной керамики (рис. 16: 3, 4). Они относились к погребению № 1. Кости из погребения принадлежали взрослому человеку и корове.

На поверхности верхней насыпи собрано 30 фрагментов лепной керамики (рис. 17: 10, 11) и 10 фрагментов гончарных сосудов (рис. 17: 12).

В секторе 1 за пределами кургана, под дерном зафиксировано два погребения (№ 13 и 14), углубленных в материк. Очередность их относительно других погребений определить невозможно, так как они не связаны ни с какой из подсыпок кургана.

Погребальная яма № 13 подовальной в плане формы размерами $0,32 \times 0,44$ м и глубиной 0,12 м,

с уплощенным дном, содержала 0,05 кг кальцинированных костей взрослого (молодого?) человека.

Погребальная яма № 14 подовальной в плане формы размерами $0,96 \times 1,36$ м и глубиной 0,52 м содержала в средней части заполнения редкие кальцинированные косточки. Ниже лежала линза гумусированного песка с меньшим содержанием костей. Погребение (7 г костей) принадлежало взрослому человеку (определение по фаланге пальца). В нем найдено также два фрагмента придонной части миниатюрного сосудика хорошей выделки и один шлак. До совершения погребения погребальная яма была частично присыпана с северо-востока, востока и юго-востока.

У северо-восточной оконечности кургана, за пределами насыпи была найдена заглубленная в материк погребальная яма № 15 подовальной формы размерами $0,52 \times 0,64$ м и глубиной 0,24 м. Верхнюю часть заполнения составляла линза слабогумусированного песка с кальцинированными костями. Ниже зафиксирован слой трапециевидной в

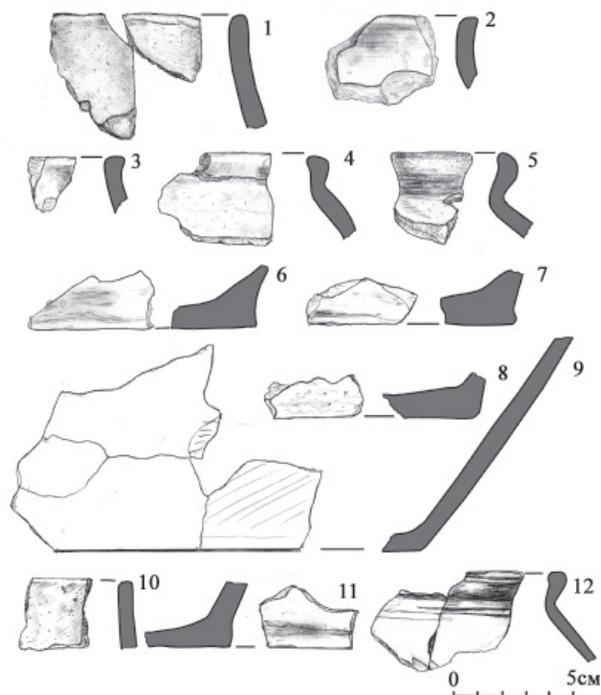

Рис. 17. Могильник Сторожинец. Курган № 2. Лепная и гончарная керамика: 1 – Стм-168; 2 – Стм-162; 3 – Стм-163; 4 – Стм-159; 5 – Стм-164; 6 – Стм-170; 7 – Стм-171; 8 – Стм-172; 9 – Стм-165; 10 – Стм-6; 11 – Стм-10; 12 – Стм-7. № 1–9 – нижняя часть заполнения ровика, № 10–12 – верхняя часть насыпи.

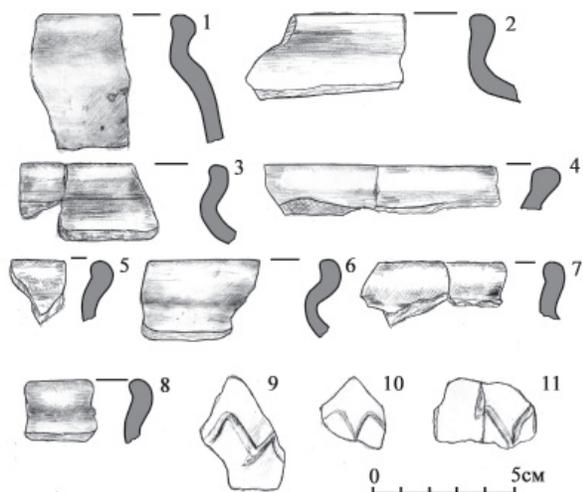

Рис. 18. Могильник Сторожинец. Курган № 2. Гончарная керамика из верхней части заполнения ровика, сект. 3–4: 1 – Стм-114 (раннегончарная); 2 – Стм-151; 3 – Стм-129; 4 – Стм-127; 5 – Стм-132; 6 – Стм-153; 7 – Стм-128; 8 – Стм-152; 9 – Стм-145; 10 – Стм-148; 11 – Стм-146

разрезе формы, состоявший из плотно лежащих костей. Нижнюю часть заполнения составлял песок с небольшим содержанием костей. Кости коня и человека (одна определяемая кость) общим весом 4,14 кг были захоронены, возможно, в колоде.

Северную полу насыпи и окончание ровика нарушила система поздних углежогных ям. В одной из них (№ 26) найдены три фрагмента гончарного сосуда (один с волнистым орнаментом), фрагмент лепного сосуда и 10 кальцинированных костей, возможно, являвшихся остатками разрушенного трупосожжения. Гончарная керамика могла соответствовать переотложенным остаткам тризны древнерусского времени. К северо-западу от ямы № 26 за пределами кургана в материке выявлены две небольшие ямы – овальная и округлая. Относились они к комплексу углежогных ям или к кургану выяснить не удалось.

В стенках ровика, с юго-восточной стороны площадки открыты четыре, очевидно, столбовые ямы. В заполнении одной из них найдено пять фрагментов лепного сосуда и один фрагмент обмазки.

В заполнении П-образного ровика собран многочисленный керамический материал. В его верхней части найдено 14 фрагментов лепной, 175 фрагментов гончарной керамики (пять с волнистым орнаментом)

(рис. 18) и железный шлак, а в средней и нижней частях – 33 фрагмента лепных и 14 фрагментов гончарных сосудов (рис. 17: 1–9), две кальцинированные кости, две кости животного, два зуба коровы, одна кость челюсти коровы, один шлак.

В секторе 6 под дерном за пределами внешней границы ровика найден железный ромбовидный наконечник дротика или стрелы (рис. 15: 5), а в верхней части заполнения ровика – фрагмент железной проволочной цепи (рис. 15: 3), вероятно, нового времени (XIX – начала XX в.). В секторе 4 в насыпи над ровиком найден бронзовый спиральный перстень сегментовидного сечения (рис. 15: 4). Его трудно связать с каким-либо погребением. Спиральные перстни, но с насечками, соответствующие более ранним древностям, связаны с каменными могильниками с оградками III–IV вв. (Шмидехельм, 1955. Рис. 13: 2; 30: 2; 31: 4). На городище Рыуге найден один спиральный перстень сегментовидного сечения в четыре витка, подобный нашему, который датируется III–V вв. (Аун, 1992. Табл. XXVI: 11). В курганных могильниках Лаосина II, Рысна-Сааре II, Обинитса также найдены перстни, подобные сторожинецкому (Аун, 1992. С. 128, рис. 51: 12–14). М. Аун отмечает, что такие перстни имели довольно широкое распространение в I – начале II тыс. и более узко не датируются (Аун, 1992. С. 128).

Многочисленные фрагменты лепной керамики принадлежали в основном слабопрофилированным сосудам (диаметр венчиков 0,20–0,28 м) с отогнутым наружу краем и шейкой, плавно переходящей в покатое плечико (рис. 13: 1, 2, 5; 16; 17: 1–3, 10). Кроме того, встречены фрагменты придонных частей профилированных сосудов (рис. 13: 4; 17: 6–8, 11). В целом тесто лепной керамики плотное с примесью дресвы и песка, также найдено несколько фрагментов с очень гладкой поверхностью. Обжиг равномерный, цвет керамики бежевый, бежево-серый. Датировка кургана № 2 по керамике – середина – последняя четверть I тыс. По-видимому, этой датировке не противоречит найденный за пределами ровика ромбовидный наконечник дротика (стрелы) IX – первой половины XI в. (рис. 15: 5).

Для культуры длинных курганов, по мнению Е. Р. Михайловой (2009. С. 10), характерны черешковые наконечники стрел, ромбические, с зазубренными нижними краями пера. Большинство из них происходит из заполнения ровиков или из насыпи курганов. Наиболее близки нашему наконечники из могильника Каменка (курган 3, погребение 2), предварительно датированного В. Я. Конечким

IX–X вв. (Конецкий, 1978. С. 11, рис. 51: 3) и могильника Рышево (курган 5, погребение 2; раскопки В. В. Милькова) в междуречье рек Мста и Вишера, а также с городища «Городок на Маяте» (Еремеев, Дзюба, 2010. С. 71–77, рис. 68: 1; 69: 1, 4, 5). На городище на Маяте наконечник с шипами может быть датирован V–VI вв.

Из исследованного Л. К. Ивановским трупосождения, отнесенного А. А. Спицыным ко времени не позднее X в. (Спицын, 1896. С. 5, табл. XVIII: 6), происходит наконечник, похожий на сторожинецкий. В то же время ромбовидные наконечники стрел встречаются и в курганах XI–XII вв. Санкт-Петербургской губернии (Спицын, 1896. С. 34, табл. XVIII: 1, 4). Похожие сулицы (тип III по А. Н. Кирпичникову), но большего размера и без ярко выраженной продольной грани встречаются в древнерусских курганах X–XII вв. (Кирпичников, 1966. Табл. III: 8; IV: 6; 7; VI: 5; X: 10–13; XXII: 5). Таким образом, наконечник стрелы или сулицы мог быть связан с тризнами древнерусского времени наряду с фрагментами керамики XII–XIII вв. из заполнения ровиков, аналогичной керамике с городища. Часть фрагментов гончарной керамики из ровика относилась и к более позднему времени.

Важнейшим представляется то обстоятельство, что при значительном количестве лепной керамики второй половины I тыс., присутствующей фактически во всех прослойках, в заполнении многих комплексов и ровиков, в верхней части заполнения ровика найдены фрагменты раннегончарной керамики (рис. 17: 4; 18: 1), гончарной керамики с волнистым орнаментом XI в. (рис. 18: 9–11), гончарной керамики с линейным орнаментом, типичной для городища в XII–XIII (XIV) вв. (рис. 17: 12).

Уточнить время сооружения кургана № 2 позволяет радиоуглеродный метод. Всего для кургана получено семь датировок. По углю были датированы: уровень погребенной почвы, яма № 1, ритуальная яма № 18, яма № 39 в дне ровика, яма № 25, яма № 38 в дне ровика. Несколько моложе датировка головней (ЛЕ-3525), вероятно, связанных с погребением № 12, впущенным в первую насыпь, что правильно отражает этапы сооружения кургана и позволяет оценить приблизительно временной интервал от начала устройства площадки до возведения первой насыпи не более как в 50 лет. Лишь датировка ямы № 38 (ЛЕ-3522) оказывается заметно моложе основного массива дат и позволяет отнести эту яму к XI–XII вв.

Суммарный анализ всех семи датировок кургана (табл. 1) позволяет уточнить время функциони-

рования как 880–980 гг., (cal AD). Таким образом, удлиненный курган № 2 оказывается синхронен круглому кургану № 7. На основании серийных датировок этих погребальных сооружений можно достоверно заключить, что в пределах одного могильника две разные формы насыпи существовали одновременно. Погребальный обряд кургана № 2 своеобразен – на площадке, ограниченной П-образным ровиком, было первоначально выкопано по крайней мере три ямы. Затем площадка была очищена огнем. Большинство погребений впущены в материк с уровня погребенной почвы, и каждому из них соответствует небольшая присыпка. После совершения ряда погребений на площадке практически вся она была перекрыта общей насыпью. Незасыпанным осталось место для двух погребений на площадке у восточной оконечности ровика. В северо-северо-восточной части кургана, за пределами площадки, открыто еще три погребения. В насыпь первого этапа впущено три ямных погребения. В насыпи второго, последнего этапа совершено два погребения – ямное и единственное в кургане погребальное пятно.

Погребальный обряд в кургане весьма однороден: каждое погребение в материке или в насыпи перекрыто подсыпкой. Ряд столбовых и ритуальных ям можно связать с отдельными погребениями. Почти в каждой из них найдены один-два фрагмента лепной керамики и отдельные косточки. В отличие от других курганов, курган № 2 насыщен лепной керамикой, найденной в погребенной почве, на поверхности насыпи первого этапа, в ровиках и ямах. Наиболее вероятно, что это следы тризн или иных ритуальных действий, связанных с процессом погребения. В некоторых погребениях кроме костей человека найдены кости лошади, крупного и мелкого рогатого скота.

Абсолютная хронологическая привязка этого погребального комплекса, своеобразные черты которого свидетельствуют о бытовании в культуре длинных курганов неутраченных до конца традиций отдельных коллективов (семей), позволяет достоверно заключить, что и в конце IX – конце X в. наряду с круглыми насыпями возводились удлиненные. В целом погребальный обряд кургана № 2 подтверждает современные представления о формировании удлиненных насыпей.

Длинный курган № 25

Наиболее ранним из раскопанных в могильнике Сторожинец является длинный курган № 25 размерами 4,50–5,00 × 14,5 м и высотой 0,45–0,75 м, ориентированный длинной осью по линии северо-восток – юго-запад. Его юго-восточная поля частично

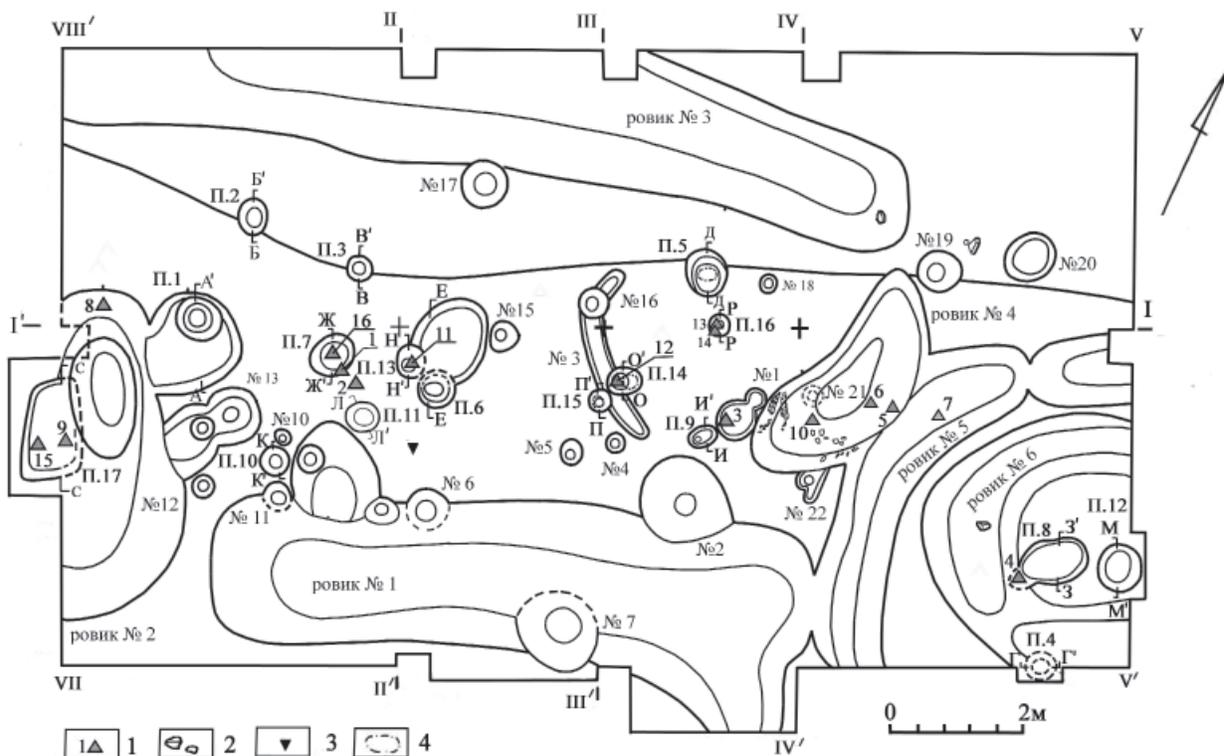

Рис. 19. Могильник Сторожинец. Курган № 25. План погребений и сооружений, углубленных в погребенную почву и материк: 1 – находки; 2 – камни; 3 – лепная керамика; 4 – границы плотных скоплений кальцинированных костей в погребениях

нарушена проселочной дорогой. В основании кургана прослежена подпрямоугольная площадка, образованная в материке на склоне озерной поймы, подрезанной двумя короткими торцевыми и двумя продольными ровиками (рис. 19). Продольные ровики № 1, размерами 2,00–2,60 × 8,90 м и глубиной до 0,61 м, и № 3, размерами 0,80–1,20 × 10,0 м и глубиной до 0,30 м, заполнялись постепенно, о чем свидетельствуют разные линзы и прослойки в их заполнении (рис. 20). Торцевой ровик № 4 подовальной формы, размерами 1,48 × 3,50 м и глубиной 0,62–0,71 м, был засыпан одновременно на первых стадиях создания насыпи. В верхней части его заполнения встречены небольшие угольки и найдены: фрагмент бронзовой колоколовидной привески с цепочкой (рис. 21: 6), обломок железного предмета с бронзовой накладкой с отверстием (рис. 21: 5) и бронзовая колоколовидная привеска (рис. 21: 7). В заполнение ровика была впущена круглая ямка. Торцевой ровик № 2 неправильной подовальной формы длиной 4,78 м, шириной 1,80 м и глубиной 0,92 м, у северо-северо-восточной оконечности имел овальное углубление. Заполнение ровика было неоднородным, причем его верхние

два слоя и перекрывающие их и насыпь кургана № 25 гумусированные прослойки относились к насыпи соседнего длинного кургана № 29. В верхней части заполнения ровика № 2 найден железный ромбовидный наконечник стрелы (рис. 21: 1). Площадка кургана оформлялась постепенно, вероятно, обкладывалась дерном, подсыпалась гумусированным песком мощностью до 0,16 м. Гумусированные прослойки перекрывали предматериковый слой мощностью до 0,08 м, ряд комплексов и погребений.

К самому раннему этапу сооружения кургана относятся ямы № 3, 14, 15, прорезавшие предматерик и частично перекрытые слоем гумусированного песка. Яма № 3 в центральной части площадки – вытянутое канавообразное углубление размерами 0,32 × 2,70 м и глубиной до 0,22 м – была заполнена слабогумусированным песком. Яма № 14 овальной формы размерами 1,10 × 1,34 м и глубиной 0,23 м имела уплощенное дно и неоднородное заполнение. На юго-юго-западном краю ямы в нижнюю часть ее заполнения и материк было впущено самое раннее в кургане погребение № 13, совершенное в округлой яме диаметром 0,46 м и глубиной 0,25 м

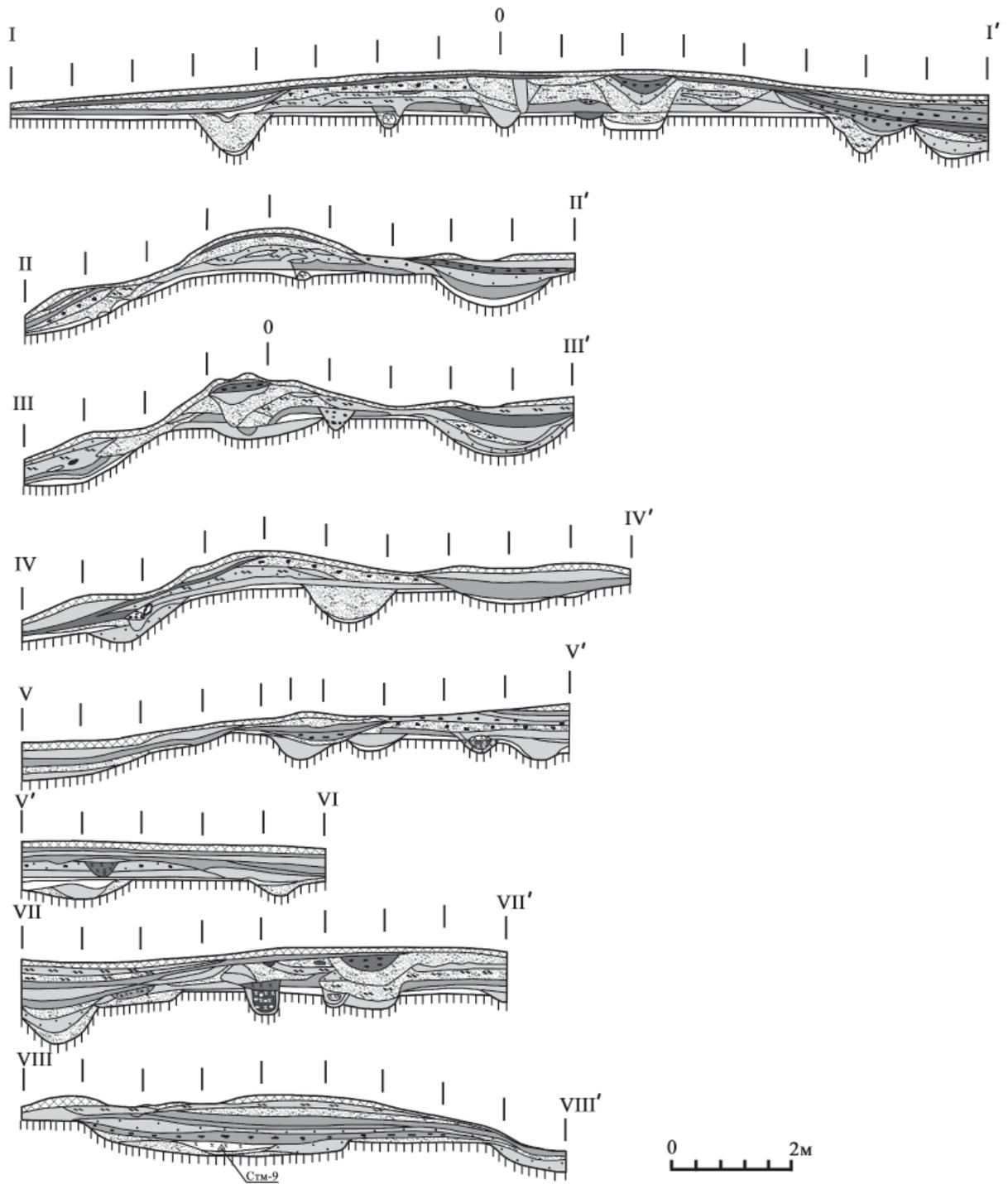

Рис. 20. Могильник Сторожинец, Курган № 25. Разрезы раскопа (условные обозначения на рис. 3)

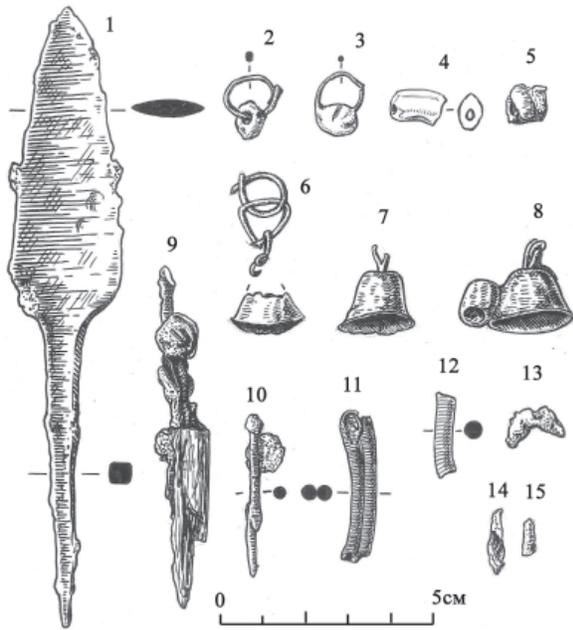

Рис. 21. Могильник Сторожинец. Курган № 25. Находки: 1 – железный наконечник стрелы (Стм-8, верхняя часть заполнения ровика № 5); 2, 3 – бронзовые серьги со стеклянными бусинами (Стм-13, Стм-14, погребение № 16); 4 – обломок обгоревшей (костяной?) бусины (Стм-16, погребение № 7); 5 – обломок железного предмета с бронзовой накладкой (Стм-6, верхняя часть заполнения ровика № 4); 6, 7 – бронзовые колоколовидные привески (Стм-10, Стм-5, верхняя часть заполнения ровика № 4); 8 – бронзовая колоколовидная привеска с припавленной бусиной (Стм-7, верхняя часть заполнения ровика № 5); 9 – часть железного предмета с деревянной рукоятью (Стм-12, погребение № 14); 10 – обломок железного предмета (Стм-3, верхняя часть заполнения ямы № 1); 11 – обломок бронзового украшения (Стм-9, погребение № 17); 12 – бронзовая спиралька (Стм-15, погребение № 17); 13, 14 – обломки бронзовых предметов (Стм-1, Стм-2, погребение № 7); 15 – обломок бронзового предмета (Стм-11, погребение № 13)

(рис. 22). По стенкам и дну погребальной ямы зафиксирована прослойка серого слабогумусированного песка мощностью 0,12 м. Центральную часть ее заполнения составляла линза слабогумусированного песка мощностью 0,20 м с вкраплениями мелких кальцинированных костей, в верхней части которой зафиксировано плотное скопление костей мощностью 0,10 м, подтрапециевидной в разрезе формы. Среди

костей найден обломок оплавленного бронзового предмета (рис. 21: 15). Погребение принадлежало женщине 25–40 лет.

Яма № 15 яйцевидной формы размерами 0,40 × 0,44 м и глубиной 0,24 м была заполнена гумусированным песком.

Вторым в кургане было совершено погребение № 11. Круглая погребальная яма диаметром 0,46 м и глубиной 0,38 м была впущена в материк с уровня предматерика. Нижняя часть заполнения в виде линзы сильногумусированного песка толщиной 0,22 м содержала большое количество кальцинированных костей (0,92 кг). Выше залегала линза слабогумусированного песка мощностью 0,22 м. Погребение принадлежало человеку старше 40 лет (позвонки, пяточная кость).

К погребениям второго этапа относятся погребения № 7, 6, 10, 15, 14 (возможная последовательность их совершения), впущенные в материк с уровня гумусированных прослоек над предматериком.

Погребальная яма № 7 имела округло-овальную форму размерами 0,58 × 0,70 м и уплощенно-округлое дно. По ее стенкам и дну отмечена прослойка сильногумусированного желто-черного мешаного песка с вкраплениями мелких угольков. Среднюю часть заполнения составлял слой сильногумусированного углистого песка подпрямоугольной в разрезе формы, мощностью 0,35 м с очень плотно лежащими кальцинированными костями⁸. Верхнюю часть заполнения составлял гумусированный слой со средним содержанием костей (всего 4,6 кг). В погребении встречены кости взрослого мужчины (фрагменты черепа) и женщины (?), а также крупного рогатого скота (часть челюсти). В верхней части заполнения найдены: обгоревшая костяная (?) бусина (рис. 21: 4), обломок оплавленного бронзового предмета (рис. 21: 13); недалеко от ямы в гумусированном слое также обнаружен обломок оплавленного бронзового предмета (рис. 21: 14).

Погребальная яма № 6 круглой формы диаметром 0,56 м и глубиной 0,40 м была впущена в материк и частично в заполнение ямы № 14 с уровня темно-серого гумусированного слоя. По ее стенкам и дну отмечена прослойка желтого мешаного песка. Верхнюю часть заполнения составляла линза сильногумусированного песка толщиной 0,30 м с равномерно распределенными в ней кальцинированными костями. Погребение при-

⁸ Очевидно, перед захоронением кости были помещены в какой-то короб, от которого ничего не сохранилось.

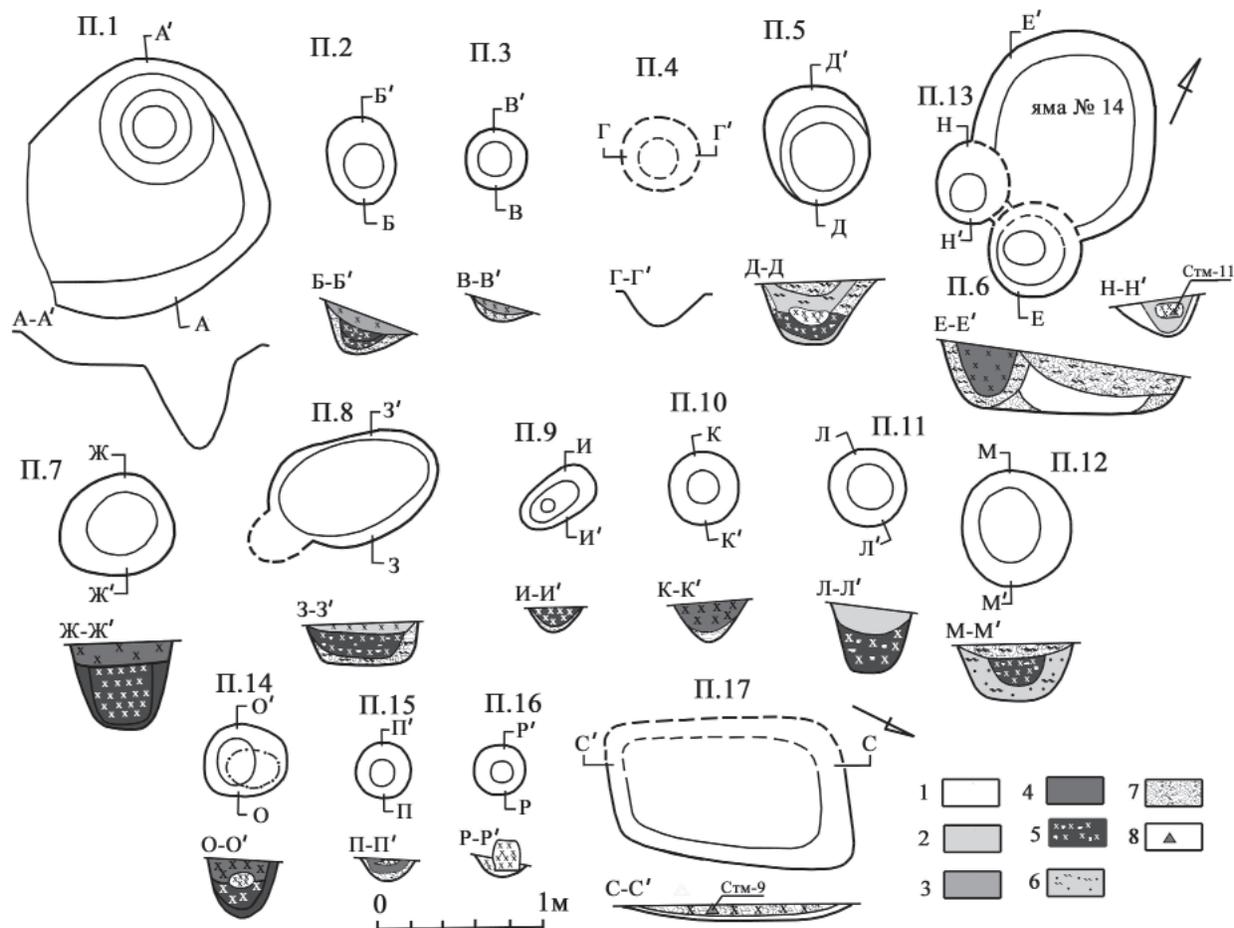

Рис. 22. Могильник Сторожинец. Курган № 25. Планы, разрезы и профили погребений: 1 – слабогумусированный песок белого и пепельно-серого цвета; 2 – слабогумусированный песок серого цвета; 3 – гумусированный песок темно-серого цвета; 4 – сильногумусированный песок черно-серого цвета; 5 – песок черного цвета с кальцинированными костями и включениями угольков; 6 – слабогумусированный мешаный песок желто-серого цвета; 7 – песок желтого и оранжевого цвета; 8 – находки

надлежало человеку старше 25 лет (часть берцовой кости).

Погребение № 10 на краю площадки было совершено в круглой яме диаметром 0,42 м и глубиной 0,23 м, впущенной в материк с уровня темно-серого слоя. Нижнюю часть заполнения составляла линза мешаного песка мощностью 0,07 м, верхнюю – линза сильногумусированного песка мощностью 0,16 м с мелкими кальцинированными костями (0,11 кг). Погребение принадлежало ребенку в возрасте 0,5–1 год (зуб). По обе стороны от погребения прослежены две столбовые ямки (№ 10 и 11), относящиеся, очевидно, к какому-то сооружению, связанному с погребением.

Погребение № 15 было впущено с уровня темно-серого слоя в материк и частично в заполнение

ямы № 3. Могильная яма круглой формы диаметром 0,30 м и глубиной 0,18 м от уровня материка имела неоднородное заполнение. Ею нижнюю часть составляла линза желто-серого мешаного песка мощностью 0,05 м, среднюю – слой сильногумусированного песка мощностью 0,08 м с вкраплениями угольков и мелких кальцинированных костей. В верхней части этого слоя отмечено скопление кальцинированных костей овальной формы, размерами 0,11 × 0,14 м и мощностью 0,03 м. Верхнюю часть заполнения составляла линза песка с вкраплениями угольков и мелких кальцинированных костей. Погребение принадлежало ребенку возрастом до полугода (шесть зубов).

Погребение № 14, совершенное рядом с предыдущим, было впущено с уровня темно-серого слоя в материк и в заполнение ямы № 3. Могильная яма

имела овально-прямоугольную форму размерами 0,39 × 0,50 м и глубиной 0,36 м. В нижней части заполнения прослежена линза гумусированного черно-желтого песка мощностью 0,05 м, перекрытая линзой сильногумусированного углистого песка мощностью 0,17 м с кальцинированными костями. В верхней части заполнения погребальной ямы лежал слой сильногумусированного песка черно-серого цвета мощностью 0,14 м, также с костями. Основная часть костей залегала компактно на участке подовальной в плане и разрезе формы размерами 0,22 × 0,32 м и мощностью 0,09 м³. Среди костей найдена часть железного предмета с остатками дерева (рис. 21: 9). Вес костей 0,48 кг. В погребении № 14 захоронены взрослый человек, вероятно, женщина (шейный отдел позвоночника, лобная кость) и, возможно, ребенок.

К югу от погребений № 14 и 15 на площадке прослежены две столбовые ямы (№ 4 и 5), вероятно, связанные с ними.

К погребениям раннего этапа может быть отнесено также погребение № 16 в северо-северо-восточной части площадки, перекрытое темно-серым слоем в основании насыпи. Погребальная яма круглой формы диаметром 0,31 м и глубиной 0,12 м была заполнена желтым песком с мелкими кальцинированными костями. В ее заполнении найдено два бронзовых височных кольца с приплавившимися бусинами синего стекла (рис. 21: 2, 3). В яме был установлен вверх дном слабопрофилированный ребристый лепной горшок (рис. 23; 24), заполненный желтым песком с кальцинированными костями. Дно его частично просело внутрь, но удалось установить, что кости в нем располагались в анатомическом порядке: кости черепа и остатки челюсти с 11 зубами ребенка до полугода находились у дна горшка. Горшок бежевого цвета (диаметр венчика 18 см, диаметр дна 10,5 см, высота 17 см) имел сравнительно гладкую, возможно, слегка подощенную поверхность, в тесте были дресва и песок.

Погребение № 9 совершено в той же части кургана в подовальной яме размерами 0,29 × 0,47 м и глубиной 0,14–0,20 м, впущенной в предматериковый слой и материк. В дне ямы имелось округлое углубление. По дну и стенкам погребальной ямы зафиксирована прослойка мешаного желтого песка мощностью 0,04 м, выше яма была заполнена сильногумусированным песком мощностью 0,10 м с

⁹ Вероятно, это говорит о том, что основная часть костей погребения перед захоронением была помещена в небольшой мешок.

Рис. 23. Могильник Сторожинец. Курган № 25. Погребение № 16 в лепной горшке. Вид с востока – северо-востока

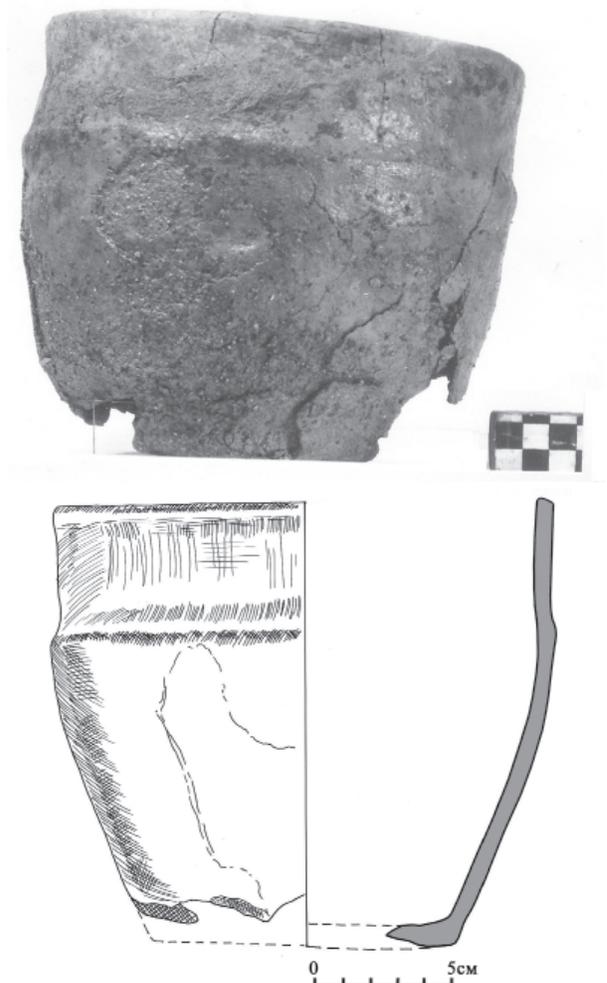

Рис. 24. Могильник Сторожинец. Курган № 25. Погребение № 16. Лепной горшок (Стм-17)

вкраплениями мелких кальцинированных костей. Погребение принадлежало ребенку двух-трех месяцев (три зуба). Рядом с погребением открыта восьмеркообразная в плане яма № 5, в заполнении которой найден обломок железного предмета (рис. 21: 10).

Относящимися к более позднему этапу сооружения кургана могут считаться погребения, впущенные из-под верхних насыпей в предматерик и в материк на краю площадки и на склоне (№ 2, 3, 5).

Погребальная яма № 2 на склоне подрезки в северо-западной части кургана имела овальную форму размерами 0,43 × 0,50 м и глубиной 0,23 м. По стенкам и на дне ямы отмечена прослойка мешаного песка мощностью 0,08 м. Среднюю часть заполнения составлял слой черного углистого сильно-гумусированного песка с небольшим количеством кальцинированных костей мощностью 0,05 м, еще выше зафиксирована линза такого же песка с большим содержанием костей. В верхней части заполнения прослежена линза гумусированного песка толщиной 0,10 м с костями (0,84 кг). Погребение принадлежало подростку 12–15 лет (часть челюсти с неоформившимися коренными зубами).

Погребение № 3 на краю склона подрезки было помещено в круглую яму диаметром 0,36 м и глубиной 0,12 м. Внизу яма была заполнена мешаным желтым песком мощностью 0,05 м, сверху – гумусированным песком. Всего в яме собрано 12 мелких кальцинированных костей, вероятно, ребенка.

Погребение № 5 на краю площадки было впущено в материк с поверхности темно-серого слоя. Погребальная яма в форме неправильного овала размерами 0,60 × 0,68 м и глубиной 0,36 м с уплощенно-округлым дном имела неоднородное заполнение. На ее дне и нижней трети стенок отмечена прослойка слабогумусированного песка мощностью 0,05 м, среднюю часть заполнения составляла линза сильногумусированного углистого песка мощностью 0,15 м с редкими кальцинированными костями. Выше отмечено плотное скопление костей овальной в плане формы размерами 0,18 × 0,28 м и мощностью 0,09 м¹⁰. Выше скопления залегал слой серого мешаного песка мощностью 0,08 м. В верхней половине ямы по стенкам отмечены прослойки желтого мешаного песка мощностью 0,10 м. Всего в погребении собрано 1,9 кг костей. Погребение принадлежало мужчине 30–50 лет.

¹⁰ Возможно, часть костей перед захоронением была помещена в мешок.

В 0,50 м к востоку от погребения обнаружена столбовая яма № 18.

Погребальная яма № 17 подпрямоугольной в плане формы размерами 0,79 × 1,40 м и глубиной 0,11 м с уплощенным дном, относилась к более позднему этапу сооружения кургана. Она была впущена в нижнюю часть заполнения торцевого ровика № 2. В ее заполнении из желтого песка собрано 0,34 кг кальцинированных костей молодого человека (скорее всего, возрастом до 25 лет). По дну и стенкам ямы отмечена прослойка белесого песка мощностью 0,03 м. В заполнении погребения найдены фрагмент бронзового украшения из двух приплавленных псевдоспиральных трубочек (от вайнаги?) (рис. 21: 11) и обломок такой же, но большего диаметра бронзовой трубочки со спиральным орнаментом (рис. 21: 12).

Погребение № 1 на юго-западном краю площадки было совершено до подсыпки кургана № 25 слоем темно-серого песка поверх нижней части заполнения торцевого ровика и верхней насыпи кургана. Погребальная яма была углублена в материк и в заполнение ровика № 2. Она имела подовальную форму размерами 1,20–1,40 × 1,44 м, и глубину 0,17–0,24 м и уплощенное дно с наклоном в сторону ровика. В дне ямы прослежена округлая яма размерами 0,60 × 0,68 м и глубиной 0,40 м. Нижнюю часть заполнения погребальной ямы составлял желтый мешаный песок мощностью 0,12–0,14 м с разрозненными кальцинированными костями. Выше в западной части заполнения залегала прослойка серого песка мощностью 0,06 м. Там же прослежена линза гумусированного песка мощностью 0,20 м с кальцинированными костями. Всего в погребении собрано 0,15 кг костей взрослого человека (фрагменты позвонков).

На площадке открыто еще несколько ям (№ 2, 6–9, 12, 13, 17, 19, 20, 22), углубленных в материк и частично в заполнение ровиков. Они были столбовыми или имели ритуальное назначение.

Этапы сооружения насыпи кургана № 25

Как уже отмечалось, основные погребения располагались в западно-юго-западной части площадки, в ее восточно-северо-восточной части находились в основном детские погребения.

Насыпь кургана начала возводиться с запада-юго-запада. Сначала на краю площадки и ровика № 2 был насыпан валик из слабогумусированного песка мощностью 0,39 м. Потом он был подсыпан с внутренней стороны желто-серым песком мощностью 0,32 м. После этого гумусированные слои

в основании кургана были засыпаны желтым и желто-серым песком вплоть до погребения № 16 мощностью 0,10–0,32 м. Затем насыпь была продлена подсыпкой из желто-серого песка мощностью 0,20 м.

После этого в насыпи в средней части площадки (примерно над ямой № 14) была вырыта яма диаметром около 1,40 м и глубиной 0,40 м с округло-уплощенным дном, вероятно, ритуального назначения. Заполнение ямы не отличалось по цвету от насыпи, в которую она была впущена. После этого западно-юго-западная часть кургана был подсыпана слоем желтого песка мощностью 0,26 м и одновременно была частично засыпана последняя яма. Затем курган в восточно-северо-восточной части был подсыпан желтым песком с мелкими угольками мощностью 0,24 м до середины ровика № 4. После этого в насыпи, в центральной части кургана была выкопана яма размерами 1,00 × 1,34 м и глубиной 0,44 м с наклонно-коническим дном. В яму, засыпанную желтым песком с угольками, был, очевидно, установлен столб.

На последнем этапе насыпь была подсыпана у восточно-северо-восточного торца кургана желтым песком мощностью 0,16 м, перекрывшим слой погребенной почвы на склоне и у подножия насыпи. Всю насыпь также перекрывал гумусированный слой песка темно-серого цвета толщиной 0,02–0,08 м, лежавший под слоем дерна.

Разрозненные кальцинированные кости найдены на уровне погребенной почвы (28 фрагментов), под слоем дерна в секторе 1 (13 фрагментов), в верхней части заполнения ровика № 1 (215 костей человека), они связаны, очевидно, с остатками погребения, полностью разрушенного дорогой. Кроме того, в поддверном слое найдено три фрагмента стенок гончарных сосудов XII–XIII вв.

Курган № 37

В восточной части раскопа была выявлена оконечность кургана № 37, оконтуренной системой из двух ровиков (№ 5 и 6) и полностью санированной дорогой. Курган № 37, по-видимому, овально-прямоугольной формы размерами 8,50 × 18 м и высотой 0,60 м вплотную примыкал к восточной оконечности кургана № 25. На площадке кургана № 37 открыто два погребения, относящихся к раннему этапу его сооружения (№ 8 и 12, по общей нумерации погребений кургана № 25).

Погребение № 12 располагалось в округлой яме диаметром 0,68 м и глубиной 0,33 м с уплощенно-округлым дном. В заполнении из слабогумусированного мешаного песка мощностью 0,24 м

прослежен компактный участок углистого черного песка с кальцинированными костями мощностью 0,17 м. Сверху яма была досыпана желтым мешаным песком с разрозненными кальцинированными костями мощностью 0,08 м. В погребении, принадлежавшем взрослому человеку (женщине?) и ребенку до полугода, собрано 0,46 кг костей. Погребальная яма была впущена в материк с уровня погребенной почвы – слабогумусированного слоя песка мощностью 0,12 м, перекрывавшего слой предматерика.

Погребальная яма № 8 была впущена в насыпь желто-серого песка мощностью 0,20 м, перекрывавшего погребенную почву, и в материк. Она имела неправильную подовальную форму с расширением на юго-западе размерами 0,64 × 1,20 м и глубиной 0,24 м. В нижней части ее заполнения отмечена прослойка оранжевого мешаного песка мощностью 0,06 м, в средней части – линза углистого черного песка с небольшим количеством кальцинированных костей мощностью 0,14 м, в верхней части – линза слабогумусированного песка мощностью 0,14 м с кальцинированными костями (0,18 кг). Погребение принадлежало взрослому человеку. В верхней части заполнения найдены обломки растрескавшейся от огня пастовой (?) бусины.

Погребение № 4 в круглой яме диаметром 0,41 м и глубиной 0,22 м впущено в насыпь желто-серого песка с угольками и в погребенную почву. В заполнявшем ее сильногумусированном песке с угольками собрано 13 кальцинированных костей взрослого человека. Яма была перекрыта линзой слабогумусированного песка, а затем вся насыпь – слоем темно-серого гумусированного песка мощностью 0,16 м. Выше в насыпи были прослежены прослойки гумусированного и слабогумусированного песка мощностью 0,24 м, часть из которых могла быть связана с изменением структуры насыпи, так как дорога проходила прямо по кургану.

Насыпь кургана № 37, состоящую из желто-серого песка с угольками, перекрывали слой погребенной почвы на восточно-северо-восточной оконечности кургана № 25 и насыпь последнего этапа его сооружения. Таким образом, насыпь кургана № 37 была возведена раньше последней подсыпки кургана № 25.

Два подковообразных ровика кургана № 37, вероятно, были кольцевыми и уходили за пределы раскопа. Внутренний ровик № 6 шириной 0,88–1,24 м и глубиной 0,22–0,31 м на западе примыкал к ровику № 4, а в северо-северо-восточной части имел перемышку. Ровик № 5 имел неоднородное

заполнение. В его верхней части найдена бронзовая колоколовидная привеска с приплавившейся бронзовой бусиной (рис. 21: 8). Ровик был сооружен после возведения насыпи кургана № 37 из желтого и желто-серого песка. Внутренний ровик № 6 шириной 1,04–1,46 м и глубиной 0,18–0,28 м имел округло-уплощенное дно и неоднородное заполнение.

При разборке слабогумусированного слоя над предматериковым слоем найдено 14 мелких фрагментов стенок лепных сосудов.

Длинный курган № 25 отличается однородным погребальным обрядом, свойственным традициям погребальной обрядности культуры длинных курганов. Его площадка оформлена с северо-северо-востока подрезкой, а с длинной стороны и торцов – ровиками. На ней обнаружен ряд ямных трупосожжений. Наиболее ранние из них открыты в западно-юго-западной части площадки, а на противоположной стороне площадки обнаружены в основном детские погребения.

Погребения первого этапа были перекрыты гумусированными прослойками. Погребения второго этапа впущены в материк с поверхности этих гумусированных прослоек («погребенной почвы»). Погребения третьего этапа впущены в материк на краю площадки и на склоне подрезки. Еще более позднее погребение (№ 17) в яме прямоугольной формы впущено в нижнюю часть заполнения торцевого ровика № 2. Погребение № 1, зафиксированное в материке и стенке этого же ровика, совершено еще позднее.

С некоторыми погребениями, очевидно, связаны расположенные рядом с ними столбовые ямы и ямы «ритуального» назначения. Погребения помещались, как правило, в круглые ямы, заполнение которых обычно состояло из нескольких слоев: первоначально яма подсыпалась по дну и стенкам прослойками того или иного песка. Средняя часть заполнения состояла из гумусированного песка с незначительным содержанием костей. Выше залегала линза углистого песка с большим содержанием костей. Иногда кости лежали очень плотно и компактно, занимая определенное пространство, что свидетельствует о том, что большая их часть помещалась в яму в колоде или в каком-либо ином вместилище. Прослойки, лежащие выше основной части захоронения, имели меньшую гумусированность и содержали меньшее количество костей.

Насыпь кургана начала возводиться с западно-юго-западной стороны, где отмечены наиболее

ранние погребения, с валика на краю площадки и торцевого ровика. Несколько подсыпок, «ритуальная» и столбовая ямы в насыпи указывают на постепенность возведения кургана. Следует отметить, что впускных погребений в насыпи кургана не зафиксировано.

Примыкающий с запада к кургану № 25 курган № 37 (вероятно, овально-прямоугольной формы) был практически уничтожен дорогой. Исследованные на его площадке два погребения были окружены двумя кольцевыми ровиками. Еще одно погребение впущено в его насыпь и в заполнение внешнего ровика. Как удалось установить, насыпь кургана № 37 была возведена несколько раньше последней подсыпки на восточно-северо-восточном крае кургана № 25 и образования под ней слоя погребенной почвы. Таким образом, курганы практически синхронны, о чем свидетельствует найденная в заполнении внешнего ровика кургана № 37 бронзовая колоколовидная привеска с приплавившейся бронзовой бусиной, такая же, как и найденная в кургане № 25.

Хронология курганов № 25 и 37

Вещи, найденные при раскопках курганов № 25 и 37, указывают на время их сооружения.

Два бронзовых височных кольца со стеклянными синими бусинами и с заходящими концами (рис. 21: 2, 3). Одно из них было сделано из проволоки прямоугольного сечения; основа другого кольца, также прямоугольного в сечении, очевидно, была свернута из полоски бронзы, о чем свидетельствует внутренний шов. Такие височные кольца, имеющие эстонские аналогии, вероятно, встречаются как в ранних, так и поздних длиннокурганых комплексах. Они имеют аналогии в могильниках Рысна-Сааре II (курганы № 5, 6 [длинные], № 8 [круглый]) и Тагаметса (круглый курган № 2). Одно из таких височных колец в Юго-Восточной Эстонии было изготовлено из серебра, а не из бронзы (Аун, 1992. С. 124, рис. 51: 8–9; 126). В западной части ареала культуры длинных курганов подобные кольца с бусинами из синего стекла найдены в могильниках Безьва III (Чернягин, 1940. С. 40), Березицы I и VI, Берёзно I (курган 5) (Михайлова, 2010. С. 48, рис. 26), а также в могильнике Черный Ручей в бассейне р. Пола (Чернягин, 1941. С. 115, табл. III: 3). Е. Р. Михайлова считала, что точное назначение этих предметов осталось неясным.

В курганах IX–XIII вв. иногда встречаются однобусинные и многобусинные височные кольца (Седов, 1982. С. 163). Одно такое кольцо из могильника

Кузнецово на Ловати, подобное сторожинецкому и эстонским однобусинным кольцам, опубликовано В. В. Седовым (Седов, 1982. Табл. LI: 2). Первой половиной IX в. датируются два серебряных кольца с фрагментами серебряной бусины, происходящие из кургана № 95 Тимеревского могильника (Дубов, 1976. С. 82, рис. 2: 27, 29).

Бронзовые колоколовидные привески, встреченные в ровиках курганов № 25 и 37 (рис. 21: 6–8), подобны привескам с S-видным завитком, найденным при раскопках курганов в Юго-Восточной Эстонии (Арнико III и Рысна-Сааре I), где они могут быть датированы VII–VIII вв. (Аун, 1992. С. 127, рис. 51: 1–6). Встречаются они и в Восточной Латвии, но там они несколько отличаются конструктивно от эстонских аналогов. Латвийские колоколовидные привески имеют на одной стороне вырезку, и концы их заходят один на другой. По подобной технологии выполнены по крайней мере два из сторожинецких «колокольчиков». В Восточной Латвии такие привески входили в состав украшений VII–XI вв. (Urtāns, 1970. S. 64–75). Близкие аналогии рассматриваемым привескам можно найти и в верхнем горизонте Дьякова городища (Кренке, 1983. С. 65–66). Подобный колокольчик встречен и на селище Городище банцеровской культуры в Белоруссии (Археалогія Беларусі, 1999. Рис. 120: 22), имеющей определенные параллели с культурой длинных курганов.

Само по себе наличие привесок, подобных сторожинецким, на памятниках культур, сформировавшихся в той или иной степени под влиянием балтских культур раннего железного века, и шире, в балтской среде (Восточная Латвия), может дополнительно свидетельствовать о проникновении некоторых традиций и элементов этого мира в культуру длинных курганов.

Черешковый наконечник дротика (рис. 21: 1) из кургана № 25 сторожинецкого могильника имеет аналогии в древностях городища Рыуге (Аун, 1992. С. 73–74, рис. 23: 2, 3). Подобные наконечники имели широкое распространение в древностях Прибалтики в VIII–IX вв. (Salmo, 1938. S. 244–247). Похожие наконечники стрел, но меньшего размера встречены в курганах Бирки – в трупосожжении № 452 (Arbman, 1940. Tabl. 13: 7, fig. 452) и трупоположении № 708 (Arbman, 1940. P. 242–243, tabl. 13: 6).

Бронзовые спиральки и ложноспиральные трубочки (рис. 21: 11, 12), часто встречающиеся при раскопках длинных курганов, входили в состав украшений одежды и ожерелий. Это один из

характерных элементов украшений в балтской и финно-угорской среде. Часть из них могла относиться к головным венчикам – вайнагам. В Литве украшения из спиралек встречались в VIII в. (Vaitkunskienė, 1981. P. 16, fig. 1). В длинных курганах на Смоленщине спиральки, трубочки и элементы вайнаг встречаются в VII–IX вв. (Седов, 1974. С. 31, табл. X).

Сосуд из погребения № 16 (рис. 24) подобен ряду профилированных ребристых горшков, которые встречались в погребениях третьей четверти I тыс., особенно в ранних длинных курганах Псковщины: сосуды могильника Жеребятино (Кудряшов, 1913; Белецкий, 1983. С. 286), могильников Володи (курган 2) и Безьва III (курган 1) (Чернягин, 1938. Л. 82, 86). Кладоискателями в конце XVIII в. в могильнике Арнико I в Юго-Восточной Эстонии также найден ребристый горшок (Аун, 1992. С. 87, 146, рис. 29; 49). В могильнике Сууре-Рысна (длинный курган 9, погребение III) при раскопках встречен ребристый сосуд, также в перевернутом положении (Аун, 1992. С. 104–105, табл. XLII: 1).

Бронзовая бусина (рис. 21: 8) из кургана № 25, приплавившаяся к колоколовидной привеске, в какой-то степени повторяла форму широко известных в древностях культуры 14-гранных бусин из синего стекла. Бронзовые бусины, очевидно, являющиеся редкостью для культуры длинных курганов, были найдены в круглом кургане № 9 могильника Линдора. Найденные вместе с урновым погребением и бронзовыми спиральными трубочками, они, по мнению М. Аун (1992. С. 106, 132), являются наиболее ранним инвентарем III–V вв., хотя трудно «установить время, когда они попали в землю» (Аун, 1992. С. 106).

Таким образом, погребальный инвентарь позволяет датировать совершение погребений в кургане № 25 VII–VIII вв. Девять радиоуглеродных датировок (табл. 1), полученных по углю из заполнения разных комплексов кургана, дают очень узкий хронологический интервал функционирования могильника – 670–725 гг. Изученные погребальные комплексы (рис. 25) наряду с исследованными ранее на городище Сторожинец оборонительными, хозяйственными, жилыми сооружениями и слоями третьей – четвертой четверти I тыс., позволяют расценивать весь археологический комплекс как значительный форпост на границе ареала культуры длинных курганов. Вероятно, что курган № 25 – далеко не самая ранняя насыпь в могильнике. Важнейшим представляется факт непрерывности развития округа на протяжении второй половины I тыс. – XII–XIV вв.

Рис. 25. Вид на городище Сторожинец от северо-восточной границы могильника (июль 2016 г.)

Источники и литература

- Археалогія Беларусі. 1999. Мінск. Т. 2.
- Аун М., 1979. Об исследовании курганов у дер. Рысна-Сааре // Eesti NSV Teaduste Akadeemia Toimetised. Tallinn. № 28.
- Аун М., 1992. Археологические памятники второй половины 1-го тысячелетия н.э. в Юго-Восточной Эстонии. Таллинн.
- Белецкий С. В., 1983. Новое в изучении длинных курганов // СА. № 2.
- Гроздилов Г. П., 1965. Археологические памятники Старого Изборска // Материалы и исследования по археологии Европейской части СССР. Л.; М. (АСГЭ. № 7).
- Дубов И. В., 1976. Новые раскопки Тимеревского могильника // КСИА. № 146: Славяно-русские древности.
- Еремеев И. И., Дзюба О. Ф., 2010. Очерки исторической географии лесной части пути из Варяг в Греки. Археологические и палеографические исследования между Западной Двиной и озером Ильмень // Труды ИИМК РАН. Вып. XXXIII. СПб.
- Исланова И. В., 2006. Верхнее Помостье в раннем средневековье. М.
- Кирпичников А. Н., 1966. Древнерусское оружие. М.; Л. Т. 2. (САИ Е 1-36).
- Конечский В. Я., 1978. Отчет об археологических работах Новгородского музея в 1978 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 7363.
- Кренке Н. А., 1983. Работы на территории охранной зоны заповедника «Коломенское» // АО 1983 г.
- Кудряшов К., 1913. Отчет о раскопках 1911 г. в Гдовском уезде // Записки Русского археологического общества. СПб. Т. IX.

- Михайлова Е. Р., 2007. Культура псковских длинных курганов: памятники финального этапа // Вестник СПбГУ. СПб. Серия 6: Философия. Вып. 4.
- Михайлова Е. Р., 2009. Культура псковских длинных курганов. Проблемы хронологии и развития материальной культуры. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.
- Михайлова Е. Р., 2010. Полностью исследованный могильник культуры длинных курганов Берёзно I // Исследования погребальных памятников на западе средневековой Новгородской земли. СПб.
- Попов С. Г., 1986. Отчет Гдовского отряда ЛОИА АН СССР (ИИМК РАН) о работах 1986 г. // НА, РА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 17.
- Попов С. Г., 1988. Отчет Гдовского отряда ЛОИА АН СССР (ИИМК РАН) о работах 1988 г. // НА, РА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 15.
- Попов С. Г., 1989а. Городище Сторожинец // КСИА. Вып. 198: Средневековая археология Восточной Европы.
- Попов С. Г., 1989б. Отчет Гдовского отряда ЛОИА АН СССР (ИИМК РАН) о работах 1989 г. // НА, РА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 16.
- Попов С. Г., 1990. Отчет Гдовского отряда ЛОИА АН СССР (ИИМК РАН) о работах 1990 г. // НА, РА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 17.
- Попов С. Г., 1991. Отчет Гдовского отряда ЛОИА АН СССР (ИИМК РАН) о работах 1991 г. // НА, РА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 19.
- Попов С. Г., 1992. Отчет Гдовского отряда ИИМК РАН о работах 1992 г. // НА, РА ИИМК РАН.
- Попов С. Г., 1995а. Городища Восточного Причудья // Фортификация в древности и средневековье. СПб.
- Попов С. Г., 1995б. Переходные моменты от языческого погребального обряда к христианскому (по материалам могильников северной Псковщины) // Распространение христианства в Восточной Европе. СПб.; Псков. (Церковная археология. Вып. 1).
- Попов С. Г., 1997. Северо-западная граница ареала культуры длинных курганов: некоторые проблемы расселения и хронологии // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии, СПб.; Псков. Т. II.
- Попов С. Г., 2008. Городище Сторожинец в Восточном Причудье // Исследования по природе, истории, этнологии Сетумаа. Tallinn. (Setumaa kogumik, 4).
- Попов С. Г., 2015. Курганы второй половины I тысячелетия н.э. могильника Сторожинец // Setumaa kogumik. Tallinn; Värska.
- Попов С. Г., Хвоцинская Н. В., 2007. Некоторые итоги изучения Гдовского района (к 30-летию Гдовского отряда ИИМК РАН) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В. В. Седова. Материалы LI заседания, посвященного памяти профессора А. Р. Артемьева. Псков.
- Пронин Г. Н., 1988. Исследование памятников второй половины I тысячелетия н. э. в восточных районах Новгородчины // СА. № 4.
- Седов В. В., 1974. Длинные курганы кривичей. М.; Л. (САИ. Е 1–8).
- Седов В. В., 1982. Восточные славяне в VI–XIII вв. М.
- Спицын А. А., 1896. Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского // МАР. Вып. 20.
- Хвоцинская Н. В., 1978. Отчет о работах Гдовского отряда ЛОИА АН СССР (ИИМК РАН) в 1978 г. // НА ИИМК РАН. РО Ф. 35, оп. 1, д. 19.
- Чернягин Н. Н., 1938. Отчет о раскопках в Псковском округе за 1938г. // НА ИИМК РАН. РО Ф. 35, оп.1, д. 228–230.
- Чернягин Н. Н., 1940. Отчет о раскопках курганов в Середкинском, Полновском и Гдовском районах Псковского округа в 1940 г. // НА ИИМК РАН. РО Ф. 35, оп. 1, дд. 163–166.
- Чернягин Н. Н., 1941. Длинные курганы и сопки (археологическая карта) // Этногенез восточных славян. М.; Л. (МИА. № 6).
- Шмидехельм М. Х., 1955. Археологические памятники периода разложения родового слоя на северо-востоке Эстонии. Таллин.
- Arbman H., 1940. Birka. Die Gräber. Uppsala. № 1.
- Popov S., 2009. Ida-Peipsimaa pikk-kääbaste ajal // Setumaa. Tartu. № 2: Vanem ajalugu muinasajast kuni 1920 aastani.

Salmo H., 1938. Waffen der Merowingerzeit in Finnland // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Helsinki. № 1.

Urtāns V., 1970. Bronzas zvaniņu rotas VII–XI gs. // Latvijas PSR Zinatņu Akadēmijas Vēstis, 1970. Rīgas. № 8 (277).

Vaitkunskenė L., 1981. Sidrabas senovės Lietuvoje. Vilnius.

Исследования Порховской крепости в 2014 г.

С. Г. Попов, З. Р. Румянцева

В 2014 г. возобновились архитектурно-археологические исследования Порховской крепости, согласно запланированной программе ее реставрации. Заказчиком явилась организация ЗАО «Первые Петергофские реставрационные мастерские». Основной фронт работ был передан организации ФГУП «Спецпроектреставрация» г. Пскова. Это учреждение обратилась к ГБУК АЦПО (Археологический центр Псковской области). Псковские археологи, в свою очередь, связались с сотрудниками ИИМК РАН с просьбой о взаимодействии¹. В результате были проведены новые исследования крепости, связанные с дополнительным распознаванием ранней стадии ее сооружения, этапности усиления обороны, сохранности разновременных кладок. В отдельных местах исследованные в 2014 г. объекты частично совпадали с ранее раскопанными площадями. Таковы были планы работ архитекторов Псковской «Спецпроектреставрации», которые непосредственно координировала архитектор-реставратор Г. С. Гофман.

Краткие исторические сведения и история изучения Порховской крепости

Порховская крепость (рис. 1), казалось бы, значительно удаленная внутрь от границ новгородского государства, – единственное каменное укрепление, прикрывавшее Новгород с юго-запада и запада.

¹ Открытый лист был выписан на имя сотрудника ГБУК АЦПО Е. В. Салминой. Археологический центр Псковской области непосредственно занимался общей организацией и координацией работ, их финансированием, изготовлением чертежей на основе трехмерного поэтапного сканирования раскопок. Вещественные материалы, сопутствующие исследованиям, обработаны в полевых условиях З. Р. Румянцевой. Ею подведена общая полевой статистика керамики и находок, отобраны материалы для дальнейшего анализа в ГБУК АЦПО и хранения в ПГОИАХМЗ.

Бурные события XIV–XVII вв. показали целесообразность ее устройства. Порхов находился на перекрестке сухопутных дорог из Новгорода на Псков и в Литву. Серьезная водная магистраль – Шелонь – связывала его с Новгородом.

Каменной крепости предшествовало деревянно-земляное укрепление, возникшее при впадении р. Дубенки в Шелонь, в 1,2 км выше по течению (рис. 2). Городище было укреплено системой из двух валов и рвов с напольной стороны (Раппопорт, 1961. С. 41). Е. А. Рябинин в 1974 г. открыл три строительных горизонта, соответствовавших этапности сооружения основного вала (Кирпичников, Рябинин, 1975. С. 19). Первоначально валы достигали высоты 1,4–2 м относительно древней дневной поверхности. Раскопки «Старого Порховского городища» позволили отнести время его возникновения к XIII в., что согласуется с ранними летописными сведениями.

Так, синодальный список Новгородской первой летописи младшего и старшего изводов (1950. С. 77) говорит о «городцах на Шелони», срубленных по указанию Александра Ярославича. Другие источники (ПСРЛ, 1848. С. 34; 1965. С. 114) также свидетельствуют о тех же событиях, но в них «городец» упоминается в единственном числе. По мнению А. Н. Кирпичникова, сведения синодального списка ближе к истине. Известно еще одно укрепление XIII в. недалеко от г. Солец. Близ пос. Дедовичи располагался «Высокий городок» XIV–XV вв. Возможно, ему предшествовало соседнее поселение в Дедовичах. Поселение XIII–XV вв. известно близ с. Опока (Кирпичников, 1984. С. 212). Возможно, в 1239 г. возник еще ряд городков или уже существующие к этому времени поселения были тогда дополнительно укреплены.

Усиление обороны Пошелонья было продиктовано ухудшением военной обстановки на юге

Рис. 1. Боевой ход западной стены Порховской крепости после реставрации. Вид с юга

Новгородской земли в XIII в., поскольку с 1200 г. литовцы постоянно вторгались в новгородские пределы. После создания шелонских укреплений их военная активность переместилась в районы г. Торжка и на р. Ловать (летописные сведения 1245–1285 гг.).

Следующее обострение военной обстановки на юге Новгородской земли происходит лишь в середине XIV в. В 1346 г. Литва «взя Шелону и Лугу на щит, а с Порховского городка и с. Опоки взя окуп» (Новгородская первая летопись, 1950. С. 358). Под 1399 г. в летописи упоминается, что великий князь Литовский Витовт хотел «пленить Русскую землю и Новъград и Псков» (Новгородская первая летопись, 1950. С. 395). События 1380-х гг. показали, что Старое Порховское городище, несмотря на усиление его укреплений в XIV в., потеряло свою обороноспособность. В Новгороде было принято решение соорудить новую крепость. В связи с этим в 1387 г. «благослови владыка Алексей всь Новъгород ставити город Порхов камен... и поставиша город» в один сезон в 1,2 км от городища. Площадь крепости была примерно в пять раз больше площади старого городища.

Развитие техники осады и обороны, а также восьмидневное стояние Витовта под Порховом в 1428 г. повлияли на усовершенствование крепости. Осада была впервые проведена с помощью только огнестрельного оружия – пищалей, пушек и тюфяков. Гигантская бомбардира «Галка» своим выстрелом повредила Малую башню, пробила переднюю и алтарную стены церкви Св. Николая 1412 г., сбила зубцы и кладку еще одной стены крепости, а затем ядро угодило в осаждающих (ПСРЛ, 1901. Т. 12. С. 8). Этот выстрел произвел на

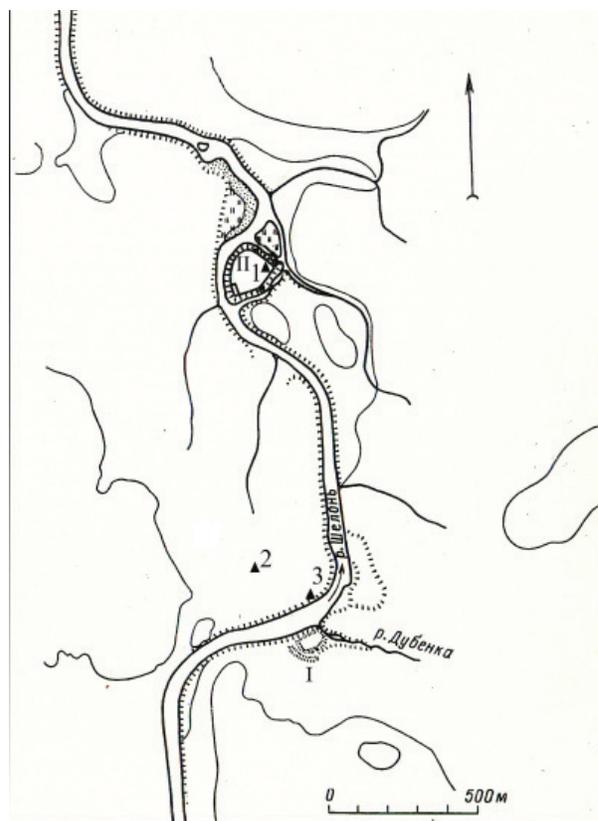

Рис. 2. Схема расположения памятников средневекового Порхова: I – крепость; II – городище 1239–1387 гг.; 1, 2 – каменные храмы (по А. Н. Кирпичникову)

современников сильнейшее впечатление. Подвергшись «психологическому устрашению», порховичи откупились от литовцев.

Уязвимость стен, проявившаяся при ведении «пороховой» осады, привела к реконструкции их в 1430 г. «Того же лета новгородци приставили к Порхову другую стену камену». Таким образом, Порховская крепость была первой переоборудована для ведения «порохового» боя и обороны. Несколько позже подобная реконструкция коснулась и крепостей в Яме, Ладоге и Орешке (Кирпичников, 1984. С. 216).

В 1441 г. псковичи, в союзе с Московией «воевавшие» новгородские волости, три дня простояли под Порховом, но не пытались его штурмовать. Дальнейшие источники по Порхову скудны и не сообщают о новых перестройках и ремонтах крепости.

Усовершенствование Порховской крепости заключилось еще и в постройке полукруглой Псковской башни, прикрывавшей одноименный захаб. Она копировала Среднюю башню. Тогда же к

Никольскому захabu пристроили полуовальную в плане бастею с Тайничными воротами и башней. Сооружение прикрывало главный вход в крепость. Бастеи стали использоваться в крепостном строительстве Западной Европы после 1540–1550-х гг.

В XV в. вокруг крепости разросся посад к юго-востоку и к северу от крепости, а в дальнейшем по левому берегу Шелони вплоть до Спасского и Рождественского монастырей, находящихся, по данным 1584 г., «по конец посаду». Сохранились церкви Спасо-Преображенская и Рождества Богородицы. Церковь Рождества Богородицы расположена напротив Старого Порховского городища, чуть ниже по течению. По краю крутого берегового склона нами отмечены остатки вала высотой до 1 м. Возможно, его можно соотнести с ограждением монастыря со стороны Шелони или с более ранним укреплением. Последнюю гипотезу необходимо проверить археологически.

О внутренней застройке крепости в некоторой степени позволяют судить материалы четырех раскопов, заложенных в разных частях ее двора в 1974 г. (Кирпичников, 1974). Культурный слой (мощностью 0,85 м) А. Н. Кирпичников подразделил на два строительных горизонта, в которых материалов ранее XVI в. не было найдено (Кирпичников, 1984. С. 216–217). Дату верхнего горизонта (третья четверть XVI в.) уточняет уникальная роговая пороховница с изображением ландскнехта. Этот шедевр, вероятно, немецкого косторезного мастерства относится к пост-дюреровской эпохе (Кирпичников, 1976. С. 332–336). По мнению А. Н. Кирпичникова, отсутствие «находок конца XIV – XV в. может свидетельствовать либо об исключительно военном использовании слабонаселенной крепости, либо о специфическом характере ее застройки, например осадными дворами, необходимыми на случай войны» (Кирпичников, 1984. С. 217). По сведениям писцовой книги 1498 г. (Новгородские писцовые книги, 1905. С. 261, 262) можно заключить, что крепость во второй половине XV в. была местом жительства привилегированной верхушки, т. е. была своеобразным детинцем.

В московское время Порховская крепость поддерживалась в течение всего XVI в. как тыловое укрепление, поскольку границы Московского государства продвинулись значительно на запад. Благодаря этому никаких перестроек укреплений не проводилось. События Смутного времени в Порхове достаточно подробно рассмотрены саратовским историком Я. Н. Рабиновичем (Рабинович, 2013).

Как памятник военного зодчества Порховская крепость впервые исследовалась В. А. Богусевичем,

который определил ее строительные этапы (Богусевич, 1940), сопоставив их с летописными свидетельствами XIV–XV вв. Он отметил высокую степень сохранности в неперестроенном виде крепостных укреплений новгородской поры. П. А. Раппопорт (1961. С. 168, рис. 12), а также В. В. Косточкин (1962. С. 116, 143, 247) представили подробное архитектурное описание крепости с учетом ее разновременных перестроек. Ими выяснено на примере Порхова, что главными преобразованиями в военной архитектуре в середине – второй половине XIV в. явилось усиление наиболее опасных во время штурма сторон крепости фланкирующими башнями. Важно отметить, что сохранилось значительное количество планов крепости 1772–1792 гг., отражающих ее состояние до начала интенсивного разрушения, часть из которых опубликована (Ласковский, 1858. Л. 3, 7 сл.).

В 1962–1979 г. Б. С. Скобелыным и сотрудниками ПСНРПМ был проведен цикл исследовательских, проектных и реставрационных работ по восстановлению крепости. А. Н. Кирпичников в 1974 и 1981 гг. провел значительные археологические работы, позволившие при сопоставлении с разновременными планами крепости и предшествующими исследованиями окончательно разобраться с этапностью сооружения памятника (Кирпичников, 1984).

Этапы сооружения укреплений Порховской крепости Крепость 1387 г.

Первоначальные оборонительные сооружения 1387 г. (рис. 3), созданные по единому плану, четко вычлняются на фоне более поздних усовершенствований и перестроек крепости. Этому способствует значительное количество ранней и современной графической документации, письменных свидетельств, степень их изученности ведущими специалистами в области военного зодчества (Кирпичников, 1984. С. 226–262). Обороноспособность крепости 1387 г. была обусловлена новой для XIV в. многобашенной системой. Прясла стен между Малой, Никольской и Средней башнями имели выраженную линейность, облегчающую ведение фланкирующего огня. Вместе с тем прясла состояли из ряда полигональных участков. Значительную нелинейность и протяженность имела западная – северо-западная стена крепости между Малой башней и Псковским захабом, где со стороны Шелони штурм был менее вероятен. Одним из новых фортификационных принципов можно считать устройство захабов (своеобразных «коридоров смерти») – Никольского и Псковского, усложняющих проникновение в крепость. Не подверглась позднейшим перестройкам только Малая башня с прилегающими стенами – единственная

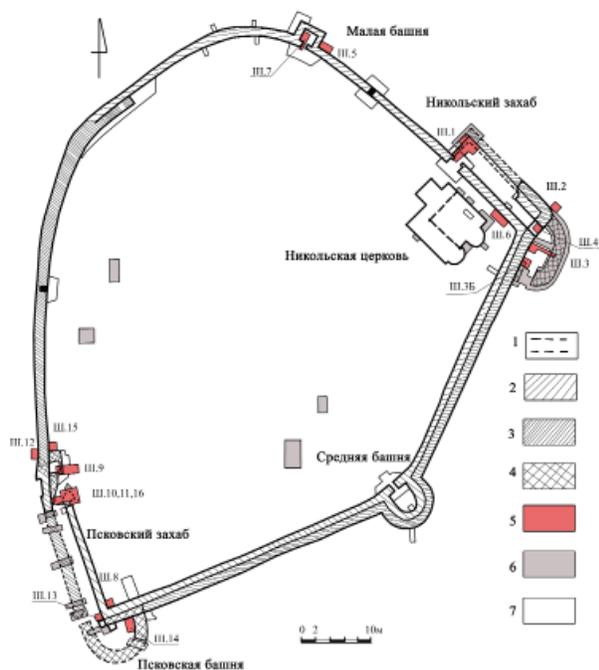

Рис. 3. План Порховской крепости с нанесенными на него раскопами разных лет. Условные обозначения:
 1 – несохранившиеся наземные части стен;
 2 – кладка 1387 г.; 3 – кладка 1430 г.; 4 – кладка 1445–1475 гг.; 5 – площади, изученные в 2014 г.;
 6 – археологические исследования 1974, 1981 гг. (ЛОИА АН СССР, А. Н. Кирпичников);
 7 – исследования 1962 г. (ПСНРИМ, Б. С. Скобельцын) и исследования псковских архитекторов и археологов 1978–1979, 1991, 1993 гг.

полностью сохранившаяся на Северо-Западе башня доогнестрельной поры. Почти квадратная, высотой 11 м, выступающая за пределы стены на 3,80–4,30 м, она имела пять боевых ярусов со щелевидными бойницами с раструбами по трем сторонам. На уровне четвертого яруса отмечается проем, ведущий на обводной помост на консолях – боевой ход стен. Еще В. А. Богусевич отметил, что башня не была предназначена для пушечной артиллерии. Параметры стен, бруствера, зубцов башни соотносятся с мерами длины XIV в. (за основу была принята казенная трехаршинная сажень в 216 см). При строительстве крепости помимо четко выверенной геометрии плана учтено и пропорциональное соотношение объемов. Так, высота Малой башни составляла 5 сажень, ширина – 3,5 сажени, высота стен – 4 сажени, а их толщина – 1 сажень.

В 72 м к юго-востоку от Малой башни расположена Никольская башня, в нижнем ярусе которой были

устроены основные крепостные ворота. Проходя их, нападавший оказывался в захабе, миновав который, он лишь через вторые ворота в стене мог проникнуть в крепость. Никольская башня построена так, что она фланкировала лишь северо-западный фронт крепости – непосредственно захаб. Юго-восточная стена башни фактически сливалась с прясом стены. Башня сохранилась на высоту 12,5 м, но по данным чертежей XVIII в. достигала 17,3 м. Помимо воротного она насчитывала пять боевых ярусов с 27 бойницами. В своей основе Никольская башня первоначально, ее высота превышала в два раза высоту стен. Высота и многоярусность башни отражали строительные традиции, восходящие еще ко второй половине XIII в.

В 73 м к юго-западу от Никольской башни была устроена Средняя башня высотой 17,3 м с шестью ярусами. Как и в Никольской башне, боевой ход в ней пролегал на уровне третьего яруса. По сравнению с другими башня имела наибольшее количество бойниц, которые отмечены П. Я. Квашниным-Самариным еще в первом ярусе. С нее простреливались юго-восточный и юго-юго-восточный фронты крепости. Подковообразная в плане форма башни имеет североевропейские аналогии в фортификации третьей четверти XIV в. (Кирпичников, 1984. С. 238). Планировка башни, ярусность и расположение бойниц обеспечивали веерное направление обстрела противника.

В юго-западном углу крепости расположен Псковский захаб. Наружная стена его зафиксирована А. Н. Кирпичниковым лишь в переотложенном виде. Внутренняя стена захаба (толщиной 2,50 м) первоначально, что было отмечено и нашими исследованиями. Его северное окончание завершалось аркой, от которой сохранилась опорная пята свода. Вход в захаб, по данным раскопок А. Н. Кирпичникова, вел со стороны реки. Изначально, по мнению исследователя, Псковский захаб не был защищен с юга Псковской башней. Его своеобразное устройство было продиктовано близостью водной преграды – Шелони.

Письменные свидетельства и современные наблюдения говорят об использовавшихся в разное время двух «тайниках» к воде. Один находился близ Никольских ворот, второй между Малой башней и Псковским захабом. По нашему мнению, их расположение и особенности функционирования остаются до конца не выясненными и без дополнительных археологических исследований не должны пока подробно обсуждаться.

Таким образом, крепость 1387 г. представляет собой строго продуманный образец фортификации

второй половины XIV в., во многом предвосхищающий перемены, произошедшие в оборонном зодчестве Северо-Запада в XV в.

Переустройство крепости в XV в.

В 1412 г. у самой Никольской башни была поставлена каменная церковь Святого Николы, пострадавшая в 1428 г. от пушечного выстрела «Галки». В 1770 г. после разборки обветшавшего строения на старом фундаменте был построен новый храм. Исследования А. Н. Кирпичникова (1974. С. 243–245) показали, что новые стены храма базировались на древней известняковой кладке в шесть рядов на старом валунном фундаменте. Первоначально церковь была четырехстолпной одноапсидной, новая церковь с северо-востока и юго-востока повторяла ее очертания, но с юго-запада была пристроена новая апсида, а с северо-запада – придел. Церковь была восстановлена, сейчас в ней ведутся службы.

Значительной перестройке крепость подверглась в 1430 г., спустя два года после легендарной пушечной атаки. Это первый пример переустройства крепостей Новгородской земли под новые принципы ведения боя. Основной задачей явилось продуманное утолщение стен, летописные источники говорят об этом так: «Приставили к Порхову другую стену камени» (Новгородская первая летопись, С. 415, 416). С юга и юго-востока ранние стены были прикрыты новой кладкой, их общая толщина в основании составила 5 м, а на уровне бруствера – 1,20–1,30 м. Подобному усилению подверглись Никольская и Средняя башни.

Западная стена крепости почти от Псковского захаба на протяжении 85 м в сторону Малой башни была заново переложена в 1430 г. Об этом говорят исследования 1974 г. А. Н. Кирпичникова и наши полевые работы 2014 г. Причинами этого было усиление «пробивной» силы артиллерии и постоянное оседание стены при разливах Шелони. Возможно, в это время с внутренней стороны стены устроили каменные лестничные всходы, а у Псковского захаба – пилон для поддержания боевого хода. Возможно, полной перекладке была подвержена внешняя стена Псковского захаба, а стена Никольского захаба была утолщена с внешней стороны (Кирпичников, 1984. С. 249). Малая башня и прилегающие к ней прясла, внутренние стены захабов, тыловые стороны Никольской и Средней башен не были подвергнуты перестройке. С внешней стороны более двух третей обвода стен и башен были усилены, толщина стен была увеличена в два раза.

В толще приклада к Никольской башне была устроена герса – опускная решетка с камерой для подь-

емного механизма. Был модернизирован ряд бойниц для применения легкой артиллерии. Всего в крепости после 1430 г. насчитывалось 36 пушечных и примерно 200 ружейных бойниц, пушки при всей мощи новых укреплений усилили ее обороноспособность.

В середине – третьей четверти XV в., возможно, после «стояния» псковичей под крепостью в 1441 г., были вновь укреплены захабы (Кирпичников, 1984. С. 255–256). К юго-востоку от Никольской башни раскопками А. Н. Кирпичникова выявлено основание дополнительного оборонительного сооружения (длиною 22 м, шириной 10,50 м, основание кладки шириной 3,70 м). Его замыкала воротная башня. Юго-западный пилон башни и северный торец укрепления примыкали без перевязи к «прикладу» 1430 г. По данным описей XVII в., описываемое сооружение подразделялось на Тайничные ворота и раскат. По чертежам XVIII в., Тайничные ворота представляли собой четырехъярусную постройку с завершением в виде полукруглой башни, третий ярус которой соответствовал боевому ходу. Стены башни (с подъемными решетками) и раската имели ряд бойниц в нескольких ярусах. Раскат с деревянным помостом имел пять пушечных бойниц. Вероятно, это сооружение представляет одну из ранних бастей – «раскатов» по более поздней терминологии XVI в. Таким образом, усовершенствование Никольского захаба в середине XV в. превратило его в труднопроходимое сооружение.

Псковский захаб, как и главный въезд в крепость, также подвергся переустройству (Кирпичников, 1984. С. 257–262). Вероятно, об этом говорят пять гнезд (размерами 0,30 × 0,30 м) от балок, проделанные во внутренней стене захаба 1387 г. Им должны были соответствовать гнезда на внешней несохранившейся стене укрепления. Балки служили основанием помоста. Таким образом, в середине XV в. Псковский захаб мог быть дополнен вторым боевым ярусом. У южной оконечности захаба была устроена полукруглая Псковская башня высотой 17,30 м с шестью боевыми ярусами, возможно, синхронная Никольскому захабу. К настоящему моменту сохранились лишь ее тыловая стена и часть восточной стены. Она была «прислонена» к прикладу 1430 г., разобранному, начиная со второго яруса. Выше башня имела стыковочный шов с ранней стеной 1387 г. При ее устройстве, очевидно, был переделан южный торец Псковского захаба. Третий ярус Псковской башни соединял боевые настенные ходы прясел. Устройство Псковской башни заметно усилило обороноспособность крепости с западной, южной и юго-восточной сторон.

Пилон внутренних ворот Псковского захаба, устроенный в 1430 г., неоднократно подвергался

перестройкам. Раскопками А. Н. Кирпичникова 1974 г. и 1981 г. выявлены основания «боковых устоев косо расположенного прохода внутрь крепости». Между устоями проход был вымощен известняковыми плитами. Очевидно, он был перекрыт арочным сводом. Западный устой ворот служил одновременно стеной камерной постройки – «караульни» (размерами 3,00 × 5,40 м). Она была сооружена у раструбной бойницы подошвенного боя, устроенной во врубленном в 1445–1475 гг. коротком участке кладки на стыке стен 1387 г. и 1430 г. со стороны Шелони. Этот выступ служил также контрфорсом, поддерживающим оседающие по склону стены. Своды камеры образовывали дополнительную боевую платформу, а с северной стороны камеры, возможно, располагалась лестница для подъема на боевой ход стены.

Таким образом, Порховская крепость в том виде, в котором она сложилась к концу XV в., в дальнейшем не претерпевала заметных усовершенствований. Все инженерные решения первых трех четвертей XV в., приведшие к резкому изменению эволюции древнерусского военного строительства, были продиктованы прогрессирующим влиянием огнестрельного оружия.

Исследования крепости в 2014 г.

Запланированные в 2014 г. исследования предусматривали закладку 17 шурфов (общей площадью 122 кв. м) в разных частях крепости (Попов, Румянцев, 2015а. С. 20–29). Работы были сконцентрированы у Псковского и Никольского захабов, у Псковской, Никольской и Малой башен Порховской крепости (рис. 3).

Для уточнения характера первоначальной кладки в юго-западном углу крепости заложен *шурф № 8* (2,00 × 2,00 м).

Перед возведением крепостной стены 1387 г. на выровненной поверхности материка был заложен фундамент на известковом растворе из одного-двух рядов гранитных булыжных камней. Под западную стену уходила углубленная в материк канавка с уплощенным дном (шириной 0,50–0,60 м, глубиной 0,10–0,20 м), выкопанная перед закладкой фундамента. Верхняя часть фундамента, судя по слою известкового раствора, была практически горизонтальна. Гранитные камни фундамента носили следы обожженности.

Четыре-пять нижних рядов кладки составляли известняковые блоки (размерами 0,22 × 0,50 – 0,15 × 0,65 м). Вышележащие ряды кладки составляли подтесанные известняковые камни менее

тщательной обработки, посаженные на более сыпучий раствор.

Материк перекрывал аморфный слой песка темно-серого цвета (толщиной 0,05–0,07 м) – древняя погребенная почва. Над ней зафиксировано две прослойки прокаленности, верхняя из которых соответствовала заливке фундамента.

С внешней и внутренней сторон стены севернее Псковского захаб было заложено два шурфа (№ 12 и 15), частично соответствующих предыдущим исследованиям архитекторов-реставраторов. На краю крутого склона к Шелони было возведено западное прясло стены крепости, составлявшее дополнительную преграду при ее осаде. Однако при разливах реки стена постепенно оседала в сторону склона, что и послужило одной из причин ее капитальной перестройки в 1430 г.

В *шурфе № 12* исследовано три верхних ряда фундаментного основания стены². Его регулярная кладка была сложена из мощных известняковых плит (размерами 0,25 × 0,40 – 0,40 × 0,50 м). Ширина выступа фундамента относительно основной стены 0,50 м. Швы были заделаны раствором желто-розового цвета среднего качества. Фундамент был перекрыт крепким раствором (толщиной до 0,15 м) кремового цвета с примесью мелких известняковых камней.

Отмечен значительный развал сползшей или намеренно сдвинутой с фундамента ранней стены из трех-пяти рядов известняковых плит, лежащих под наклоном в 30–40 градусов в сторону р. Шелонь в плотном, мощном растворе бело-желтого цвета с кремовым оттенком. Вместе с тем, они представляли собой скрепленный раствором монолит размерами 0,94 × 1,45–1,98 м (рис. 4). Возможно, у стен крепости был устроен своеобразный «панцирь», предохраняющий склон от размыва.

Нижние ряды кладки стены 1430 г., базирующиеся на раннем фундаменте, состояли из подтесанных блоков и плит. Нижние три ряда сложены из более массивных известняковых блоков (размерами от 0,12 × 0,30 × 0,50 м до 0,41 × 0,48 × 1,60 м), которые лежали почти горизонтально с небольшим наклоном в сторону стены.

Шурф № 15 примыкал к внешней северной стене «караульни» и к стене крепости. В основании

² На ограниченной площади шурфа (размерами 2,00 × 3,00 м) дальнейшее исследование оборонительных сооружений оказалось невозможным.

Рис. 4. Порховская крепость. 2014 г. Шурф № 12. Зачистка развала плит с внешней стороны стены 1430 г. Вид с севера

кладки крепостной стены³, нижние три ряда которой составляли относительно хорошо подтесанные известняковые блоки и плиты, выявлен мощный фундамент, имеющий отступ от стены 0,35–0,60 м. Он был сложен на плотном известковом растворе бело-розового цвета и состоял из трех-четырех рядов известняковых плит общей мощностью 0,74–0,88 м. Внизу, в основании фундамента лежал огромный известняковый блок (размерами 0,30 × 1,15 м). Фундаментная кладка просела в западном направлении – в сторону Шелони (рис. 5).

У южного борта шурфа выявлена внешняя стена «караульни», пристроенная к фундаменту и идущая перпендикулярно ему. Она сохранилась на два-три ряда и была сложена из известняковых блоков и камней на известковом растворе плохого качества с большим содержанием глины красно-розового цвета. В ее основании, на всей площади шурфа выявлена вымостка из плоских плотно подогнанных

³ Помещение отмечено на чертеже П. Я. Квашнина-Самарина как «караульня после сходу первого на стену» (Кирпичников, 1984. С. 219, рис. 115).

Рис. 5. Порховская крепость. 2014 г. Шурф № 15. Расчистка фундамента стены. Вид с востока

известняковых камней на крепком известковом растворе терракотового цвета. Под ней обнаружены еще один-два ряда плит, посаженных на такой же раствор, общая мощность этой кладки составила 0,30 м. Ниже отмечено три ряда больших гранитных камней. Возможно, последние из исследованных сооружений представляли собою наиболее ранний мощный фундамент крепостной стены в южной части крепости. Здесь стена могла неоднократно перестраиваться. Более точную картину этапов создания оборонительных сооружений в этой части крепости могли бы дать исследования широкой площадью.

Таким образом, при наших исследованиях подтвердилось, что к северу от Псковского захаба старая стена 1387 г. была фактически полностью разобрана, а часть материала ее кладки была использована при устройстве новой стены. Осталась мощная ранняя фундаментная основа из плит и гранитных камней, которая была усилена при переустройстве крепости, был выявлен фундамент стены 1387 г. и вышележащие ряды кладки 1430 г.

Особый интерес вызывает шурф № 13 (размерами 2,00 × 2,00 м), устроенный у южной границы Псковского захаба, у основания первоначальной стены крепости и примыкающего к ней реставрационного контрфорса 1961 г. Как могло показаться, это самое уязвимое место крепости, где к ней и ныне подступают воды, поднимающиеся из берегов Шелони во время паводков (Нармонтас, 2014) (рис. 6). Но здесь был расчищен хорошо сохранившийся фундамент из двух-трех рядов булыжной кладки, связанной известковым раствором, на котором базировалась внутренняя стена за-

Рис. 6. Стенд с фотографией весеннего разлива Шелони в 2013 г.

хаба 1387 г. Основание фундамента лежало на надматериковом слое аморфной супеси. В нем расчищены углистые скопления, которым сопутствовал местами обожженный материк красно-розового цвета (рис. 7). Никаких материалов в этом «докрепостном» слое не найдено. Связан ли он с выжиганием территории перед устройством каменной крепости или с какими-то ранними сгоревшими деревянными сооружениями, пока непонятно. Подобный слой (чаще без следов огня) отмечен и в ряде других шурфов: у внутренних въездных сооружений Псковского захаба, в основании «караульни», в основании фундаментов Малой и Никольской башен и в юго-западном углу крепости (шурф № 8).

В шурфах № 9 и № 15 выявлены основания кладки XV в., связанные с устройством «караульни».

Рис. 7. Порховская крепость. 2014 г. Шурф № 13. Расчистка основания фундамента по матерiku. Вид с запада – юго-запада

Шурф № 9 (размерами 2,00 × 5,00 м) был заложен в центральной части «караульни», частично изученной Б. С. Скобельцыным. В средней части шурфа выявлена кладка внешней стены «караульни», идущей по линии север – юг. К ней в юго-западной части шурфа примыкала внутренняя перегородка. Во внутреннем пространстве этого помещения, в основании пятого ряда кладки (сверху) открыта вымостка из известняковых плит, представлявшая собой один из уровней пола.

Кладка основной (внешней) стены «караульни» построена на фундаменте из трех рядов гранитных булыжников и нижележащего ряда известняковых блоков (общей высотой 0,90–0,95 м). Швы фундамента заделаны известковым раствором среднего качества желто-розового цвета. Сверху фундамент залит слоем извести (толщиной 0,07 м). Над фундаментной кладкой, выступающей относительно стены на 0,14–0,32 м, выявлено пять рядов грубо подтесанных известняковых плит (общей высотой 0,60–0,75 м). Они были скреплены растворами бело-желтого и терракотового цвета, соответствующих разным этапам строительства.

Нижний ряд фундамента лежал непосредственно на древней погребенной почве – слое светло-серого слабогумусированного аморфного песка (толщиной 0,20–0,25 м), в котором отсутствовали археологические материалы (рис. 8). На фоне материка прослежены следы лопат строителей «караульни».

С северной стороны «караульни», по предположению А. Н. Кирпичникова, мог быть устроен дополнительный выход на крепостную стену. Раскопки 2014 г. не подтвердили это предположение.

У северо-северо-западной оконечности отреставрированной⁴ внутренней стены Псковского захаба был заложен шурф № 11 (размерами 2,00 × 2,00 м) (рис. 9) с целью исследования сохранившихся нижних рядов ее кладки. Мощность слоя от материка до дневной поверхности составила 2,21–2,38 м.

На материке, в слое погребенной почвы и в подсыпке из материкового песка (толщиной до 0,19 м) залегала ранняя фундаментная кладка из одного-

⁴ Торец внутренней стены захаба выведен по вертикали реставраторами произвольно с целью предотвратить дальнейшее ее разрушение. Сама стена 1387 г., как показали наши раскопки, продолжалась в северо-северо-западном направлении, уходя под более поздние конструкции въездных сооружений.

Рис. 8. Порховская крепость. 2014 г. Шурф № 9. Расчистка кладки «караульни». Вид с востока

Рис. 9. Порховская крепость 2014 г. План расположения шурфов 1974 и 2014 г. у внутренних ворот Псковского захаба. Условные обозначения: 1 – границы раскопа А. Н. Кирпичникова 1974 г.; 2 – границы шурфов 2014 г., 3 – стены крепости

двух рядов гранитных булыжников, сложенных насухо. Она перекрыта слоем известкового раствора (толщиной 0,05–0,09 м) бело-розового цвета с включением мелких известняковых камней. Общая высота фундамента составила 0,33 м. Фундамент выступал относительно стены 1387 г. на 0,12–0,17 м.

В юго-западном углу шурфа сохранилось до 10 рядов кладки, три-четыре ряда в центре западного борта шурфа и в северо-западном его углу. Нижние шесть рядов кладки составляли хорошо подтесанные известняковые блоки, плотно прилежавшие друг к другу (размерами от 0,21 × 0,47 м до 0,27 × 1,06 м) (рис. 10). В строительных слоях на уровне верха фундамента прослежена горелая прослойка обожженного розового песка, а над ней – углистая прослойка (толщиной 0,05–0,07 м).

Внутренние воротные устройства Псковского захаба также были подвержены ревизии: расчищены остатки восточного устоя подтрапцевидной формы и кладка западного устоя, пристроенного к ранней крепостной стене 1387 г., а также два уровня вымостки при въезде в крепость.

Рис. 10. Порховская крепость. 2014 г. Шурф № 11. Расчистка кладки внутренней стены 1387 г. Псковского захаба. Вид с востока

В шурфе № 10 (размерами 2,00 × 3,00 м) исследовано 13 рядов внутреннего фаса стены крепости 1387 г. (на глубину 1,63 м от современной дневной поверхности), сложенной из известняковых плит и блоков разной степени сохранности (размерами от 0,12 × 0,20 м до 0,10 × 0,54 м). К основной стене, без перевязи с ней, примыкала полукруглая въездная каменная конструкция (устой арки – по А. Н. Кирпичникову), имевшая небольшой наклон в восточном направлении (рис. 11). Она сохранилась на высоту 11 рядов (на 1,80 м от исследованного уровня до современной дневной поверхности). Конструкция сложена из грубо обработанных известняковых плит (размерами от 0,13 × 0,33 м до 0,22 × 0,60 м) на сыпучем известковом растворе среднего качества, желто-белого цвета. По мнению А. Н. Кирпичникова, она представляла собой опорную часть арки въездных сооружений (возможно, башни), которая была сооружена, скорее всего, в середине – второй половине XV в.

Для более полного изучения внутренних въездных конструкций Псковского захаба был заложен

Рис. 11. Порховская крепость. 2014 г. Шурф № 10. Полукруглая въездная конструкция (устой арки) XV в., пристроенная к крепостной стене 1387 г. Вид с востока

шурф № 16 (размерами 2,70–3,00 × 4,85 м), соединивший шурфы № 10 и 11.

Расчищены остатки основания внутреннего устоя подтрапециевидной в плане формы (размерами 1,65–3,97 м × 3,50–3,75 м)⁵, вытянутого длинной осью по линии юго-юго-запад – северо-северо-восток (рис. 12).

Рис. 12. Порховская крепость. 2014 г. Шурф № 16. Внутренний устой въездных сооружений XV в. и верхняя вымостка. Вид с запада

В северной и южной частях шурфа кладка въездной конструкции уходила в стенки шурфа. На западе кладка примыкала к вымостке и уходила ниже ее поверхности на два ряда. В этой части шурфа выявлено от двух до четырех рядов кладки из известняковых плит на растворе желто-белого цвета. Наиболее хорошо сохранилась юго-восточная часть кладки из четырех рядов мощных

⁵ Общие размеры конструкции даны с учетом плана А. Н. Кирпичникова, поскольку наши шурфы лишь частично совпадали с площадью, исследованной в 1974 г. (см. рис. 9).

известняковых плит, где ее ширина составляла 1,30–1,40 м (толщиной 0,72–0,87 м относительно исследованного уровня культурного слоя, на котором они лежали). Средние размеры плит составили от 0,32 × 0,40 м до 0,25 × 0,80 м и 0,30 × 0,63 м, толщина их достигала 0,08–0,15 м. Центральное пространство кладки было забутовано мелкими известняковыми камнями.

Между «устоями» въездной конструкции в пределах шурфов № 10 и 16 открыта вымостка (размерами 1,35–2,10 × 2,60 м) из плотно подогнанных плит разной конфигурации (размерами от 0,20 × 0,40 м до 0,39 × 0,75 м, толщиной 0,04–0,12 м). Вымостка имела наклон в северо-западном направлении.

Наблюдалась интенсивная обожженность плит сверху. Под ними замечена прокаленность слоя толщиной 0,04 м, ниже лежал углистый слой толщиной 0,03 м. Вымостка была частично разобрана при раскопках А. Н. Кирпичникова. Под вымосткой залегал слой супеси желто-красного цвета с примесью известняковой крошки, а местами с углистыми пятнами, его поверхность имела следы прокаленности. Стратиграфия южной стенки шурфа свидетельствует о трех незначительных пожарах или выжиганиях в данном месте, нижние прослойки которых уходят на уровень основания кладки воротных устройств.

В пределах шурфов № 16 и 10 вдоль южной их стенки (от западного устоя въездных конструкций до внутренней стены захаба) была заложена небольшая траншея (шириной 0,50 м, длиной 3,70 м) с целью выявления основания сооружений внутреннего проезда Псковского захаба. На глубине 0,32–0,41 м от верха вымостки была прослежена еще одна, более ранняя вымостка воротного проезда из плит размерами от 0,21 × 0,32 м до 0,32 × 0,51 м (рис. 13). Вымостка имела легкий наклон в сторону р. Шелонь. Вымостки разделялись прослойками мешаного песка, супеси и извести от белого до красно-оранжевого цвета толщиной 0,20 м. У восточной оконечности траншеи на протяжении 0,39 м обнаружен *in situ* известняковый блок толщиной 0,20 м, который относился к фасу внутренней ранней стены захаба крепости.

На данном этапе дальнейшие исследования на площади шурфа остановлены в связи с невозможностью изучения разновременных строительных горизонтов на столь небольшом участке. Проведенные исследования свидетельствуют о том, что въездные устройства Псковского захаба неоднократно перестраивались, по крайней мере на протяжении середины – третьей четверти XV в. Устои, вероятно,

Рис. 13. Порховская крепость. 2014 г. Два уровня вымостки в южной части шурфов № 10 и 16. Вид с запада

служили опорами арочной конструкции внутренней въездной башни.

Внешняя ранняя стена Псковского захаба не сохранилась, но у юго-западного угла крепости было исследовано основание Псковской башни (шурф № 14), устроенной при работах по усилению оборонительной мощи крепости в 1445–1475 гг. От башни сохранилась лишь часть ее восточной стены. Вероятно, обороноспособность Псковского захаба наиболее волновала жителей Порхова в средневековье, с чем и были связаны его неоднократные перестройки. Уязвимость места вполне понятна и сейчас, стены крепости оседают в сторону Шелони. У ворот могла быть устроена пристань. Даже сейчас на этом месте Шелонь имеет перекаат, который может быть связан с надводными сооружениями, соединявшими два берега.

Шурф № 14 (размерами 2,00 × 4,00 м) был заложен у юго-западного угла крепости, внутри Псковской башни (рис. 14) и частично совпадал с расчисткой реставраторов 1961 г. Расчищено 12 рядов кладки крепостной стены от уровня фундамента до современной дневной поверхности. Стена была сложена из известняковых плит с подтеской (разме-

Рис. 14. Порховская крепость. 2014 г. Место закладки шурфа № 14 внутри Псковской башни. Вид с юго-юго-запада

рами от $0,16 \times 0,53$ м до $0,13 \times 0,87$ м), скрепленных раствором средней прочности терракотового цвета (известь с примесью цемянки). Стена опиралась на фундамент из пяти рядов известняковых плит и блоков (размерами от $0,10 \times 0,36$ м до $0,24 \times 0,69$ м – $0,12 \times 0,75$ м), слегка наклоненный в сторону Шелони. Швы фундамента заделаны таким же раствором, что и кладка стены, но с примесью глины. Верхние ряды фундамента выступали от стены на $0,35$ – $0,4$ м в южном направлении, а нижний ряд – на $0,72$ – $1,04$ м. Верх фундамента был залит известковым раствором. Фундамент лежал на материковом песке красно-коричневого цвета с прослойками желтого песка.

В северо-восточном углу шурфа сохранилось 15 рядов кладки Псковской башни. Здесь прослежен останец кладки (до семи рядов), лежащий на фундаменте длиной $0,79$ м по основанию, идентичном фундаменту крепостной стены и сложенном одновременно с ним (рис. 15). Это, очевидно, были остатки первоначальной восточной стены Псковской башни, сложенной одновременно со стенами крепости на этом участке. Характер фундамента и самой кладки южного продолжения башни отличался от ее останца.

Кладка опиралась на фундамент из трех рядов булыжных камней размерами от $0,12 \times 0,16$ м до $0,23 \times 0,26$ м. В основании стены лежали тонкие подтесанные известняковые плиты размерами от $0,09 \times 0,36$ м до $0,09 \times 0,67$ м. В верхней части швы кладки законсервированы современным раствором на основе цемента в 1961 г. Каждые два ряда кладки, сложенные из небольших подтесанных блоков размерами от $0,19 \times 0,26$ м до $0,19 \times 0,40$ м, чередовались с рядом из тонких плит. Седьмой ряд снизу составляли тонкие плиты, выше наблюдалась регулярная кладка. Южная часть кладки разрушена и в $0,70$ м к югу от границы шурфа выходит на дневную поверхность. Прослежены два уровня пожаров: углистые прослойки, обожженный материк на уровне основания фундаментов. Несколько плит и камней двух нижних рядов кладки в северо-восточном углу обожжено.

Таким образом, наши исследования у юго-западного угла крепости подтверждают вывод А. Н. Кирпичникова о том, что участок стены в этом месте был пристроен к основной стене 1387 г. одновременно с возведением Псковской башни (1445–1475 гг.), при строительстве которой выделяются два строительных периода.

Рис. 15. Порховская крепость. 2014 г. Расчистка основания стен и фундаментов Псковской башни. Вид с запада-юго-запада

Значительная часть работ 2014 г. была посвящена изучению Никольской стороны крепости (рис. 3).

Наиболее интересными оказались исследования внутри Малой башни. В ее юго-юго-западной части был заложен *шурф № 7* (размерами 1,80 × 2,50 м), частично совпадающий с шурфовкой реставраторов ПСНРПМ в 1991 г. С южной стороны шурфа при входе в башню заложена прирезка (размерами 0,70 × 1,00 м). Исследования показали, что самая ранняя башня «допороховой» эпохи на Северо-Западе была задумана в этом месте уже после прокладки основной трассы раннего фундамента (рис. 16), но была, безусловно, связана с первоначальным этапом строительства крепости. Шурф № 7 показал, что изначально была устроена сплошная линия фундамента из одного ряда булыжных гранитных камней, сцепленная мощным известковым раствором. Фундамент был вгущен в древнюю погребенную почву толщиной 0,08 м. Основание кладки Малой башни в северо-северо-западной части шурфа заметно просело, нижние ее ряды лежали непосредственно на материке (рис. 17). В то же время, как было выяснено при закладке шурфа № 5, юго-юго-восточная стена Малой башни (Попов, Румянцева, 2015б.) опиралась на фундамент

шириной 1,45–1,55 м. Во входном проеме в башню расчищена хорошо обтесанная известняковая плита, очевидно, порог при входе в башню.

Общая мощность культурных напластований составила 1,95 м. Над материком из пылеватого песка светло-желтого цвета залегал слой погребенной почвы. Над ним зафиксировано несколько тонких углистых прослоек и прослоек песка красно-рыжего цвета, которые чередовались со слоями извести (всего до пяти прослоек пожара). Они соответствовали верхнему уровню фундамента и нижним рядам кладки башни и, очевидно, были связаны с определенными технологическими приемами устройства фундамента крепости или первоначальным выжиганием кустарника и травы. Прослойки и слои извести (максимальной толщиной до 0,80 м), как и в других шурфах, соответствовали остаткам связующего материала, использованного при изготовлении раствора. Ранняя из горелых прослоек связана с верхним уровнем уже устроенного фундамента.

С внешней стороны крепостной стены, где с северо-востока к ней примыкала Малая башня, был заложен *шурф № 5* (размерами 2,00 × 3,00 м).

Рис. 16. Порховская крепость. 2014 г. Шурф № 7. Малая башня. Расчистка трассы раннего фундамента. Вид с северо-востока

Рис. 17. Порховская крепость. 2014 г. Шурф № 7. Зачистка основания северо-западной стены и фундамента Малой башни. Вид с юго-востока

Здесь впервые при археологических исследованиях Порховской крепости был открыт погребальный комплекс (Попов, Румянцева, 2015б. С. 29–33). На глубине 0,26–0,73 м под слоем мешаного суглинка с известняковыми камнями, в котором уже были собраны переотложенные человеческие кости, обнаружены три сильно нарушенных погребения⁶ (рис. 18).

Основное погребение (погребение 1) располагалось на специально устроенной вымостке (размерами 0,65 × 1,95 м) из плоских аккуратно уложенных известняковых плит (толщиной 0,05–0,07 м) и было ориентировано строго вдоль крепостной стены (рис. 19). Плотно подогнанные плиты подпрямоугольных и подтреугольных очертаний (размерами от 0,20 × 0,52 м до 0,38 × 0,72 м) лежали в две линии и составляли фактически горизонтальную поверхность (отметки от 50,41 м БС до 50,26 м БС). С юго-юго-запада и западо-северо-запада вымостка была ограничена деревянными конструкциями срубного характера, от которых сохранилось по одному венцу (древесный тлен коричневого цвета; диаметр бревен 0,10 м). Поперечный венец конструкции, идущий вдоль стены Малой башни, сохранился на длину 0,85 м, а продольный венец – на длину 1,95 м. Продольное бревно отстояло от крепостной стены на 0,25–0,30 м и было врублено в поперечное бревно. С северо-северо-восточной стороны вымостку ограничивали две орфостатные плиты. За пределами погребального комплекса, у Малой башни открыто несколько известняковых плит, лежащих горизонтально на уровне вымостки основного погребения. На плитах в восточно-юго-восточной части вымостки были расчищены части черепа, челюсть, а также кости ног взрослого мужчины. Погребение было в значительной степени переотложено – фактически уничтожено, но судя по расположению костей ног, голова погребенного была повернута на восток – юго-восток, по направлению к Никольской башне. В пределах погребального сооружения, специально устроенного для погребения 1, в его западно-северо-западной части, выявлено несколько переотложенных костей, которые принадлежали третьему погребенному – взрослому мужчине, подзахороненному к основному погребению (погребение 3).

За пределами деревянной обкладки, у стены крепости прослежено углистое пятно черно-серого цвета с недогоревшими кальцинированными костями (размерами 0,20–0,30 × 1,43 м, толщиной

⁶ По предварительному определению антрополога Д. В. Пежемского, перемешанные кости трех погребений принадлежали двум взрослым мужчинам и ребенку.

0,03–0,05 м). С внешней стороны его ограничивал подпрямоугольный камень (размерами 0,13 × 0,63 м), лежавший на ребре. Между ним и крепостной стеной обнаружены остатки костей погребения 2 (ребра и берцовые кости), принадлежавших подростку (рис. 20). Углистая прослойка под погребением, возможно, свидетельствует о реминисценциях ранней погребальной обрядности. Представляется очевидным, что это отдельно устроенное погребение вторично по отношению к основному.

Проведенные исследования позволяют предположить, что мы имеем дело со специально устроенным погребальным сооружением, которое представляло собой гробницу с четко обозначенными границами. Это было срубное деревянно-каменное сооружение, которое, вероятно, первоначально возвышалось над землей, а его основанием служила вымостка из горизонтальных плит, уложенных на уровне третьего ряда кладки крепостной стены от современной дневной поверхности и шестого ряда относительно верхнего уровня фундамента крепости. Ясно, что этот простой, но четко спланированный «склеп» с подзахоронениями подвергался неоднократному грабительскому вмешательству. Почти все костные останки потревожены. Находки, которые могли бы указать на датировку этого комплекса, отсутствовали⁷. В культурном слое над погребальным комплексом (на глубине 0,20–0,40 м) найден фрагмент сероглиняной и фрагмент белоглиняной посуды, четыре фрагмента поздней поливной керамики. Ниже вымостки во всех слоях до материка найдены шесть фрагментов гончарной сероглиняной керамики, а также обломок оселка.

Мнение, что здесь похоронены погибшие от пожара жители позднесредневекового Порхова, полностью лишено оснований. Какие-либо ранние свидетельства о пожарах в крепости отсутствуют. При исследованиях 2014 г. наблюдались лишь тонкие горелые углистые прослойки в разных частях крепости, связанные с технологическими особенностями устройства фундамента и локальными событиями.

Социальный статус погребенных неясен. Следует отметить, что при раскопках у Никольского храма не найдено ни одной человеческой кости. Выявленный погребальный комплекс предварительно может быть датирован XVI–XVII вв.

В пределах шурфа № 5 исследовано 9–10 рядов кладки крепостной стены и Малой башни, сложенных из известняковых плит размерами 0,09–

⁷ Взятые на радиоуглеродный анализ образцы древесины обкладки и уголь.

Рис. 18. Порховская крепость. 2014 г. Шурф № 5. Погребения у Малой башни. Вид с северо-востока

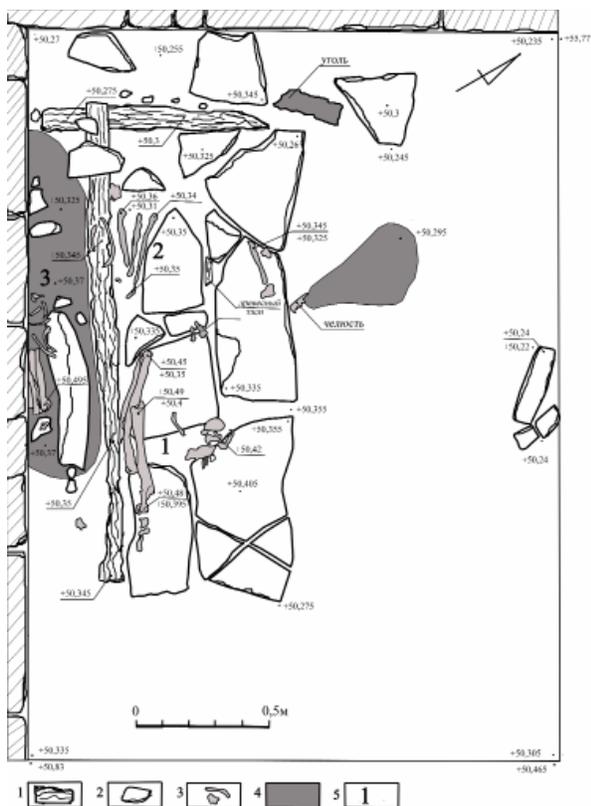

Рис. 19. Порховская крепость. 2014 г. План погребений в шурфе № 5 у Малой башни. Условные обозначения:
 1 – дерево (тлен); 2 – камни; 3 – кости;
 4 – угольно-золистые пятна; 5 – номера погребений.
 Нивелировочные отметки даны в Балтийской системе координат (БС)

Рис. 20. Порховская крепость. 2014 г. Погребальный комплекс у Малой башни. Остатки погребения № 3 у крепостной стены

0,20 × 0,15–0,65 м и блоков (рис. 21). Нижние три-пять рядов составляли мощные обтесанные известняковые блоки (размерами 0,15–0,30 × 0,50–0,70 м). Швы толщиной 0,01–0,05 м заделаны известковым раствором светло-желтого цвета среднего качества. В основании крепостной стены прослежен фундамент из одного ряда гранитных булыжников размерами 0,10–0,20 × 0,25–0,30 м, выступающий от кладки на 0,25–0,37 м. В основании кладки Малой башни открыт фундамент из одного ряда блоков размерами 0,15–0,20 × 0,30–0,40 м, выступающих относительно стены до 0,25 м. Фундаменты лежа-

Рис. 21. Порховская крепость. 2014 г. Шурф № 5. Зачистка по материке. Вид с северо-востока

ли на материковой супеси желто-красного цвета и были скреплены прочным известковым раствором желто-белого цвета. Над материком залегал мешаный слой материковой супеси красно-коричневого цвета толщиной до 0,15 м, над которым на уровне верха фундамента зафиксирован слой извести толщиной 0,05 м.

Несмотря на различия фундаментов основной стены и Малой башни, характер кладки их стен и состыковки отдельных рядов подтверждают одновременность их сооружения. Следует отметить, что башня была задумана уже после прокладки трассы фундамента стены 1387 г.

С внутренней стороны Никольской башни рядом с Никольской церковью был заложен *шурф № 6* (размерами 1,50 × 5,00 м) с целью проверки предположения о наличии лестницы, ведущей в башню. Под рыхлым слоем супеси светло-желтого цвета и в гумусированном слое темно-серого цвета, насыщенных известняковой крошкой и камнями толщиной 1,00–2,05 м, прослежено три горизонта гранитных камней размерами 0,10 × 0,10 м (рис. 22). Камни верхнего яруса носили следы обожженности и лежали в гумусированной прослойке со следами пожара толщиной 0,20–0,25 м. В их расположении не наблюдалось какой-либо системы. Вероятно, они представляли собой склад строительного материала для устройства фундамента, а возможно, и запас для средств обороны.

Рис. 22. Порховская крепость. 2014 г. Шурф № 6. Зачистка верхнего горизонта гранитных камней. Вид с юго-востока

В восточном углу шурфа обнаружены остатки деревянного столба (тлен коричневого цвета диаметром 0,17 м), связанного со вторым ярусом гранитных камней. В северо-западной части шурфа слой исследован на глубину до 2,38 м – до уровня третьего яруса камней.

Мощность культурных напластований составила 3,17 м. В основании фундамента крепостной стены лежало два ряда известняковых камней и блоков, перекрытых слоем извести с одним рядом небольших булыжных камней (рис. 23). Слой извести выступал относительно стены на 0,25 м. В этом месте исследовано до 14 рядов кладки. Шесть-семь нижних рядов были сложены из обтесанных известняковых блоков и плит, хорошо подогнанных друг к другу, размерами от 0,19 × 0,27 м до 0,33 × 0,89 м. Швы заполнены раствором бело-желтого цвета сравнительно хорошего качества. Выше кладка имела плохую сохранность: над современной дневной поверхностью известняковые блоки и плиты растрескались. Над слоем извести, смыкавшимся с верхним уровнем заливки фундамента, располагалась тонкая прослойка пожара толщиной 0,04 м.

Шурф № 1 (размерами 2–5 × 7 м), устроенный у отреставрированных Никольских ворот, частично совпадал с раскопом А. Н. Кирпичникова 1974 г. (рис. 24). У северо-восточного борта шурфа была исследована стена Никольского захаба на длину 3,71 м, шедшая параллельно стене крепости. Внешний фас стены захаба сложен аккуратно, по прямой линии из подтесанных известняковых плит. Отмечено семь известняковых плит размерами от 0,09 × 0,39 × 0,50 м до 0,08 × 0,61 × 0,71 м.

На глубину 0,50 м от современной дневной поверхности выявлено три-четыре ряда кладки шириной 1,05–1,1 м (рис. 25), северо-западный конец которой образовывал прямой угол из аккуратно сложенных плит шириной 1,10–1,23 м, скругленных с внешней стороны, что указывает на возможность существования тайного прохода, который упоминается А. Н. Кирпичниковым. Кладка скреплена раствором бело-желтого цвета.

Внешняя стена раннего захаба была со временем усилена: с северо-востока от нее прослежен один ряд кладки из плит, лежащих горизонтально, с наклоном к северо-востоку, а возле угла захаба – к северо-западу. Зазор между кладками составлял 0,07–0,12 м, местами между ними прослежен известковый раствор. В северо-западной части шурфа внешние два ряда кладки состояли из орфостатных плит. Кладка была скреплена раствором терракотового цвета.

Рис. 23. Порховская крепость. 2014 г. Шурф № 6. Зачистка фрагмента фундамента стены Никольской башни. Вид с юго-запада

Рис. 24. Порховская крепость. 2014 г. План раскопа А. Н. Кирпичникова и шурфа № 1 2014 г. Условные обозначения: 1 – границы раскопа А. Н. Кирпичникова 1974 г.; 2 – границы шурфа № 1 2014 г., 3 – отреставрированная стена крепости

Рис. 25. Порховская крепость. 2014 г. Шурф № 1. Расчистка верхних сохранившихся рядов кладки Никольского захоба. Вид с северо-запада

Рис. 27. На месте Никольского раската. Слева направо: М. П. Нармонтас, А. Н. Кирпичников, С. Г. Попов. Фото З. Р. Румянцевой. 21.09.2015 г. XIV краеведческие чтения в Порхове

Четыре шурфа (№ 2, 3, 3Б и 4) были заложены с целью исследования конструктивных особенностей раската («бастеи») у Никольской башни (рис. 26). Такое военно-инженерное новшество появляется в устройстве русских крепостей в конце XV в. в связи с необходимостью ведения артиллерийского огня. В Порховской крепости раскат к Никольскому захобу, усиливший оборонительную мощь Никольской башни с востока, устраивается в 1445–1475 гг. (рис. 27). Как показали исследования, во всех шурфах стены раската стоят на утрамбованной глиняной подушке, созданной с целью усиления основания стен и предотвращения размывания почвы.

Шурф № 2 (размерами 2,00 × 2,00 м) заложен в месте примыкания раската к Никольской башне (рис. 28). Цель закладки шурфа – уточнение характера кладки раската на этом ключевом участке. В юго-западной части шурфа обнаружена постелистая кладка из шести рядов камней размерами от 0,10 × 0,20 × 0,30 м до 0,12 × 0,15 × 0,30 м, сложенная насухо. Некоторые камни в месте примыкания к башне были подтесаны до треугольной формы. Нижние три ряда кладки опирались на фундамент из трех-четырех рядов грубо обработанных известняковых плит размерами от 0,20 × 0,30 м до 0,50 × 0,70 м.

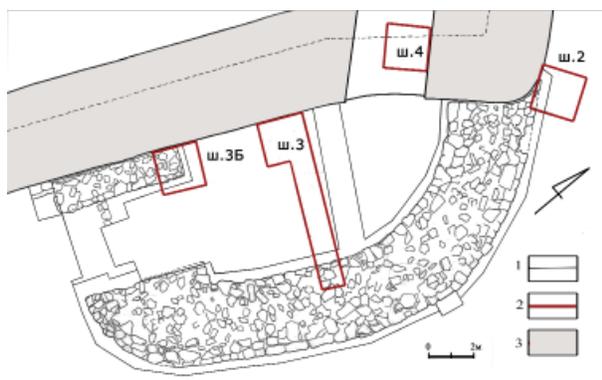

Рис. 26. Порховская крепость. 2014 г. План Никольского раската по А. Н. Кирпичникову. Условные обозначения: 1 – границы раскопа А. Н. Кирпичникова 1974 г.; 2 – границы шурфов 2014 г., 3 – крепостная стена 1387 и 1430 гг.

Рис. 28. Порховская крепость. 2014 г. Шурф № 2 до начала раскопок. Вид с северо-северо-востока

Рис. 29. Порховская крепость. 2014 г. Шурф № 2. Расчистка фундаментов Никольской башни и раската. Вид с северо-востока

Рис. 30. Порховская крепость. 2014 г. Шурф № 3. Расчистка фундамента стены 1430 г. с частично выбранной нишей под аркой. Вид с юго-востока

Фундамент раската был пристроен к фундаменту Никольской башни и связан с ним (рис. 29). Фундамент башни состоял из трех рядов известняковых плит, сверху скрепленных заливкой раствора. Нижняя плита была скруглена согласно повороту башни. Фундамент раската выступал из-под кладки на 0,50–0,60 м и был закреплен сверху заливкой из известкового раствора светло-бежевого цвета. Выше прослежена прослойка слабогумусированной супеси с известью толщиной 0,08 м. Под ней выявлена засыпка из специально привезенной и утрамбованной (плотной) глины красно-коричневого цвета. Этот строительный прием был специально применен как средство от размывания основания внутренних и внешних стен на всем протяжении Никольского раската. Шурф доведен до основания фундаментной кладки – до глубины 1,40–1,50 м. Мощность глиняной трамбовки составила 0,55–0,80 м.

В шурфе № 3 (размерами 2,00 × 2,00 м) исследовано основание крепостной стены XV в. в Никольском захабе. С востока шурф был продолжен траншеей размерами 1,00 × 6,00 м с целью обследования внутреннего фаса стены раската. В шурфе раскрыто четыре ряда постелистой кладки стены из подтесанных известняковых плит плохой сохранности, которая опиралась на фундамент из трех рядов мощных подтесанных блоков размерами 0,35 × 0,40 × 0,60 м с двумя булыжными камнями, сложенными на известковом растворе бело-розового цвета (рис. 30). Фундамент высотой 0,72 м просел в сторону ранней стены.

В стене крепости прослежена арка шириной 1,80 м из двух-трех рядов известняковых плит с зам-

ковым камнем. Перекрытие арки составляли плоские известняковые камни размерами 0,20 × 0,25 м. Основание заклада, ровное, без просада, подстилал мешаный слой гумуса и суглинка с известняковой крошкой толщиной 0,60–0,65 м. Ниже расчищена кладка из четырех рядов известняковых плит (до фундамента). В северо-западном углу шурфа под арочным перекрытием в суглинке выбрана ниша размерами 0,70 × 0,80 м, заглубленная на 0,25–0,30 м до уровня более ранней кладки. В нише расчищено четыре ряда раскрошившегося плитняка, наклонившихся в сторону ранней стены. Нижний ряд лежал непосредственно на кладке поздней стены.

Арка была выложена при устройстве «приклада» XV в. к более ранней стене, о чем свидетельствуют вышележащие ряды ее кладки. Никакой поздней «вычинки под икону» (по мнению Г. С. Гофман) мы здесь не наблюдаем. В этом месте мог быть устроен тайный «вылаз», который должен был совпадать с проемом в ранней крепостной стене. Это станет возможно проверить при закладке шурфа у внутренней стороны стены.

В траншее расчищен внутренний фас стены раската из восьми рядов шириной 2,25 м, основанием которой служили три ряда гранитных булыжников на растворе (рис. 31). Выше залегало пять рядов известняковых блоков и плит размерами 0,20–0,30 × 0,30–0,50 м. Верх кладки выходил на современную дневную поверхность, а ее основание залегало на глубине 1,60–1,70 м на подушке из глины, которой также было забутовано пространство между крепостной стеной и внешней стеной «бастей» на

Рис. 31. Порховская крепость. 2014 г. Шурф № 3.
Внутренний фас стены раската.
Вид с запада – северо-запада

высоту 1,10–1,20 м уже после ее устройства. Этот новый прием должен был в значительной степени защитить основание оборонительных сооружений от оползания и размыва.

Шурф № 3Б (размерами 2,00 × 2,00 м) заложен у юго-восточного прясла крепостной стены 1430 г. с целью дополнительного исследования фундамента усовершенствованных въездных сооружений Никольского захаба, выявленных А. Н. Кирпичниковым. В шурфе обследован внутренний угол их фундамента. Кладка состояла из четырех-пяти рядов грубо обработанных известняковых плит размерами от 0,25 × 0,30 м до 0,40 × 0,45 м и была пристроена в 1445–1475 гг. к основной стене крепости 1430 г. без перевязи (рис. 32). Фундамент крепостной стены залегал значительно глубже. Рядом с кладкой, у крепостной стены, на уровне 1,10 м от современной дневной поверхности зафиксированы остатки деревянного столба диаметром 0,20 м, закрепленного шестью вертикально стоящими известняковыми плитами.

Высота кладки до основания составила 0,75 м. Шурф доведен до основания въездной конструкции. К северо-северо-востоку от нее отмечен слой раствора с мелкими известняковыми камнями, возможно, остатками фундамента основной стены. Основная крепостная стена изучена на глубину 1,15 м относительно современной дневной поверхности, на высоту пяти рядов. Нижние два ряда, закрепленные известью бело-розового цвета, сложены из подтесанных известняковых блоков размерами 0,20 × 0,40–0,50 м. Три верхних ряда состояли из более тонких плит толщиной 0,08–0,09 м.

Рис. 32. Порховская крепость. 2014 г. Шурф № 3Б.
Расчистка основания въездных сооружений XV в.
Вид с востока – юго-востока

Исследованная конструкция, вероятно, составляла внутреннее основание въездных сооружений, интерпретированных А. Н. Кирпичниковым как «Тайничная башня».

Шурф № 4 (размерами 2,00 × 2,00 м) под сводом ворот Никольской башни примыкал к их северо-восточной стене. На глубине 0,60–0,75 м открыта вымостка из плохо подогнанных известняковых плит и камней размерами от 0,12 × 0,25 м до 0,30 × 0,40 м, которую можно считать въездной вымосткой в воротах или уровнем пола устроенной здесь на рубеже XIX–XX вв. часовни.

Основание ранней кладки стены залегало на глубине 1,60 м. Нижние три ряда сложены из булыжных камней размерами 0,25 × 0,30–0,40 × 0,60 м насухо на глине красно-коричневого цвета. Выше прослежены семь рядов кладки из грубых известняковых камней размерами от 0,14 × 0,34 м до 0,15 × 0,46 м, положенных на известковый раствор хорошего качества. Они имели скругление к внешнему краю арки. С северо-востока к этой кладке примыкала часть заклада герсы из 14 рядов известняковых плит,

стоявших на булыжном фундаменте. В восточном углу шурфа исследована кладка более поздней стены, также составлявшей арку. Фундамент ее состоял из двух рядов гранитных камней средней величины, основание которых лежало на уровне середины первого ряда более ранней кладки. Выше, до уровня современной дневной поверхности открыто три ряда кладки из известняковых блоков и плит размерами от 0,16 × 0,31 м до 0,14 × 0,38 м на известковом растворе среднего качества. Исследованные конструкции относились к усиленным подъемной решеткой воротам Никольской башни.

Археологические материалы

Суммарно проанализируем археологические материалы, найденные в ходе исследований 2014 г.⁸ Следует отметить, что при раскопках А. Н. Кирпичникова был собран керамический материал, датируемый не ранее конца XV в.⁹ Однако в четырех шурфах Б. Н. Харлашова 1997 г., заложенных близ Псковского захаба накануне строительства деревянного здания Порховского музея, была найдена керамика XII–XIII вв. (Харлашов, 1999), что свидетельствует о более раннем освоении территории городища.

Керамический комплекс из раскопок 2014 г. представлен в основном фрагментами сероглиняных, белоглиняных и красноглиняных сосудов с сильно отогнутыми наружу венчиками (рис. 33). В целом было собрано 1132 фрагмента гончарной керамики, из которых в коллекцию было отобрано 325 единиц. Большинство фрагментов керамики относится к XV–XVIII вв., но встречены также фрагменты венчиков с линейным и волнистым орнаментом, которые по предварительным данным могут быть датированы XIV в. Также найдена поздняя поливная керамика вплоть до XIX–XX вв., фрагменты сосудов из каменной массы (в том числе фрагменты бутылок для сельтерской воды), фрагменты красноглиняных светильников.

О насыщенности культурного слоя крепости керамическими материалами можно судить на примере шурфа № 11, где в непо потревоженном слое обнаружено 58 крупных фрагментов гончарной керамики. В западной части шурфа № 16, не

⁸ Отобранные после полевой обработки и составления описей зашифрованные материалы переданы для дальнейшего изучения в ГБУК АЦПО.

⁹ В четырех небольших раскопках, заложенных внутри крепости, были собраны 450 венчиков и днищ сосудов конца XV – начала XVII в., при анализе которых была сделана типологическая таблица форм местной керамики (Кирпичников, 1974).

Рис. 33. Порховская крепость. 2014 г. Шурф № 11. Венчики гончарных сосудов

затронутой раскопками прежних лет, найден 71 фрагмент гончарной керамики XIV–XVII вв., в шурфе № 9 – 94 фрагмента, в шурфе № 10 – 98 фрагментов. Основной объем керамического материала приходился на шурфы, заложенные внутри крепости. Также найдено 28 фрагментов изразцов с зеленой и коричневой поливой (в основном из шурфа № 6), часть из которых могла относиться к лемеху Никольской церкви. Фрагменты фарфоровой и фаянсовой посуды (32 экз.) относились к XIX–XX вв.

При раскопках собраны остеологические материалы – кости домашнего скота и их фрагменты (около 1100 экземпляров).

В составе индивидуальных находок следует отметить костяные изделия (рис. 34): половина наконсника с геометрическим изящным орнаментом и с грубо процарапанными с внутренней стороны линиями, фрагмент орнаментированной обоймицы¹⁰, часть предмета, очевидно, связанного с ремонтом сетей, игральную бабку (?). В двух шурфах найдены глиняные грузила для рыболовных сетей (рис. 35).

В составе железных предметов в большом количестве встречены кованые плотницкие гвозди, что связано с деревянным строительством внутри крепости. К наиболее интересным находкам из металла относятся: ядро для пищали, оружейный курок, части бытовых предметов, бронзовая пряжка (рис. 36).

¹⁰ Косторезное мастерство в древнем Порхове, очевидно, было на высоком уровне. Следует вспомнить выдающуюся находку из раскопок А. Н. Кирпичникова – костяную пороховницу XVI в. с изображением воина, найденную в раскопе близ Средней башни (Кирпичников, 1976).

Рис. 34. Порховская крепость. 2014 г. Находки из кости: 1 – бабка (?); 2 – половина наконсника; 3 – часть предмета, связанного с рыболовством (?); 4 – часть орнаментированной обоймицы (1, 3 – шурф № 13; 2 – шурф № 7; 4 – шурф № 3Б)

Рис. 35. Порховская крепость. 2014 г. Шурф № 15. Глиняные грузила для сетей

Находок, позволяющих привести более узкую дату, не было встречено, а также не зафиксировано материалов, связанных с военными действиями на территории средневекового Порхова (кроме найденного в переотложенном слое ядра) и следами пребывания на территории крепости шведского гарнизона в Смутное время.

Рис. 36. Порховская крепость. 2014 г. Находки из металла: 1 – ядро; 2 – часть железного предмета; 3 – пряжка; 4 – ружейный курок; 5 – обувная подковка. 1, 2, 4, 5 (железо) – шурф № 7; 3 (бронза) – шурф № 16

Заключение

Подводя итоги археолого-архитектурных исследований, необходимо отметить следующее. История возведения крепости подробно рассмотрена А. Н. Кирпичниковым (1984), поэтому остановимся лишь на тех аспектах ее сооружения, которые были выяснены в результате раскопок 2014 г.

Как представляется очевидным, каменная крепость 1387 г., пришедшая на смену городку при впадении в Шелонь р. Дубенки, была построена по единому продуманному плану и в короткие сроки. Об этом свидетельствуют единообразный характер и «технология» устройства фундаментов ранних стен во всех исследованных нами частях

¹¹ Перед началом наших исследований, под контролем Г. С. Гофман, псковскими геодезистами был дополнительно снят подробный план крепости с помощью современного лазерного тахеометра. Наши высотные отметки базировались на их реперах и более ранних «осадочных марках», которые были привязаны к Балтийской системе координат (БС) и приведены в общую жесткую систему. Суммируя все нивелировочные данные, можно говорить о том, что нынешняя «живая» дневная поверхность наших шурфов (без учета осыпей у стен крепости) у Псковского захаба имела отметки в пределах от 51,25 м до 51,62 м БС, а у Никольского захаба – в пределах от 50,21 м до 51,74 м БС. Средние значения нивелировок материковой поверхности у Псковского захаба лежали в пределах от 48,95 м до 49,74 м БС, а у Никольской стороны крепости – в пределах от 48,86 м до 49,055 м БС. Важны также нивелировки верхнего уровня ранней фундаментной кладки в разных частях крепости. С «псковской» стороны они лежат в пределах от 49,18 м до 50,05 м БС. Верх «никольских» фундаментов имел отметки от 49,17 м до 49,26 м БС. Эти высотные параметры весьма показательны и косвенно свидетельствуют о мастерстве зодчих, спланировавших и с «нулевого цикла» возведших крепость.

крепости, а также характер кладок, в особенности в их основании, сложенном с особой тщательностью¹¹. Вероятно, что планировкой крепости и ее устройством на начальной стадии занимались приглашенные специалисты, знакомые с передовыми приемами европейской фортификации. Задуманная планировочная структура и основные конструктивные узлы крепости при единых профессиональных приемах строительства были осуществлены в период ее основания.

Как выяснилось, Малая башня, самая ранняя из сохранившихся на Северо-Западе, была задумана уже после устройства основного крепостного фундамента. Исследования 2014 г. также подтвердили фундаментальность и «многогранность» переустройства западного прясла в 1430 г. Проведены исследования въездных сооружений Псковского захаба, позволившие еще раз убедиться в неоднократных их перестройках. Исследованы Псковская башня и «караульня» 1445–1475 гг.

Впервые при исследованиях крепости в Малой башне обнаружены остатки погребений, устроенных в специальной каменно-деревянной «гробнице».

При изучении Никольского захаба (раската) 1445–1475 гг. впервые сделаны наблюдения о специальной подготовке поверхности перед началом и в процессе строительства с применением привозной глины. Этапы сооружения всех крепостных объектов, обозначенных предшественниками, безусловно, подтверждаются нашими исследованиями. На месте крепости, по мнению Б. Н. Харлашова (1999. С. 52), могло располагаться небольшое поселение XII–XIII вв. Для подтверждения этой гипотезы необходимы масштабные раскопки на территории внутри крепости. Исследования 2014 г. дали необходимую информацию для дальнейших разработок проектов реставрации крепости, изучение которой необходимо продолжить. Авторы сердечно благодарны всем тем, кто работал в сезоне 2014 г., – псковским археологам и реставраторам, организовавшим экспедицию и давшим импульс для новых исследований, сотрудникам Порховского музея, а также порховичам, участвовавшим в раскопках своей цитадели.

Источники и литература

- Богусевич В. А., 1940. Военно-оборонительные сооружения Новгорода, Старой Ладого, Порхова и Копорья. Новгород.
- Кирпичников А. Н., Рябинин Е. А., 1975. Исследования средневекового Порхова и его окружи // АО 1974 г. М.
- Кирпичников А. Н., 1974. Отчет о раскопках Порховской крепости и Велья Псковской области в 1974 г. // Архив ИА РАН.
- Кирпичников А. Н., 1976. Пороховница XVI в., найденная в Порхове // Средневековая Русь. М.
- Кирпичников А. Н., 1984. Каменные крепости Новгородской земли. Л.
- Косточкин В. В., 1962. Русское оборонное зодчество конца XIII – начала XVI в. М.
- Ласковский Ф., 1885. Карты, планы и чертежи к I части Материалов для инженерного искусства в России. СПб.
- Нармонтас М. П., 2014. Идею фудштока подсказала викторина // Порховский вестник. Порхов. № 67.
- Новгородские писцовые книги. 1905. СПб. Т. 5.
- Новгородская первая летопись младшего и старшего изводов. 1950. М.; Л.
- Попов С. Г., Румянцева З. Р., 2015а. Новые исследования Порховской крепости в 2014 г. // Краеведческие чтения. Материалы XIV научной конференции. Порхов.
- Попов С. Г., Румянцева З. Р., 2015б. Погребальный комплекс у Малой башни Порховской крепости // Краеведческие чтения. Материалы XIV научной конференции. Порхов.
- Рабинович Я. Н., 2013. Порхов в Смутное время. Саратов. 2013.
- Раппопорт П. А., 1961. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X–XV вв. // МИА. М. № 105.
- Харлашов Б. Н., 1999. Раскопки в Порховской крепости // АО 1997 г. М.

Археологические работы на Монастырском Наволоке в г. Кандалакше в 2015 г.

М. М. Шахнович

История археологического изучения устья р. Ниве

Самый известный памятник на северном побережье Кандалакшского залива, с которого было начато изучение археологии этого микрорегиона еще в XIX в., – это Кандалакшский лабиринт. Первые попытки провести археологические изыскания в устье р. Ниве осуществлены в 1928 г. сотрудниками Палеоэтнологической партии Антрополого-Этнографического отряда Кольской экспедиции МАЭ под руководством А. В. Шмидта. В 1934–1935 гг. геологом Г. И. Горецким на древних террасах на участке между селами Кандалакша и Пинозеро обнаружены девять стоянок эпохи неолита (Горецкий, 1937. С. 114–118). В 1946 г. Н. Н. Гурина осмотрела окрестности г. Кандалакша, где отметила еще семь новых небольших скоплений находок кварцевого материала и асбестовой керамики (Гурина, 1947. С. 55–57; 1950. С. 116).

В 1970–1974 гг. археологи КФ АН СССР Ю. В. Титов, П. Э. Песонен и А. В. Анпиловы «полностью обследовали левый берег р. Ниве от Пинозеро до Кандалакшской губы. Здесь открыто более тридцати древних поселений, из которых 22 частично или полностью раскопаны» (Титов и др., 1975. С. 41; Песонен, 1978; 1980). Стоянки были найдены и в устье р. Лувенги и Питкуль Губе. На полуострове Монастырский Наволок в устье р. Ниве на территории поморского кладбища в 1971 г. собрана гончарная керамика и зафиксировано позднесредневековое поселение Нива VII (Титов, Песонен, 1972. С. 10). В 2006 г. «поздние» каменные сложения и энеолитические стоянки в районе лабиринта обследовал А. М. Жульников. В 2013 г. М. М. Шахнович провел предварительные раскопки (32 кв. м) в алтарной части фундамента церкви Рождества Пресвятой Богородицы на Монастырском Наволоке (Шахнович, Ширококов, 2014. С. 174–189).

Задачи 2015 г.

Бывшая усадьба Кандалакшского Пречистенского монастыря находится на левом берегу устья р. Ниве. Сейчас большая часть ее территории занята поморским кладбищем XIX–XX вв., огородами и частными домами. В наши дни остатки монастырских строений полностью археологизированы.

Церковь Рождества Пречистой Богородицы была поставлена на краю ровной песчаной площадки северного берегового склона скального приустьевого мыса, в 0,15 км к востоку от окончания левого берега р. Ниве, при ее впадении в Белое море. В настоящее время от нее сохранился только каменный фундамент, построенный в середине XIX в. Место, где находятся руины церкви, – это холм, окруженный по периметру огородами.

Усадьба Кандалакшского монастыря, судя по перечню строений в писцовых документах, уже в XVI в. должна была занимать значительный участок Монастырского Наволока, но, опираясь на предварительные результаты работ 2013 г., точно можно указать только место церкви Рождества Богородицы в XVII в. Поэтому в 2015 г. выяснение характера сохранившегося культурного слоя и границ его распространения на левом приустьевом берегу р. Ниве стало приоритетной задачей продолжения исследований на Монастырском Наволоке. Для этого было решено заложить на скальной площадке к юго-востоку от развалин храма рекогносцировочный шурф, который и выявил сохранившийся участок культурного слоя периода позднего Средневековья – Нового времени, связанный с поселением Монастырский Наволок I.

Общее описание

Удобных мест для закладки шурфа на вершине полуострова Монастырский Наволок очень

немного. Нами была выбрана небольшая площадка к западу от скального выхода без следов перекопов, которая являлась самой высокой точкой приустьевое участка полуострова (15 м над уровнем моря). Поверхность ровная, задернована, деревья отсутствуют. С запада, севера и юга шурф площадью 12 кв. м ограничивается грунтовой дорогой и местом для парковки автомашин с гравийным покрытием, с востока – скалой, на юго-западе начинается падение крутого уступа первой морской террасы, в 25 м к юго-западу – северо-восточный край кладбища. Общая площадь выявленного культурного слоя по состоянию на 2015 г. составляет около 60 кв. м (12 × 5 м). Возможно, он сохранился под гравийной отсыпкой автомобильной площадки к западу от шурфа.

Разборка культурного слоя производилась по методике «медленных раскопок». Грунт исследовался с помощью «мелкого» шанцевого инструмента методом горизонтальных зачисток толщиной 0,01–0,02 м по горизонтальным пластам толщиной 0,10 м одновременно по всей площади. Внутри пласта исследования велись по слоям, различающимся по структуре и цвету. Весь грунт дополнительно просеивался на мелкоячеистом металлическом сите с ячейей 4 мм, позволяющем полностью извлекать находки из слоя.

Стратиграфия

Грунт – песок с небольшим количеством мелких камней. Стратиграфическая колонка на большей части шурфа относительно ровная и простая. Вертикальная последовательность песчаных напластований в границах исследованного участка в обобщенном виде выглядит следующим образом: слой дерна толщиной 0,10–0,11 м; слой черного углистого песка толщиной 0,05–0,10 м, в местах кладок он более значительный, достигает 0,20–0,50 м; слой темно-желтого песка с углистостью толщиной 0,04–0,06 м; слой темно-желтого песка толщиной 0,04–0,05 м. Материковая поверхность слабоволнистая, с небольшим уклоном к юго-западу. В восточной части шурфа материк – это поверхность скалы, а на остальной территории – желтый песок.

Общая насыщенность слоя углем может объясняться как четырьмя пожарами, известными в истории монастыря, так и наличием двух «кухонных мест», выявленных в границах шурфа.

Мощность культурного слоя определялась по цвету и распространению находок. В границах шурфа она варьировала от 0,32–0,37 м на большей части поверхности до 0,60–0,78 м в западинах.

Искусственные сооружения

В границах исследованного участка выявлены две кладки и одна яма с каменной выкладкой (рис. 1).

Кладка 1 располагается в центре шурфа. Это обширный развал обожженных (очажных) камней, небольших по размеру (0,08–0,15 м), уложенных плотно друг к другу, одним слоем толщиной до 0,10 м, на глубине 0,18–0,20 м от современной дневной поверхности (верхний уровень). В плане кладка имеет подпрямоугольные очертания размерами 1,60 × 0,80 м и вытянута по линии север – юг. Окружающий слой – темно-желтый с углистостью песок, под камнями слой желтого песка толщиной 0,05 м, лежащий на скале. На участке, примыкающем с юга к кладке, в темно-желтом с углистостью песке отмечены фрагменты древесного тлена (рис. 2).

Находки в песке под камнями отсутствовали. При разборке кладки найдены только четыре небольших фрагмента расслоившейся слюды. В слое непосредственно поверх камней встречена керамика чернолощеная (37 ед.), красножгущаяся (10 ед.), серожгущаяся (7 ед.), кремль, скрепы железные (7 ед.), гвозди кованые (4 ед.), подковка и три небольших кусочка глиняной обмазки.

Данную кладку следует рассматривать как остатки нижней части печи, которая по конструкции сходна с исследованными печами при входе в курные избы позднего Средневековья (Раппопорт, 1975. С. 114; Визгалов, Пархимович, 2008. Рис. 45, 69). Из наших работ на Кольском полуострове можно привести пример похожего печного развала начала XV в. на городище с. Варзуга (Шахнович,

Рис. 1. Кандалакша. Монастырский Наволок. 2015 г. Шурф 1. Уровень 0,30 м от современной дневной поверхности. Вид с юга

Рис. 2. Кандалякша. Монастырский Наволок. 2015 г.
Шурф 1. Кладка 1. Вид с севера

2010а; 2010б, С. 63–80). Нужно подчеркнуть, что кладка, исследованная на Монастырском Наволоке, находится не на деревянном опечье, а непосредственно на преднамеренно выбранном скальном участке.

Кладка 2. Крупные камни размерами 0,15–0,21 м прослежены на глубине 0,12–0,14 м от современной дневной поверхности в юго-восточной части шурфа. В плане кладка округлой формы размерами 0,80 × 1,00 м, на севере она примыкает к выходу скалы. Очажный слой – темно-желтый песок (заметна небольшая углистость в верхней части заполнения) продолжался до уровня 0,74 м от современной дневной поверхности.

Фрагмент древесного угля из нижней части заполнения ямы на уровне 0,45 м от современной дневной поверхности под камнями кладки был взят для проведения радиоуглеродного анализа¹. Его калиброванный календарный возраст приходится на два интервала: 1635–1678 гг. (58,5 %) и 1647–1666 гг. (48,7 %). Радиоуглеродный возраст образца – 239±25 л. н. (SPb 2031). Таким образом, время существования кладки приходится на середину XVII в.

Яма в северо-восточном углу шурфа размерами 1,10 × 0,90 м и глубиной 0,78 м от современной дневной поверхности уходит в северную бровку и имеет искусственное происхождение. Западная стенка имеет плавный наклон, дно ровное. Каменная кладка 3 размерами 0,80 × 0,60 м находится в верхней части этой ямы и связана с ее конструкцией. Кладка сложена на глубине 0,20 м от современной

дневной поверхности из камней небольшого размера (до 0,10 м), не имеющих следов воздействия огня и уложенных плотно друг к другу. Между камнями прослежен черный углистый песок, под ними – серый суглинок ледниковых отложений. При разборке камней найдены два обломка красножгущейся керамики, два неопределенных железных предмета, скрепа, два куса слюды, а также кирпичная крошка и современный гвоздь круглого сечения. Под камнями на уровне 0,30 м от современной дневной поверхности обнаружены монета достоинством 3 копейки 1931 г., бутылочное стекло, кусочки красного кирпича, истлевшее дерево.

Разновременные находки в слое темно-коричневого крупнозернистого песка на дне ямы находились в перемешанном состоянии. К XX в. относились спекшиеся куски стекла и красного кирпича, осколки прозрачного «баночного» стекла, а также более «древние» предметы: три кованых гвоздя, расслоившаяся слюда, две слюдяные оконницы, 10 фрагментов чернолощенной и 37 обломков серожгущейся керамики, железная подковка, зубы коровы, неопределенный железный предмет.

Яма, вероятно, была выкопана специально для мусора или являлась частью траншеи XX в. (военной?), идущей с севера и упирившейся в выход скалы. На это указывает ее «канавообразный» профиль и каменная кладка, аккуратно сложенная в верхней части ямы, которую можно рассматривать, как «элемент благоустройства» данного объекта. В процессе создания «канавы» был нарушен средневековый слой, предметы из которого были перемешаны с современными отходами.

Находки

Коллекция вещественных находок представлена 798 экз. (в среднем 66 шт. на 1 кв. м). Столь высокая плотность находок связана с присутствием в коллекции массового рядового археологического материала (гвозди, слюда и т. п.) и многочисленных обломков керамики. В коллекцию индивидуальных находок отобраны 24 экз. (табл. 1).

Небольшая толщина культурных напластований не позволяет в полной мере использовать стратиграфические наблюдения для установления времени попадания разных находок в слой, однако удалось выяснить характер распространения находок. Они преимущественно встречались на уровне 0,10–0,25 м от современной дневной поверхности, и хронологически различные группы материала часто залежали совместно. Основные места концентрации находок – это каменные и примыкающие участки.

¹ Определения произведены к. г.-м. н. М. А. Кульковой (изотопная лаборатория РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург).

Табл. 1. Монастырский Наволок 2015 г. Шурф 1. Находки

	1 гор.	2 гор.	3 гор.	4 гор.	Ямы, кладки	Всего
керамика красноглиняная	164 (27)	171 (28)	–	2	95 (6)	432 (33) ²
керамика чернолощенная	45 (3)	33 (5)	–	3 (2)	10 (2)	91 (12)
керамика белогущаяся	10	4	–	–	–	14
керамика поливная	2	–	–	–	–	2
обмазка глиняная	7	–	–	–	–	7
фрагменты слюды	11	38	9	1	25	84
оконницы слюдяные	–	–	2	–	4	6
подковки обувные, железо	1	1	–	–	3	5
нож, железо	2	–	–	–	–	2
жиковина сундучная, железо	1	–	–	–	–	1
жиковина дверная, железо	1	–	–	–	–	1
трубка, железо	–	1	–	–	–	1
крючок, железо	2	–	–	–	–	2
скрепы, железо	23 (17)	15 (8)	–	4 (3)	4 (1)	46 (29) ³
пробой, железо	1	1	–	–	–	2
предмет неопределенный, железо	4	4	–	–	2	10
монеты	2	–	–	–	–	2
гвозди кованые, железо	24 (9)	15 (4)	1 (1)	–	5 (2)	45 (16)
проволока, железо	2	4	–	–	–	4
шлак	1	–	–	–	1	2
зубы коровы	–	–	–	–	2	2
отщепы и сколы кремня	10	9	–	–	6	25
отщеп кварца	–	–	1	–	–	1
гильза пистолетная	1	–	–	–	–	1
	314	296	13	10	157	798

² В скобках указано количество фрагментов венчиков.

³ В скобках указано количество фрагментированных экземпляров.

Кроме современных вещей второй половины XX в., как, например, оконное и бутылочное стекло, фабричные металлические пробки от бутылок для алкогольных напитков, пистолетная гильза и т. п., встречались предметы, несомненно, более раннего времени, среди которых датирующие вещи (кроме керамики) отсутствовали.

При раскопках позднесредневековых жилищ самые массовые находки после керамического материала – это изделия из черного металла. Среди них доминируют части крепления деревянных строительных конструкций: гвозди, скрепы, скобы. Строительно-крепежные гвозди (45 шт.) делятся на фрагментированные (16) и целые экземпляры (29). Они изготовлены вручную, имеют следы деформации и термического воздействия, подквадратную или подпрямоугольную форму в поперечном разрезе стержня (4–6 × 4–7 см), плоскую расплюснутую шляпку подпрямоугольной формы и плавное сужение по всей длине. Длина стержней кованых «гвоздей приборных» – так называемые тесовые – колеблется в пределах 7–11 см (преимущественно 8,5 и 10,5 см) (Корчагин, 2011. С. 60). Максимальная длина найденных гвоздей 15,5 × 5 см при подквадратной шляпке размерами 1,5 × 1,5–2 см, минимальная – 4,2 × 0,5–0,7 см при шляпке 1,5 см (рис. 3).

В составе гвоздей, по нашему мнению, можно выделить небольшую группу «архаичного» вида (6 экз.). Ранее они не встречались при раскопках позднесредневековых церквей Русской Лапландии. Им присущ не только «грубоватый» вид, но и нестандартные пропорции: соотношение размеров массивной шляпки к длине стержня составляет 1:2, вместо обычного 1:4–10. Самый малый образец этой группы имеет «кнопочные» пропорции: длина стержня 1,8 см, шляпка размерами 2 × 2,5 см, а наибольший экземпляр длиной 6,4 см и размерами шляпки 2 × 2,5 см (рис. 3: 5, 6). Похожие гвозди найдены при раскопках погребений XV–XVI вв. прицерковного могильника в с. Варзуга. Как было отмечено, в позднем Средневековье вколачивание гвоздей в гробовину носило не утилитарное, а, возможно, пока неясное ритуальное назначение. Они присутствовали не у всех домовин, а вбивались по одной-две штуки только горизонтально и в торцовую часть гроба, и всегда были укороченных пропорций (Шахнович, 2015. С. 297–298). Если это наблюдение верно, то не понятно, как «погребальные» гвозди оказались в жилищном комплексе, однако не следует исключать и другое, бытовое назначение этих предметов «архаичного» облика.

Отдельная группа строительно-крепежного инвентаря – это железные скрепы, обычно многочисленные находки на более южных позднесредне-

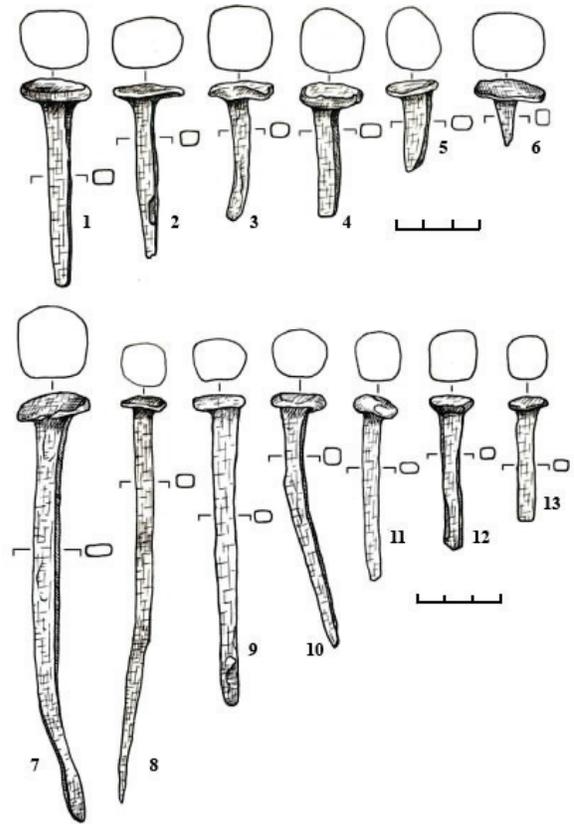

Рис. 3. Кандалакша. Монастырский Наволок. 2015 г.
Шурф 1. Гвозди железные

вековых памятниках Русского Севера. На Кольском полуострове при раскопках церквей в Печенге, Варзуге, Борисоглебске они встречались редко. В раскопе 2013 г. в церкви Рождества Богородицы на Монастырском Наволоке они составляли 10,5 % (70 шт.) от общего количества находок, а в раскопе 1 2015 г. – 5,7 % (46 шт.), что равно числу гвоздей. Из них фрагментированы 29 экз. Скрепы представляют собой тонкие железные пластины «циркулеобразной» формы, согнутые под острым углом, с заостренными концами и с расширенной центральной частью. Одна «ножка» скрепы часто незначительно короче другой, на 1–1,5 см. Размеры скреп: толщина 0,3–0,4 см, ширина в месте сгиба 0,8–1,1 см, расстояние между концами 2,5–3,6 см, максимальная длина 6,5 см, минимальная – 2,5 см. Как и гвозди, они концентрировались на уровне 0,05–0,22 м от современной дневной поверхности. В эту группу строительных «поковок» нужно отнести и единственную находку небольшого железного пробоя размерами 4,2 × 1,6 × 0,7 см, изготовленного из тонкой железной пластинки толщиной 0,4 см (рис. 4: 5, 6).

Производство разнообразной строительной продукции из черного металла не было повсеместным занятием и концентрировалось в основном в городах и посадах. Документы XVI–XVII вв. свидетельствуют о специализации кузнецов железопроизводящих центров. Например, чтобы приобрести продукцию гвоздочников и скобочников для строительства или в «варничный и судовой обиход», монастыри в Центральной России отправляли обозы за 300–500 км (Завьялов и др. 2007. С. 132). Поэтому можно предположить, что гвозди и скрепы были привезены в Кандалакшу.

Индивидуальные находки представлены в основном бытовыми вещами с широкой датировкой.

Обувные подковки

В шурфе впервые на Кольском полуострове получены не единичные фрагментированные находки, а небольшая коллекция железных каблучных подковок в количестве пяти экземпляров. Все они найдены в северной части шурфа: три

фрагментированных экземпляра – в нижней части заполнения ямы и две целых – в кладке 1.

Подковки различаются по способу крепления к каблучку (на шипах, гвоздях и комбинированные) и по типу (Колчин, 1959. С. 110; Никитин, 1971. С. 42). Пластины, использованные для этой детали обуви, стандартные: концы приостренные, ширина 1,6–2,2 см, толщина 0,3–0,5 см. Одна подковка с тремя шипами, расположенными на концах и в центре, остальные с тремя круглыми отверстиями (диаметром 0,5 см) для крепления гвоздями. У одной подковки сохранились гвозди длиной 2,8 см с выступающими выпуклыми шляпками круглой формы (рис. 4: 1–4).

Появление шиповых подковок в городах России относится к XVI в., а тип простых набивных подков со скругленными концами встречается преимущественно в слоях XVIII–XIX вв. (Векслер и др., 1997. С. 114, 116). Поэтому хотелось бы разделить эти находки на «поздние» из ямы и «ранние» (XVII в.) из комплекса, связанного с печью, имеющие аналогии в коллекциях из раскопок Мангазеи (Визгалов, Пархимович, 2008. С. 82–83, рис. 120).

Ножи

В раскопе обнаружены два ножа: целый и обломок лезвия размерами $8 \times 2 \times 0,5$ см. У крупного черешкового ножа лезвие длиной 12 см, шириной 2,7 см, с прямой спинкой толщиной 0,4 см, с «копейным» переходом от насада к лезвию, без оформления плечиков, образующим тупой угол с рукоятью-черешком. Черешок длиной 4,5 см на конце сужен, параллелен оси спинки клинка. Датировать нож можно в широких пределах XVII–XIX вв., по типу – универсальный хозяйственно-кухонный (Колчин, 1959. С. 60) – он похож на поясной саамский нож (goakka), используемый в повседневном обиходе от Средневековья до современности. Похожие ножи в Русской Лапландии встречались среди находок из раскопок на р. Паз в 2010 г. (Шахнович, 2011, С. 112) и среди сборов в устье р. Варзуги (Коткин, 2012. С. 232), но следует отметить, что и в коллекции из Мангазеи подобный тип тоже присутствует (Визгалов, Пархимович, 2008. Рис. 131; Денисов, 2011. С. 302) (рис. 4: 11).

Жиковины представлены двумя находками: для сундука и двери. Сундучная накладка размерами $7,8 \times 2 \times 0,5$ см с округлым окончанием и двумя круглыми отверстиями для гвоздей разного диаметра (4 и 6 см). Вторая накладка размерами $5,8 \times 4 \times 0,5$ см стандартной формы, широко распространенной в простых образцах кузнечного оформления дверного убранства: окончание толстой

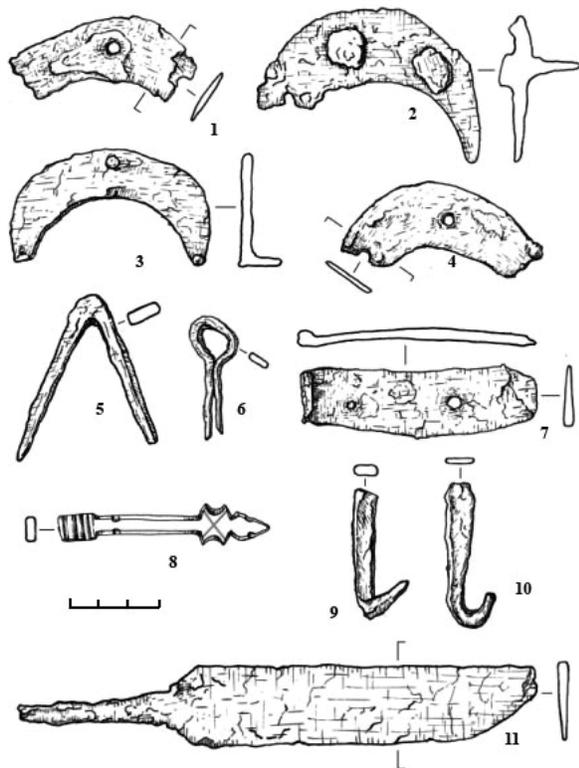

Рис. 4. Кандалакша. Монастырский Наволок. 2015 г. Шурф 1. Находки железные: 1–4 – подковки обувные; 5 – скрепа; 6 – пробой; 7 – жиковина сундучная; 8 – стрелка от часов; 9–10 – крючки; 11 – нож

железной пластины оформлено в виде заостренной «стрелки» с утолщенным округлым окончанием, с тремя пробитыми круглыми отверстиями диаметром 1 и 0,7 см (рис. 4: 7). Подобные кузнечные изделия встречались при раскопках церкви Святых Бориса и Глеба на р. Паз и на месте церкви Успения Божьей Матери в Печенгском монастыре на р. Мана (Шахнович, 2012. С. 195), а также среди продукции кузниц Соловецкого монастыря (Веселовская, 2006. С. 157–173).

Отметим железную втулку диаметром 1,5 см и длиной 4 см из свернутого листа железа, которая является частью подсвечника и также имеет аналоги в коллекции из церкви на р. Паз (Шахнович, 2012. С. 196).

В коллекции находок из черного металла есть также два небольших крючка длиной 4 и 4,8 см, толщиной 0,4 × 1 см, бесформенный кусок чугуна (?) размерами 9,2 × 7,1 × 0,5 см с двумя отверстиями диаметром 1,5 см, фигурная стрелка из медного сплава, вероятно, от больших напольных часов и десять предметов из железа, не поддающихся атрибуции (куски стержней, обломки пластин, проволока) (рис. 4: 8–10).

Слюда

Частей от слюдяных оконниц-«шитух» трапециевидной формы найдено шесть экземпляров в нижних слоях и в яме. Целых экземпляров только два (размерами 6 × 4,5 м), остальные – фрагменты с наличием характерных заломов от слома. На четырех экземплярах присутствуют сквозные отверстия от проколов иглой, сделанные по краю пластин через равные промежутки приблизительно в 2 см. При толщине 1 мм пластинки обладают хорошей для крепления жесткостью и прозрачностью. Отобранные для «стекления» нужного качества небольшие пластинки слюды в процессе подгонки резались на месте из имеющегося сырья на многоугольники. Кроме того, собрано 84 экз. необработанной слюды – «чешуек» мусковита, в составе которых фрагменты слюды непрозрачного, золотисто-желтого цвета, т. е. подвергшиеся термическому воздействию, в отличие от находок в раскопе 2013 г. на месте разрушенной церкви Рождества Пречистой Богородицы Кандалакшского монастыря (Шахнович, Ширококов, 2014. С. 196; Скамницкая и др., 2015. С. 184–185). Некоторые пластинки имеют ровные края, возникающие при отрезании (рис. 5).

Кремни

Для небольшой исследованной площади находки кремней составляют значительную группу – 25 экз.

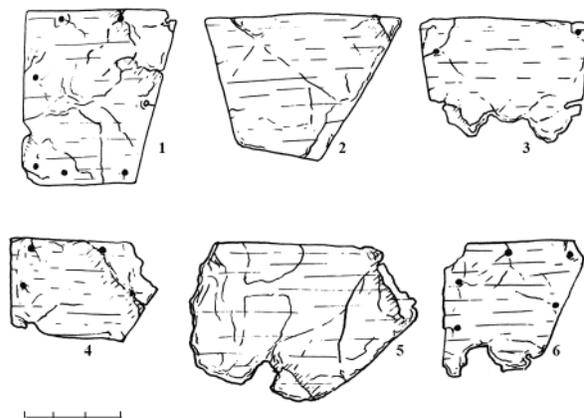

Рис. 5. Кандалакша. Монастырский Наволок 2015 г. Шурф 1. Фрагменты слюдяных оконниц

Сборы кремневых отщепов производились еще при самом первом обследовании Монастырского Наволока Ю. В. Титовым в 1971 г. (Титов, Песонен, 1972. С. 10). При анализе коллекции возникает проблема функциональной и хронологической идентификации данной категории находок. Следует установить, являлись ли они остатками стоянки эпохи камня – раннего металла или же кресальными и оружейными кремнями. Последние обычно сходны с кремневыми скребками и скобелями, однако их все же возможно отделить по следам износа. Трасологические признаки кресальных и ружейных кремней сходны. К ним относятся «смятая», «разорванная» кромка ударного края и прилегающих поверхностей обоих фасов, глубокие ступенчатые, «занозистые» сколы, утончающие ударную кромку с обеих сторон, «забитость» поверхности ударного края, образование мелких кольцевых трещинок, а также выемок и, наоборот, микроскопических ударных бугорков в точках прямого удара кремня о кресало. Оружейные кремни имеют правильную прямоугольную форму, близкую к квадратной, размерами 3 × 2,8 × 0,8 см, и остатки пороха на поверхности в виде серого налета (Сериков, 2003. С. 256; Галимова и др., 2014. С. 259–264).

Сколы из раскопа 2015 г. – это преимущественно хорошего качества меловой кремнь различных оттенков серого и черного цветов, возможно, из южно-скандинавских месторождений. Следы термического воздействия присутствуют на четырех экземплярах, остатки известковой желвачной корки – на двух. Кресальные кремни с характерными «забитыми» краями представлены пятью экземплярами, остальные – это сколы с отсутствующей проксимальной частью,

сделанные в ударной технике жестким отбойником. По специфичному виду ударного бугорка на одном экземпляре можно предположить, что использовался железный молоток. На большинстве отщепов есть ретушь утилизации, которая также, возможно, связана с кресальной функцией. Остается вопрос о возможном подборе и повторном использовании древних кремневых изделий – фрагментов ножевидных пластин, скребков и нуклеусов в качестве кресальных кремней. В целом коллекцию каменных артефактов можно рассматривать как единую, связанную с изготовлением, подправкой и использованием кресал⁴. Следует отметить, что находки кремня встречались преимущественно около кладок.

Керамика

Коллекция из раскопок 2015 г. на Монастырском Наволоке насчитывает 539 фрагментов керамики. По технологическим признакам (сырье, обжиг, характер обработки поверхности) можно выделить три группы глиняной посуды: красножгущуюся, беложгущуюся и чернолощеную.⁵

Подавляющее количество фрагментов керамики (434 экз. или 80 % керамических находок) относится к красножгущейся: цвет черепков варьирует от оранжевого до бурого и черного, а в тесте присутствует естественная примесь мелкого песка. По профилировке венчиков можно выделить не менее тридцати сосудов, по форме относимых к горшкам. В основном в составе красножгущейся керамики представлены сосуды с диаметром горла 0,18–0,22 м, но известны и горшки с диаметром горла до 0,28 м и совсем маленькие горшочки диаметром 0,085 м. Часть из них удалось реконструировать полностью (рис. 6–9). В центральном регионе России (Рыбакова, Купряшин, 2015. С. 226–229) и на территориях к северу и северо-западу от Москвы подобные формы тулова и венчиков сосудов известны с середины XVI в.⁶ Есть они и среди керамического материала из Мангазеи (Визгалов, Пархимович, 2008. С. 254, рис. 138). По мнению В. Ю. Коваля, это «северные» типы местных керамических образцов, выполненные в «центральнороссийской традиции». В археологических коллекциях из Южного Беломорья они, как правило, рассматриваются как поздние типы посуды, бытовавшей в XVII–XVIII вв. На это указывают археологические памятники низовьев р. Выг, на территории сел Сумский Посад

⁴ Определение н.с. сектора археологии ИЯЛИ КНЦ РАН к.и.н. А. Ю. Тарасова.

⁵ Определение Т. П. Амелиной.

⁶ Научная консультация зав. Отделом средневековой археологии к.и.н. В. Ю. Коваля.

Рис. 6. Кандалякша. Монастырский Наволок. 2015 г. Шурф 1. Керамика красножгущаяся

Рис. 7. Кандалякша. Монастырский Наволок. 2015 г. Шурф 1. Керамика красножгущаяся

Рис. 8. Кандалякша. Монастырский Наволок. 2015 г. Шурф 1. Керамика красножгущаяся

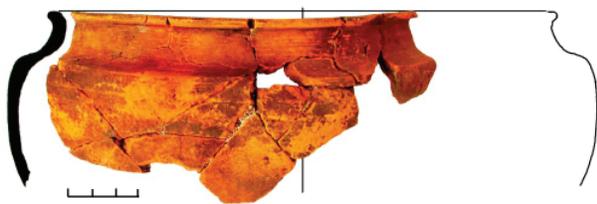

Рис. 9. Кандалакша. Монастырский Наволок. 2015 г.
Шурф 1. Керамика красножгущаяся

Рис. 10. Кандалакша. Монастырский Наволок. 2015 г.
Шурф 1. Керамика чернолощенная

(Амелина, 2009. С. 185–187, 189), Нюхча, Гайжево, Варзуга (Шахнович, 2010. С. 157), из раскопок железодельного завода Соловецкого монастыря на р. Пяла (Мулло, 1992. С. 151–156). Среди красножгущейся керамики из шурфа есть четыре ошлакованных фрагмента, вероятно, вследствие пожара.

Беложгущаяся керамика немногочисленна (14 фрагментов) и представлена обломками как минимум двух сосудов. Удалось реконструировать часть тулова большого горшка с толщиной стенок 0,005–0,008 м. Глиняное тесто с отдельными крупными включениями в изломе одного цвета, что говорит о хорошем обжиге. Фрагменты верхней профильной части сосуда отсутствуют, но по внешнему облику его можно датировать тем же периодом, что и красноглиняную керамику. Второй сосуд представлен стенкой с частично отбитой внешней поверхностью, которая орнаментирована полосами гребенчатого штампа. К сожалению, незначительность материала не позволяет его определить и датировать точнее.

Коллекция чернолощенной керамики насчитывает 91 фрагмент как минимум от четырех сосудов, цвет которых варьирует от иссиня-черного до серого. По профилям сосудов, придонной части, обломку ручки и носика-слива можно определить, что среди находок есть обломки изделий типа рукомойника и миски. Верхняя часть тулова кувшинов орнаментирована одной-двумя горизонтальными полосами, нижняя часть украшена орнаментом из небрежных полос лощения в виде ромбической сетки (рис. 10). Чернолощенная керамика получает наибольшее распространение в XVI–XVIII вв. Орнаментальное лощение появляется на русской чернолощенной посуде только во второй половине XVII – начале XVIII в., а сплошное двустороннее лощение – в XVI–XVII вв. (Розенфельд, 1968. С. 28–29).

Таким образом, впервые для памятников Нового времени Кольского полуострова получен комплекс керамических находок – коллекция Монастырского

Наволока из шурфа 2015 г. Ее можно рассматривать как цельную и единовременную, сформировавшуюся за краткий хронологический отрезок в пределах XVI–XVII вв. Была ли она изготовлена на Кольском полуострове или привезена из других районов Беломорья, пока трудно судить. Ближайший известный крупный центр гончарного производства – это Соловецкий монастырь (Критский, 2006. С. 232; Шульгина, Зарайченко, 2009. С. 102–103; 2010. С. 48–49).

Выводы

Комплекс сооружений и сопутствующих находок, происходящий из исследованного участка 2015 г., следует определить как остатки строения, связанного с бытовой жизнедеятельностью монастыря. В этом отношении показательны наличие интересного и разнообразного керамического комплекса находок. По общежительному монастырскому уставу, который был основой жизни в Кандалакшской обители, инокам было запрещено готовить пищу и столоваться индивидуально в кельях, дома же бельцов и служек строились за границей условного центра монастыря: за оградой или водной преградой, а на Монастырском Наволоке – просто в отдалении. Поэтому строение, которое частично затронуто в шурфе, не могло быть жилой кельей. На сегодняшний день открыта лишь часть жилого помещения или специализированного сооружения («поварни?»).

Значительное число крестьянских жилищ периода позднего Средневековья в лесной зоне России изучено в ходе археологических раскопок, что дает возможность привлечения сравнительного археологического материала для интерпретации и реконструкции обследованного в 2015 г. комплекса на Монастырском Наволоке. В данном случае возможно использование и этнографических данных о домостроительных традициях локальных групп русского этноса лесной зоны Восточной Европы и Западной Сибири (Рабинович, 1975; Раппопорт, 1975).

Согласно имеющимся данным можно определить открытое в шурфе сооружение как наземную курную избу клетного типа с очагом. Скорее всего, это был стандартный, архаичский тип жилой постройки – одноэтажный срубный дом с дополнительным помещением-сеними со стороны входа – основное «народное» деревенское жилище Русского Севера. Традиционная подклеть, вероятно, отсутствовала. Небольшая исследованная площадь не позволяет точно ответить на вопрос, сколько помещений было в постройке. В северорусских домах направление плах пола обычно шло от входа к противоположной стене (Рабинович, 1975. С. 166), поэтому, анализируя залегание остатков древесины в слое, можно предположить, что входная дверь находилась на западе. Обычно печь располагалась в углу подобного типа жилищ. Нахождение рядом двух очагов в одном доме маловероятно, что позволяет считать их разновременными.

В шурфе собраны материалы, относящиеся к эпохе позднего Средневековья и Нового времени. Анализ керамического комплекса позволяет сделать вывод о том, что освоение данного участка началось не ранее второй половины XVI в. Отсутствие находок, имеющих узкие хронологические рамки бытования, не дает возможность датировать коллекцию Монастырского Наволока I уже, чем XVII – началом XVIII в. Следует учесть, что имеющаяся единственная радиоуглеродная дата приходится на середину XVII в.

Косвенным аргументом о вхождении исследованного строения в монастырский комплекс XVII в. может быть отмеченное морфологическое сходство материалов из раскопок 2013 и 2015 гг. по такому пока редкому для позднесредневековых памятников Русской Лапландии типу строительной скрепы кузнечной работы. Скорее всего, такие скрепы единовременно были привезены в монастырь для строительства. В алтарной части церкви Рождества Пресвятой Богородицы они связаны со слоем пожара XVII в.

Благодаря работам на Монастырском Наволоке г. Кандалакша в 2015 г. были расширены границы распространения культурного слоя периода позднего Средневековья – Нового времени на месте исторической усадьбы Кандалакшского монастыря. Необходимо продолжение исследований в этом направлении на исторической территории г. Кандалакша.

Источники и литература

- Амелина Т. П., 2009. Вопросы хозяйственно-культурной адаптации населения Карелии в эпоху Средневековья и Нового времени // Адаптация культуры населения Карелии к особенностям местной природной среды периодов мезолита – Средневековья. Гуманитарные исследования. Петрозаводск. Вып. 4.
- Векслер А. Г., Лихтер Ю. А., Осипов Д. О., 1997. Обувные подковки XV–XVII вв. (по материалам раскопок в Москве) // РА. № 3.
- Веселовская Н. В., 2006. Кузнечное ремесло и железодельный промысел // Наследие Соловецкого монастыря в музеях Архангельской области. М.
- Визгалов Г. П., Пархимович С. Г., 2008. Мангазея. Новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург.
- Галимова М. Ш., Ситдинов А. Г., Хабаров В. В., 2014. Оружейные и кресальные кремни из раскопок Казани: экспериментально-трассологическое исследование // Поволжская археология. № 3 (9).
- Гурина Н. Н., 1947. Результаты археологического обследования южного побережья Кольского полуострова // КСИИМК. Вып. XXI.
- Гурина Н. Н., 1950. Некоторые данные о заселении южного побережья Кольского полуострова // СА. № XII.
- Горечкий Г. И., 1937. Некоторые данные о неолитических стоянках Кольского перешейка // Труды Ассоциации по изучению четвертичного периода в Европе. М. Вып. III.
- Денисов С. А., 2011. Технологическое исследование ножей из г. Мангазея (по материалам раскопок ООО НПО «Северная археология») // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. Омск.
- Завьялов В. И., Розанова Л. С., Терехова Н. Н., 2007. Русское кузнечное ремесло в золотоордынский период и эпоху Московского государства. М.
- Критский Ю. М., 2006. Промыслы и ремесла северного крестьянства и Соловецкого монастыря XV–XX вв. // Соловецкий сборник. Архангельск. Вып. 3.
- Колчин Б. А., 1959. Железодельное ремесло Новгорода Великого (Продукция, технология). М.; Л. (МИА. № 65).

- Корчагин П. А., 2011. Возможности интерпретации археологических источников позднего Средневековья и Нового времени: гвозди // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. Омск.
- Коткин К. Я., 2012. Археологические предметы Терского берега в коллекции Мурманского областного краеведческого музея // Север и история. Четвертые Феодоритовские чтения. Мурманск; СПб.
- Мулло И. М., 1992. К вопросу о производстве огнестрельного оружия в Карельском Поморье в XVI–XVII вв. // Краеведение и музей. Петрозаводск.
- Никитин А. В., 1971. Кузнечное ремесло XV–XVII вв. М. (САИ. Вып. Е1–34).
- Рабинович М. Г., 1975. Русское жилище в XIII–XVII вв. // Древнее жилище народов Восточной Европы. М.
- Раппопорт П. А., 1975. Древнерусское жилище (VI–XIII вв. н.э.) // Древнее жилище народов Восточной Европы. М.
- Розенфельдт Р. Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М. (САИ. Вып. Е1–39).
- Рыбакова О. Е., Купряшин А. В., 2015. Керамический комплекс из постройки XVI – рубежа XVI–XVII вв. близ Архангельского монастыря на Звенигородском посаде Твери // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Тверь. Вып. 8.
- Сериков Ю. Б., 2003. К вопросу об орудиях для высекания огня // Петербургская трасологическая школа и изучение древних культур Евразии. Сб. в честь юбилея Г. Ф. Коробковой. СПб.
- Скамницкая Л. С., Шахнович М. М., Букчина О. В., 2015. Использование слюды и расположение мест добычи мусковита в позднем Средневековье на Кольском полуострове и в Северной Карелии // Труды Карельского научного центра РАН. № 7.
- Титов Ю. В., Анпилогов А. В., Лобанова И. Ю., 1975. Кольская археологическая экспедиция // АО 1974 г.
- Титов Ю. В., Песонен П. Э., 1972. Новые памятники на Кольском полуострове // АО 1971 г.
- Песонен П. Э., 1978. Мезолитические памятники Кандалакшского берега // Мезолитические стоянки Карелии. Петрозаводск.
- Песонен П. Э., 1980. Неолитические памятники Кандалакшского берега Белого моря // Новые памятники Карелии и Кольского полуострова. Петрозаводск.
- Шахнович М. М., 2010а. Археология реки Варзуга // Варзуга – первое русское поселение на Кольском Севере / Вторые Феодоритовские чтения. СПб.
- Шахнович М. М., 2010б. Средневековая археология Северного Прибеломорья (река Варзуга) // Новгород и Новгородская земля: история и археология. В. Новгород. Вып. 24.
- Шахнович М. М., 2011. Новые средневековые находки в Русской Лапландии (Печенгский район Мурманской области) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. В. Новгород. Вып. 25.
- Шахнович М. М., 2012. Древний храм Святых Бориса и Глеба на реке Паз: опыт историко-археологического исследования // Север и история. Четвертые Феодоритовские чтения. Мурманск; СПб.
- Шахнович М. М., 2015. Археологическое изучение Свято-Никольской церкви с. Варзуга в 2013 году // Новгород и Новгородская земля. История и археология. В. Новгород. Вып. 29.
- Шахнович М. М., Ширококов И. Г., 2014. Археологическое обследование церкви Рождества Пречистой Богородицы в г. Кандалакша в 2013 г. // Новгород и Новгородская земля: история и археология. В. Новгород. Вып. 28.
- Шульгина М. В., Зарайченко А. Е., 2009. Исследования гончарного завода Соловецкого монастыря // АО 2006 г. М.
- Шульгина М. В., Зарайченко А. Е., 2010. Исследования комплекса «Гончарный завод» на территории острова Большой Соловецкий // АО 2007 г. М.

Археологические исследования в регионах России

Исследования 1-го отряда Саянской экспедиции ИИМК РАН стоянки Ирба-2 в 2015 г.

П. Б. Амзараков, С. А. Васильев, Т. В. Корнева, А. В. Поляков

С 2009 г. Саянская экспедиция ИИМК РАН проводит исследования памятников археологии в зоне проектируемого строительства железнодорожной линии Элегест – Кызыл – Курагино. За прошедшее время были проведены сотни километров разведок, в ходе которых на территории юга Красноярского края (Курагинский, Каратузский и Ермаковский районы) выявлено 46 ранее неизвестных объектов культурного (археологического) наследия. В 2012 г. при поддержке Русского географического общества (РГО) начаты планомерные работы по исследованию памятников, попадающих в зону строительства железной дороги (Александров и др., 2012; Александров и др., 2013а; Александров и др., 2013б; Александров и др., 2014; Александров и др., 2015). Параллельно ведется процесс научной обработки и издания материалов экспедиции (Поляков, 2012; Поляков и др., 2014; Амзараков и др., 2015а; Амзараков и др., 2015б; Амзараков и др., 2015в).

Стоянка Ирба-2 – один из интереснейших памятников, работы на котором проводит 1-й отряд Саянской экспедиции. Он расположен на северо-восточной окраине районного центра Курагино в Курагинском районе Красноярского края. Впервые этот объект был выявлен в начале лета 2012 г. в ходе обширных разведок по трассе проектируемой железной дороги. Площадь памятника составляет около 18000 кв. м. Его главная особенность – многослойность. В полученных на данный момент материалах представлены практически все археологические эпохи, начиная от позднего палеолита и заканчивая этнографической современностью. К сожалению, не все археологические периоды удастся разделить стратиграфически ввиду отсутствия стерильных прослоек, но и тех данных, которые имеются, вполне хватает для получения важных научных результатов.

Исследования этого памятника имеют особое значение, так как он расположен в одном из наименее

изученных районов Минусинской котловины, на самой восточной ее окраине у подножия Восточного Саяна. Все крупные научные экспедиции (Красноярская, Среднеенисейская, Бейская и другие), работавшие до этого, концентрировали свои усилия на изучении памятников либо прибрежных районов Енисея, либо расположенных в степях левого берега. Восточную часть Минусинских котловин ввиду малого числа визуально видимых памятников изучали значительно реже. Известны, в первую очередь разведки С. В. Киселева по р. Туба и Амыл, а также его раскопки могильника Кочергино примерно в 30 км к западу от пос. Курагино (Киселев, 1929). Таким образом, знания об этой части Минусинских котловин были минимальны. Работы 1-го отряда Саянской экспедиции в значительной степени восполняют эту лауну, и памятник Ирба-2 имеет совершенно особое значение, так как он, пока единственный из всех, предоставляет возможность изучать практически всю стратиграфическую колонку древних археологических культур региона. Все остальные выявленные в этом районе объекты (Ирба-1, Ирба-3, Рощинское-1, Рощинское-2, Анжельк-1, Анжельк-2, Старая Копь-1, Старая Копь-2) датируются скифским временем и в редких случаях периодом палеолита.

Первые раскопки на этом памятнике были проведены осенью 2012 г. Узкой полосой вдоль проектируемой линии железной дороги была вскрыта периферийная часть памятника на площади 3262,21 кв. м, изучен 31 археологический объект и обнаружен 1621 артефакт. Уже эти исследования показали, что на разных участках стоянки представлены материалы разных хронологических эпох и ее изучение требует привлечения широкого круга специалистов. В 2015 г. после двухлетнего перерыва, связанного с перемещением центра исследований южнее в Западный Саян, работы на стоянке Ирба-2 были возобновлены. В исследованиях принимали участие археологи:

А. В. Поляков (начальник экспедиции), П. Б. Амзараков, С. А. Васильев, Т. В. Корнева. Особую благодарность необходимо выразить В. И. Беляевой, руководившей практикантами исторического факультета СПбГУ.

Выполнение таких объемных работ на столь сложном памятнике было бы невозможно без всемерной поддержки со стороны Русского географического общества (РГО), на базе которого было развернуто обширное волонтерское движение. Из специально подготовленного лагеря на берегу р. Туба каждый день на раскопки стоянки Ирба-2 приезжало 60 человек волонтеров из разных уголков России и мира. Они помогали профессиональным археологам на всех этапах полевых работ.

В ходе раскопок 2015 г. было исследовано 4113,31 кв. м памятника и зафиксировано 8357 артефактов различных археологических эпох (рис. 1; 2). Такое значительное увеличение плотности находок (более чем в пять раз) при сопоставимой площади раскопов связано с тем, что в том году работы продвинулись от периферии к центру памятника. Были обнаружены материалы практически всех хронологических периодов, начиная от верхнего палеолита и заканчивая Средневековьем и этнографической современностью.

Палеолит (афонтовская культура)

Культурные остатки времен палеолита были зафиксированы в 35 секторах, преимущественно в восточной части раскопа. Находки залегали на глубинах 0,44–0,78 м и были приурочены к слою плотной серо-желтой супеси, разделенному для удобства фиксации на условные горизонты 5 и 6. Все предметы лежали горизонтально на широкой плоскости с перепадом 0,10–0,20 м по глубине. Распространение находок в плане представляло собой ряд скоплений предметов расщепленного камня и костных остатков (рис. 3). В каждом из скоплений находилось от нескольких десятков до нескольких сотен предметов. Эти скопления были разделены между собой стерильными участками или участками с небольшим количеством находок.

Основную массу предметов каменной индустрии составляют различные сколы, нуклеусы и каменные орудия, среди которых преобладали предметы из серо-зеленых кремневых пород типа кремнистых сланцев, серо-зеленых, серых и черных кварцитов. В составе костных остатков представлены фрагменты кости и рога со следами обработки. В западной части раскопа в пределах секторов № 79, № 137 и № 141 обнаружен участок с остатками костей крупного животного, предположительно бизона (рис. 4).

Рис. 1. Стоянка Ирба-2. Раскоп 2015 г. Вид с юго-востока

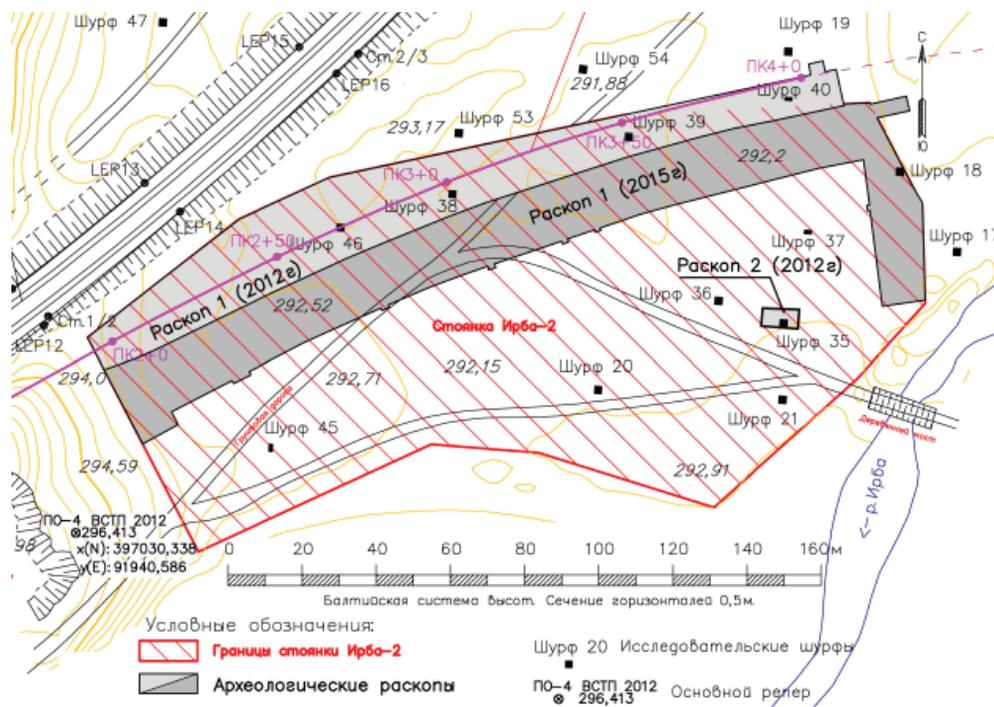

Рис. 2. План стоянки Ирба-2

Рис. 3. Стоянка Ирба-2. Сектор № 110. Горизонт 5. Скопление артефактов эпохи верхнего палеолита. Вид с севера

Рис. 4. Стоянка Ирба-2. Скопление костей палеофауны на стыке секторов № 79, № 137 и № 141. Вид с востока

Среди нуклеусов встречается большое количество заготовок на гальках и расколотых гальках, брошенных на начальной стадии обработки. Распространены одноплощадочные клиновидные и торцовые нуклеусы и микронуклеусы, реже встречаются двуплощадочные и призматические нуклеусы.

К основным типам орудий, найденных в палеолитических горизонтах стоянки Ирба-2, относятся скребки, скребла, резцы, каменные ножи, пластины с ретушью, проколки, долотовидные орудия и галечные орудия. Среди скребков доминируют короткие, укороченные и миниатюрные концевые и боковые скребки, встречаются также скребки с носиком, с выемкой в основании, округлые с обработкой по периметру, угловые, двойные, атипичные, скребки высоких форм.

Скребла изготовлялись на пластинах и пластинчатых отщепах, массивных отщепах, обломках галек. Распространены массивные продольные и поперечные выпуклые скребла, реже встречаются вогнутые и прямые, а также двойные, конвергентные и бифасиальные скребла.

Был найден ряд угловых и диагональных резцов, а также три комбинированных орудия – резца-скребка. На ряде предметов читаются следы сработанности. Среди сколов доминируют чешуйки, отщепы и микроотщепы, осколки галек и угловатые обломки, встречаются пластинчатые отщепы и пластинки.

Привлекает внимание фрагмент рога оленя с серией насечек на уплощенной стороне, костяное орудие типа мотыжки из обработанного эпифиза длинной кости крупного животного, молоток из рога оленя и несколько фрагментов кости со следами обработки. Отдельный интерес представляют находки мелких плоских галек мраморовидной породы. В секторе № 98 найдено скопление из 24 небольших галек (рис. 5). Похожие гальки были встречены по отдельности в разных местах раскопа. Возможно, они были отобраны специально и являлись заготовками для украшений.

Изучение памятника Ирба-2 в ходе полевого сезона 2015 г. позволило подтвердить выводы, сделанные еще в 2012 г., относительно принадлежности памятника к афонтовской культуре и получить большое количество данных для дальнейшего изучения стоянки. Планиграфическое распределение находок и характер каменного инвентаря позволяет предположить, что в ходе полевого сезона была вскрыта периферийная часть стоянки, где велись работы по изготовлению и переоформлению каменных орудий и обработке кости.

Рис. 5. Стоянка Ирба-2. Объект 52. Скопление галек. Вид с северо-востока

К сожалению, стратиграфия голоценовых слоев стоянки Ирба-2 не разделена на хронологические горизонты стерильными прослойками. В результате оказалось невозможным строго разделить все материалы по культурно-историческому принципу. Например, находки периодов неолита, энеолита и ранней бронзы находятся в одном культурном горизонте толщиной не более 0,10–0,15 м. При этом принадлежность фрагментов керамики к определенной культуре может быть определена без труда, а вот каменные изделия этих хронологических эпох имеют схожий облик. В материалах стоянки Ирба-2 представлены очень разнообразные типы изделий каменной индустрии: микrolитические изделия, нуклеусы, скребки, наконечники стрел и дротиков и т. д. (рис. 6).

Неолит (материалы «карасевского» типа)

Одна из удивительных особенностей археологии Минусинских котловин – это крайне малое число археологических памятников, датируемых эпохой неолита. Несмотря на продолжительные исследования, известно только одно неолитическое погребение и несколько стоянок, в составе которых наряду с материалами периодов энеолита и ранней бронзы представлены неолитические материалы (Унюк, Карасево). Тем интереснее было обнаружить при исследовании стоянки Ирба-2 следы, хотя и незначительные, присутствия населения того времени. В восточной части раскопа на контакте плейстоценовых и голоценовых слоев найдено небольшое количество (около 20) фрагментов керамики, которую следует относить к «карасевскому» типу (рис. 7). Их отличает своеобразный орнамент, не встречающийся на керамике других эпох, очень небольшая толщина стенок сосуда и состав теста с большим количеством отщипителя. К сожалению, они определенно не

Рис. 6. Стоянка Ирба-2. Образцы каменной индустрии, обнаруженной при исследовании горизонта, содержащего керамику эпох неолита, энеолита и ранней бронзы

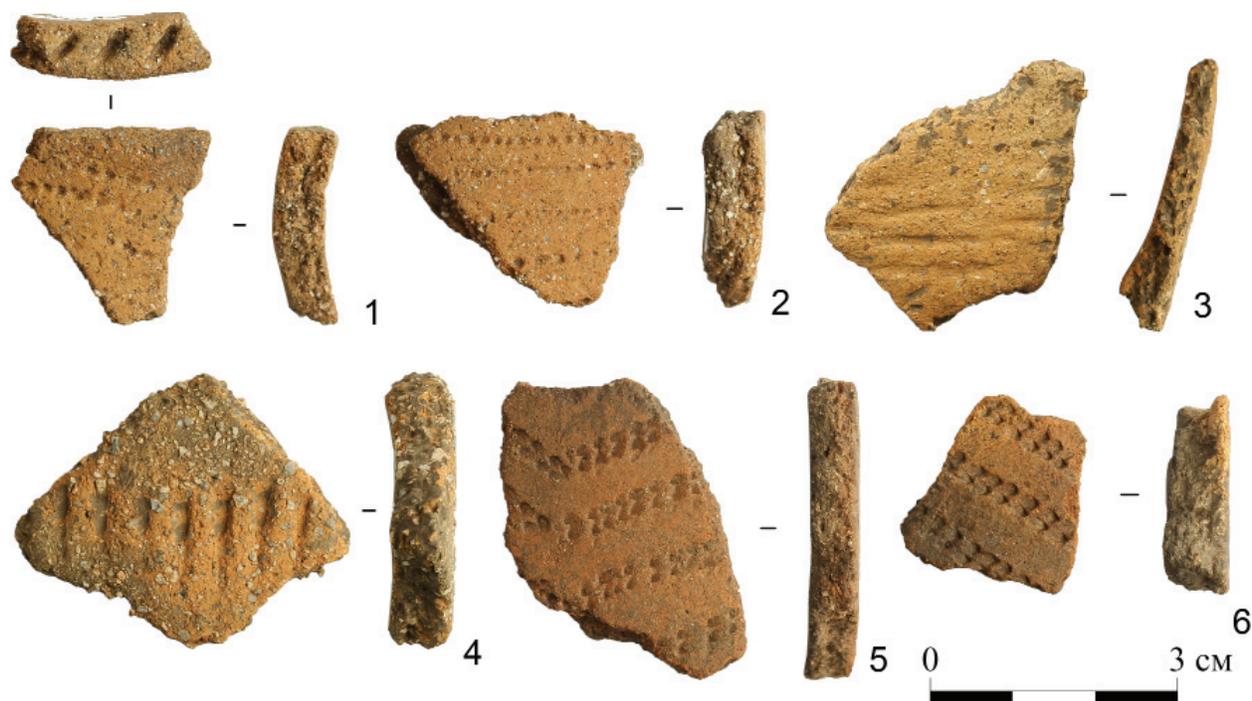

Рис. 7. Стоянка Ирба-2. Фрагменты керамики «карасевского» типа

связаны с какими-либо конструкциями и четко выраженным слоем.

Энеолит (афанасьевская культура)

В начале исследований стоянки Ирба-2 в 2012 г. материалов этой эпохи не было обнаружено. Однако в ходе работ 2015 г. удалось обнаружить и зафиксировать несколько сотен фрагментов керамики афанасьевского времени, причем они встречались практически по всей площади раскопа (рис. 8). Обращает на себя внимание то, что их вариативность не очень высока. Предположительно, речь идет о фрагментах пяти-шести сосудов. На этом основании пока трудно предполагать наличие здесь долговременного поселения. Более того, до сих пор не удалось обнаружить ни одного очага, характерного для афанасьевской культуры.

Первичный анализ керамики показывает, что она мало отличается от образцов, которые встречаются в погребениях западной и центральной частей Минусинской котловины. Судя по имеющимся фрагментам, они имели аналогичную яйцевидную форму с зауженным горлом и сильно отогнутым венчиком. Обращает на себя внимание, что в материалах стоянки Ирба-2 присутствует серия фрагментов очень редкого по способу орнаментации сосуда. Вся его поверхность покрыта особым образом сформированными шишечками, спускающимися от вен-

чика до дна по диагонали (рис. 8: 1–5). Сосуды с аналогичной орнаментацией были обнаружены дважды при раскопках могильников Восточное и Карасук III (Вадецкая и др., 2014. Рис. 85: 5; 88: 3), что указывает на монолитность афанасьевской культуры в границах Минусинских котловин.

Эпоха ранней бронзы (окуневская культура)

Еще на стадии выявления памятника в начале лета 2012 г. в одном из шурфов было найдено несколько фрагментов керамического сосуда эпохи ранней бронзы. Осенью 2012 г., когда проводились первые раскопки, на восточной окраине раскопа были обнаружены крупные фрагменты двух сосудов. В 2015 г. в той же части памятника найден развал еще одного сосуда окуневской культуры (рис. 9) и придонная часть другого. Оба они имеют традиционную баночную форму и отличаются большими размерами и сплошной повторяющейся орнаментацией. Эти признаки четко отделяют кухонную посуду, которая встречается на поселениях, от гораздо меньших по размеру и значительно богаче орнаментированных сосудов, которые устанавливались в могилу. Столь эпизодическое появление материалов окуневской культуры на стоянке свидетельствует о том, что мыс, на котором располагался памятник, в это время не служил местом постоянного проживания, а посещался спорадически.

Рис. 8. Стоянка Ирба-2. Фрагменты керамики афанасьевской культуры

Рис. 9. Стоянка Ирба-2. Керамический сосуд окуневской культуры

Материалы андроновской культуры и ранних этапов эпохи поздней бронзы (I и II) на стоянке полностью отсутствуют. Население того времени, вероятно, проживало большими коллективами, а их памятники тяготели к крупным водным источникам (большим рекам и озерам), они хорошо известны вдоль нижнего течения р. Туба, но вряд ли будут найдены на столь незначительных речках, как Ирба.

Эпоха поздней бронзы (карасукская культура)

Этот период представлен немногочисленными материалами III хронологического периода (Лазаретов, Поляков, 2008). Обнаружен один развал сосуда, значительная часть венчика еще одного сосуда, а также лезвие бронзового ножа (рис. 10). Последний предмет весьма характерен для погребальных памятников этого хронологического горизонта. Сосуды орнаментированы под венчиком двумя и тремя рядами наклонных оттисков штампа. Это один из самых распространенных орнаментов того времени. Следует обратить внимание на то, что материалы не носят массового характера, что свидетельствует о большой периодичности пребывания древних людей в этом месте.

Скифское время (тагарская культура)

Скифский период в истории стоянки характеризуется кардинальным изменением всех ее характеристик. Во-первых, резко возрастает количество находок. Примерно треть всех обнаруженных ма-

Рис. 10. Стоянка Ирба-2. Венчики двух сосудов и лезвие бронзового ножа конца эпохи поздней бронзы

териалов (около 3000 артефактов) может быть отнесена именно к этому времени. Во-вторых, максимальная их концентрация смещается в западную часть памятника. В-третьих, именно в западной части раскопа открыты два котлована полуземлянок, связанных с носителями тагарской культуры. Все это свидетельствует о том, что на этом месте в скифский период существовало небольшое, но уже постоянное поселение.

Подавляющее большинство находок представляет собой фрагменты керамической посуды. Их можно условно разделить на две неравные группы. К первой относятся фрагменты орнаментированных в верхней части горшков с прямым венчиком и плоским дном, которые составляют около 80 % от общего числа (рис. 11). Их следует связывать с ранним, подгорновским этапом тагарской культуры. Вторая группа, значительно меньшая по своей численности, формируется из фрагментов сосудов горшковидной формы с раздутым туловом и отогнутым наружу венчиком, преимущественно красного цвета без орнамента. По сумме признаков эту керамику можно связывать с относительно поздним, сарагашенским этапом тагарской культуры.

Важно отметить, что найденная керамика подгорновского этапа относится к особой группе, характерной исключительно для памятников этого времени, расположенных в районе р. Туба (Амзараков и др, 2015а. С. 138–139). Существование этой особой группы было впервые отмечено М. П. Грязновым и М. А. Дэвлет еще в 60-х гг. прошлого века. Однако больших исследований этой интереснейшей темы в дальнейшем не проводилось. В связи с работами

Рис. 11. Стоянка Ирба-2. Венчики сосудов подгорновского этапа тагарской культуры

Саянской экспедиции, в ходе которых была выявлена и исследована группа стоянок и поселений скифского времени, эта проблема вновь обрела остроту и требует проведения серьезных научных работ.

Суть проблемы сводится к тому, что на правом берегу Енисея в районе р. Туба существует группа памятников, в орнаментации керамики которой наблюдаются заметные отличия от хорошо изученной посуды левого берега Енисея. При практически полной идентичности форм основу орнаментальной композиции правобережной керамики составляет выдавленный изнутри ряд бугорков под венчиком сосуда с некоторыми дополнительными элементами, иногда исполненными зубчатым штампом. При этом погребальный обряд и остальной сопроводительный инвентарь погребений, в первую очередь бронзовый, практически не отличаются от памятников левого берега.

Как уже отмечалось, при рассмотрении материалов стоянки Старая Копь-1 (Амзараков и др. 2015а), в материалах трех поселенческих памятников, изученных Саянской экспедицией: Старая Копь-1, Ирба-2 и Рощинское-2, представлена керамика именно этого особого типа. Перечисленные памятники расположены на притоках р. Туба, вокруг которой формируется эта особая группа. Интересно отметить, что, несмотря на единство в рамках этой группы, можно проследить и некоторые отличия. На каждом из этих памятников превалирует определенный тип орнаментации, который на двух других встречается реже.

Так, для стоянки Ирба-2 наиболее характерно разделение ряда бугорков наклонными овальными оттисками, расположенными с ними в одну линию (рис. 11: 1–5, 7). Венчики с аналогичной орнаментацией встречались и на поселении Старая Копь-1, но были немногочисленны (Амзараков и др. 2015а. Рис. 3–14, 15, 17). В то же время превалирующий в материалах Старой Копи-1 вариант с двумя линиями наклонных оттисков, проходящих выше и ниже линии бугорков, практически не встречен при исследованиях на стоянке Ирба-2. Все это позволяет считать, что при увеличении числа имеющихся материалов вся эта группа может быть разделена на небольшие локальные варианты.

Керамика относительно позднего, сарагашенского этапа на всех трех памятниках имеет одинаковые признаки. Судя по венчикам и донцам, сосуды имеют идентичную форму и лишены орнаментации. Это свидетельствует о том, что к тому времени локальное своеобразие отдельных групп стирается. Следует также отметить, что в материалах всех исследован-

ных памятников керамика подгорновского этапа значительно превалирует, а материалы сарагашенского времени встречаются реже. Возможно, это указывает на заметное снижение численности проживавшего в этих местах населения.

Кроме керамики к скифским материалам, обнаруженным на стоянке Ирба-2, можно отнести два бронзовых шила и бронзовый нож с каплевидным отверстием (рис. 12). Эти артефакты имеют многочисленные аналогии среди находок из погребальных памятников левобережья Енисея и датируются подгорновским этапом тагарской культуры (Максименков, 2003. Табл. 23, 24, 36, 52). Это еще раз подтверждает тезис о том, что отличия правобережной группы наблюдаются только в орнаментации керамики, а бронзовые вещи практически неизменны во всем ареале тагарской культуры.

Рис. 12. Стоянка Ирба-2. Бронзовые нож и шилья подгорновского этапа тагарской культуры

Два котлована полуземлянок, обнаруженные в западной части раскопа, расположены в ряд, но при этом имеют несколько разную конструкцию (рис. 13). К сожалению, точная их датировка затруднена, так как в заполнении были обнаружены только неорнаментированные фрагменты сосудов тагарской культуры. Более вероятно, что они относятся к раннему подгорновскому этапу. Полное отсутствие каких-либо артефактов или их фрагментов на дне котлованов, а также очагов, костей животных или иных признаков проживания человека позволяет предположить, что данные постройки имели хозяйственное назначение.

Гунно-сарматское время (тесинский этап тагарской культуры и таштыкская культура)

Материалы этого времени представлены в основном фрагментами керамических сосудов и обнаружены в западной части памятника. Четко выделяются две керамические традиции: «степная», представленная сосудами тагарско-таштыкского типа (толстостенные, неорнаментированные, с отогнутым наружу венчиком) и «лесостепная», представленная керамикой с формованными или налипшими валиками в подвенечной части сосудов (рис. 14). Кроме того, отличия прослеживаются в материале и качестве теста. Следует отметить находку поддона сосуда – имитации «скифского котла», также типичного в «степной» керамической традиции рубежа эр.

В целом выделение на памятнике двух синхронных керамических традиций может свидетельствовать о сосуществовании на данной тер-

Рис. 14. Стоянка Ирба-2. Венчики сосудов гунно-сарматского времени

ритории двух этнических групп населения. По всей видимости, в гунно-сарматскую эпоху местность на границе лесостепи и таежной зоны, где располагается стоянка Ирба-2, являлась контактной зоной, в которой представители догосударственных образований степей Минусинской котловины (тесинская и таштыкская культуры) сталкивались с носителями традиции обмазочно-валиковой керамики, которая фиксируется в широком географическом диапазоне от юга Красноярского края до Северного Приангарья с рубежа эр по эпоху раннего Средневековья (Амзараков, Ковалева, 2009. С. 45).

Средневековье

Этот хронологический период представлен в материалах стоянки отдельными находками предметов

Рис. 13. Стоянка Ирба-2. Фото котлованов построек тагарской культуры

и серией хозяйственных ям. Среди наиболее ранних находок следует отметить два предмета: язычок пряжки и шпильку, которые могут датироваться кыргызским временем (рис. 15: 1, 2). Интересной находкой стала панцирная пластина от куяка, вероятно, монгольского времени (рис. 15: 3). К этому же хронологическому периоду относится серия хозяйственных ям, в двух из которых на дне лежали мешки с просом, а в

еще одной – зернотерка (рис. 16; 17). В одной из ям найден фрагмент железного котла. Проведенный в Лаборатории археологической технологии ИИМК РАН радиоуглеродный анализ проса после калибровки (Le-11379 – 540 ± 20) указывает на отрезки 1324–1345 и 1393–1431 гг. н. э. Таким образом, время сооружения этих хозяйственных ям следует относить к самому финалу монгольского времени. Отдельные железные предметы, обнаруженные в ходе работ, можно датировать и более поздним временем.

Подводя итоги двух полевых сезонов 2012 и 2015 гг., можно дать краткую характеристику стоянки Ирба-2. Первое, что следует отметить, – это важность ее местоположения. Начиная с эпохи палеолита и вплоть до этнографического времени древние люди использовали это место либо для постоянного

Рис. 15. Стоянка Ирба-2. Железные изделия эпохи Средневековья

Рис. 17. Стоянка Ирба-2. Яма с остатками мешков с зерном. Вид с северо-запада

Рис. 16. Стоянка Ирба-2. Яма с жерновом. Вид с запада

проживания, либо для устройства временных стоянок. До недавнего времени исследования велись на периферии стоянки, постепенно продвигаясь к ее центру, расположенному на мысу р. Ирба. На сегодняшний день можно уверенно утверждать, что в скифское время это место использовалось в качестве стационарного поселения, а в остальные эпохи – в качестве временных стоянок. Однако сохраняется возможность того, что по мере продолжения работ на памятнике будут обнаружены следы постоянного пребывания человека и в другие культурно-исторические периоды, к примеру в эпоху палеолита или энеолита, представленные многочисленными археологическими материалами.

Источники и литература

- Александров С. В., Боковенко Н. А., Килуновская М. Е., Лазаретов И. П., Поляков А. В., Семенов Вл. А., Соловьева Н. Ф., 2012. Археологические исследования в зоне строительства железной дороги Кызыл-Курагино // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб. Книга 2.
- Александров С. В., Боковенко Н. А., Лазаретов И. П., Поляков А. В., 2013а. Краткий обзор работ Саянской археологической экспедиции ИИМК РАН в 2012 году // Бюллетень ИИМК РАН. СПб. № 3
- Александров С. В., Боковенко Н. А., Лазаретов И. П., Поляков А. В., 2013б. Предварительные итоги работ Саянской археологической экспедиции ИИМК РАН в 2012 г. // Историко-культурное наследие народов Центральной Азии: перспективы развития и проблемы сохранения. Кызыл.
- Александров С. В., Боковенко Н. А., Лазаретов И. П., Поляков А. В., 2014. Краткий обзор охранных работ Саянской археологической экспедиции ИИМК РАН в долине р. Иджим в 2013 г. // Бюллетень ИИМК РАН. СПб. № 4.
- Александров С. В., Боковенко Н. А., Гордилов А. Ю., Лазаретов И. П., Поляков А. В., 2015. Охранные работы Саянской археологической экспедиции ИИМК РАН в долине р. Иджим в 2014 г. // Бюллетень ИИМК РАН. СПб. № 5.
- Амзараков П. Б., Ковалева О. В., 2009. О предварительных итогах археологического исследования стоянки Рожково в Среднем Приангарье на территории зоны затопления ложа водохранилища Богучанской ГЭС // Народы и культуры Южной Сибири и сопредельных территорий: история, современное состояние, перспективы. Материалы международной конференции, посвященной 65-летию Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Абакан. Том I.
- Амзараков П. Б., Ковалева О. В., Лазаретов И. П., Поляков А. В., 2015а. Поселение скифского времени Старая Копь-1 на восточной окраине Минусинских степей // Записки ИИМК РАН. СПб. № 12.
- Амзараков П. Б., Лазаретов И. П., Митько О. А., Поляков А. В., 2015б. Этнокультурная принадлежность средневекового захоронения со шкурой коня в долине реки Иджим в Западном Саяне // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Новосибирск. Вып. 7: Археология и этнография.
- Амзараков П. Б., Лазаретов И. П., Поляков А. В., 2015в. Погребение финальной стадии эпохи поздней бронзы в истоках реки Иджим (Ермаковский район Красноярского края) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Новосибирск. Вып. 7: Археология и этнография.
- Вадецкая Э. Б., Поляков А. В., Степанова Н. Ф., 2014. Свод памятников афанасьевской культуры. Барнаул.
- Киселев С. В., 1929. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г. // Ежегодник государственного музея им. Н. М. Мартыанова. Минусинск. Т. 6. Вып. 2.
- Лазаретов И. П., Поляков А. В., 2008. Хронология и периодизация комплексов эпохи поздней бронзы Южной Сибири // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы. Барнаул.
- Максименков Г. А., 2003. Материалы по ранней истории тагарской культуры. СПб.
- Поляков А. В. 2012. Комплекс археологических памятников Старая Копь на правом берегу р. Амыл // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб. Кн. 2.
- Поляков А. В., Амзараков П. Б., Ковалева О. В., Васильев С. А., Ямских Г. Ю., Барышников Г. Ф., Гирия Е. Ю., Бузова Н. Д., Зубков В. С., 2014. Ирба-2: новый палеолитический памятник в предгорьях Саяна // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда. Казань. Т. I.

Исследования археологических памятников в урочище Бай-Булун в 2015 г. (Тувинская археологическая экспедиция ИИМК РАН)

М. Е. Килуновская, Н. А. Боковенко, Н. А. Лазаревская, Т. Р. Садыков,
Вл. А. Семенов, Н. Ю. Смирнов

В 2015 г. по договору с Тувинской энергетической промышленной корпорацией ИИМК РАН проводили раскопки на площадке строительства горнообогатительного комбината «Элегест» на левом берегу Енисея в 6 км к западу – юго-западу от пос. Усть-Элегест (Кызылский кожуун, сумон Усть-Элегест). Рядом, в урочище Бай-Булун, находятся заброшенные постройки шахтерского поселка Красная Горка, поэтому все исследуемые памятники получили название Красная Горка. В 2014 г. здесь в ходе археологических разведок было выявлено 51 местонахождение, обладавшее признаками объектов археологического наследия (ОАН): могильники Усть-Элегест-3–32 и Красная Горка-2–22.

Тувинской археологической экспедицией ИИМК РАН под руководством М. Е. Килуновской в 2015 г. раскапывались могильники Красная Горка-2, 3, 14 (у подножия горы, около заброшенного поселка), Красная Горка-11, 16, 17, 19 (на левобережной террасе Улуг-Хема) (рис. 1). В работах принимали участие археологи Н. А. Боковенко, Н. Ю. Смирнов, Т. Р. Садыков, Н. А. Лазаревская, Е. Л. Кириллов, О. В. Андреева, В. О. Глухов, которые руководили отдельными раскопами, художники М. Н. Никитина, В. П. Макарова, И. Е. Зайцев, Е. А. Никитина, Е. Буклаева, фотограф С. Б. Шапиро, реставратор Н. С. Курганов, археолог В. С. Бусова, которая отвечала за камеральные работы, антрополог Е. Н. Учанева. Большую помощь в работе оказали волонтеры Русского географического общества.

Первые исследования в урочище Бай-Булун проводились А. В. Адриановым, который работал в районе р. Элегест в 1915 г., и длились около месяца (с 25 августа по 23 сентября). Было раскопано 22 кургана: на могильниках Салдам (выше по р. Улуг-Хем) 11 объектов VI–VII вв., Курже (на гребне горы Курже, напротив Салдама) шесть объектов II в. до н.э. – V в., Чинге (на левой стороне

р. Элегест, под горой Чинге) три объекта конца I тыс.), Бай-Булун (ниже устья р. Элегест, в Бай-Булунской степи) два объекта X–XI вв.), а также на памятниках «Чингизханова дорога» (напротив кургана 13 могильника Салдам) и «Китайский городок» (городище Дон-Терек, на правой стороне р. Элегест) первой половины XIII в. (Беликова, 2014. С. 154–156). В результате обследования и раскопок 1915 г. А. В. Адрианов пришел к выводу о преобладании курганов с полностью каменными насыпями (без примеси земли), выделил курганы с конструкциями в виде кольцевой стенки диаметром 6,40–12,80 м и высотой 0,36–0,71 м с заполненным камнем внутренним пространством и курганы плоские, «поверхностно негусто забросанные камнем» (Беликова, 2014. С. 155).

Для нас наиболее интересны раскопки могильника Бай-Булун, который находится в Бай-Булунской степи, где были сосредоточены наши работы 2015 г. А. В. Адрианов раскопал курганы 21 и 22 (по его нумерации), которые находились в 190 м друг от друга. Перед каждым курганом с востока стояла стела с руническими надписями. Курган 21 имел округлую плоскую насыпь диаметром 8 м и высотой 0,36–0,50 м. В центре находилось пятно трупосожжения, которое было окружено каменной стенкой. В пятне кроме кальцинированных костей были найдены вещи, побывавшие в огне (богато орнаментированные поясные накладки из бронзы и железа; железные панцирные пластины и др.). На стеле, установленной с востока, нанесена надпись в восемь строк из 83 рунических знаков (Е-50, или Второй камень из Тувы, Тувинская стела Б) (Беликова, 2014. С. 135–137). От нее на восток было установлено еще три вертикальных камня (балбала), а за ними к востоку располагалась кольцевая выкладка из девяти камней. Курган 22 плоский, диаметром 6,60 м, не содержал углей или костей, в нем был найден железный распределитель ремней

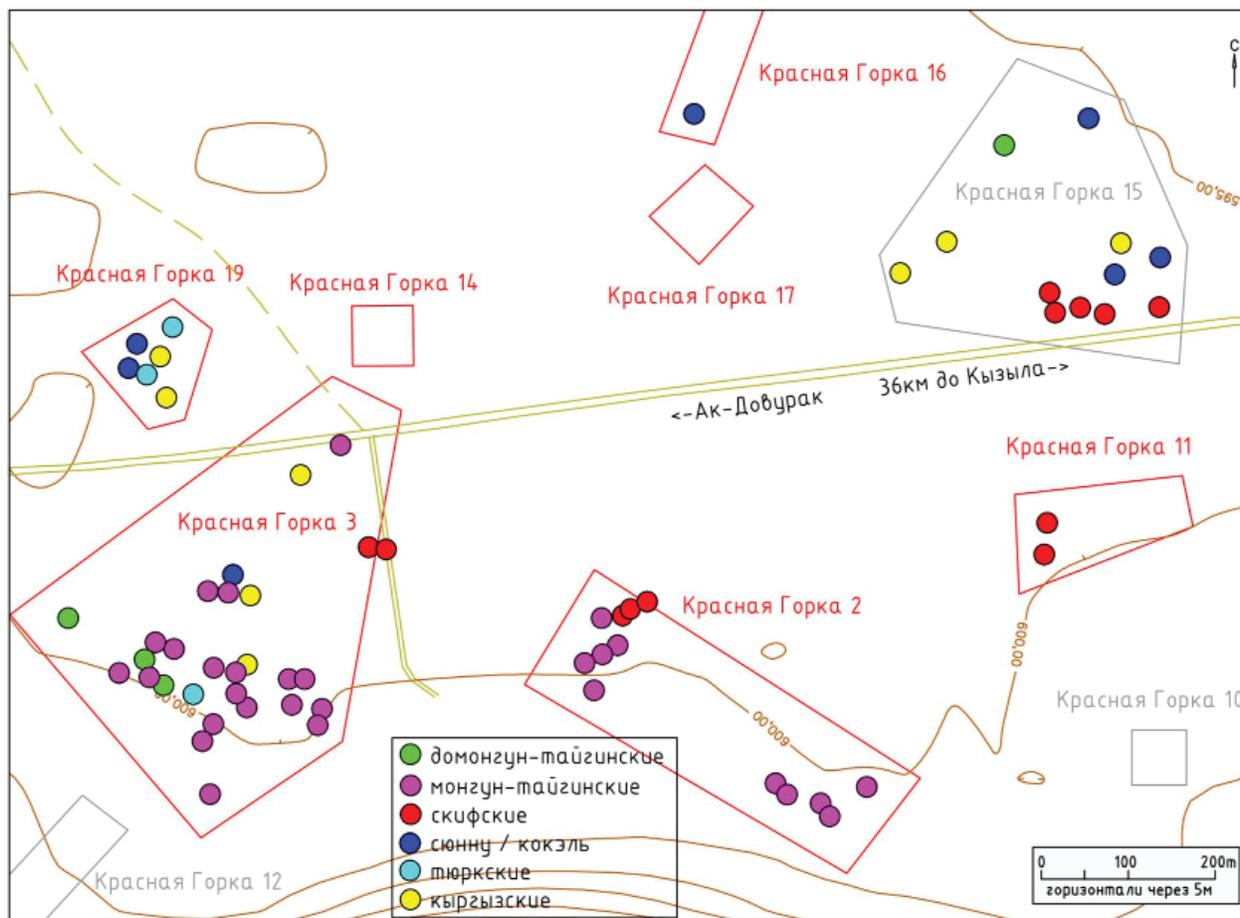

Рис. 1. Карта-схема расположения памятников, раскопанных ТАЭ ИИМК РАН в 2014 г.

с золотыми заклепками. На стеле, которая стояла к востоку от него, была надпись в четыре строки из 109 знаков (Е-51, Третий памятник из Тувы, Тувинская стела Д) (Беликова, 2014. С. 138–139). Оба камня находятся в Минусинском музее (Малов, 1952. С. 97–102).

В 2015 г. раскопано 56 объектов разных исторических эпох. 22 кургана относятся к монгун-тайгинской культуре X–VIII вв. до н. э. (Красная Горка-2, курганы 1, 5–10; Красная Горка-3 курганы 2–4, 6–8, 10–12, 14, 16, 20, 20а, 21) (рис. 2). Они представляли собой захоронения в каменных цистах на уровне древней дневной поверхности, окруженные кольцом из больших глыб и различавшиеся по конструкции наземного сооружения и погребальной камеры (рис. 3).

К первому типу захоронений относились цисты, сооруженные из двух-четырех слоев камней, обложенные крупными плитами в несколько рядов,

поставленными на ребро или под углом. Между слоями крепиды положены крупные блоки и обломки скал средних размеров. Сверху на крепиду набросаны обломки скал для придания всему сооружению определенной высоты. Циста перекрыта плитами, которые в большинстве случаев сдвинуты при ограблении. Вокруг всего кургана сделана ограда из плит, уложенных в один-четыре слоя. В кургане КГ3-14 ограда имела округлые очертания, а центральное сооружение было подквадратным (рис. 4). В кургане КГ3-16 ограда имела подквадратную форму, ориентированную сторонами по странам света, а в углах установлены более крупные обломки скал (рис. 5). Центральное сооружение было округлым. Пространство между оградой и центральным сооружением заполнено уложенными плашмя камнями (внизу более или менее регулярно, а сверху беспорядочно), которые образуют своеобразную платформу. На могильнике Красная Горка-2 первый тип захоронений представлен в курганах 5, 6, 8, 10, вытянутых

Рис. 2. Могильник Красная Горка-3. Вид сверху

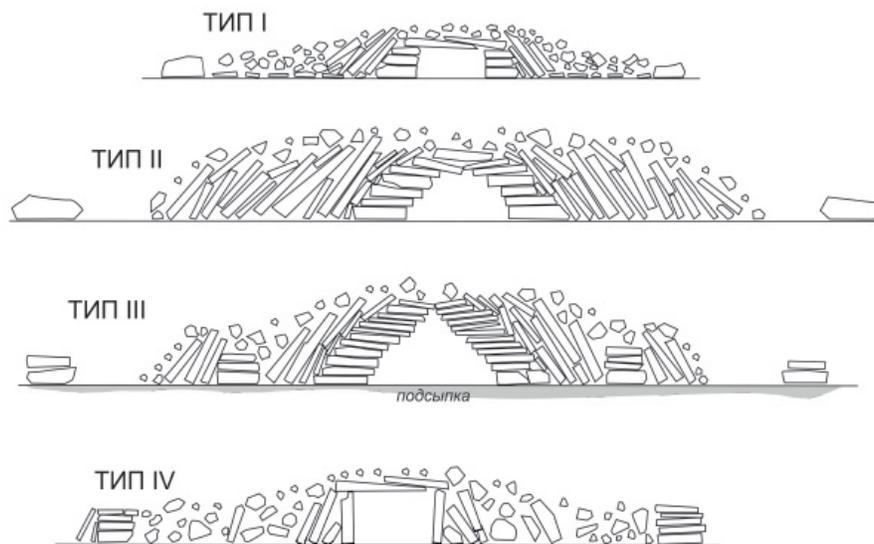

Рис. 3. Типы конструкций наземных сооружений монгун-тайгинской культуры (XII–IX вв. до н. э.)

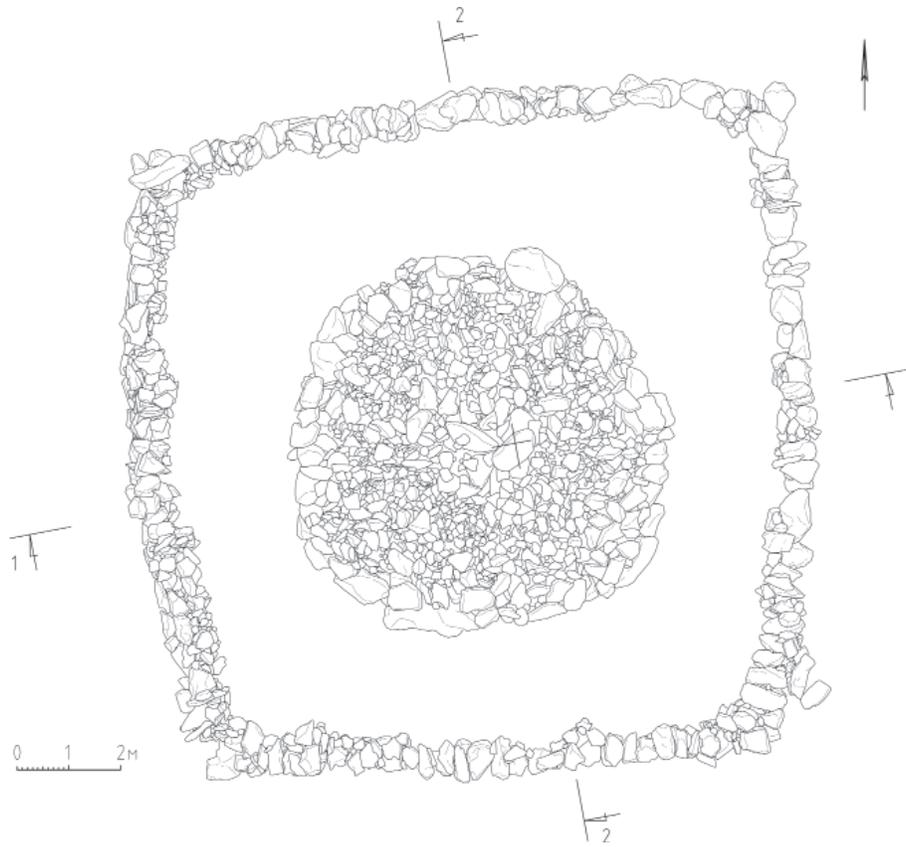

Рис. 4. Могильник Красная Горка-3, объект 14. План центральной погребальной конструкции и внешней ограды

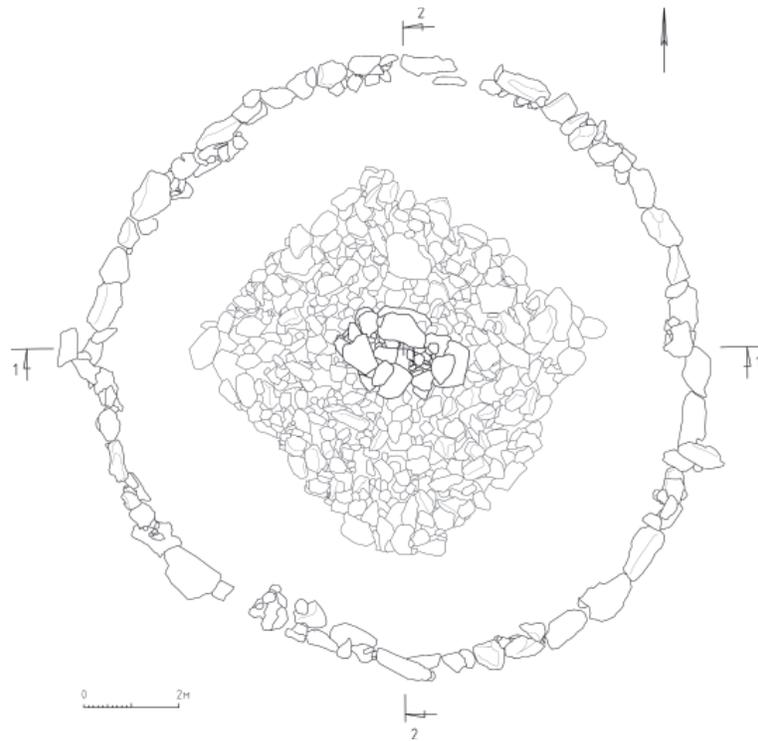

Рис. 5. Могильник Красная Горка-3, объект 16. План центральной погребальной конструкции и внешней ограды

в направлении северо-запад – юго-восток, на могильнике Красная Горка-3 – в курганах 4, 14 и 16. В кургане КГ2-5 в цисте сохранился скелет мужчины 35–40 лет, который лежал вытянуто на левом боку головой на северо-запад (рис. 6), а в кургане КГ3-16 – скелет женщины 25–35 лет, лежащий вытянуто на спине головой на запад – северо-запад (рис. 7). В остальных объектах погребения были нарушены, но по лежащим *in situ* костям определяется вытянутое положение скелетов головой на северо-запад с небольшим отклонением к западу.

Второй тип захоронений представлен в кургане 1 на могильнике Красная Горка-2 и кургане 20 на могильнике Красная Горка-3. Это самые крупные объекты (рис. 8). Конструкция центрального сооружения такая же, как и в захоронениях первого типа, но отличается размерами: плиты крепиды более массивные (до 2 м в длину) и уложены в 12–14 слоев, циста сложена из пяти-восьми рядов плит по принципу ложного свода (рис. 9), имеет подпрямоугольную форму и ориентирована по линии северо-запад – юго-восток. Внутри погребены останки нескольких человек. Высота центрального

сооружения достигала 1,90 и 2,20 м, а диаметр 13 и 16 м. На расстоянии 10 м от края насыпи располагалось кольцо ограды диаметром 30 м и шириной 1,00–1,30 м, составленное из крупных плит, уложенных в один-два ряда. В кургане КГ3-20 к востоку залегала каменная вымостка в виде «луча» (рис. 10), а в цисте была обнаружена бронзовая каплевидная подвеска (рис. 11). Позднее, в скифское время, подобная каплевидная форма золотых украшений встречена в кургане Аржан-2 и в сакском кладе Жалаулы в Казахстане (Самашев, 2013. Рис. 291). Бронзовые конусовидные ажурные подвески, обнаруженные в верхней части насыпи этого кургана, видимо, попали туда случайно и намного позже. Они аналогичны бронзовым подвескам из могильника Хайыракан-5 (Вл. Семенов, 2003. Табл. 87: 14–16, 20–21; 109: 7), которые датируются концом I тыс. до н. э.

Третий тип захоронений представлен на могильнике Красная Горка-3 (курганы 8, 10, 11) (рис. 12–18). Их отличие от вышеописанных состоит в том, что вертикальные камни крепиды опираются на стенку из уложенных горизонтально плит (рис. 13; 14). Далее поставлены еще несколько рядов

Рис. 6. Могильник Красная Горка-2, объект 5. Погребение в цисте. Вид с северо-востока

Рис. 7. Могильник Красная Горка-3, объект 16. Погребение в цисте. Вид с юга – юго-востока

Рис. 8. Могильник Красная Горка-2, объект 1. Центральная погребальная конструкция и внешняя ограда. Вид с юго-востока

Рис. 9. Могильник Красная Горка-2, объект 1. Циста. Вид с востока

Рис. 10. Могильник Красная Горка-3, объект 20. Циста и остатки ограды. Вид с севера

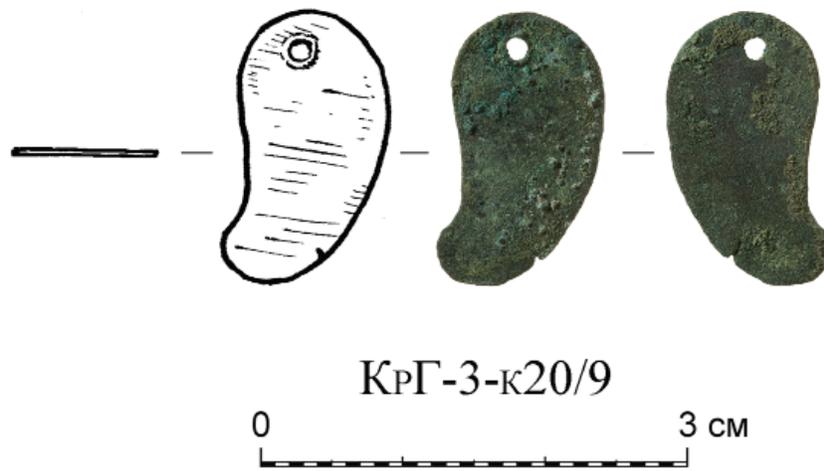

Рис. 11. Могильник Красная Горка-3, объект 20. Бронзовая подвеска

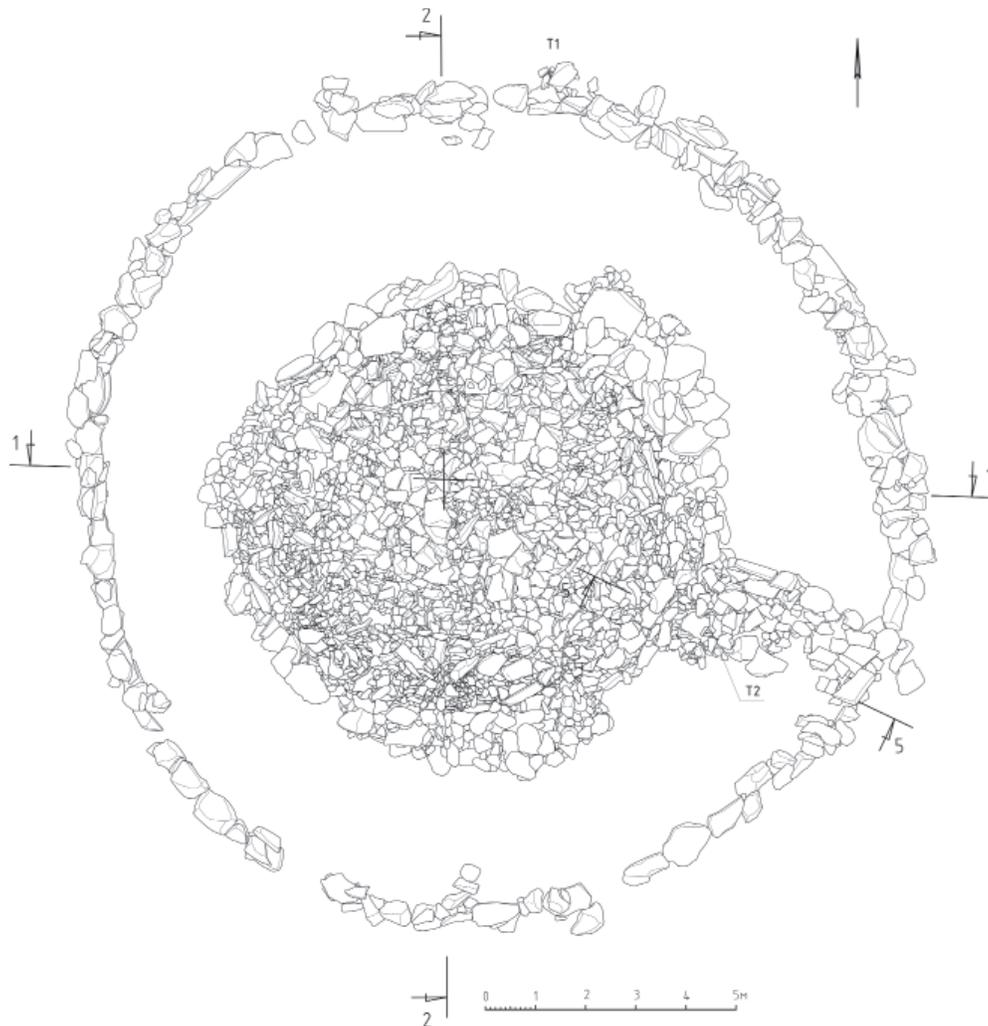

Рис. 12. Могильник Красная Горка-3, объект 11. План центральной конструкции (внешней крепиды), ограды и выкладки с юго-восточной стороны

Рис. 13. Могильник Красная Горка-3, объект 10. Внешняя крепида в северо-восточном секторе кургана. Вид с северо-востока

Рис. 14. Могильник Красная Горка-3, объект 10. Северо-восточный сектор. Ряды плит внешней крепида в бровке. Вид с севера

Рис. 15. Могильник Красная Горка-3, объект 10. Внутренняя стенка центрального сооружения (за внешней крепидой). Вид с севера

Рис. 16. Могильник Красная Горка-3, объект 10. Циста, оградка из вертикальных плит и ряды вкопанных камней. Вид с юго-востока

Рис. 17. Могильник Красная Горка-3, объект 8. Основание цисты. Вид с востока

Рис. 18. Могильник Красная Горка-3, объект 8. Костяной наконечник стрелы

вертикальных камней, которые непосредственно примыкают к цисте (рис. 15). Циста представляет собой сооружение округлой формы с устройством неполного ложного свода из 10–12 рядов плит (рис. 16). Основание цисты имеет ладьевидные очертания и ориентировано по линии северо-запад – юго-восток (рис. 17). Пространство между центральным сооружением и оградой оставлено свободным, но в восточной части курганов 8 и 11 от центрального сооружения к внешней ограде устроена выкладка шириной более 1,00 м из уложенных в один ряд обломков скал, которая напоминает «лучи» в херексурах (рис. 12). В кургане 11 на этом «луче» из камней сложен треугольник. Такие же каменные треугольники найдены между оградой и насыпью и за пределами кольца (на могильнике Красная Горка каменные треугольники встречаются практически на всех объектах монгун-тайгинского и раннескифского времени). В кургане 10 ограда имела подпрямоугольную форму размерами 16,20 × 15,80 м и была ориентирована углами по странам света с небольшим смещением. Диаметры оград курганов 8 и 11 составили 20 и 17 м, центральных сооружений – 12,5 и 9 м, а кургана 10 – 10 м, высота около 1 м. Особо отметим следующую деталь погребального обряда: во всех цистах были разрозненные кости взрослого человека и ребенка, а также кости животных (а именно остатки мясных частей туш), а в кургане 8 – костью наконечник стрелы (рис. 18). По сохранившимся *in situ* костям в кургане 10 можно предположить, что погребенный – взрослый человек – лежал головой на запад – северо-запад, вытянуто, на левом боку, но ноги были слегка подогнуты.

Поверхность под центральным склепом в курганах 10 и 11, а также 20 могильника Красная Горка-3 и КГ2-1 выравнивалась с помощью подсыпки из супеси (такой прием использовался и при сооружении курганов скифского времени, где вокруг погребальной камеры создавалась платформа из глины, как, например, в Аржан-2 и Кош-Пей).

Четвертый тип – это курганы 12 и 21 на могильнике Красная Горка-3 (рис. 19; 20). Ограда кургана 12 представляет собой стенку из плит, уложенных в четыре-шесть слоев. В некоторых местах ограда подпиралась наклонными крупными длинными камнями. За оградой находились обломки скал разной величины. В центральной части были вертикально установлены пять плит ящика или склепа, которые опирались на положенные в несколько рядов крупные и средние обломки скал (рис. 20). Ящик ориентирован по оси северо-запад – юго-восток и имел размеры

1,45 × 0,95 м. Перекрытие отсутствовало, а внутри находились разрозненные кости мужчины (25–35 лет). Восстанавливается поза погребенного – в скорченном положении, головой на запад. Курган 21 аналогичен по конструкции, только меньших размеров. Данные памятники относятся ко времени кургана Аржан, а именно к памятникам шанчигского типа, т. е. ко времени формирования культур скифского типа (IX–VIII вв. до н. э.) (Чугунов, 1992. С. 78, 79; 1994. С. 51; 2009. С. 347–349).

Для первых трех типов сооружений был характерен принцип куполообразного высокого кургана, для чего использовалось создание ложного свода в центральном сооружении, высота которого увеличивалась еще дополнительной каменной наброской. Четвертый тип – это плоская насыпь, имеющая одинаковую высоту по всей площади и окруженная стеной из плоско уложенных плит. Такая цилиндрическая форма курганного сооружения характерна для курганов Аржан-1 и Аржан-2.

Наибольшее соответствие раннескифским памятникам прослеживается в конструкции курганов 7 на Красной Горке-2 и 2 на Красной Горке-3 (рис. 21–23). В них центральное сооружение окружено стенкой из плит, положенных в четыре-пять слоев, которая внутри беспорядочно заложена обломками скал разной величины, образуя плоскую платформу высотой около 0,50–0,70 м. Следует отметить, что стенка была сделана с особой тщательностью по внешнему фасаду (рис. 22). В кургане КГ2-7 центральное сооружение имело диаметр 10,50 м, и на расстоянии 4 м его окружало кольцо диаметром 18,50 м. Между оградой и курганом с северо-запада, юго-запада и северо-востока прослеживаются (правда, не очень четко) выкладки, напоминающие «лучи» херексура. В кургане КГ3-2 в заполнении найдены большие глыбы, как бы разделяющие пространство на сектора, которые впоследствии были заполнены обломками скал (рис. 23). В центральной части оба кургана были полностью разрушены и следов захоронения не обнаружено.

Ближайшие аналогии можно найти в кургане 2 на Красной Горке-2 (рис. 24–26), который может быть отнесен к памятникам аржанского круга: прекрасно сложенная внешняя стена с небольшими контрфорсами, внутри – вертикально поставленные плиты, разделяющие пространство на отсеки, в центре – внутренняя стена, сделанная уже не так тщательно и окружающая захоронение в неглубокой яме, на краю которой с запада лежал олений камень (рис. 26: 1, 3). В камнях наземного сооружения найден жернов (рис. 26: 2). В яме был

Рис. 19. Могильник Красная Горка-3, объект 12. Вид сверху

Рис. 20. Могильник Красная Горка-3, объект 12. Остатки захоронения в каменном ящике. Вид с востока

Рис. 21. Могильник Красная Горка-2, объект 7. Центральная конструкция кургана и ограда. Вид с запада

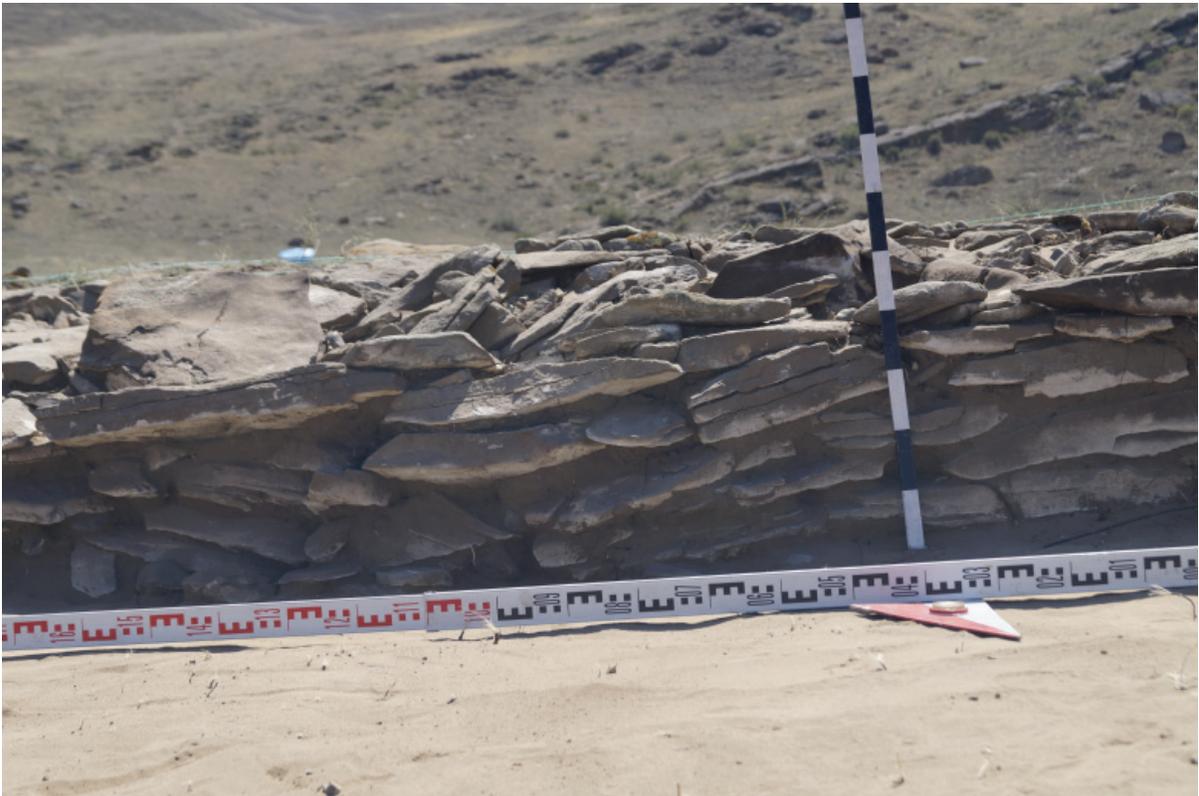

Рис. 22. Могильник Красная Горка-2, объект 7. Внешняя стенка наземного сооружения (деталь). Вид с севера

Рис. 23. Могильник Красная Горка-3, объект 2. Вид сверху

Рис. 24. Могильник Красная Горка-2, объект 2. Центральное сооружение. Вид с запада

Рис. 25. Могильник Красная Горка-2, объект 2. Могила в центре кургана, окруженная двумя стенками. Вид с севера

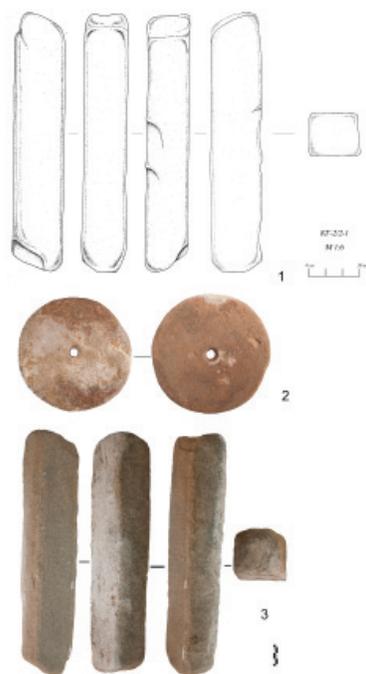

Рис. 26. Могильник Красная Горка-2, объект 2. Находки: 1, 3 – олений камень; 2 – жернов из насыпи

погребен мужчина головой на запад в скорченной позе, характерной для алды-бельской культуры (рис. 25).

Выделенные четыре типа курганов с захоронениями в многослойных цистах синхронны. Большие курганы КГ2-1 и КГ3-20 имеют устройство погребального сооружения как и у первого типа, но они окружены на некотором расстоянии каменным кольцом, в то время как в первом типе присутствует платформа. Для курганов третьего типа характерен разрыв между кольцом и центральным сооружением, ложный свод над цистой и крепида из вертикальных камней, но появляется дополнительная опорная внутренняя стенка. Этот тип наиболее близок к курганам-херексурам, тем более что присутствуют и дорожки-лучи между кольцом и насыпью. Одновременность такого типа погребальных сооружений с херексурами подтверждается и исследованиями А. А. Ковалева в Монголии, где полученные радиоуглеродные даты для аналогичных памятников подтверждают их предскифский возраст (Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2007. С. 83–84). Для всех трех типов характерна куполообразная форма наземного сооружения. В четвертом типе прослеживается

цилиндрическая форма насыпи, окруженной стенкой из горизонтальных рядов камней, но еще сохраняется крепида из вертикальных камней, которая поддерживает местами эту стенку. Здесь уже появляются захоронения в каменных ящиках, но еще обложенных камнями, как это делалось для цист. Эти памятники уже проявляют сходство с курганами аржанского времени. На основании этих наблюдений можно построить определенную секвенцию для памятников эпохи поздней бронзы и раннескифского времени.

Таким образом, на могильниках Красная Горка прослеживается процесс формирования погребальных конструкций раннескифского времени, когда в курганах, которые больше всего соотносятся с херексурами (тип 3), появляется многослойная стенка сначала как опора крепиды, а затем она становится самостоятельным архитектурным элементом, представляющим собой внешний фасад наземного сооружения кургана.

Важным результатом 2015 г. стало обнаружение под курганами монгун-тайгинского типа на могильнике Красная Горка-3 более ранних сооружений эпохи бронзы – объекты 5, 18, 22–25, 28, 30

Рис. 27. Могильник Красная Горка-3, объект 25. Ограда с проколом. Вид с востока

Рис. 28. Могильник Красная Горка-3, объект 30. Ограда с рядом стел. Вид с запада

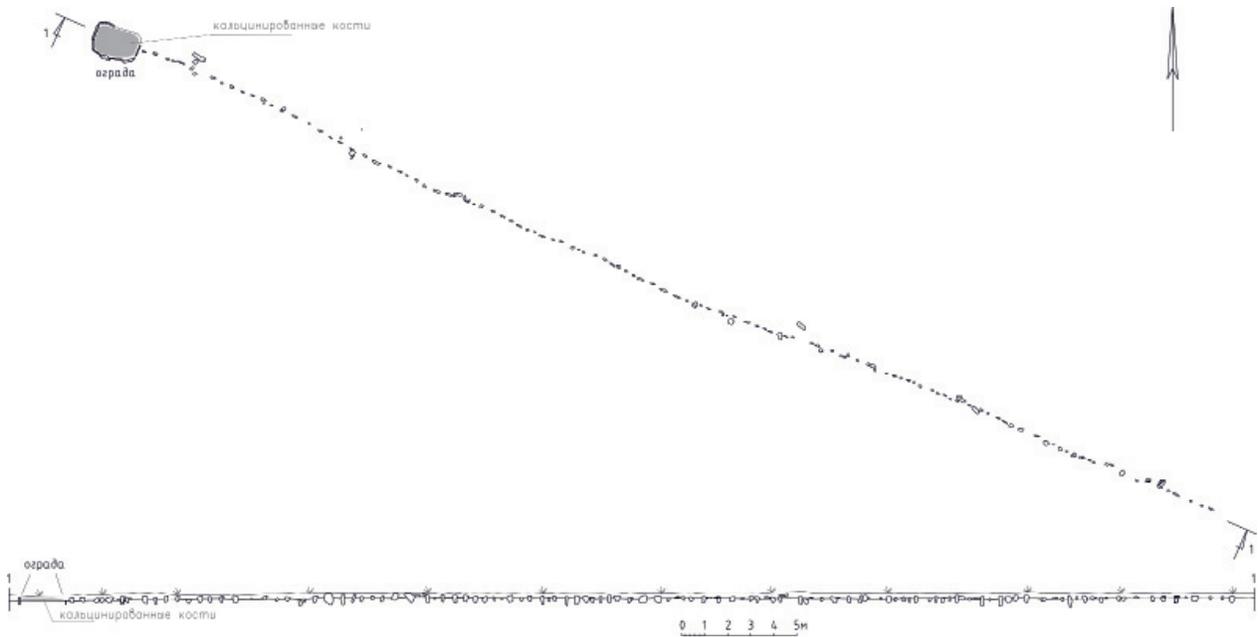

Рис. 29. Могильник Красная Горка-3, объект 30. План

(рис. 27–29). Они не прослеживались на уровне современной дневной поверхности и представляли собой ритуальные выкладки прямоугольной формы из поставленных вертикально небольших плит, заполненные кальцинированными костями и золой. Следы прокала очень незначительные, что говорит о том, что на одних объектах кости были пережжены на месте, в другие принесены извне. По определению А. А. Каспарова, в жертву приносили только мясные части туш, в основном овцы или козы и, как, например, в оградке № 25, обнаружены остатки от 30 особей, что является свидетельством масштабного пира, в котором участвовало не менее 150 человек (рис. 27). Размеры выкладок 22, 23 и 25, которые сохранились лучше, составили $2,70 \times 7$ м, $2,50 \times 7$ м и $3,50 \times 10,50$ м. Высота камней достигала 0,20–0,30 м, они, скорее всего, обкладывали котлован глубиной 0,15–0,20 м и были ориентированы длинной стороной по линии запад – восток. К ним с востока ведут дорожки из вертикальных плит. В объекте 30 длина дорожки из 114 камней составила 80 м (рис. 28; 29). Камни расположены почти через равные промежутки. Оградка № 30 размерами $1,50 \times 1,50$ м и высотой 0,20–0,30 м полностью заполнена кальцинированными костями. В оградках нет артефактов, но по своей конструкции они сопоставимы с сооружением типа святилища, раскопанным И. П. Лазаретовым на могильнике Красная Горка-15, и другими ритуальными сооружениями эпохи бронзы – конца III–II тыс. до н. э., известными в Туве, Монголии и на Алтае.

В данной связи особый интерес представляют захоронения того же времени на могильнике Красная Горка-3 в кургане 17, в яме глубиной 0,80 м, размерами $1,80 \times 1,60$ м, ориентированной длинной осью по линии запад – восток (рис. 30). На дне могильной ямы найдены останки человека, видимо, захороненные в «мешке» (рис. 31). Костяк сохранился практически полностью, но уложен отдельными сочлененными частями: в западной части могильной ямы находится череп, ниже которого лежали кости голени и далее к западу другие части скелета. На костях отмечены следы красной краски. В составе вещей, обнаруженных в могиле, представлены 12 каменных «пуговиц» разного диаметра и семь мелких каменных нашивок с перемычкой (рис. 32). Такие же предметы, датированные III тыс. до н. э., были найдены Н. А. Боковенко на могильнике Маральское-4 в долине Иджима и О. А. Митько в оградке в долине р. Ус (Митько, 2006. С. 283–291, рис. 6).

В основании подпорной стенки цисты на кургане 10 КГЗ были расчищены остатки более раннего со-

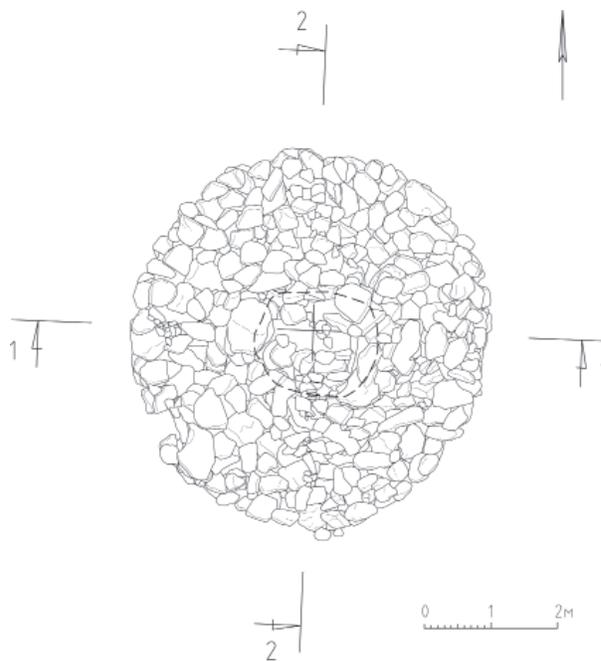

Рис. 30. Могильник Красная Горка-3, объект 17. План наземного сооружения

Рис. 31. Могильник Красная Горка-3, объект 17. Погребение. Вид с севера

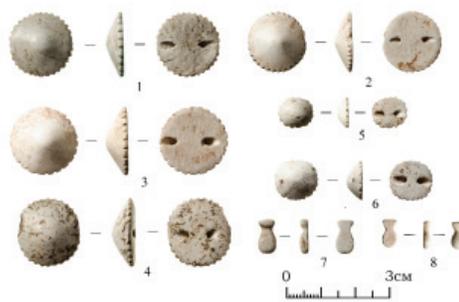

Рис. 32. Могильник Красная Горка-3, объект 17. Украшения из камня

оружия, представляющего собой округлую оградку диаметром 2 м, сложенную из вертикально вкопанных камней и окруженную такими же плитами. Находок в ней не обнаружено, за исключением двух невыразительных фрагментов керамики.

К алды-бельской культуре раннескифского времени VII–VI вв. до н. э. относятся курганы 26 и 27 на могильнике Красная Горка-3, где были раскопаны погребения в каменных ящиках и найден

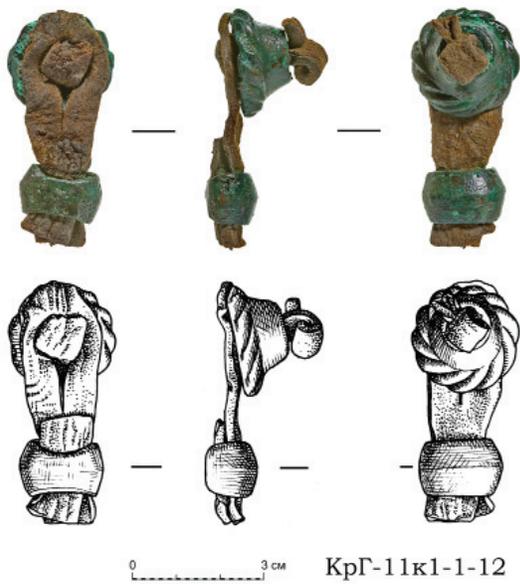
Рис. 33. Могильник Красная Горка-3, объект 27.
Олений камень из-под насытью кургана.
Вид с юго-запада

оленный камень с изображением оружия (чекана и кинжала) (рис. 33).

К уюкско-саглынской культуре (VI–V вв. до н. э.) можно отнести курганы 1 и 2 на могильнике Красная Горка-11 с коллективными захоронениями в срубах и в глубоких ямах (раскопки Н. А. Боковенко) (рис. 34). В небольших каменных курганах на глубине 3 м в деревянных срубах захоронены взрослые люди. Погребения разграблены, однако сохранились обрывки золотых нашивок на одежду, костяные наконечники стрел, бронзовые пряжки, кожаные футляры от зеркал и ножей (рис. 35–38). Захоронения грудных детей были сделаны в отдельных ямах, в деревянных колодах. Радиоуглеродные датировки спилов деревянных срубов, полученные в лаборатории ИИМК РАН [Ле-11151 Красная Горка-11 к. 1 м. 1 дерево сруба 2385 ±35 (510–360 гг. до н.э.); Ле-11152 Красная Горка-11 к. 2 м. 1 дерево сруба 2370 ±50 (530–320 гг. до н. э.)], не выходят за пределы VI–IV вв. до н. э., что вполне соответствует хронологии этих комплексов, установленной на основании археологических данных.

Рис. 34. Могильник Красная Горка-11, объект 1. Остатки захоронения в срубе. Вид с юго-востока

0 3 см КрГ-11к1-1-12

Рис. 35. Могильник Красная Горка-11, объект 1.
Фрагмент кожаного ремня с бронзовыми обоймой и ворворкой

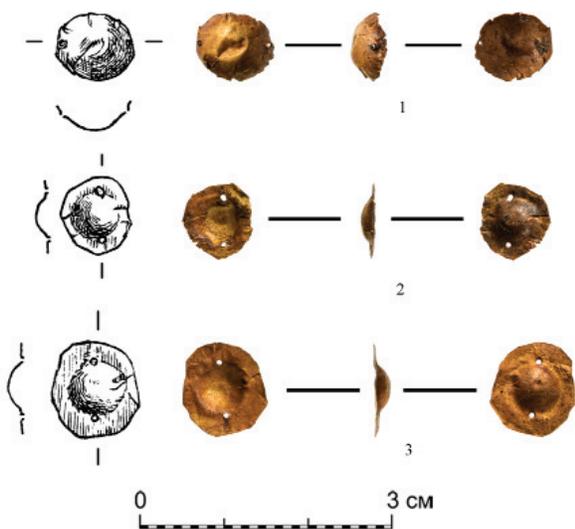

Рис. 36. Могильник Красная Горка-11, объект 1.
Нашивные украшения из золота

КрГ-11-к2-1/16

Рис. 37. Могильник Красная Горка-11, объект 1.
Оселок из камня

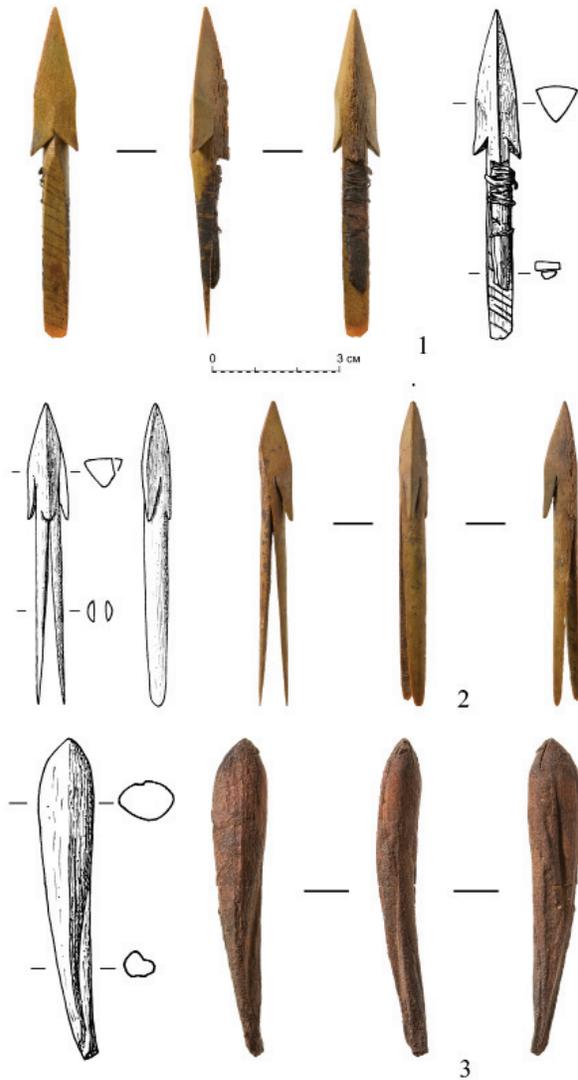

Рис. 38. Могильник Красная Горка-11, объект 1.
Наконечники стрел: 1, 2 – костяные; 3 – деревянный

На могильнике Красная Горка-2 открыт интересный комплекс курганов позднего озен-ала-белигского этапа уюкско-саглынской культуры (III–I вв. до н. э.) – объекты 4, 11-1, 11-2, 12 (рис. 39–42), в составе которого курганы с дромосами, ведущими с юго-запада в погребальную камеру, представляющую собой сруб из массивных бревен, поставленный в яму глубиной до 2 м (рис. 39). Перекрытие из бревен и пол из досок положены перпендикулярно. Все погребения ограблены. В них найдены останки от трех до 14 человек, керамические сосуды, костяные пряжки и наконечники стрел, изделия из железа, бисер, сердоликовые бусы и др. (рис. 40). Важным фактом является наличие дромоса с юго-запада (рис. 41). Высокогорлые красноглиняные сосуды с наlepным орнаментом, костяные или роговые пряжки, железные шпильки, наконечник ремня в виде головки лани, костяные наконечники стрел (плоские втульчатые и длинный с расщепленным насадом) – предметы (рис. 43–49), характерные для курганов позднего этапа скифской культуры в Туве, находят ближайшие аналогии на могильниках Хайыракан и Суглуг-Хем (Семенов, 2003). Отличительной особенностью объекта 11 является довольно большая глубина ямы и параллельное расположение бревен сруба и пола, что встречается в более ранних курганах. Дромосы и погребения в срубах со следами сожжения встречены на могильном поле

Догээ-Баары (Николаев, Хаврин, 2005. С. 84–95; Кисель, 2010).

В объекте 4 дромос на уровне перекрытия сруба замыкал олений камень (рис. 50). Еще один олений камень был обнаружен в кургане 3 на этом же могильнике, в котором были зафиксированы остатки трупосожжения эпохи средневековья. Эти камни были использованы вторично и скорее всего относились к кургану 1. Они представляют собой тщательно обработанные каменные блоки, на боковых сторонах которых высечены круги-серьги, овальные выемки – ожерелье и три косые полосы. На первом камне также показана вилкообразная подвеска. Такие памятники датируются раннескифским временем – IX–VIII вв. до н. э.

На могильнике Красная Горка-3 на объекте 29 раскопано грунтовое захоронение в узком деревянном гробу (рис. 51). Погребенный уложен в вытянутом положении, головой на юго-запад, около черепа стояли сероглиняный (рис. 52) и железный сосуды, на плече, поясе и ступнях лежали железные пряжки, а у правой руки – железный наконечник небольшого копья (рис. 53). В ногах уложены кости барана. Это погребение, также, как и погребение 3 в кургане 1 на Красной Горке-2, можно отнести к улулг-хемской культуре рубежа эр, выделенной А. Д. Грачом. На это указывает погребальный об-

Рис. 39. Могильник Красная Горка-2, объект 4. Перекрытие сруба и дромос с оленьим камнем. Вид с северо-востока

Рис. 40. Могильник Красная Горка-2, объект 4. Остатки захоронения в срубе. Вид с северо-востока

Рис. 41. Могильник Красная Горка-2, объект 11. Дромос. Вид с юго-запада

Рис. 42. Могильник Красная Горка-2, объект 12. Обгоревшее перекрытие сруба и дромос. Вид с юго-востока

Рис. 44. Могильник Красная Горка-2, объект 11. Поясная пряжка из рога

Рис. 43. Могильник Красная Горка-2, объект 4. Находки: 1, 2 – бронзовые наконечники ремня в виде головки лани; 3 – костяной наконечник стрелы

ряд, для которого характерны захоронения как в деревянных гробах или колодах, так и в каменных ящиках. Во втором случае в каменном ящике или склепе из вертикально поставленных плит был уложен мужчина в очень сильно скорченной позе (погребенный буквально втиснут в ящик), на правом боку, головой на восток, под голову был положен

Рис. 45. Могильник Красная Горка-2, объект 4. Находки: 1, 3, 8 – железные колчаные крюки; 2 – костяной наконечник стрелы; 4, 9 – железные ножи; 5, 6 – каменные бусы; 7 – бронзовая серьга

каменный пест небольшого размера, сработанный с одной стороны (рис. 54). В погребении также найден характерный инвентарь – костяные наконечники стрел, которые лежали в берестяном колчане с фрагментами лука небольших размеров с костяной центральной накладкой. В восточной части ямы на небольшой материковой ступеньке, также закрытой несколькими камнями, найдено три черепа и лопатка мелкого рогатого скота. Подобные жертвоприношения животных также характерны для памятников хунну. Данные захоронения могли быть оставлены местным постскифским населением, воспринявшим материальную культуру сюнну. Подобное захоронение с бронзовой бляхой с изображением сцены борьбы тигра и грифона известно на могильнике Урбюн III (Савинов, 1969), а в последнее время памятники этой культуры исследуются П. М. Леусом и М. Е. Килуновской в устье реки Чаа-Холь в зоне затопления Саяно-Шушенской ГЭС (могильники Терезин и Ала-Тей) (Леус, 2008. С. 42–44; Leus, 2011. Р. 515–536).

На могильниках Красная Горка-16 (объект 2) и Красная Горка-19 (объекты 4 и 6) найдены ритуальные сооружения кокэльской культуры с закопанными под каменными набросками сосудами и следами прокалов (начало I тысячелетия н. э.)¹. Сосуды имеют высокую вазовидную форму, вертикальное лощение и на некоторых – арочный орнамент по тулову. Впускное погребение в кургане 20 могильника Красная Горка-3 также относится к этой культуре и сопровождается «кокэльским» сосудом и немногочисленным железным инвентарем (рис. 55).

Рис. 46. Могильник Красная Горка-2, объект 4. Керамический сосуд

К древнетюркской эпохе (VI–VII вв.) можно отнести три памятника: захоронение коня в прямоугольной оградке на могильнике Красная Горка-3 курган 9, ритуальную оградку – объект 5 на могильнике Красная Горка-19 – и погребение в кургане 3 на том же могильнике.

Курган 9 могильника Красная Горка-3 представлял собой частично разрушенную каменную вымостку с двумя прямоугольными оградками из колотых плит, поставленных на ребро (рис. 56). Под южной оградкой обнаружено погребение верхового коня в положении лежа на левом боку с подогнутыми под туловище ногами и головой, повернутой к спине (рис. 57). На крупе лошади сохранились остатки деревянного седла, около лопатки лежало железное пластинчатое стремя. Найдены остатки железных удиц и две фигурные накладки из медного сплава (рис. 58).

¹ Эти материалы полностью опубликованы (Садыков, 2016. С. 269–276).

Рис. 47. Могильник Красная Горка-2, объект 11. Керамический сосуд

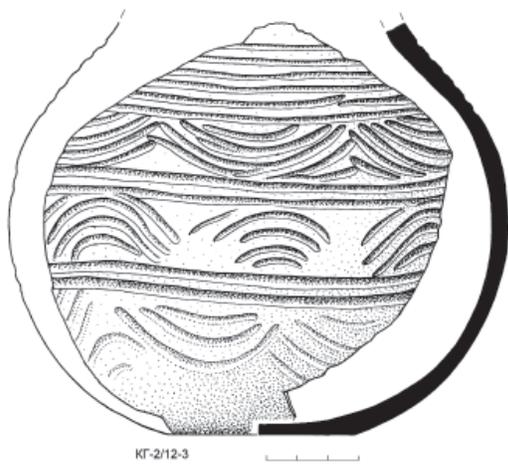

Рис. 48. Могильник Красная Горка-2, объект 12. Керамический сосуд

Рис. 49. Могильник Красная Горка-2, объект 4. Железный кинжал

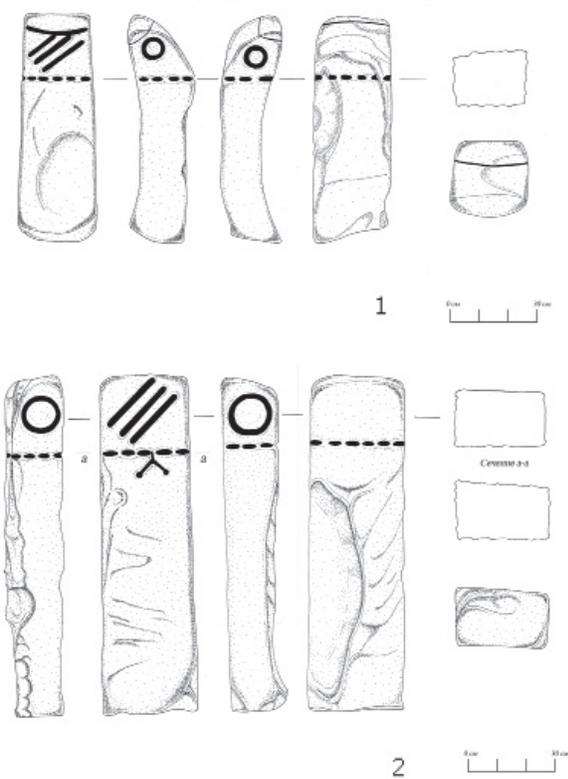

Рис. 50. Оленьные камни из кургана 3 и кургана 4 на могильнике Красная Горка-2

Рис. 52. Могильник Красная Горка-3, объект 29. Керамический сосуд

Рис. 51. Могильник Красная Горка-3, объект 29. Захоронение в деревянном гробу. Вид с северо-востока

Рис. 53. Могильник Красная Горка-3, объект 29.
Железное острие

Рис. 54. Могильник Красная Горка-2, объект 1.
Впускное погребение № 3. Захоронение в каменном
склепе. Вид с юга

Рис. 55. Могильник Красная Горка-3, объект 20. Керамический сосуд из впускного погребения

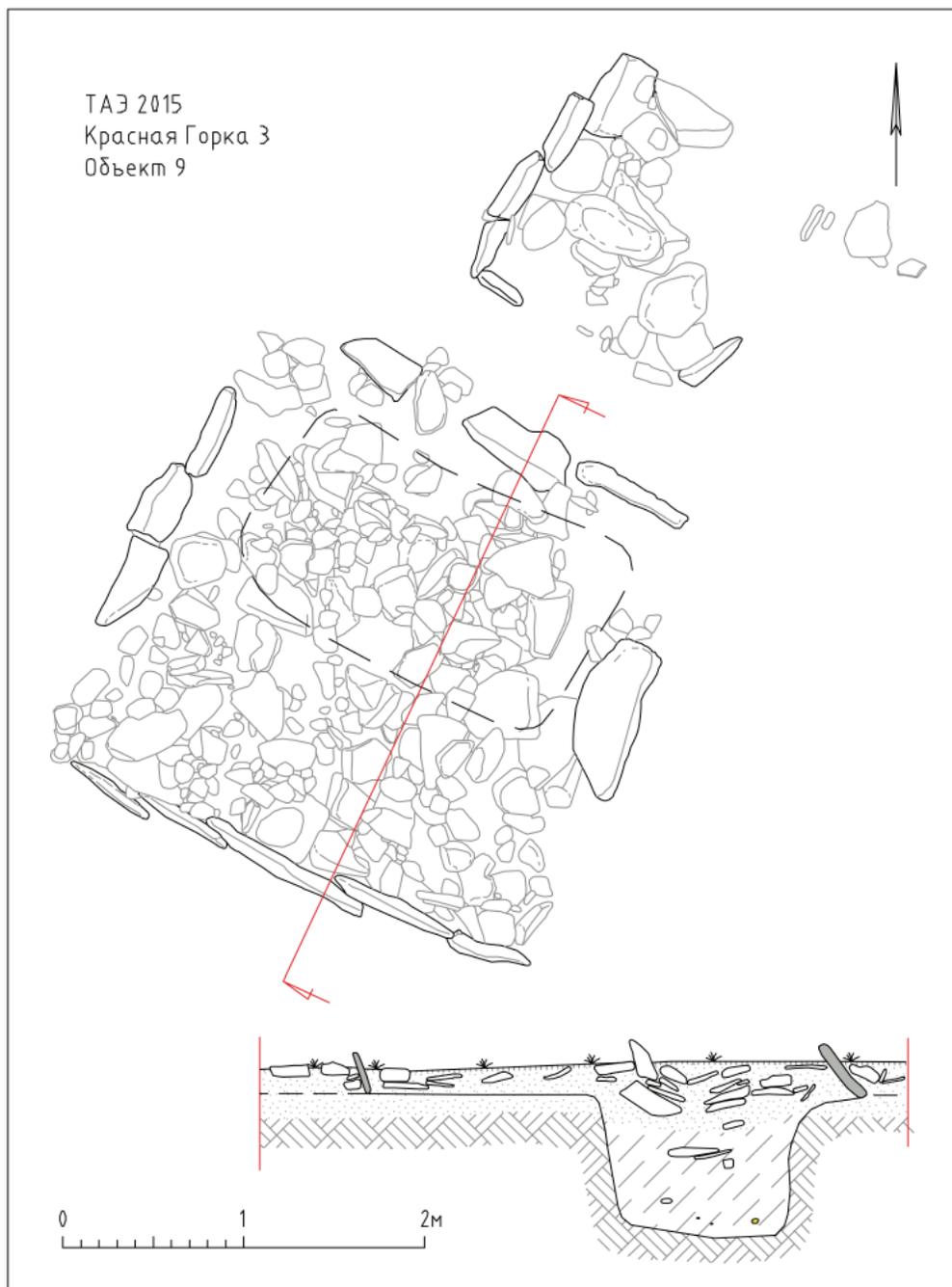

Рис. 56. Могильник Красная Горка-3, объект 9. План после расчистки и разрез

Курган 3 могильника Красная Горка-19 – погребение мужчины-воина в сопровождении двух взнузданных коней. Рядом с конями найдены железная и костяная (рис. 59) подпружные пряжки, железные стремяна и удила. Погребение не ограблено, представлен весь полагающийся в таких случаях вещей комплекс – берестяной колчан с железными наконечниками стрел, в трех случаях с костяными насадками на стрелы, железный нож, железная пряжка

с неподвижным язычком, костяные накладки на лук (рис. 60). Погребенный лежал в подбое, отделенном от основной ямы крупными скальными плитами, головой на восток – юго-восток. Кони головами ориентированы в противоположную сторону. По определению А. А. Каспарова, они относились к редкой и дорогой в то время породе грацильных полутонконогих коней. С конями найдены железные и костяные подпружные пряжки, стремяна и удила.

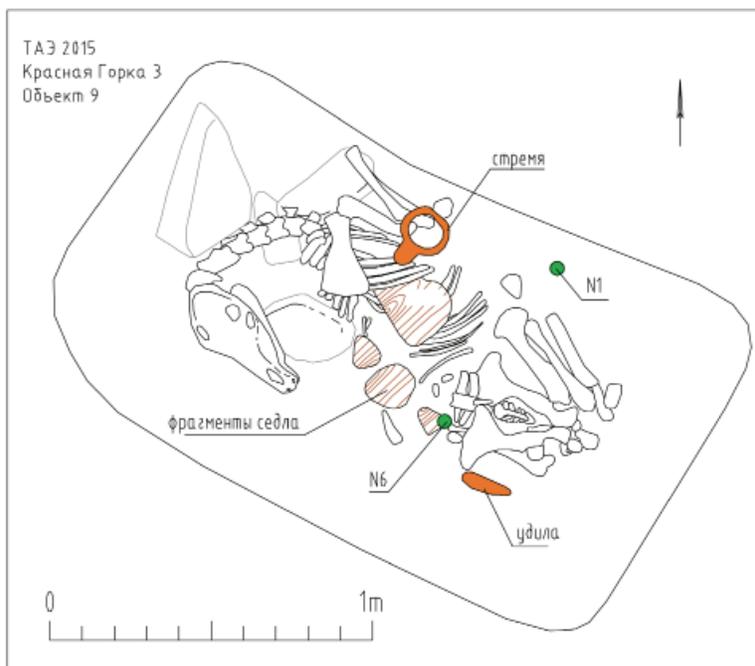

Рис. 57. Могильник Красная Горка-3, объект 9. Погребение коня

Рис. 58. Могильник Красная Горка-3, объект 9.
Находки: 1, 6 – медный сплав,
3 – железо (остатки удила)

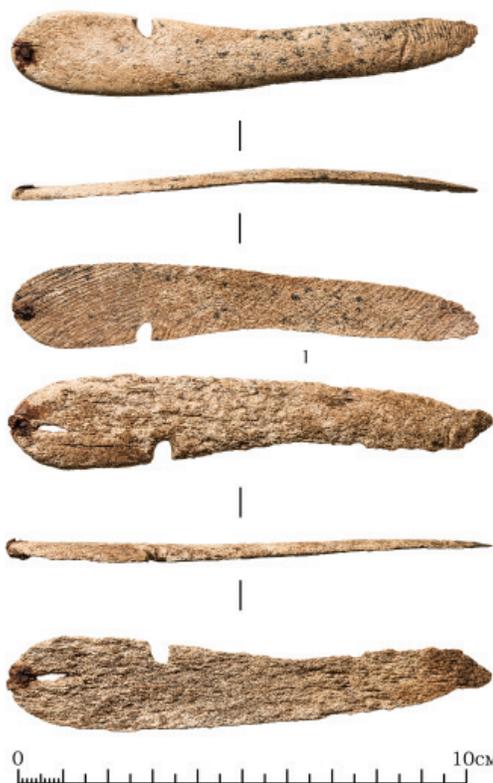

Рис. 60. Могильник Красная Горка-19, объект 3.
Костяные накладки на лук

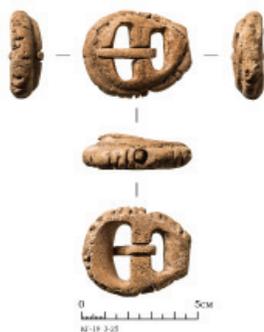

Рис. 59. Могильник Красная Горка-19, объект 3.
Костяная подпружная пряжка

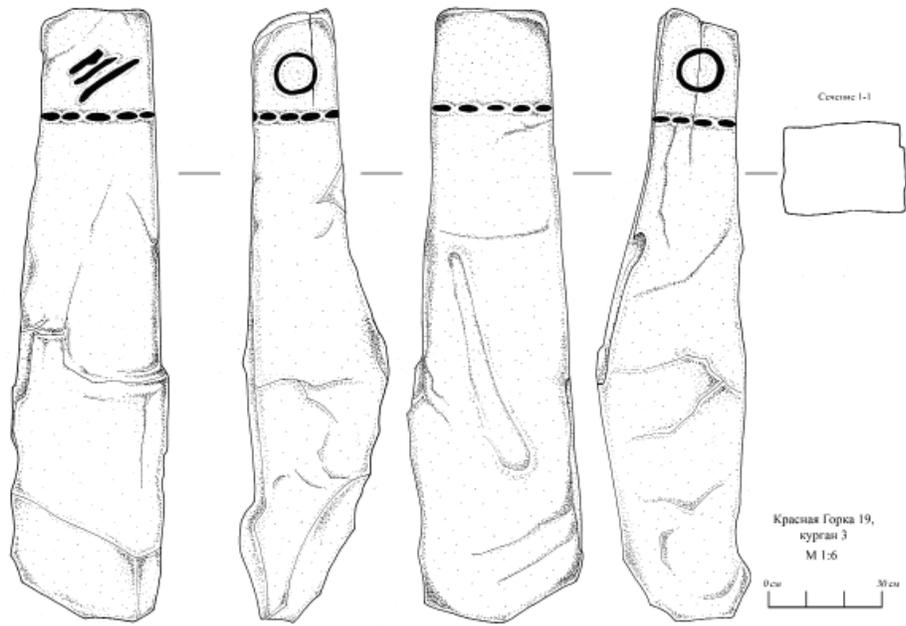

Рис. 61. Могильник Красная Горка-19, объект 3. Олений камень

Около кургана, с востока, нижней частью вверх был вкопан олений камень с тремя полосами и кругами-«серьгами» по обеим сторонам (рис. 61).

Шесть объектов датируются эпохой кыргызского великодержавия (IX–XI вв.): объект 2 Красная Горка-2; объекты 3, 7, 13 и 19 Красная Горка-3, объекты 1 и 2 Красная Горка-19. В них найдены остатки трупосожжения с кальцинированными костями и обожженными изделиями из железа и бронзы. Особо следует отметить столбовые конструкции, обнаруженные в центре кургана 2 на могильнике Красная Горка-19 и кургана 7 могильника Красная Горка-3, которые свидетельствуют о сложном погребальном ритуале (рис. 62; 63). Похожий объект был обнаружен В. А. Киселем на могильнике Догээ-Баары (Кисель и др., 2005. С. 84–95).

Значительное число памятников археологии, относящихся к разным периодам от эпохи бронзы до раннего Средневековья, исследованных в 2015 г. на сравнительно небольшой территории, позволяет выявить динамику исторических изменений в Туве от II тысячелетия до н.э. до I тысячелетия н.э. Сосредоточение у Красной Горки разнообразных могильников дает представление о демографическом росте и смене этносов в долине Улуг-Хема в древности.

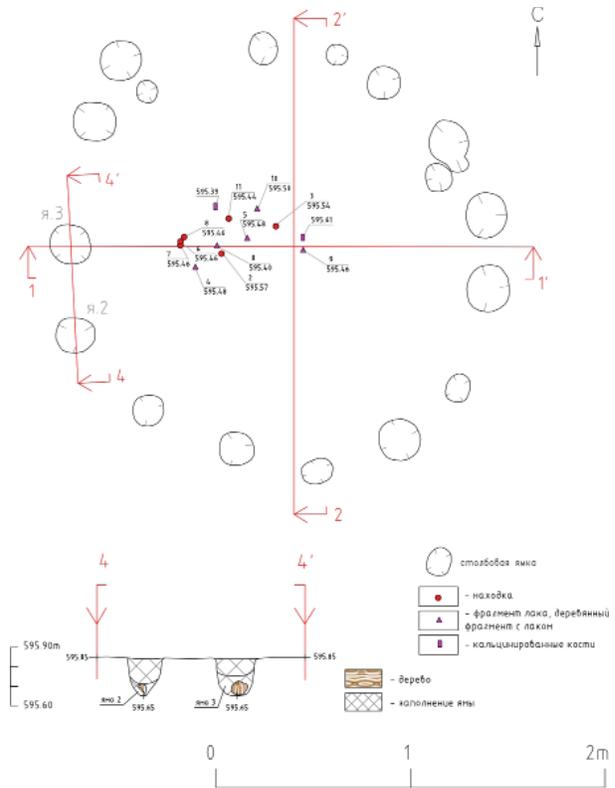

Рис. 62. Могильник Красная Горка-19, объект 2. План столбовой конструкции в центре кургана

Рис. 63. Могильник Красная Горка-3, объект 7.
Столбовая конструкция в центре кургана.
Вид с северо-востока

Источники и литература

- Беликова О. Б., 2014. Последняя экспедиция А. В. Адрианова: Тува, 1915–1916 гг. // Археологические исследования (источниковедческий аспект). Томск.
- Кисель В. А., 2010. Закат скифской эпохи в Туве: единство и противоборство культур // Новые исследования Тувы. Электронный информационный журнал. № 1 http://www.tuva.asia/journal/issue_5/1434-kisel.html
- Кисель В. А., Николаев Н. Н., Хаврин С. В., 2005. Некоторые исследования средневековых захоронений могильника Догээ-Баары в Туве // Археологические экспедиции за 2004 год. СПб.
- Ковалев А. А., Эрдэнэбаатар Д., 2007. Монгольский Алтай в бронзовом и раннем железном веках // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками: Сб. статей. Барнаул.
- Леус П. М., 2008. Терезин – новый памятник гунно-сарматского времени в Центральной Туве (предварительное сообщение) // Труды II (XVIII) всероссийского археологического съезда в Суздале. Том II. М.
- Малов С. Е., 1952. Енисейская письменность тюрков. Л.
- Митько О. А., 2006. Памятники «окуневского круга» в долине р. Ус (Западный Саян) // Окуневский сборник. Т. 2: Культура и ее окружение. СПб.
- Николаев Н. Н., Хаврин С. В., 2004. Некоторые итоги полевых исследований 2001–2003 гг. на могильнике Догээ-Баары II // Археологические экспедиции за 2003 год. СПб.
- Савинов Д. Г., 1969. Погребение с бронзовой бляхой в Центральной Туве // КСИА. 1969. №. 119.
- Садыков Т. Р., 2016. О так называемых «поминальниках» кокэльской культуры Тувы // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая: Материалы VII Международной научной конференции. Красноярск. Т. 1.
- Самашев З., 2013. История изобразительного искусства Казахстана. Древность и Средневековье // Казахское искусство. Т. 1. Алматы.
- Семенов Вл. А., 2003. Суглуг-Хем и Хайыракан – могильники скифского времени в Центрально-Тувинской котловине. СПб.
- Чугунов К. В., 1992. Выделение погребальных памятников аржанского этапа в Туве // Вторые исторические чтения памяти М. П. Грязнова. Тез. докл. Ч. 2. Омск.
- Чугунов К. В., 1994. Монгун-тайгинская культура эпохи поздней бронзы Тувы (типологическая классификация погребального обряда и относительная хронология) // Петербургский археологический вестник. Вып. 8. СПб.
- Чугунов К. В., 2009. Саяно-Алтай в начале эпохи ранних кочевников: перспективы комплексного анализа // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. Барнаул.
- Leus, P., 2011. New finds from the Xiongnu period in Central Tuva // Xiongnu archaeology. Multidisciplinary perspectives of the first steppe empire in Inner Asia. Bonn.

О раскопках могильника Красная Горка-15 в 2015 г.

И. П. Лазаретов, А. В. Поляков

В полевой сезон 2015 г. 4-й отряд Саянской археологической экспедиции ИИМК РАН проводил работы на объекте археологического наследия (ОАН) Красная Горка-15 в Кызылском кожууне Республики Тыва. Памятник расположен на пойменной террасе левого берега р. Енисей в 5 км к западу от пос. Усть-Элегест. Раскопано 12 одновременных археологических объектов погребального и ритуально-поминального назначения. Общая площадь раскопок составила 2750 кв. м.

Исследовано два захоронения эпохи Средневековья, впущенных в более ранние курганы. Одно из них разрушено, другое сохранилось полностью. Женщина пожилого возраста была помещена в грунтовую яму размерами 1,60 × 0,50 м и глубиной 0,20 м от уровня древней погребенной почвы. Погребенная лежала вытянуто на спине, головой на северо-запад. Ее руки были согнуты в локтях и прижаты к груди. На левом предплечье женщины обнаружены два фрагмента железного кольца. Другой железный предмет располагался в области живота, справа от позвоночника. Вероятно, это была полностью разложившаяся поясная пряжка. Рядом с ней находился фрагмент бронзового китайского зеркала с растительным орнаментом, расколотый на две части. Под черепом женщины обнаружены обрывки кожи с остатками меха и бронзовая серьга с подвеской из шестигранной сердоликовой бусы.

К этому же времени относится квадратная ритуальная оградка размерами 2,80 × 2,80 м, сделанная из плит, врытых вертикально. После разборки плит заполнения в центре ограды была обнаружена круглая столбовая яма диаметром 0,35 м и глубиной 0,45 м от уровня древней дневной поверхности. В ней частично сохранились остатки вертикально установленного деревянного столбика диаметром 0,15–0,18 м. Пространство между стенками ямы и

столбиком было забутовано вертикальными каменными плитками. Среди плит закладки в центральной и юго-западной части сооружения обнаружены два железных наконечника стрел: крупный черешковый наконечник с плоским пером и миниатюрный трехлопастной.

Эпоха раннего Средневековья представлена тремя ритуально-поминальными оградками с сосудами кокзельской культуры, установленными на уровне древней дневной поверхности. Следов захоронений в них не обнаружено.

Большинство исследованных курганов относятся к финалу эпохи бронзы и началу скифского времени. Это были круглые ограды диаметром от 5 до 16,5 м с захоронениями на уровне древней дневной поверхности в цистах и каменных ящиках. Одно сооружение имело квадратную форму размерами 35 × 35 м. К сожалению, все погребения оказались разграбленными.

Наибольший интерес представляет святилище эпохи ранней бронзы (вторая половина II тыс. – начало I тыс. до н. э.). Сооружение длиной 13,5 м и максимальной шириной до 6 м ориентировано длинной осью по линии северо-запад – юго-восток (рис. 1) и состояло из прямоугольного котлована и ведущего в него с юго-востока входа, который был оформлен в виде узкого коридора, обозначенного вертикально врытыми плитами. Коридор, через проем в центре юго-восточной стенки ограды, заходил внутрь котлована, образуя материковую ступеньку, облицованную плитами. Ее углы отмечены двумя тонкими каменными стелами высотой 1,30 м.

Стенки котлована облицованы вертикальными плитами высотой 0,60 м. Две дополнительные параллельные линии камней, врытых по оси

Рис. 1. Красная Горка-15. Объект 10 (святилище) после снятия каменных развалов. Вид с северо-запада

Рис. 3. Красная Горка-15. Объект 10 после снятия плит пола. Вид с северо-запада

северо-запад – юго-восток, разделяли внутреннее пространство котлована на три части.

В центре сооружения располагался узкий прямоугольный каменный ящик (жертвенник). Рядом с его углами вертикально установлены четыре плиты. Ящик оказался заполнен слоем золы и кальцинированных костей. Напротив жертвенника устроен «алтарь» из четырех продолговатых вертикально стоящих окатанных речных галек (рис. 2; 3), которые располагались в ряд по линии северо-запад – юго-восток. Гальки были развернуты широкой лицевой стороной к жертвеннику. Следов выбивок или гравировок на изваяниях не обнаружено.

За «алтарем» находилась каменная панель, сложенная из двух плит, общей шириной около 1,20 м и высотой 1,25 м. На месте сохранились основания камней и их обломки. После установки всех конст-

Рис. 2. Красная Горка-15. Объект 10. «Алтарь» и каменный ящик-жертвенник после разборки развалов. Вид с юго-запада

рукций дно помещения было вымощено одним слоем каменных плиток. У северо-западной стенки обнаружен развал сосуда эпохи ранней бронзы, украшенный рядами оттисков штампа и «соляным» знаком на дне.

Обращает на себя внимание хорошая сохранность ритуального комплекса и продуманность его архитектурных решений. Конструкции святилища сохранились в первоначальном виде. Все обломки расколовшихся плит находятся рядом с основаниями, что позволяет полностью восстановить их размер и конфигурацию. Также очевидно, что после окончания функционирования комплекса и закладки его входа святилище никто не посещал.

Охранная археология в зоне мостового перехода через Керченский пролив (из опыта работы Античной новостроечной экспедиции ИИМК РАН)

С. Л. Соловьев

Кардинальные перемены политической ситуации в зоне Керченского пролива в 2014 г. привели к существенному росту государственного строительства на Таманском и Керченском полуостровах, целью которого является создание новых и эффективных инфраструктурных связей между Крымом и остальными субъектами Российской Федерации. В ряду наиболее масштабных коммуникационных проектов правительством, как известно, обозначены транспортный мостовой переход, энергомот, газопровод, автомобильные и железнодорожные магистрали. Согласно 73 Федеральному закону всем этим проектам должно предшествовать археологическое обследование отведенных для этих целей территорий, весьма значительных по площади и «богатых» по археологическому содержанию.

За прошедшие два года для выполнения этих требований был привлечен целый ряд археологических организаций и их структурных подразделений, как уже существовавших ранее, так и созданных совсем недавно. К последним относится Античная новостроечная экспедиция ИИМК РАН, созданная в 2015 г. в связи со строительством энергомота через Керченский пролив. Следует отметить, что экспедиция не принимала участия в первом этапе археологического обследования зон строительства, а также в составлении археологических разделов проектной документации и подключилась к реализации проектов уже на этапе археологических раскопок, используя результаты археологических разведок своих предшественников.

Наиболее масштабные работы были проведены в августе–октябре 2015 г. на поселении и грунтовом могильнике Ильичевка, внесенных в госреестр объектов культурного наследия, расположенных в непосредственной близости от широко известного городища Ильич, в связи с установкой опор под четыре ветки высоковольтных линий энергомота

через Керченский пролив, идущих с территории Краснодарского края в Керчь и далее в сторону Симферополя и Севастополя (рис. 1).

Раскопки на поселении велись на площади 5580 кв. м, на северо-восточной окраине пос. Ильич в Темрюкском районе Краснодарского края, к востоку от строящейся подстанции (рис. 2; 3), на участке ровной местности, в последнее время не используемой в сельскохозяйственном отношении, за исключением ее восточной части, занятой частными угодьями. Снятие пахотного слоя до уровня нестратифицированного слабогумусированного лессовидного суглинка желто-серого цвета (культурный слой поселения) производилось землекопами под наблюдением археологов. На уровне культурного слоя (вероятно, древней дневной поверхности) проводился первый этап графической и фотофиксации. На этом уровне исследовались грунтовые сооружения современной эпохи. После снятия культурного слоя до уровня материкового суглинка желтого цвета с известковыми включениями (т. н. «белоглазка») и материковой супеси желтого цвета наступал следующий этап графической и фотофиксации планиграфии раскопа и его стратиграфических разрезов. На этом уровне исследовались грунтовые сооружения древней эпохи.

В ходе раскопок на поселении были открыты разновременные археологические объекты (рис. 4): скопления камней, вероятно, оставшиеся от легких сельскохозяйственных построек; шесть погребений, скорее всего античного времени, судя по находке лепного горшка V–III вв. до н.э. всего лишь в одном захоронении; 56 хозяйственных ям округлой или овальной в плане формы, в объемном отношении цилиндрической или грушевидной формы, разного диаметра и глубины, прослеженные на уровне материкового суглинка, датирующиеся большей частью позднеархаическим временем, а также эпохой поздней бронзы, эллинистическим и римским временем.

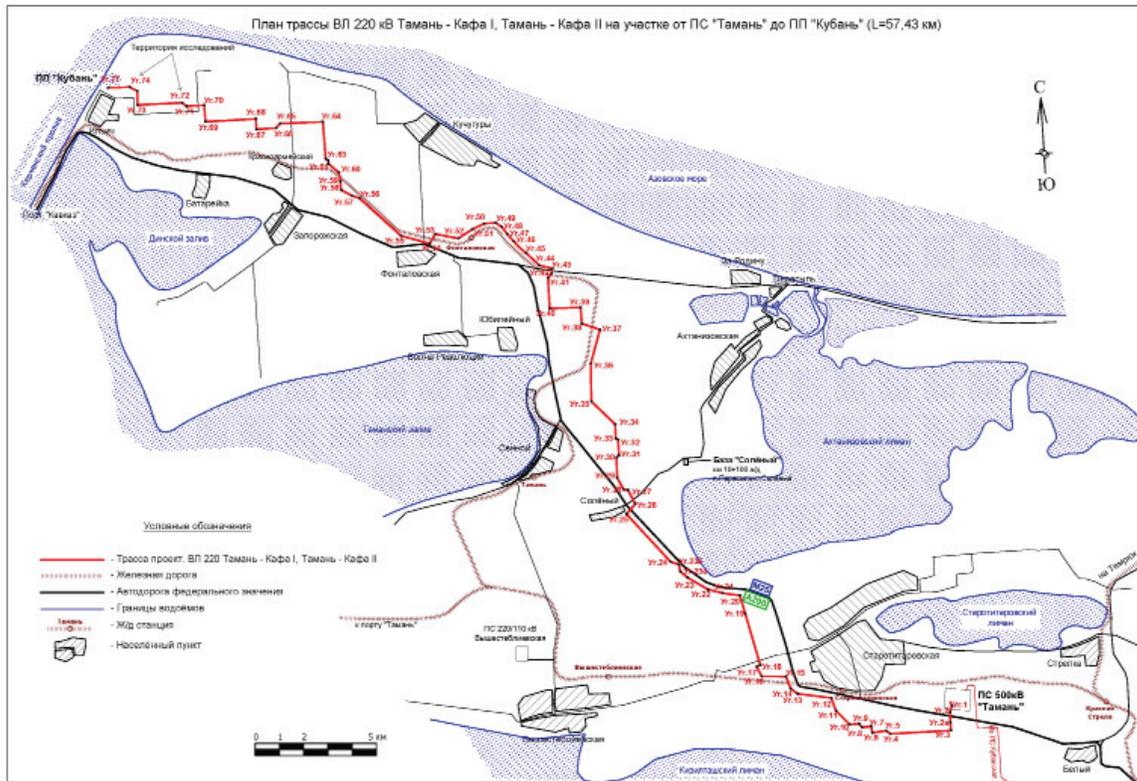

Рис. 1. План трассы ВЛ 220 кВ Тамань – Кафа I и II с указанием участка исследований

Рис. 2. Поселение Ильичевка. Исследуемый участок. Вид с севера

Рис. 3. Поселение Ильичевка. Исследуемый участок. Вид сверху

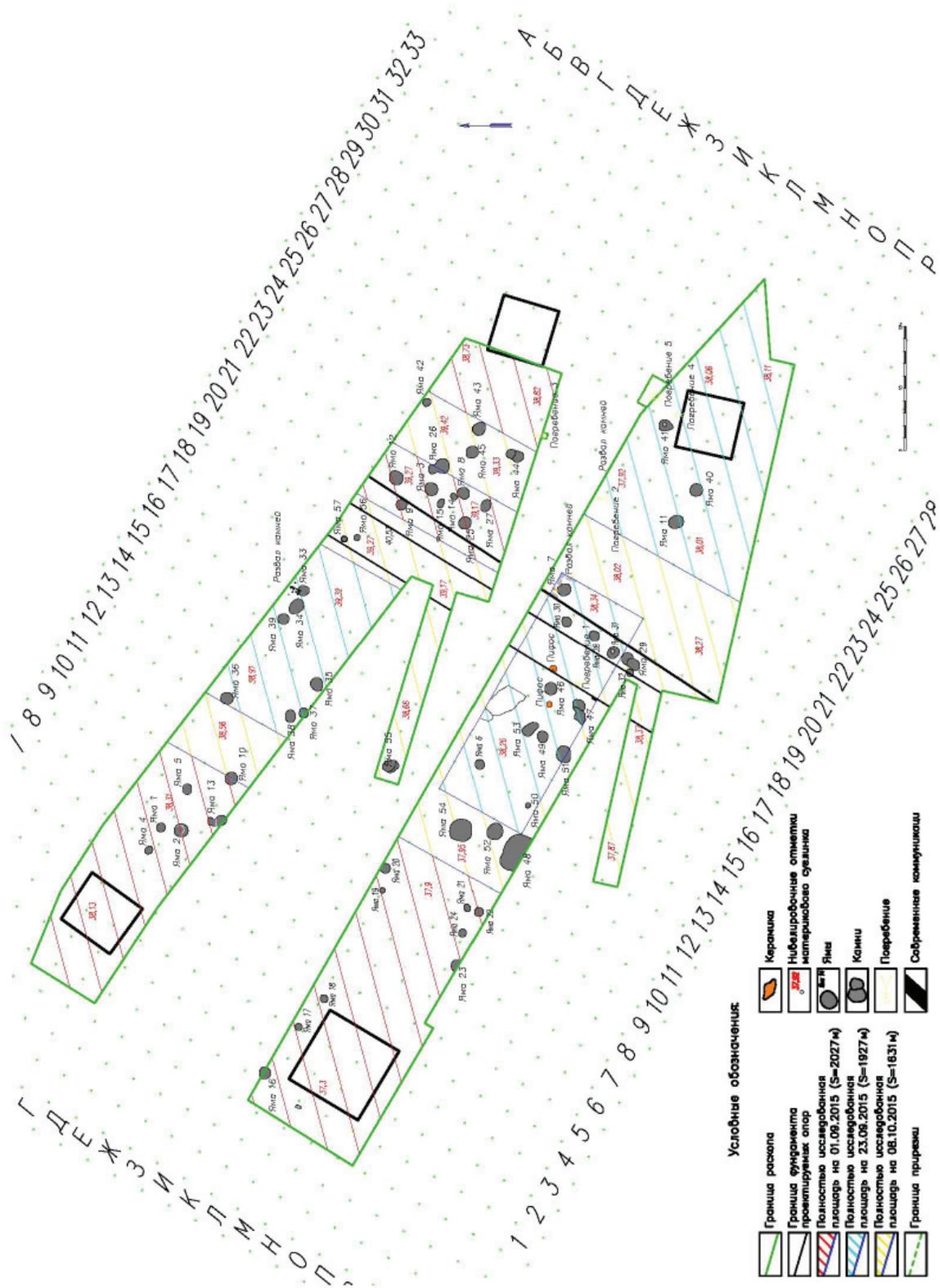

Рис. 4. Поселение Ильичевка. План открытых археологических объектов

В составе находок из ям и культурных напластований, в настоящее время представленных почти восьмью тысячами керамических обломков, отмечены фрагменты тарной керамики (амфор, больших хозяйственных сосудов) (рис. 5), столовой красноглиняной и сероглиняной посуды, лепной керамики, иногда орнаментированной (рис. 6), из которых выделено более тысячи профильных частей (краев, донцев и ручек) для их графической и фотофиксации. Найден бронзовый браслет, орудия из кремня, бронзовый наконечник стрелы, поделки из керамики, кости и камня (рис. 7). Особо следует отметить находку протофасосской амфоры с нефтью (рис. 8). На сегодняшний день это самое раннее свидетельство транспортировки нефти в амфорах. В большом количестве встречаются кости домашних животных. Вещественные находки происходят в основном из пахотного слоя и в меньшей мере из культурного слоя. Распространение находок в пределах исследованных квадратов неравномерное. В коллекцию находок, имеющих музейное значение, выделено 192 предмета, переданных в Таманский музейный комплекс.

Особо следует отметить следующее. Полученные в ходе раскопок данные в первом приближении позволяют определить функцию памятника как сельскохозяйственных угодий в окрестностях древнего населенного пункта с местами для временного хранения и переработки продукции земледелия, по всей видимости, на протяжении всего времени существования памятника, начиная с эпохи поздней бронзы вплоть до раннего Средневековья. Признаки поселенческой структуры в полном объеме не обнаружены.

Раскопки на могильнике велись на площади 19260 кв. м, к востоку от МТФ на северо-восточной окраине поселка Ильич, на ровной местности, используемой с сельскохозяйственными целями с ежегодной плуговой распашкой (рис. 9). Незадолго до начала наших работ культурный слой памятника был нарушен при незаконной установке двух опор ЛЭП и при забивании бетонной сваи под опору ЛЭП, о чем был составлен акт, направленный в Управление по охране памятников Краснодарского края.

Рис. 5. Поселение Ильичевка. Обломки амфор позднеархаического времени

Рис. 6. Поселение Ильичевка. Обломки лепной керамики эпохи поздней бронзы и позднеархаического времени

Рис. 7. Поселение Ильичевка. Обломки лепной керамики (1–10, 12, 13), каменных (11, 14) и костяных (15) предметов эпохи поздней бронзы

Рис. 8. Поселение Ильичевка. Протофасосская амфора конца VI – начала V в. до н. э. с нефтью

Рис. 9. Грунтовый могильник Ильичевка. Участок исследований до начала работ. Вид с юга

В ходе раскопок на могильнике были открыты археологические объекты, в основном относящиеся к позднеархаическому периоду – концу VI – первой четверти V в. до н. э. (рис. 10): два развала керамики и 26 хозяйственных ям округлой или овальной в плане формы, в объемном отношении в основном цилиндрической формы, разного диаметра и глубины, прослеженные на уровне материкового суглинка. Исключением стали лишь две ямы, вероятно, служившие колодцами, в одной из которых найден скелет мужчины (рис. 11; 12).

В составе находок из ям и культурных напластований, в настоящее время представленных чуть более полутора тысячами керамических обломков, отмечены фрагменты тарной керамики (амфор, больших хозяйственных сосудов) (рис. 13), столовой красноглиняной и сероглиняной посуды, лепной керамики, иногда орнаментированной, из которых выделено около сотни профильных частей (краев, донцев и ручек) для их графической и фотофиксации. Найдены терракотовая статуэтка богини (рис. 14), поделки из керамики, кости и камня, фрагменты зернотерок. В большом количестве встречались кости домашних животных. Вещественные находки происходили в основном из пахотного слоя и в меньшей мере из культурного слоя. Распространение находок в пределах исследованных квадратов неравномерное, их концентрация возрастает в северо-западном направлении. В коллекцию находок, имеющих музейное значение, выделено 29 предметов, переданных в Таманский музейный комплекс.

Полученные в ходе раскопок данные в первом приближении позволяют определить функцию памятника как сельскохозяйственных угодий в окрестностях древнего населенного пункта с мес-

Рис. 11. Грунтовой могильник Ильичевка. Колодец. Вид с востока

Рис. 12. Грунтовой могильник Ильичевка. Мужской скелет в колодце. Вид с запада

Рис. 13. Грунтовой могильник Ильичевка. Обломки амфор позднеархаического времени

Рис. 14. Грунтовой могильник Ильичевка. Фрагмент терракотовой статуэтки позднеархаического времени

тами для временного хранения и переработки продукции земледелия в основном на протяжении позднеархаического периода, что в связи с отсутствием погребальных комплексов, безусловно, ставит под сомнение ранее предложенную интерпретацию этой части археологического памятника как грунтового могильника и требует корректировки составленной на него учетной документации по результатам археологических раскопок.

В декабре 2016 – октябре 2017 г. охранные археологические работы велись Античной ново-строительной экспедицией на участке строящейся автомобильной дороги М-25 Новороссийск – Керченский пролив к г. Керчь и сухогрузному району морского порта Тамань Темрюкского района Краснодарского края (рис. 15). Исследовались четыре поселения: Баланка-2, Вышестеблиевская-16 и 16А, Виноградный-12.

Поселение Баланка-2 расположено на пологом склоне широкой балки, вероятно, в прибрежной зоне древней реки или протоки. Участок поселения, попадающий в зону строительства, имеющий подтрапециевидную форму общей площадью 10860 кв. м, исследован полностью (рис. 16). При разборке культурного слоя найдено 6195 обломков керамики, в составе которых преобладали фрагменты тарной керамики, прежде всего амфор, иногда клейменных и с граффити, реже пифосов. Найдены многочисленные фрагменты черепицы боспорского и синопского производства. Следующую по численности группу керамических изделий составляли обломки столовой красноглиняной и сероглиняной посуды, реже лепной кухонной керамики. Наиболее интересными находками являются медные монеты Боспорского государства

Рис. 15. Ситуационная схема расположения проектируемого объекта: «Реконструкция участков автомобильной дороги Новороссийск – Керченский пролив (на Симферополь). Строительство подъезда от автомобильной дороги М-25 Новороссийск – Керченский пролив к г. Керчь и сухогрузному району морского порта Тамань на участке км 0 – км 42, Краснодарский край»

(рис. 17), бронзовые гвозди, свинцовое пряслице, глиняные ткацкие грузила, обломок терракотовой статуэтки женщины. Найдены обломки каменных зернотерок. В коллекцию индивидуальных находок, имеющих музейное значение, отобрано 63 предмета. Распространение находок в пределах исследованных квадратов крайне неравномерное. Судя по находкам, исследованная территория использовалась в качестве хозяйственной зоны в середине IV – второй половине III в. до н. э.

Рис. 17. Поселение Баланка-2. Медные монеты: 1–13, 15 – (Бл2-2016-22-27, 30-33, 38, 39, 45-47), Пантикапей, IV–III вв. до н. э.; 14 – Синоп, III в. до н. э.

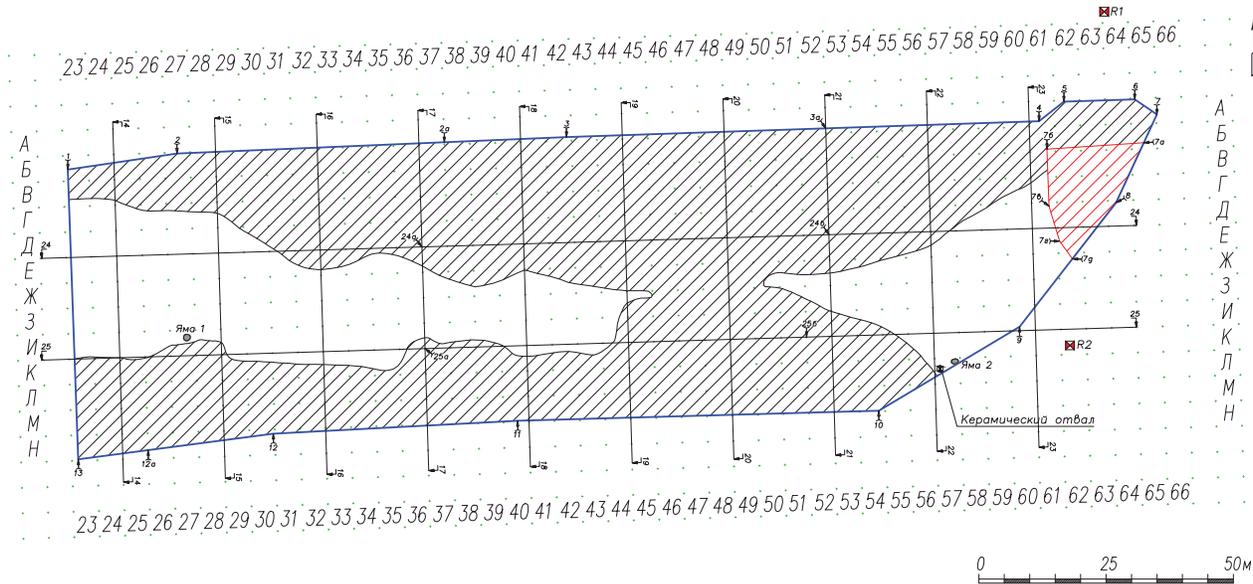

Рис. 16. Поселение Баланка-2. План исследованного участка

Поселение Вышестеблиевская-16 расположено на 49–55 м над уровнем моря на возвышенности, полого понижающейся к северу (рис. 18). В микрорельефе памятника отчетливо видны отдельные пологие возвышения неправильных очертаний, выделяющиеся за счет светлого и желтоватого цвета грунта. В северо-западной части памятника зафиксирована небольшая округлая впадина диаметром около 40–50 м и глубиной около 1 м, в древности, возможно, служившая водоемом. Участок поселения, попадающий в зону строительства, имеющий подтрапециевидную форму общей площадью 21052 кв. м, исследован полностью (рис. 19). Кроме хозяйственных ям в северной части раскопа были открыты пять строительных комплексов – сельские усадьбы IX–XI вв. (рис. 20).

Рис. 18. Поселение Вышестеблиевская-16.
Вид с востока

При разборке культурных напластований найдено 11265 обломков керамики, в составе которых преобладали фрагменты тарной керамики, прежде всего амфор, реже пифосов. В составе амфор можно выделить желобчатые амфоры, амфоры с мелко зональным рифлением эпохи средневековья (рис. 21; 22). На втором месте по количеству находятся амфоры римского времени, в частности южнопонтийские. В составе тары эллинистического времени преобладали фрагменты амфор хиосского, синопского и мендейского производства. Столовая посуда представлена красноглиняными сосудами, кухонная круговая керамика – фрагментами открытых и закрытых сосудов местного производства. Из лепной керамики можно выделить фрагменты сосудов салтово-маяцкой культуры и культуры алан Северного Кавказа (рис. 23). В большом количестве обнаружены керамические изделия, связанные с прядением и ткачеством. Также были найдены изделия из цветного и черного металла,

свинца (162 ед.) стекла и камня (32 ед.). Встречены монеты пантикапейской чеканки IV–II вв. до н. э. В коллекцию индивидуальных находок, имеющих музейное значение, на сегодняшний день отобрано 192 предмета. Распространение находок в пределах исследованных квадратов крайне неравномерное.

Поселение Вышестеблиевская-16А расположено на отметках 52–55 м над уровнем моря на гребне вытянутого всхолмления, полого понижающемся к северу, югу и западу (рис. 24). В микрорельефе памятника отчетливо видны отдельные пологие возвышения неправильных очертаний. Участок поселения, попадающий в зону строительства, имеющий подтрапециевидную форму общей площадью 16965 кв. м, исследован полностью (рис. 25). В ходе раскопок открыты сорок пять хозяйственных ям, три грунтовых погребения, два погребения в могильных камерах (катакомбах) – семейных склепах III–II вв. до н. э. (рис. 26–28), два строительных комплекса: землянка IV–III вв. до н. э. (рис. 29) и загон для скота IX–XI вв. (рис. 30).

При разборке культурных напластований найдено 9764 обломка керамики. Находки античной керамики в основном концентрируются в восточной части раскопа, находки средневековой керамики – в западной части раскопа. Большую часть керамических находок составили обломки амфор, черепицы, в меньшей мере – обломки круговой столовой и кухонной керамики, а также фрагменты лепной посуды. Особо следует отметить расписные аттические лекифы второй-третьей четверти IV в. до н. э. (рис. 31), изделия из металла (64 ед.): бронзы, свинца и железа, а также стекла, камня и кости. В коллекцию индивидуальных находок, имеющих музейное значение, на сегодняшний день отобрано 98 предметов. Распространение находок в пределах исследованных квадратов крайне неравномерное.

Поселение Виноградный-12 находится в 2,6–2,8 км к северу от пос. Виноградный, в 6,4 км к северо-западу от западной границы ст. Вышестеблиевская, в 3,1 км к югу от южной окраины пос. Приморский. Расположено на склоне, полого опускающемся к югу, на отметках 26–33 м в Балтийской системе высот. Участок поселения, попадающий в зону строительства, имеет подпрямоугольную форму с примыканием со стороны юга полосы, ориентированной по оси юго-запад – северо-восток, общей площадью 27464,51 кв. м. В ходе проводимых исследований были открыты 148 хозяйственных ям VI–XII и XVI–XVIII вв. и выявлены остатки ленточных фундаментов десяти строительных конструкций эпохи средневековья (рис. 32; 33), подвергшихся деструктивной антропо-

Рис. 20. Поселение Вышестеблиевская-16.
Сельские усадьбы IX–XI вв. Вид с юга

Рис. 21. Поселение Вышестеблиевская-16.
Яма 10 с амфорами X–XI вв. Вид с запада

Рис. 22. Поселение Вышестеблиевская-16.
Амфора X в. из ямы 10

Рис. 23. Поселение Вышестеблиевская-16.
Аланский кувшин IX–XI вв. из погребения № 9

Рис. 24. Поселение Вышестеблиевская-16А.
Вид с востока

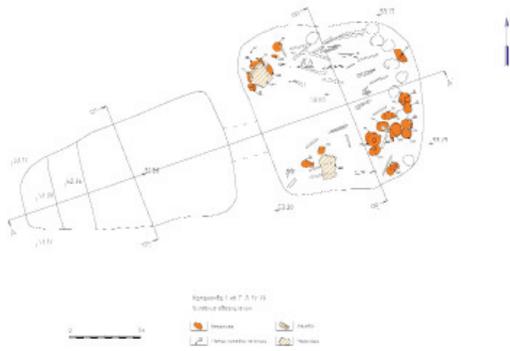

Рис. 26. Поселение Вышестеблиевская-16А.
Катакомба № 1. План

Рис. 29. Поселение Вышестеблиевская-16А.
Землянка IV в. до н. э. Вид с юга

Рис. 27. Поселение Вышестеблиевская-16А.
Катакомба № 1. Погребальная камера. Вид с запада

Рис. 30. Поселение Вышестеблиевская-16А.
Загон для скота IX–XI вв. Вид с севера

Рис. 28. Поселение Вышестеблиевская-16А.
Катакомба № 1. Мерный сосуд III в. до н. э. Книд

Рис. 31. Поселение Вышестеблиевская-16А.
Лекиф из погребения № 2 середины IV в. до н. э. Аттика

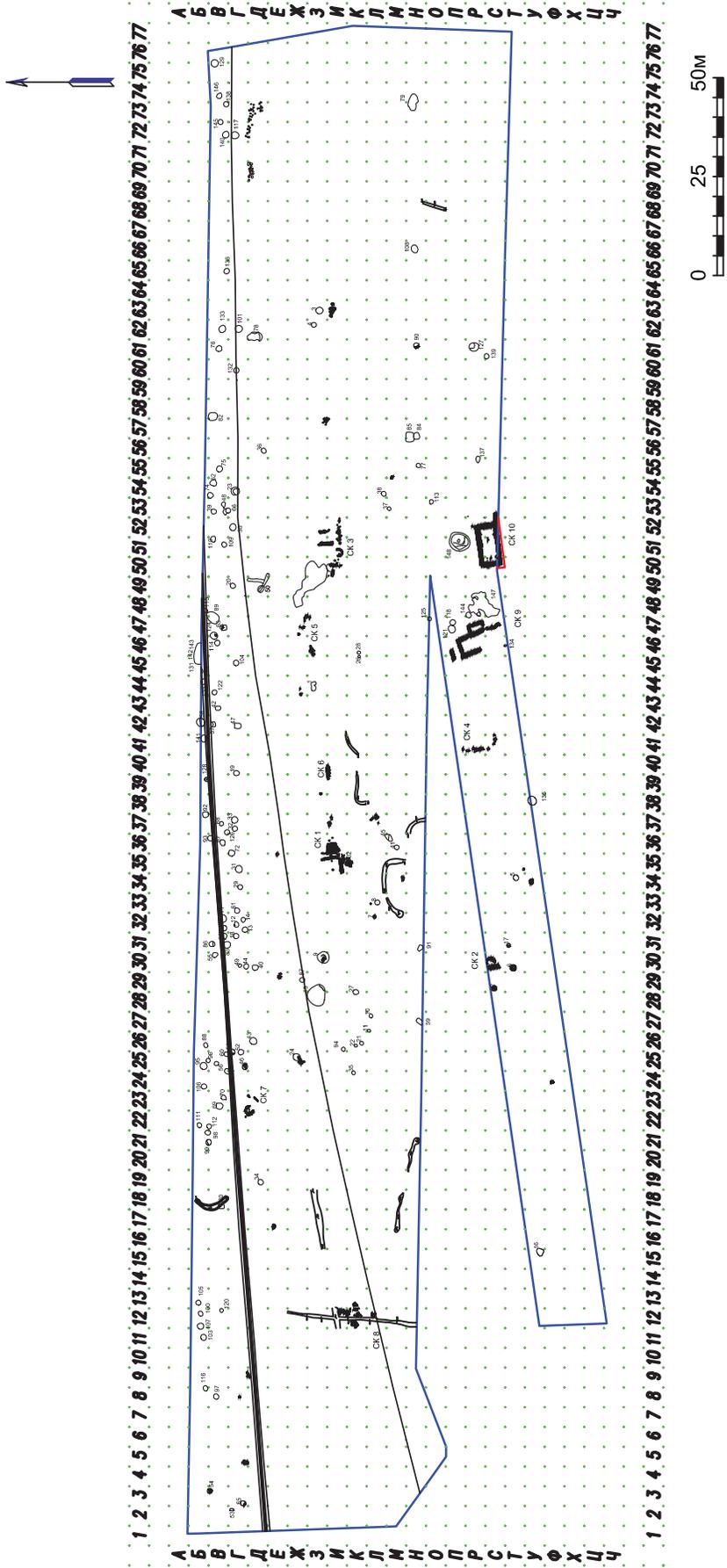

Рис. 32. Поселение Виноградный-12. План исследованного участка

Рис. 33. Поселение Виноградный-12.
Вид с востока

генной деятельности в более позднее время (выборка камня с целью вторичного использования, распашка земли, прокладка коммуникаций).

При разборке культурных напластований найдено 2172 обломка керамики VII–XII и XVI–XIX вв., в составе которых преобладали фрагменты тарной керамики, прежде всего амфор, реже пифосов. В составе амфор можно выделить желобчатые амфоры, воротничковые амфоры эпохи Средневековья (XI–XII вв.). Столовая посуда представлена красноглиняными и сероглиняными сосудами, посудой с поливой, кухонная круговая керамика – фрагментами открытых и закрытых сосудов местного производства. Найдены керамические изделия, связанные с прядением и ткачеством. Также были найдены изделия из цветного (рис. 34) и черного металла (44 ед.) и камня (1 ед.). Встречены монеты византийской чеканки (рис. 35). Найдены обломки красноглиняных (рис. 36) и

Рис. 34. Поселение Виноградный-12.
Бронзовый крест X–XI вв. Византия

Рис. 35. Поселение Виноградный-12.
Медный фоллис 1028–1034 гг. Византия

Рис. 35. Поселение Виноградный-12.
Глиняная курительная трубка XVII в.
Константинополь

светлоглиняных трубок XVII–XVIII вв. В коллекцию индивидуальных находок, имеющих музейное значение, отобрано 572 предмета. Распространение находок в пределах исследованных квадратов крайне неравномерное.

Исходя из опыта работы Античной новостроечной экспедиции ИИМК РАН, можно сделать следующие выводы.

1. При подготовке археологических разделов проектной документации требуется более взвешенный и ответственный подход к характеристике археологических памятников, особенно в части определения их границ и интерпретации. Понимая ограниченные возможности методов археологических разведок, представляется важным увеличить допустимое число шурфов для решения вышеуказанных задач. В конечном итоге полученные более достоверные данные помогут

избежать в ходе последующих археологических раскопок целого ряда недоразумений, с которыми нам уже приходилось сталкиваться, к примеру при работах в Новокубанском районе Краснодарского края, когда на месте внесенного в госреестр объекта культурного наследия «Городище Кизиловая балка» оказалась курганная группа, а в Успенском районе Краснодарского края на месте вновь выявленного археологического объекта «Поселение Успенское-2» – в лучшем случае, сезонная стоянка пастухов (кстати, такая же ситуация наблюдалась и на поселении Приморский в Крымском районе). И совсем свежий пример на поселении Баланка-2 в Темрюкском районе, на трассе строящейся автомагистрали к Керченскому мосту. Так называемый культурный слой поселения с переотложенными археологическими находками является смывом культурных отложений с расположенного выше интенсивно распаханного поселения.

2. Также представляется важным уделять больше времени и придать большее значение археологическому мониторингу и археологическому на-

блюдению в зонах крупных строительных проектов для предотвращения непропорциональных и несогласованных действий строительных организаций.

3. И наконец, необходимо создать такие условия, при которых строительным организациям было бы совсем невыгодно нарушать 73 Федеральный закон, что принуждало бы их согласовывать свои действия с археологическими организациями. Пока это не удается, как свидетельствует уже упоминавшееся поселение Баланка-2, где строители, зная о существовании памятника, снесли частично, а местами и полностью культурный слой памятника до начала археологических раскопок.

Опыт работ Античной новостроечной экспедиции ИИМК РАН, вне всякого сомнения, не является чем-то исключительным, с такими же проблемами сталкиваются многие, кто работает в зоне мостового перехода через Керченский пролив. Как мне представляется, от их решения зависит будущее охранной археологии в местах крупных государственных новостроек.

Междисциплинарные исследования

Правовые основы охраны археологического и исторического наследия ФРГ. История и современность

Н. Зирман

... и если сейчас не будут приниматься повсеместные и решительные меры, то скоро мы, испуганные, нагие и одинокие, окажемся как будто новой колонией на незаселенной ранее земле.

*Карл Фридрих Шинкель, 1815
(Huse, 2006. С. 7; авторский перевод с немецкого)*

Цель данной статьи – показать, как на территории современной ФРГ развивались законы об охране исторического наследия и какова правовая основа в этой области сейчас. Статья не затрагивает самые первые попытки охраны наследия на уровне отдельных прогрессивно мыслящих личностей, ввиду того, что об этом можно было бы написать отдельную работу. Повествование начинается с конца XVIII в., так как именно тогда появились первые законы и предписания, нацеленные на защиту исторического наследия. Далее статья рассказывает о тенденциях в области охраны исторического наследия, которые были характерны для первого, второго и третьего Германских рейхов. Краткое изложение правовых основ охранной деятельности послевоенного времени рассказывает о положении дел в ГДР и ФРГ. Вторая часть статьи дает краткое представление о действующих правовых основах охраны исторического наследия ФРГ, освещая также и характерные особенности законодательства ФРГ: немецкий федерализм и земельное законодательство. Для написания этой части был использован один из важнейших трудов в области вопросов охраны исторического наследия – сборник базовой информации Архима Хубеля, а также сами тексты актуального немецкого законодательства. Эта часть статьи выполнена в виде анализа общенемецких правовых основ. Главная особенность ФРГ – независимость земель в вопросах культуры, что привело к появлению 16 законов об охране исторического наследия,

по количеству федеральных земель. Глубокий анализ всех 16 законов в рамках данной работы не представляется возможным, да он и не нужен, так как все законы построены на одной идеологической платформе и имеют схожие формулировки. В работе используется немецкая терминология, согласно которой все объекты исторического наследия любого типа по умолчанию называются памятниками. Именно поэтому ключевые понятия в области охраны исторического наследия в ФРГ – это «уход за памятниками» (Denkmalpflege) и «охрана памятников» (Denkmalschutz). Эти понятия будут разъяснены в соответствующем разделе статьи.

Первые попытки охраны исторического наследия на государственном уровне и первые шаги в сторону кодификации правовых основ на территории современной ФРГ

Несмотря на наличие отдельных прогрессивно мыслящих политических и общественных деятелей, Германия не являлась первой европейской страной, поднявшей вопрос охраны исторического наследия на государственный уровень. Пионером в этой области была Швеция. В 1603 г. шведским королем Густавом II Адольфом было учреждено государственное ведомство по вопросам «антиквариата», Riksantikvarieambetet (дословно: «Ведомство антикваров рейха»), предшественник современного и одноименного шведского департамента охраны памятников старины (Dolff-Bonekaempfer, 1985. S. 17). Понятие «антиквариат» тут, конечно, отлично от современного его толкования и согласно своей изначальной этимологии (лат. *antiquus* «старый») означает просто любые древности. Что в данном случае имелось в виду под термином «антиквариат», хорошо видно и из самого текста учредительного эдикта, а точнее, той его части, которая описывала обязанности антикваров, т. е. сотрудников ведомства:

антиквары «[...] должны собирать всевозможные старые монументы и вещи, с помощью которых можно проиллюстрировать отечество, главным образом все старые рунические письмена [...] как в книгах, так и на камнях, расколотых и целых, и при этом записывать, как они были добыты, тщательно исследовать, сколько их находится в каждом церковном приходе, также записывать, какие сказания несет каждый камень [...]» (авторский перевод цитаты, взятой из: Dolf-Bonekaempfer, 1985. S. 17, далее в случае перевода иностранных цитат дается только ссылка на источник). Король Густав II Адольф явно больше всего был заинтересован в сохранении именно письменных преданий, однако первый же рейхсантиктвар Йоханнес Буреус (также известный как Йохан Буре) расширил область своей работы также и на учет исторических церквей, крепостных валов и надгробий (Dolf-Bonekaempfer, 1985. S. 17). Создание государственного учреждения было важным шагом в правильном направлении, однако общегосударственных законов, нацеленных на охрану исторического наследия в Швеции, все еще не существовало. Такой закон появился спустя 59 лет после учреждения вышеупомянутой инстанции. «Декрет о старых монументах и древностях (в оригинале – вновь «антиквариата») Рейха» 1662 г. распространялся уже не только на рунические камни и письмена, но и на другие древности, как-то: курганные захоронения и крепости, а также на крипты и окна церковных построек и на церковную же живопись (Hammer, 1995. S. 41–42). Данный декрет являлся первым правовым актом в Швеции и скорее всего в Европе, в котором были утверждены комплексные меры по защите древностей (Hammer, 1995. S. 41). Этот закон, вышеописанная государственная инстанция, а также учреждение в том же году в Упсальском университете профессуры по изучению древностей явно говорят о возросшем интересе к историческому наследию страны, а начавшаяся в 1667 г. инвентаризация памятников культуры, вскоре после этого опубликованная, уже просто не дает шансов в этом усомниться (Dolf-Bonekaempfer, 1985. S. 17). В вопросе охраны исторического наследия Швеция заслуженно занимает первое место среди европейских государств (Dolf-Bonekaempfer, 1985. S. 17).

На территории современной ФРГ первые нацеленные на защиту исторического наследия предписания начали появляться только спустя 109 лет после принятия в Швеции описанного «Декрета» и были скорее робкими попытками сохранить наследие страны, а иногда в первую очередь инструментом достижения личных политических целей. Толчком к их появлению являлся повышенный интерес к архитектуре

средневековья, исходящий в первую очередь от творящих архитекторов и писателей. Написанная в 1773 г. работа Гете о немецкой архитектуре признала готику искусством и положила начало новому отношению к немецкому Средневековью, считавшемуся до этого момента «мрачным» (Kiesow, 2000. S. 15). Таким образом, зарождающаяся эпоха историзма, открывшая для себя сначала греческую и римскую античность, довольно быстро обратила свое внимание и на готику, и на романтику, которые быстро стали источниками вдохновения для творчества (Kiesow, 2000. S. 15). Повышенный интерес к средневековым памятникам архитектуры как к важнейшим источникам вдохновения привел к появлению иллюстрированных работ по тем или иным важным постройкам, как, например, работа о Мариенбурге – замке немецкого ордена в Пруссии, вышедшая в 1799 г. с иллюстрациями зодчего Фридриха Гилли (Kiesow, 2000. S. 15). Неизвестно, были ли это идеи зарождающегося историзма, которые сподвигли Александра Байройтского, маркграфа княжества Бранденбург-Байройт, указать в своей выписке еще от 4 июля 1771 г. на надобность сохранения монументов (Kiesow, 2000. S. 14). Выписка, однако, не имела нужного эффекта, поэтому по инициативе архивариуса Филиппа Эрнста Шписса 10 апреля 1780 г. маркграфом было выпущено предписание об охране памятников – первое известное предписание такого рода на территории современной ФРГ (Kiesow, 2000. S. 14). Данный закон защищал, однако, не постройки, а лишь их отдельные детали, такие как гербовые камни, могильные памятники, эпитафии, плиты с нанесенными на них надписями и т.д., которые следовало сохранить после сноса здания и по возможности использовать в новых постройках (Kiesow, 2000. S. 14). Иными словами, предписание не представляло собой ничего нового, подобная практика фрагментарного сохранения исторических построек появилась еще во времена античности. Однако, указ маркграфа от 1780 г. был хорошим примером для других государств на территории современной ФРГ. Так, 22 декабря того же года, на основе указа Александра Байройтского ландграфом княжества Гессен-Кассель (часть территории современной федеральной земли Гессен) Фридрихом было выпущено предписание, дословно копирующее целые части своего прародителя (Kiesow, 2000. S. 14). Ландграф, однако, озабочился скорее не защитой исторического наследия, а сохранением существующих и поиском новых следов истории своей семьи, которая брала начало в средневековом рыцарстве и тем самым могла укрепить его политическое положение (Kiesow, 2000. S. 14). Однако при этом ландграф являлся еще и заядлым коллекционером, о чем явственно

говорит часть указа об обязательной сдаче княжеству найденных после сноса зданий монет, текстов и других реликвий, а также предшествующее указу строительство «Фридрицианума», первого музея города Кассель, в 1769–1976 гг. (Kiesow, 2000. S. 14–15). Предписание немного иного рода появилось в 1808 г. в Баварии и было нацелено на сохранение скрытых в земле предметов, о нахождении которых следовало докладывать властям (Kiesow, 2000. S. 15).

Мы видим, что описанные выше постановления ставили задачу сохранения в первую очередь движимых объектов, утоляя жажду коллекционирования того или иного правителя. Если же вернуться к памятникам архитектуры, то, пожалуй, главными защитниками исторических построек и сторонниками сохранения этих зданий, в насколько этого можно было добиться первоизданном виде, были вдохновленные идеями историзма творящие архитекторы. В первую очередь эти люди защищали, конечно, свои источники вдохновения, однако своими действиями они положили начало созданию правовых основ защиты исторического наследия и сопутствующих структур, уже схожих с современными. Так, защитное постановление Великого герцогства Баден от 1812 г., защищающее башни, городские ворота и другие детали средневековой фортификации от произвольного сноса, появилось благодаря стараниям и влиянию именно архитектора – неоклассициста Фридриха Вайнбрэннера (Kiesow, 2000. S. 15). Хотя фортификационная специфика этих строений дает основания усомниться в «чистоте» умысла. Следующий достойный упоминания закон об охране исторического наследия был принят спустя шесть лет после баденского предписания благодаря инициативе архитектора Георга Моллера (Kiesow, 2000. S. 16). Это произошло в 1818 г. в Великом герцогстве Гессен (Hammer, 1995. S. 68) – государстве, которое в вопросе охраны исторического наследия еще скажет свое слово. Однако уже на момент 1818 г. «Высочайшее предписание» (нем. Allerhöchste Verordnung) великого герцога Людвига I Гессенского (Hammer, 1995. S. 68–69), возможно, и не было идеальным, но являлось очень важным шагом в правильном направлении. Данное Предписание делало акцент в первую очередь на сохранении имевшихся памятников архитектуры, не забывая при этом и про скрытые в земле древности, о нахождении которых нужно было докладывать (Hammer, 1995. S. 69; Kiesow, 2000. S. 16). Предписание распространялось исключительно на общедоступные памятники архитектуры, такие как церкви, ратуши, руины, башни и т.д., совершенно не претендуя на какие-либо права в отношении находящихся в частных

руках построек, владельцы которых были сами вольны решать их судьбу (Hammer, 1995. S. 68–69). Однако для тех строений, которые попадали под действие закона, были сформулированы довольно жесткие указания, нацеленные на их защиту. Так, Предписание категорически запрещало изменять внешний вид этик построек, в том числе и таких, которые имели «малую художественную ценность» (Hammer, 1995. S. 69). Достойные сохранения постройки могли быть изменены исключительно с разрешения высшей строительной коллегии (нем. Ober-Baukolleg) (Hammer, 1995. S. 69), в обязанности которой входило также и составление реестра всех старых построек, которые «достойны сохранения с точки зрения истории и искусства» (Kiesow, 2000. S. 16). Ответшальные и подлежащие сносу здания должны были быть зарисованы и внесены в реестр (Kiesow, 2000. S. 16). Обязательные предложения по сохранению и реставрации старых зданий должны были быть предоставлены лично великому герцогу, который оставлял за собой право принимать те или иные решения по этому вопросу (Kiesow, 2000. S. 16). Все общественные учреждения были обязаны по мере сил следить за состоянием внесенных в реестр зданий (Kiesow, 2000. S. 16). Сам Моллер тоже очень ответственно отнесся к составлению реестра, написав в 1815–1831 гг. труд под названием «Памятники немецкой архитектуры» (нем. Denkmäler deutscher Baukunst), подогрев тем самым интерес широкой общественности к архитектурным памятникам. Проблема Предписания была в том, что в нем не описывались критерии классификации постройки, как «достойной сохранения» (Hammer, 1995. S. 69), что сводило на нет, по сути, многие старания по охране государственных памятников архитектуры. Другая проблема заключалась в том, что главной контролирующей инстанцией была назначена не специализированная административная структура, которая могла бы следить за состоянием памятников архитектуры, а высшая строительная коллегия (Hammer, 1995. S. 69), которой и без того хватало своих непосредственных задач по организации и проведению военного, коммунального и ландшафтного строительства, а также планировке лесного хозяйства.

Спустя 12 лет после принятия «Высочайшего предписания» была предпринята попытка его дополнения, однако уже на территории другого государства – Королевства Саксония, прямого предшественника современной федеральной земли Саксония (согласно локальному закону земли – Свободное государство Саксония (нем. Freistaat Sachsen). В 1830 г. принц (на тот момент) Иоганн Саксонский и по совместительству патрон уже

существовавшего в королевстве общества по защите исторического наследия «Королевского Саксонского объединения по исследованию и сохранению древностей отечества» (нем. Koeniglich Saechsischer Verein fuer Erforschung und Erhaltung vaterlaendischer Altertuemer), взяв за основу и доработав гессенское «Высочайшее предписание» от 1818 г., выпустил законопроект о защите монументов от произвольного уничтожения и устранения (Hammer, 1995. S. 69–70). В отличие от гессенского закона 1818 г. проект принца распространялся в том числе и на находящиеся в частной собственности памятники (Hammer, 1995. S. 69–70), значительно ограничивая владельцев в праве распоряжаться своей собственностью. Последнее и послужило одной из причин провала законопроекта. Правительство посчитало, что проект принца Иоганна слишком сильно ограничивает право на собственность и утрирует роль органов публичной власти (Hammer, 1995. S. 69–70). О создании специального управления по делам сохранения исторического наследия не могло тем самым идти и речи. Однако были и люди, которые понимали всю важность такого учреждения.

Принято считать, что идея создания специализированной инстанции, занятой вопросами сохранения архитектурного наследия, впервые появилась в 1815 г. у человека, цитата которого была выбрана в качестве вступления к данной статье, и которая, как нельзя лучше, подходит для описания изменений общественного мнения в вопросах защиты архитектурного наследия в первой половине XIX в. Карл Фридрих Шинкель, художник, график, художник-технолог, градостроитель, популяризатор архитектурных стилей неоклассицизма и историзма, по праву считается основоположником защиты исторического наследия в современном понимании этого термина на территории Германии (Kiesow, 2000. S. 16). Новаторские и дальновидные идеи Шинкеля сильно опережали его время, повлияв на появление правовых актов и систем контроля за их выполнением, очень схожих с современными моделями. На момент 17 августа 1815 г., когда Карл Фридрих Шинкель на высшем уровне предложил создание отдельной инстанции, в задачи которой входило бы выполнение комплексных мер, нацеленных исключительно на защиту памятников и древностей на территории Пруссии (где жил и творил архитектор), продолжала действовать восьмая статья первой части общего земельного права (нем. Allgemeines Landrecht) от 1794 г., нацеленная на защиту статуй, памятников и строений в общественных местах (Kiesow, 2000. S. 16). Шинкель понимал, что относящиеся к защите исторического наследия решения должна

принимать специализированная организация, не зависящая от вопросов политики и экономики и состоящая из людей соответствующей профессии. Идея Шинкеля заключалась в создании «защитной депутации» (нем. Schutzdeputation), состоящей из священника, церковного старосты, члена муниципального совета, учителя, а также зодчего или художника (Kiesow, 2000. S. 16–17).

Опередившая свое время идея создания современного немецкого «совета по вопросам памятников» (нем. Denkmalrat) не была полностью принята, однако не была и проигнорирована. Указ короля Фридриха Вильгельма III от 4 октября 1815 г. обязал все госучреждения обсуждать запланированные существенные изменения общедоступных построек и памятников с уже существующей высшей строительной депутацией (нем. Oberbaudeputation), при недостижении консенсуса окончательное решение принимал сам король (Kiesow, 2000. S. 17). Задачи главы этой депутации на добровольных началах выполнял сам Шинкель, исполняя при этом, по сути, работу «хранителя», несмотря на то что эта профессия официально появилась только после его смерти (Kiesow, 2000. S. 17). При этом Карл Фридрих Шинкель был человеком политически подкованным, а где нужно, и хитрым, архитектор знал, какие методы спасения исторической постройки найдут отклик у власти. Так, Шинкель пытался спасти пустующие исторические постройки путем перепрофилирования зданий под актуальные нужды, доходчиво объясняя, почему снос здания и постройка на его месте нового является глупой затеей, ведь выделенной на снос и строительство суммы никогда не хватит на постройку такого качественного здания, каким является объект спора, а его реставрация возможна и на половину выделенных средств (Kiesow, 2000. S. 17–18). При этом Шинкель, будучи любителем готики, заступался в том числе и за те здания, архитектурный стиль которых он не переносил, – барокко и ренессанс (Kiesow, 2000. S. 18). Называя оба архитектурных стиля просто «итальянский стиль» (Kiesow, 2000. S. 18), Шинкель понимал, что его личная неприязнь не означает отсутствия у этих зданий исторической ценности.

Для Карла Фридриха Шинкеля были важны не только отдельные здания, но и «характер города» в целом, поэтому он очень ответственно относился к вопросам застройки старых центров городов, предупреждая об опасности чрезмерной современной и подражающей застройки (Kiesow, 2000. S. 17–18). Будучи разноплановой личностью, Шинкель защищал и настенную живопись, давал советы по реставрации фресок, а также выступал

против чрезмерной вырубке леса, ссылаясь на неблагоприятные последствия для окружающей среды (Kiesow, 2000. S. 18). Считается, что именно благодаря усилиям Шинкеля начиная с 1830 г. в Пруссии появляются новаторские законы, нацеленные на защиту исторического наследия королевства. 33-й параграф восьмой статьи первой части общего земельного права от 20.06.1830 г. запрещал прусским городским общинам произвольный снос городских стен, ворот, башен и т. д. (Kiesow, 2000. S. 19). Высочайший приказ кабинета министров (нем. Alerhoechste Kabinetttorder) от 1835 г. перенес полномочия по вопросам защиты памятников с министра финансов на министра культуры (Kiesow, 2000. S. 19), что было очень важным шагом в верном направлении. Высочайший приказ кабинета министров от 1 июля 1843 г. ввел должность хранителя (Kiesow, 2000. S. 19). Принято считать, что Пруссия была первым государством на территории современной ФРГ, которое учредило этот важный с точки зрения защиты и сохранения исторического наследия пост. Например, в Великом герцогстве Баден должность хранителя была введена только в 1853 г., а в Королевстве Вюртемберг – в 1858 г. (Kiesow, 2000. S. 21). В Баварии еще позже, но об этом ниже.

Разработанный в 1853 г. по приказу прусского короля Фридриха Вильгельма IV интересный законопроект о защите памятников (Hammer, 1995. S. 69) не вызвал интереса у членов ландтага из экономических соображений. Министр культуры фон Раумер высказался о нежелательности применения ко всем старым зданиям «абстрактного понятия памятник» и выразил свои опасения, что в противном случае собственники, ссылаясь на закон, могут начать требовать у государства денежные средства на содержание построек, несмотря на то что и сами располагают нужными для этого суммами (Hammer, 1995. S. 69). Министр фон Раумер, сам того не зная, акцентировал одну из ключевых проблем современного законодательства о защите исторического наследия ФРГ – вопрос финансирования.

Другое королевство на территории современной ФРГ, Бавария, тоже отличалось своим уважительным отношением к историческому наследию, в чем-то опережая Пруссию, в чем-то отставая от нее. Закон, нацеленный полностью в духе времени на защиту движимых малых объектов, был принят в Баварии, как уже было сказано, в 1808 г. Однако уже 12 января 1826 г. баварский король Людвиг I выпустил министерское предписание, защищающее городские стены, башни и рвы от сноса (Kiesow, 2000. S. 20). Принято считать, что это предписание

было направлено на защиту исторического наследия, но явный фортификационный характер попавших под защиту сооружений говорит о совсем других целях, которые преследовал король, – защиты самой по себе. В любом случае подобный закон на территории Пруссии, который тоже далеко не однозначно трактовал защиту исторического наследия, появился только четыре года спустя, в 1830 г. Уже 21 ноября 1826 г. на территории Баварии был принят закон о защите общедоступных и недвижимых произведений искусства, 29 мая 1827 г. к ним присоединили и движимые крупные памятники искусства, и антикварная мебель. 30 июня 1830 г. закон еще раз затронул скрытые в земле древности, а 28 сентября 1830 г. он распространился на памятники старины, находящиеся в частных руках, о запланированном уничтожении которых следовало докладывать (Kiesow, 2000. S. 20). Наконец, 26 января 1835 г. была учреждена «Генеральная инспекция пластических памятников Средневековья» (нем. Generalinspektion der plastischen Denkmäler des Mittelalters) под руководством генерального инспектора в чине верховного строительного советника, по сути, хранителя, в обязанности которой входило составление реестра памятников искусства, который, однако, не был завершен из-за состояния здоровья первого генерального инспектора и недостаточной компетенции второго. Первый (Сюльпис Буассере) покинул пост в 1836 г. по состоянию здоровья, а второй (Фридрих Гертнер), будучи творящим архитектором, не интересовался составлением реестров (Kiesow, 2000. S. 19–20).

Толку от «Генеральной инспекции» было мало. Вторая попытка создания действенной инспекции на территории Баварии была предпринята 27 января 1868 г. и оказалась не многим более удачной (Kiesow, 2000. S. 20). Учрежденная королем Людвигом II комиссия экспертов «с целью сохранения относящихся к искусству и истории достопримечательных памятников и древностей» управлялась генеральным хранителем (Kiesow, 2000. S. 20), и именно персона последнего и была проблемой. На должность хранителя был назначен профессор Якоб Генрих фон Хефнер-Альтенек, директор Баварского национального музея (Kiesow, 2000. S. 20). Этот человек по своей сути и благодаря специфике своей работы был заядлым коллекционером и не всегда был заинтересован в сохранении исторического наследия «на местах» (Kiesow, 2000. S. 20). Баварские попытки создания специализированной коллегии по вопросам защиты исторического наследия были не настолько удачны, как в Пруссии.

Новая история: правовые основы охраны исторического наследия трех Германских рейхов

В Германии начала XX в. идея сохранения исторического наследия претерпела фундаментальные изменения. Максима «консервация вместо реставрации» заняла место старых идей историзма, последователи которого стремились восстанавливать или достраивать незаконченные исторические здания (Martin, Krautzberger, 2010. S. 17). Это и понятно, ведь последователи историзма, творящие архитекторы, оценивали исторические постройки в качестве источника вдохновения для своего творчества. Исторические здания являлись носителями идеи, которую следовало перенять и дополнить (Martin, Krautzberger, 2010. S. 18). Однако согласно идеям начала XX в., которые по своей сути не являлись новыми и уже были предметом споров заинтересованных людей (Виктор Гюго в 1831 г. и Джон Рескин в 1849 г.), исторические постройки стали восприниматься как предметы «окаменевшей истории» (Martin, Krautzberger, 2010. S. 18). Одним из важнейших представителей новой идеи в Германии начала XX в. был искусствовед Георг Дею, написавший в защиту новой максимы важные труды (Martin, Krautzberger, 2010. S. 17). Еще один теоретик новой идеи, Корнелиус Гурлитт (не путать с другим Корнелиусом Гурлиттом, который был коллекционером искусства и умер в 2014 г.), настаивал на том, что неизбежные дополнения памятников нужно осуществлять в стиле современности, а не в стиле самого памятника, чтобы ясно отделить историческую субстанцию от современной (Martin, Krautzberger, 2010. S. 17–18).

Начало XX в. в Германии было ознаменовано еще и появлением возросшего интереса к историческому наследию, если и не среди всех слоев населения, то среди интеллигенции точно (Martin, Krautzberger, 2010. S. 18). Популяризации поспособствовали появление в 1899 г. тематического журнала *Die Denkmalpflege* («Охрана памятников»), а также «Немецкое собрание по вопросам охраны памятников» (нем. *Deutsche Denkmalpflege*), которое впервые собралось в 1900 г. (Martin, Krautzberger, 2010. S. 18). Не стоит забывать и появившееся в начале XX в. и набравшее большую популярность немецкое «движение за защиту родины» (нем. *Heimatschutzbewegung*), которое ратовало за сохранение родного и привычного облика страны во времена развернувшегося ввиду индустриализации строительства огромных корпусов и развитой инфраструктуры, а также пыталось защитить родные ценности, растворяющиеся в индустриальном обществе (Martin, Krautzberger, 2010. S. 18). Для

представителей этого движения практически не существовало малозначащих памятников, ведь все они являлись частью истории (Martin, Krautzberger, 2010. S. 18).

Успешная политическая деятельность движения привела к появлению во многих землях Германского рейха законов о защите родины и ее ценностей, которые непосредственно относились к области охраны исторического наследия (Martin, Krautzberger, 2010. S. 18). К таким законам относится принятый в 1902 г. в Великом герцогстве Гессен кодифицированный и почти современный закон, послуживший основой для Ольденбургского закона 1911 г. (Martin, Krautzberger, 2010. S. 24). Упрощенный закон, направленный против искажения внешнего вида государства, постоянного спутника индустриализации, появился в 1909 г. в Герцогстве Саксен-Альтенбург и назывался *Gesetz gegen Verunstaltung von Stadt und Land (VuG)* («Закон против искажения вида города и сельской местности») (Martin, Krautzberger, 2010. S. 24). Шесть лет спустя, уже во время войны, законом об охране исторического наследия обзавелся вольный ганзейский город Любек (Martin, Krautzberger, 2010. S. 24). В это время начали появляться и отдельные постановления, защищающие только один определенный тип памятников, например археологические памятники. Такие «законы о раскопках» и законы о защите находок появились, например, уже в 1908 г. в Баварии, в 1914 г. в Пруссии и Бадене и в 1917 г. в Герцогстве Саксен-Веймар-Эйзенах, последний на основе прусского проекта 1914 г. (Martin, Krautzberger, 2010. S. 24).

Строительные нормы и правила того времени также распространялись и на архитектурные памятники, в том числе и находящиеся в частной собственности (Martin, Krautzberger, 2010. S. 24). Очень интересно и прогрессивно решение государственного суда от 11.02.1910 г., закрепленное в параграфе 304 уголовного кодекса Германского рейха, которое признало порчу памятников уголовным преступлением, невзирая на происхождение и характер памятника (Martin, Krautzberger, 2010. S. 25). Жаль только, что почти все дела, попадающие под эту статью, предпочитали заминать (Martin, Krautzberger, 2010. S. 24). Как бы то ни было, но охрана исторического наследия впервые получила весомую роль в жизни государства именно во времена Первого рейха, не потеряв ее ни после Первой мировой войны, ни революции 1918 г., то есть сохранив эту роль в итоге и в Веймарской республике (Martin, Krautzberger, 2010. S. 18–19).

Плачевное положение дел в послевоенной Германии, конечно, значительно ограничило охранную деятельность, однако в важности последней никто не сомневался: Управления по делам защиты памятников продолжали работать, частично подвергаясь улучшениям в области их организации, а «Собрание по вопросам охраны памятников» продолжало регулярно собираться (Martin, Krautzberger, 2010. S. 19). Более того, Чрезвычайный съезд 1919 г. повлиял на принятие охраны памятников как одной из основополагающих целей государства, что было закреплено 150-й статьей Веймарской конституции (Martin, Krautzberger, 2010. S. 19). 11 декабря того же года было принято постановление, запрещающее вывоз предметов искусства из обедневшей за время войны Германии (Martin, Krautzberger, 2010. S. 25). 08.05.1920 г. было принято постановление, запрещающее общественным корпорациям без разрешения изменять вид мобильных предметов искусства (Martin, Krautzberger, 2010. S. 25). Законы об охране памятников старины появились в Гамбурге (Закон о защите памятников и природы от 06.12.1920 г.), свободном государстве Мекленбург-Шверин (от 05.12.1929 г.) и Липпе (от 17.01.1920 г.), любекский закон от 1915 г. был дополнен, а свободное государство Мекленбург-Стрелиц создало 21 декабря 1920 г. свой закон о раскопках (Martin, Krautzberger, 2010. S. 25). Решением государственного суда от 11.03.1927 г. было принято постановление, объявившее охраняемые меры по отношению к частным памятникам, требующими компенсации конфискациями, что, конечно, не сыграло на руку охране исторического наследия ввиду напряженного финансового положения в землях (Martin, Krautzberger, 2010. S. 25).

Однако охрана исторического наследия, имея при этом, конечно, и противников, оставалась важной областью жизни Второго рейха. В это же время был наконец-то решен вечный вопрос «теории памятника» – поиска общеупотребительных критериев отношения того или иного предмета или постройки к понятию «памятник». Вопрос был решен элементарно – его перестали задавать. Охрана памятников поставила перед собой иные цели: она должна была помогать оформлять настоящее, давать государству и обществу цель на будущее, органично сочетаться с современным творчеством, иными словами, создавать «живые» памятники высокой общественной важности (Martin, Krautzberger, 2010. S. 19). При этом охрана памятников начала изменять свою деятельность в пользу науки и истории, что привело к тому, что все больше свидетельств культурного развития страны начали рассматриваться как памятники

культуры, в том числе уже и технические объекты (Martin, Krautzberger, 2010. S. 19).

Специфика работы органов защиты памятников не изменилась и во времена национал-социализма, изменилось само отношение Третьего рейха к памятникам культуры, хотя говорить о какой-либо характерной для национал-социализма доктрине тут неуместно: у национал-социалистов отсутствовало мнение насчет памятников как таковое (Martin, Krautzberger, 2010. S. 19), если, конечно, не считать ненависть к архитектуре историзма в целом, а также появление законов, схожих с такими, как «Об изъятии изделий дегенеративного искусства» от 31.05.1938 г. (Martin, Krautzberger, 2010. S. 19). Адольф Гитлер мало интересовался немецким реестром памятников, считая, что историю, и архитектурную в том числе, делает он сам (Martin, Krautzberger, 2010. S. 19–20).

Крайне недостаточные меры по защите немецких памятников от бомбежек после начала «тотальной войны» только еще раз подчеркивают равнодушие правительства Третьего рейха по отношению к своей материальной истории (Martin, Krautzberger, 2010. S. 19), а каким образом были добыты предметы искусства и истории, найденные позже в частных коллекциях отдельных функционеров, и каким образом формировался госархив, мы отлично знаем, и какого-либо отношения к правовым основам защиты исторического наследия и закону в широком его понимании этот факт не имеет. В самом начале становления Третьего рейха законы еще принимались, но о каких-то серьезных улучшениях правовых основ говорить не приходится. Законы принимались в Саксонии (от 13.01.1934 г.), Брауншвейге (от 17.09.1934 г.), Тюрингии (закон о раскопках от 23.10.1933 г.) (Martin, Krautzberger, 2010. S. 26). Некоторые земли улучшили свои строительные нормы и правила с оглядкой на охрану исторического наследия, а сам рейх вписал в некоторые новые законы аспекты защиты памятников (Martin, Krautzberger, 2010. S. 26).

Во время войны были выпущены различные предписания, нацеленные на защиту мобильных памятников истории, а на самом деле подготавливающие почву под хищение предметов искусства (Martin, Krautzberger, 2010. S. 26). Намного больший успех, нежели законы о защите памятников, имели законы об их уничтожении, как-то закон 1938 г., названный выше. Органы охраны памятников, а также движение за защиту родины потеряли во времена Третьего рейха практически всю свою государственную важность. К деятелям этих областей правительство не обращалось и к их идеям не прислушивалось, а если и прислушивалось,

то только из политических и оппортунистских соображений, или если эти идеи были основаны на национал-социалистической идеологии (Martin, Krautzberger, 2010. S. 20). Например, если определенные, направленные на защиту памятников действия могли обеспечить граждан работой или сохранение письменных преданий могло помочь в выдаче «справок о происхождении» и работе в таких нацистских областях «науки», как «клановедение» (Martin, Krautzberger, 2010. S. 20). С помощью раскопок древнегерманских памятников Генрих Гиммлер пытался найти «легальные» доказательства необходимости экспансии рейха на восток (Martin, Krautzberger, 2010. S. 20). Он же «перепрофилировал» несколько средневековых сакральных строений в места посвящения в ряды СС (Martin, Krautzberger, 2010. S. 20). Другими словами, случаи интереса национал-социалистического государства к памятникам истории и культуры были скорее исключением из общей атмосферы незаинтересованности в них.

Послевоенное время: правовые основы охраны исторического наследия ГДР и ФРГ

Разрушения Второй мировой войны были огромны, и деятели в области охраны памятников, надеясь на «реставрацию» духовных ценностей общества, были готовы спасать то, что еще можно было спасти (Martin, Krautzberger, 2010. S. 20). Их надежды оправдались лишь частично. Несмотря на крайне бедственное положение в первые послевоенные годы, благодаря содействию со стороны Швеции и Швейцарии, а также помощи военных представительств стран союзников были законсервированы и даже восстановлены многие памятники истории (Martin, Krautzberger, 2010. S. 20). С другой же стороны, в ходе реконструкции немецких городов, а также из-за отсутствия должного финансирования были разобраны многие памятники и фрагменты памятников, которые посчитали недостаточно значительными (Martin, Krautzberger, 2010. S. 20). Очень скоро волна реконструкций затронула уже не только пострадавшие во время войны части городов, а захлестнула и интактные районы, выстроенные либо в стиле историзма (как и прежде, ненавистного), либо просто запущенные и не отвечающие современным требованиям (Martin, Krautzberger, 2010. S. 20). Принято считать, что вызванная реконструкцией городов «вторая волна разрушения», вполне возможно, уничтожила на территории ГДР и ФРГ как минимум столько же, если не сказать больше, памятников, сколько было уничтожено военными действиями во время Второй мировой войны, хотя речь на этот раз идет и о «менее значимых» постройках (Martin, Krautzberger,

2010. S. 20–21). Бедствующая Германия была мало заинтересована в сохранении исторического наследия, в первую очередь нужно было решать первостепенные задачи и проблемы.

В ФРГ правовые основы защиты исторического наследия ограничивались немного измененными пунктами Веймарской конституции и не всегда выполнялись (Martin, Krautzberger, 2010. S. 26). Новые законы появились только в маленькой земле Южный Баден (от 12.07.1949 г.) и в Шлезвиге-Гольштейн (от 07.07.1958 г.) (Martin, Krautzberger, 2010. S. 26). Появившийся 6 августа 1955 г. федеральный закон ФРГ запрещал вывоз из страны культурных ценностей (Martin, Krautzberger, 2010. S. 26). Однако федеральный закон ФРГ о строительстве от 1960 г. почти игнорировал факт существования памятников (Martin, Krautzberger, 2010. S. 26). Осознание ценности исторического наследия вернулось в ФРГ только к началу 1970-х гг., после того как такие тенденции появились в Америке (Martin, Krautzberger, 2010. S. 21). Выпущенный американской организацией National Trust for Historic Preservation в 1966 г. том *With Heritage So Rich* послужил важным толчком в этой области (Martin, Krautzberger, 2010. S. 21). Отношение к памятникам кардинально поменялось: начала звучать острая критика в отношении послевоенных методов развития городов, когда в попытке создать в первую очередь бесперебойную инфраструктуру, совсем забыли про потребность людей в традиционной и национальной среде обитания (Martin, Krautzberger, 2010. S. 21). Очень знаковое в этом отношении решение мюнхенского административного суда от 06.05.1974 г., гласящее, что защита памятников – это в первую очередь не защита сооружения как такового, а защита психотопы (Martin, Krautzberger, 2010. S. 21). Учрежденный Европейским советом в 1975 г. «Европейский год архитектурного наследия» (в Германии «Европейский год защиты памятников») только еще более поддержал подобные настроения (Martin, Krautzberger, 2010. S. 21). Все выше перечисленное плюс многочисленные студенческие протесты в защиту памятников не могли не повлиять на политику ФРГ, и в период между 1971 и 1980 гг. во всех западных землях были приняты эффективные законы, направленные на защиту исторического наследия. Бюджеты земель в этой области были значительно повышены, федеральные законы переработаны с оглядкой на охрану исторического наследия, а многие запланированные под снос памятники были спасены многочисленными гражданскими инициативами (Martin, Krautzberger, 2010. S. 21, 26). С начала 1970-х гг. характерно распространение термина «памятник истории и

культуры» на доселе не охваченные предметы, как-то: предметы быта и произведения новой истории (Martin, Krautzberger, 2010. S. 21).

В ГДР вопрос охраны исторического наследия решался по-иному. С 1952 г. на территории ГДР начали появляться многочисленные и хорошо проработанные законы охраны исторического наследия (Martin, Krautzberger, 2010. S. 26). В какой-то мере это был политический шаг, попытка выгодно отличаться от ФРГ как высококультурное государство. 19 июня 1975 г., во время «Европейского года защиты памятников» был принят закон о защите памятников, который 3 июля 1980 г. был еще и дополнен законом о защите культурного наследия (Martin, Krautzberger, 2010. S. 26). Однако не особо радужное финансовое положение в стране и некоторые идеологические факторы не давали органам охраны исторического наследия работать так эффективно, как они могли бы (Martin, Krautzberger, 2010. S. 26). После развала ГДР во всех новых землях были приняты законы об охране исторического наследия, составленные по примеру западных земель (а иногда и превосходящие их), а в конституциях большинства земель появились пункты, нацеленные на защиту памятников (Martin, Krautzberger, 2010. S. 26–27). С этого момента начинается современная история правовых основ охраны исторического наследия ФРГ.

Действующие правовые основы охраны исторического наследия. Характерные особенности законодательства ФРГ: немецкий федерализм и земельное законодательство

Федеральное законодательство ФРГ практически не затрагивает вопрос охраны исторического наследия страны (Hubel, 2006. S. 310–311). Назвать можно, например, первый пункт сохранившегося со времен Первого рейха 304-го параграфа Уголовного кодекса ФРГ (§ 304 Abs. 1 StGB), предусматривающий наказание за нанесение материального ущерба памятникам культуры. На самом деле, государственная охрана исторического наследия конфликтует с закрепленным 14-й статьей конституции ФРГ (Art. 14 GG) правом на собственность, что потребовало правового регулирования этого конфликта с оглядкой на особенность государственного строя ФРГ (федерализм), что и было обозначено в первом пункте 14-й статьи. Этот раздел, ссылаясь на культурный суверенитет земель, закрепленный в 30-й статье Конституции ФРГ (Art. 30 GG), оставляет за землями право принимать относящиеся к защите памятников решения. Это привело к появлению 16 законов о защите памятников истории и культуры, по количеству федеральных земель. Вот перечень этих законов, появившихся (за редким исключением) или заново

сформулированных в промежутках между 1971 и 1978, 1991 и 1993, а также 2001 и 2004 гг. (Hubel, 2006. S. 309–310).

Федеральные земли и их охранные законы

Баден-Вюртемберг: Закон об охране памятников культуры (Gesetz zum Schutz der Kulturdenkmale).

Бавария: Закон об охране и уходе за памятниками (Gesetz zum Schutz und zur Pflege der Denkmäler).

Берлин: Закон об охране берлинских памятников (Gesetz zum Schutz von Denkmälern in Berlin).

Бранденбург: Закон об охране и уходе за памятниками в земле Бранденбург (Gesetz über den Schutz und die Pflege der Denkmale im Land Brandenburg).

Вольный ганзейский город Бремен: Закон об уходе и охране памятников культуры (Gesetz zur Pflege und zum Schutz der Kulturdenkmäler).

Гамбург: Закон об охране памятников (Denkmalschutzgesetz).

Гессен: Закон об охране памятников культуры (Gesetz zum Schutz der Kulturdenkmäler).

Мекленбург-Передняя Померания: Закон об охране памятников (Denkmalschutzgesetz).

Нижняя Саксония: Нижнесаксонский закон об охране памятников (Niedersächsisches Denkmalschutzgesetz).

Северный Рейн-Вестфалия: Закон об охране и уходе за памятниками в земле Северный Рейн-Вестфалия (Gesetz zum Schutz und zur Pflege der Denkmäler im Lande Nordrhein-Westfalen).

Рейнланд-Пфальц: Земельный закон об охране и уходе за памятниками культуры (Landesgesetz zum Schutz und zur Pflege der Kulturdenkmäler).

Саар: Саарский закон об охране памятников (Saarländisches Denkmalschutzgesetz).

Саксония: Закон об охране и уходе за памятниками культуры в свободном государстве Саксония (Gesetz zum Schutz und zur Pflege der Kulturdenkmale im Freistaat Sachsen).

Саксония-Анхальт: Закон об охране памятников в земле Саксония-Анхальт (Denkmalschutzgesetz des Landes Sachsen-Anhalt).

Шлезвиг-Гольштейн: Закон об охране памятников культуры в Шлезвиге-Гольштейн (Gesetz zum Schutz der Kulturdenkmale in Schleswig-Holstein).

Тюрингия: Тюрингский закон об уходе и защите памятников культуры (Thüringer Gesetz zur Pflege und zum Schutz der Kulturdenkmale).

Несмотря на то, что все законы имеют различия в названиях, на практике все их принято называть просто «Закон об охране памятников» (Denkmalschutzgesetz, сокр. DSchG) той или иной земли. Подробное описание каждого закона в отдельности потребовало бы неоправданно много времени, да и было бы ни к чему, ведь все 16 законов имеют примерно одинаковую

смысловую и идеологическую нагрузку. Поэтому здесь приведен сравнительный анализ правовых основ ФРГ, который даст общее представление о правовом положении в стране. Ключевые понятия в области охраны исторического наследия ФРГ – это, как уже было сказано в самом начале, «уход за памятниками» (нем. Denkmalpflege) и «охрана памятников» (нем. Denkmalschutz). Хорошее толкование обоих понятий дает тюрингский закон, который гласит, что охрана памятников – это «суверенно-правовая задача и ответственность, а уход за памятниками – это профессиональное консультирование и забота с целью выполнения норм охраны памятников» (Hubel, 2006. S. 310) (§ 1 Abs. 1 DSchG / Thuringen). Другими словами, «охрана памятников» – это комплекс правовых основ, а «уход за памятниками» – это выполнение этих основ на практике. Мы видим, что эти два понятия неразделимы и используются комплексно, дополняя друг друга в области охраны исторического наследия. Цели этого комплекса, как уже было сказано, не прописаны на уровне федерального законодательства, однако закреплены на уровне земельного или как минимум значатся в культурной программе земли (Hubel, 2006. S. 311).

Задача комплекса отлично описана в охранном законе вольного города Бремен: «Области охраны памятников и ухода за памятниками выполняют задачу по проведению научных исследований памятников культуры, по уходу за ними, по их защите и сохранению, а также вовлечению их в планы градостроения и землеустройства» (Hubel, 2006. S. 311) (§ 1 Abs. 1 DSchG / Bremen). Эта цель применима ко всем федеральным землям, а выполнение мер для достижения этой цели является во всех землях общественной задачей (Hubel, 2006. S. 310). В некоторых землях (Берлин, Бранденбург и Северный Рейн-Вестфалия) охрана памятников является даже частью норм охраны общественного правопорядка (Hubel, 2006. S. 311), хотя тут речь идет в первую очередь скорее о зеленых насаждениях, которые тоже иногда попадают под значение слова «памятник».

На самом деле, четкого и единого значения слова «памятник» в Германии как не существовало, так и не существует, и поиски его ведутся до сих пор (Hubel, 2006. S. 311–312). Не существует общепризнанной формулировки, описывающей критерии, ввиду которых предмет априори становится памятником (Hubel, 2006. S. 312). Не существует также и четко обозначенного смыслового различия между понятиями «памятник» и «памятник культуры», что отлично видно, если еще раз прочитать названия охраняемых законов всех земель. «Памятник» и «памятник куль-

туры» являются теми самыми неопределенными правовыми понятиями, нуждающимися в отдельной трактовке на уровне законодательства, что и происходит в каждой отдельно взятой земле, причем в каждой по-своему. Критерии, исходя из которых предмету присваивается статус памятника, разрабатываются широким кругом специалистов, имеющих по отношению к этому предмету определенное сформировавшееся мнение (Hubel, 2006. S. 312). Возможно, именно все вышеописанное и привело к некой неоднородности среди немецких земель принципа выбора предметов, на которые распространяются законы о защите памятников.

Земельное законодательство ФРГ различает две системы составления списков предметов, которые попадают под защиту закона об охране исторического наследия. Речь идет о так называемой конститутивной системе (konstitutives System) и «информационной системе» (nachrichtliches System, дословно «новостная система»). Согласно первой системе, решение о присвоении предмету статуса памятника закрепляет правовым актом ответственное за это решение учреждение, руководствуясь закрепленным законом об охране исторического наследия критериями отбора. В случае опасности уничтожения исторической постройки или археологического памятника, например, ввиду ведущегося строительства, памятник попадает под защиту закона, несмотря на то, был ли он уже рассмотрен ответственным учреждением или нет (Hubel, 2006. S. 316). Вторая система таких шагов не требует, все предметы, подходящие под принятые законом критерии, априори становятся памятниками и вносятся в списки, носящие информационный характер (Hubel, 2006. S. 315). Второй вариант, конечно же, реализуется намного легче, первая же система предоставляет владельцам намного более высокий уровень правовой определенности, что может, однако, привести и к аннулированию налоговых льгот, если объект был взят под охрану не надлежащим образом (Hubel, 2006. S. 315). Многие земли комбинируют эти две системы (Hubel, 2006. S. 315). Как мы видим, понятие «памятник» является далеко не однозначным термином. Однако, это не мешает ввиду своей очевидности разделять памятники на архитектурные, археологические и движимые, что и происходит во всех землях, кроме Баден-Вюртемберга (Hubel, 2006. S. 312).

Археологические памятники в немецком законодательстве носят название Bodendenkmaeler, что можно перевести как «памятники, скрытые в земле». Гессен, Гамбург, Шлезвиг-Гольштейн и Тюрингия не выделяют архитектурные памятники

в отдельный тип и различают только движимые и недвижимые памятники, выделяя отдельно памятники археологические, а баварские законы, наоборот, делают сильный акцент именно на памятниках архитектуры (Hubel, 2006. S. 312). Толкование понятия «архитектурный памятник» тесно связано с принятыми в той или иной земле строительными нормами и правилами, однако звучит всегда почти одинаково – сооружение, жестко связанное с грунтом и выстроенное из строительных материалов (Hubel, 2006. S. 312–313). Земли, в которых выделение архитектурных памятников в отдельный тип не принято (Баден-Вюртемберг, Гессен, Гамбург, Шлезвиг-Гольштейн и Тюрингия), используют вместо этого все те же вышеописанные понятия «памятник» и «памятник культуры» (Hubel, 2006. S. 313). Многие законы выделяют в отдельный тип памятника совокупности отдельных архитектурных памятников, называя такие комплексы ансамблями (Hubel, 2006. S. 314). Таким образом, отдельные архитектурные памятники могут быть частью уличных ансамблей, которые в свою очередь могут быть частью городских ансамблей (Hubel, 2006. S. 314), другими словами «памятниками внутри памятников».

Нередко под защиту законов попадают и непосредственные окрестности таких ансамблей, при этом их площадь выражается не в метрах, а согласно «радиусу воздействия» ансамбля, его «ауре» (Hubel, 2006. S. 314). Иногда местность вокруг памятника сама становится памятником или по крайней мере неотъемлемой его частью (Hubel, 2006. S. 314). С последним фактом тесно связан еще один тип памятника – понятие «зеленого памятника», используемое в немецком законодательстве крайне редко. Берлин считает зеленым памятником «зеленое насаждение, садово-парковый комплекс, кладбище, аллею или другой пример садового или ландшафтного оформления... К садовому памятнику относятся все элементы его оформления, если они создают вместе с ним единство, достойное понятия памятник» (Hubel, 2006. S. 313) (§ 2 Abs. 4 DSchG / Berlin). Целые ландшафты также могут иметь свойства памятника (Hubel, 2006. S. 313).

Другой тип памятника – движимые памятники – отлично описывается охранным законом Саксонии-Анхальта как «движимые культурные памятники и археологические находки, отдельные или в коллекциях, такие как инструменты, устройства, скарб, сосуды, оружие, украшения, части одежды и одежда, предметы культа, предметы искусства и художественного ремесла, монеты и медали, транспортные средства, машины и технические агрегаты,

части строений, части скелетов человека и животных, остатки растений и другие предметы наследия» (Hubel, 2006. S. 314) (§ 2 Abs. 2 Nr. 5 DSchG / Sachsen-Anhalt). Некоторые законы защищают не только все движимые памятники в отдельности, но и их комплексы, такие как архивы, коллекции и музеи (Hubel, 2006. S. 314). Интересно толкование и археологического памятника. Бавария объясняет понятие «археологический памятник» как движимый или недвижимый предмет, находящийся или находившийся под землей (Hubel, 2006. S. 313). Почти все земли, кроме Баден-Вюртемберга и Рейнланд-Пфальца, имеют отдельные правила для движимых и недвижимых археологических памятников (Hubel, 2006. S. 313). Для большого количества земель очень важно, чтобы археологические памятники были рукотворными (Бавария, в каком-то роде Саксония) или по крайней мере указывали на жизнедеятельность человека (Гамбург, Нижняя Саксония, Саксония-Анхальт). Однако есть и такие земли, где археологическими памятниками считаются и свидетельства животной и растительной жизни, а также палеонтологические памятники (Hubel, 2006. S. 313). Археологические памятники также могут являться комплексами отдельных находок или археологических ситуаций. К таким памятникам относятся, например, коллекции находок, добытых в контексте одних раскопок, или находящиеся *in situ* могильники (Hubel, 2006. S. 314–315). При этом немецкое земельное законодательство не подчеркивает связь между находками и местом их обнаружения. Археологические резерваты вводятся в первую очередь с целью защиты земель, в которых следует ожидать археологические находки, а не с целью защиты самих археологических находок (Hubel, 2006. S. 315). Конечно, одно вытекает из другого, но неразрывной связи между местом обнаружения и найденными на нем находками с точки зрения закона не существует, найденные коллекции и место обнаружения могут стать двумя совершенно разными памятниками. Наконец, стоит отметить, что памятником может быть объявлена только часть чего-то целого, например только фасад дома, а не весь дом (Hubel, 2006. S. 315). Также, неотъемлемой частью памятника могут быть признаны относящиеся к нему движимые или недвижимые детали (Hubel, 2006. S. 315) например, меблировка в случае, если речь идет о памятнике архитектуры.

Теперь, когда мы более или менее разобрались с самим предметом, попадающим под действие закона, пришло время выяснить, какие учреждения ответственны за соблюдение закона, и какими методами они пользуются. Органы охраны исторического наследия на территории земель делятся на два типа: Denkmalschutzbehoerde

и Denkmalfachbehoerde (Hubel, 2006. S. 316). Denkmalschutzbehoerde – это орган внутренней общей администрации, следящий непосредственно за выполнением закона (Hubel, 2006. S. 316). Этот орган может состоять (не всегда) из высшего, высокого и низших ведомств. Так, в земле Саксония-Анхальт роль высшей инстанции выполняет соответствующее министерство (выполняет надзор над высокой инстанцией), роль высокой инстанции выполняет земельное административное ведомство (выполняет надзор над низшими инстанциями), а роль низших инстанций выполняют города и коммуны (ведут всю фактическую работу по выполнению закона) (Hubel, 2006. S. 317) (§ 3 u. 4 [Abs. 2 u. 3] DSchG / Sachsen-Anhalt). Также за выполнением закона следят стройнадзор (редко) и органы охраны правопорядка (Hubel, 2006. S. 316).

Задачи законов об охране исторического наследия можно сформулировать следующим образом: выполнение закона предполагает утверждение норм и предписаний, уставов и административных распоряжений, а также соблюдение коммунами правовых норм планов застройки, правил оформления жизненного пространства, уставов обслуживания и санации (Hubel, 2006. S. 317). Памятники нельзя изменять, полностью или частично устранять или уничтожать, удалять с места расположения или хранения, ремонтировать или восстанавливать, а также изменять характер их использования, не имея на эти действия соответственного разрешения (Hubel, 2006. S. 318). Разрешения и утверждения являются главными инструментами выполнения охранных законов (Hubel, 2006. S. 325). За официальные действия, согласно законам об охране исторического наследия (например, получения нужной документации), деньги взимаются только в земле Баден-Вюртемберг, однако за выдачу налоговых справок оплату требуют практически все земли (Hubel, 2006. S. 318).

Denkmalfachbehoerde – это специальный орган, сконцентрировавший в себе все профессиональные знания предмета и соответствующих специалистов. Его сотрудники занимаются каталогизацией и исследованием памятников, проведением экспертиз и спасательных раскопок, консультацией и прочей профессиональной помощью в связанных с выполнением закона случаях (Hubel, 2006. S. 316). Некоторые земли имеют отдельные учреждения для архитектурных и археологических памятников (Hubel, 2006. S. 316), однако чаще это одно учреждение, которое обычно называется Landesamt fuer Denkmalpflege («Земельное ведомство по вопросам охраны памятников»). В случае, например, земли Саксония-Анхальт,

этот орган называется Landesamt fuer Denkmalpflege und Archaeologie (LDA) («Земельное ведомство по вопросам охраны памятников и археологии») и заведует, ко всему прочему, земельным археологическим музеем предыстории, а также собственной обширной библиотекой и достойным внимания археологическим архивом, в котором работает автор этой статьи (§ 5 Abs. 1 u. 2 DSchG / Sachsen-Anhalt). Отдельной инстанцией являются консультативные советы, предназначенные для профессионального консультирования ведомств всех уровней (Hubel, 2006. S. 317). От данной практики отказались только Мекленбург-Передняя Померания и Нижняя Саксония.

Интересным понятием, имеющим непосредственное отношение к описанным выше органам охраны исторического наследия, является термин Denkmalvertraeglichkeit, который по смыслу можно толковать как «совместимость тех или иных действий с характером памятника объекта исторического наследия». Другими словами, этим емким термином описывается необходимость того, чтобы те или иные действия по отношению к предмету наследия не уменьшали его историческую ценность, «характер памятника». Этим термином описывается, по сути, не что иное, как обязательная и первичная цель областей «охраны памятников» и «ухода за памятниками» сохранения исторической «субстанции» предметов наследия и их комплексов в случае различных вмешательств (Hubel, 2006. S. 319). Это понятие совершенно предсказуемо стало важной частью терминологии в органах защиты исторического наследия, несмотря на то что никогда не было дословно закреплено на уровне законодательства (Hubel, 2006. S. 319), однако законодательство имело в виду именно его. Хорошим примером применения идеи Denkmalvertraeglichkeit на практике являются следующие формулировки решений земель в отношении некоторых объектов: «...важные причины для сохранения прежнего состояния...» (Бавария, Мекленбург-Передняя Померания, Тюрингия), «...если идеи «охраны памятников» не будут препятствовать...», «...сократить вмешательство до необходимого минимума...» (Саксония-Анхальт) (Hubel, 2006. S. 319). Как уже видно из этих формулировок, понятие Denkmalvertraeglichkeit довольно абстрактно и обобщающе, и принятие решений зависит в первую очередь от отдельно взятой ситуации, а также состояния и типа памятника (Hubel, 2006. S. 319).

Конечно, в вопросе конкретизации помогают принятые на интернациональном уровне (Венецианская хартия, Лозанна, Вашингтон, Флоренция, Мальтийское соглашение и т. д.) и закрепленные в базовых документах (например, немецкого

национального комитета защиты памятников или рабочего сообщества «Альпы-Адриатика») основы и методы защиты исторического наследия (Hubel, 2006. S. 319–320). Все немецкие земли адресуют свои законы о сохранении исторического наследия собственникам в широком смысле этого слова. Это могут быть собственники и владельцы, распорядители, пользователи, наследные застройщики, временные владельцы, искатели и т. д. (Hubel, 2006. S. 320, 322) (далее «собственники»). К собственникам, «приемным детям» охраны исторического наследия, относятся как к обязанным и как к нуждающимся в контроле (Hubel, 2006. S. 320–321). К сожалению, понимание, что органы охраны исторического наследия должны не только надзирать, но и помогать собственникам в выполнении их нередко довольно жестких обязательств, пришло только совсем недавно (Hubel, 2006. S. 321). При этом речи о правах собственников не идет ни в одном законе об охране исторического наследия, только об их обязанностях (Hubel, 2006. S. 321). Закрепленное в конституции право на собственность, конечно, называется в законах об охране исторического наследия почти каждой земли, будучи при этом, однако, загнанным в рамки, определенные тем или иным охраняемым законом (Hubel, 2006. S. 321). Обязанности собственников, идентичные во всех охраняемых законах Германии, можно описать следующим образом: собственники, владельцы и иные распорядители культурных памятников обязуются посылно сохранять памятники согласно принятым нормам охраны, следить за их состоянием, проводить восстановительные работы и защищать их от угроз (Hubel, 2006. S. 322). Иными словами, в обязанности собственников входит определение, планирование и проведение восстановительных и сервисных работ, причем в соответствии с принятыми критериями сохранения исторической ценности, «характера памятника» (Hubel, 2006. S. 328).

Интересным является принцип «посильного участия». Под этим подразумевается проводимый органами охраны наследия комплексный анализ объективного положения дел, т. е. личного финансового и иного положения собственника и относящихся к делу личных мнений участников, все с оглядкой на закрепленное законом право на собственность и закон об охране и сохранении исторического наследия (Hubel, 2006. S. 322–323). Важную роль в этом играет финансовый вопрос. Как гласит закон земель Мекленбург-Передняя Померания и Тюрингия и в таком же ключе и других земель, «в случае вмешательства в культурный памятник все затраты на сохранение и

профессиональное восстановление памятника, а также на выемку и документирование несет инициатор вмешательства» (Hubel, 2006. S. 323). В случае археологических спасательных раскопок все затраты несет застройщик (Hubel, 2006. S. 323). Такой закон естественно приводит, особенно в случае частных лиц, к утаиванию найденных культурных слоев, хотя об этом и не принято говорить. Опять же не продумана возможность того, что частное лицо, не являющееся специалистом, может определить далеко не каждую археологическую ситуацию. Такой тип «оплаты» охранных операций считается нормой, однако некоторые земли затрагивают вопрос оплаты более детально, создавая селективные правила для определенных типов памятников и руководствуясь определенными факторами, влияющими на затраты (Hubel, 2006. S. 323), а также финансовым положением собственника. Руководствуясь этими правилами, органы государственной власти могут помогать собственникам, предоставляя им денежную помощь и налоговые льготы (Hubel, 2006. S. 328). Иногда возможны и компенсационные выплаты (Hubel, 2006. S. 328).

Автор статьи, благодаря опыту участия в спасательных раскопках, утверждает, что нужные для спасения археологических памятников суммы имеют далеко не все собственники, особенно если речь идет о частных лицах. Естественно, что меры по работе с памятниками других типов едва ли требуют меньших затрат. Хороший пример выплаты компенсации (опять же из личного опыта) – это денежная компенсация работникам сельского хозяйства, в случае если на их полях проводятся раскопки. В этом случае речь идет не о спасательных раскопках, а об исследовательских. В Германии известно достаточное количество археологических памятников, находящихся на пахотных землях. Компенсация в данном случае эквивалентна сумме, получаемой владельцем пашни при продаже урожая с занятой раскопками площади. Земля является для владельца не просто собственностью, но и жизненной основой, именно поэтому вопрос и решается таким образом. Денежная помощь может быть предоставлена в виде субсидии или, как, например, в Берлине и Северном Рейне-Вестфалии, в виде займа (Hubel, 2006. S. 328). Налоговые льготы часто предоставляются с целью содержания памятников на освободившиеся деньги (Hubel, 2006. S. 328). При этом характер охранных мер может быть конкретно предписан (Hubel, 2006. S. 328). Все относящиеся к памятникам истории меры (реставрация, санация, раскопки и т. д.) должны проводиться с обязательным извещением ответственных органов и с их разрешения, и со-

гласно нормам охраны исторического наследия (Hubel, 2006. S. 324–325). Еще одно обязательство собственников и по совместительству одна из главных проблем в вопросе охраны исторического наследия – это «обязательство использования» (нем. *Nutzungspflicht*) памятников, в данном случае речь идет о памятниках архитектуры (Hubel, 2006. S. 323). Проблемы, связанные с выполнением этого обязательства, становятся понятны, если прочитать соответствующую формулировку, взятую из текста закона. Например, баварского закона об охране исторического наследия: «1) Памятники архитектуры должны использоваться, насколько это возможно, в соответствии с изначальным предназначением постройки. 2) Если постройка используется не в соответствии с изначальным предназначением, то собственники или иные распорядители должны стремиться вернуть постройке изначальное или эквивалентное предназначение. 3) Если это невозможно, следует выбрать такое предназначение, которое обеспечит сохранность большей части оригинальной субстанции на длительный срок. 4) Если возможны несколько видов использования, следует выбрать тот, который будет наносить меньше вреда постройке и ее принадлежностям. 5) Земля, коммуны и остальные органы государственной власти должны поддерживать собственников и владельцев. 6) [...] собственники и иные распорядители могут быть обязаны выполнить меры по присвоению постройке определенного предназначения или допустить принятие этих мер» (Hubel, 2006. S. 323–324) (Art. 5 DSchG / Bayern). Для определенных построек, в особенности для промышленных памятников на территории действующих предприятий, очень трудно сохранить одновременно и историческую субстанцию, и историческое убранство корпусов, и изначальное предназначение. Очень часто главным фактором при принятии решений в таких спорных вопросах становится не историческая ценность постройки, а экономическая целесообразность идеи. В той же мере это применимо практически ко всем историческим постройкам в частном владении.

Некоторые законы содержат формулировки, запрещающие те или иные виды использования построек, которые могут пагубно повлиять на их состояние, а также нормы для определенных видов использования (Hubel, 2006. S. 326). При недостаточном качестве выполнения обязательств по сохранению памятника соответствующие органы могут обязать собственника к принятию нужных мер (Hubel, 2006. S. 325). «Названные лица (собственники. – Н. З.) могут быть обязаны частично или полностью принять меры по со-

хранению памятников [...] если меры будут приниматься не самими лицами, то они должны допустить принятие мер», – гласит баварский охранный закон (Hubel, 2006. S. 325–326) (Art. 4 Abs. 2 DSchG / Bayern). Здесь также действует принцип «посильного участия», в рамках которого оценивается, в какой мере собственник в состоянии участвовать в описанных мерах (Hubel, 2006. S. 326). В случае если ввиду несанкционированных действий памятнику был нанесен ущерб, земля имеет право прекратить работы, как это происходит в Баварии, Берлине, Мекленбурге-Передней Померании, Саксонии-Анхальте, а «нижние инстанции охраны исторического наследия могут заставить инициатора работ вернуть памятнику, насколько это возможно, первоначальное состояние» (Hubel, 2006. С. 326–327) (Art. 15 Abs. 3 DSchG / Bayern). Несанкционированные действия в отношении памятников – это серьезные преступные деяния. В 21-м параграфе охранного закона земли Саксония-Анхальт значится: «Тот, кто умышленно и без [...] соответствующего разрешения уничтожает памятник или большие его части, а также наносит вред историческому характеру памятника, наказывается лишением свободы на срок до двух лет или денежными штрафами» (Hubel, 2006. S. 327) (§ 21 Abs. 1 DSchG / Sachsen-Anhalt). Помимо этого, нарушением считается, если лицо не сообщает о своих относящихся к памятнику планах, уничтожает или разбирает памятник, изменяет структуру памятника, производит не временные изменения внешнего вида памятника, перемещает сам памятник или части его комплектации, проводит несанкционированные строительные работы вблизи памятника, не сообщает о находках или уничтожает их, занимается несанкционированной научной деятельностью или проводит опасные работы на территории археологического заповедника (Hubel, 2006. S. 327). Речь идет, естественно, о действиях, проводимых без соответствующего разрешения. Невыполнение собственниками их обязательств может привести и к конфискации памятника в пользу земли. Охранный закон Берлина содержит следующую формулировку: «Если существует угроза состоянию, характеру или облику памятника, которую невозможно устранить иными способами, то допустима конфискация памятника в пользу земли» (Hubel, 2006. S. 328) (§ 17 Abs. 1 DSchG / Berlin).

Обязанности, однако, есть не только у собственников и подрядчиков, но и у самих органов государственной власти. От них, естественно, ожидается образцовое выполнение всех мер по защите исторического наследия, в том числе планирование и составление с учетом интересов

охраны наследия планов застройки (Hubel, 2006. S. 321), и уже названная помощь собственникам в вопросе сохранения и ухода за памятниками. При этом у органов государственной власти есть преимущественное право на покупку памятников, выставленных на продажу (Hubel, 2006. S. 326).

Очень интересно работает законодательство в случае нахождения клада. В немецком Гражданском кодексе существует параграф 984, предусматривающий в случае нахождения клада, так называемый «Адрианский раздел», согласно которому клад поровну делится между нашедшим и владельцем земли (Hubel, 2006. S. 321) (§ 984 BGB). Однако существует еще и «вводный закон Гражданского кодекса», своего рода «инструкция к применению» Гражданского кодекса. 73-я статья вводного закона дает землям право не следовать 984-му параграфу Гражданского кодекса, а разработать свой вариант (Art. 73 EGBGB), что не замедлили сделать почти все земли, вспомнив средневековый закон, гласящий что «все сокровища, которые лежат в земле глубже, чем достает плуг, принадлежат королевской власти». Все земли, кроме Баварии, которая до сих пор предпочитает честность жадности, ввели регалию сокровищ (Schatzregal), согласно которой все клады априори принадлежат государству. Не нужно лишний раз говорить, что такая регалия отлично способствует развитию деятельности «черных археологов», действующих согласно выражению «только дурак может быть честным», и общественность не узнает о многих интереснейших находках. С другой стороны, именно черных археологов следовало бы поблагодарить за находку известного Небесного диска из Небры (сейчас экспонат в экспозиции Музея предыстории города Галле, подведомственного учреждения «Земельного ведомства по вопросам охраны памятников и археологии» земли Саксония-Анхальт), однако, если бы не слабо спланированные и многочисленные попытки его перепродажи, мы бы ничего не знали и о его существовании. Во многих землях регалия действует только на территории государственных археологических резерватов или во время проведения государственных раскопок, а также при нахождении предметов особой культурной ценности. Некоторые земли конфискуют все клады, но при этом выплачивают нашедшему денежную компенсацию. В случае официальных археологических раскопок все находки подлежат обязательной сдаче в ответственные органы (Hubel, 2006. S. 325).

Теперь, когда мы подошли к концу статьи, разберем некоторые особенности определенных земель. Первая особенность – это тип составления плана ох-

раны исторического наследия. В таких землях, как Бранденбург, Северный Рейн-Вестфалия и Тюрингия, составление плана является обязанностью коммун (согласно 28-й статье второй части конституции ФРГ) (Hubel, 2006. S. 329). Второй вариант – это составление такого плана самим собственником, как это происходит в Берлине (Hubel, 2006. S. 329). При продаже органом административной власти памятника он может быть обременен сервитутом согласно 1090-му параграфу Гражданского кодекса, как это было в земле Саар (Hubel, 2006. S. 329). Такие земли, как Гессен, Саар и Саксония, вносят ограничения на использование земель с археологическими памятниками непосредственно в земельный кадастр (Hubel, 2006. S. 330). Земли Северный Рейн-Вестфалия, Райнланд-Пфальц, Саар и Саксония принимают комплексные заблаговременные меры с целью защиты памятников от катастроф (Hubel, 2006. S. 330). Такие земли, как, например, Бранденбург, Мекленбург-Передняя Померания, Саксония-Анхальт и Саксония, ввели специальные обозначения для памятников и обязали собственников допустить их размещение (Hubel, 2006. S. 330). На этом комплексный анализ современных правовых основ охраны исторического наследия ФРГ, как и статью в целом, можно считать завершенным на уровне базовых основ. Идеальных законов нет, и немецкая правовая система не исключение. Многие ее аспекты подвергаются критике, но это уже материал для отдельной работы.

Источники и литература

- Dolf-Bonekaemper Gabriele, 1985. Die Entdeckung des Mittelalters. Studien zur Geschichte der Denkmalerfassung und des Denkmalschutzes in Hessen-Kassel bzw. Kurhessen im 18. und 19. Jahrhundert. Marburg.
- Hammer felix, 1995. Die geschichtliche Entwicklung des Denkmalrechts in Deutschland. Tuebingen.
- Huse Norbert, 2006. Denkmalpflege. Deutsche Texte aus drei Jahrhunderten. 3. Auflage. Muenchen.
- Hubel Archim, 2006. Denkmalpflege. Geschichte. Themen. Aufgaben. Eine Einfuehrung. Stuttgart.
- Kiesow Gottfried, 2000. Denkmalpflege in Deutschland. Eine Einfuehrung. Darmstadt.
- Martin Dieter J., Krautzberger Michael, 2010. Handbuch Denkmalschutz und Denkmalpflege. Muenchen.

*Использованные в работе сокращения
правовых актов ФРГ с расшифровкой и
пояснениями*

- Art. 14 GG. 14-я статья Конституции ФРГ (помимо прочего гарантия права собственности).
- Art. 30 GG. 30-я статья Конституции ФРГ (помимо прочего самостоятельность земель в вопросе способа выполнения поставленных Конституцией задач).
- § 984 BGB. 984-й параграф Гражданского кодекса ФРГ («Адрианский раздел» клада поровну между нашедшим и владельцем земли).
- Art. 73 EGBGB. 73-я статья вводного закона к Гражданскому кодексу ФРГ (дает землям право не следовать 984-му параграфу Гражданского кодекса и ввести на своей территории регалии).
- § 304 Abs. 1 StGB. Первый пункт 304-го параграфа Уголовного кодекса ФРГ (предусматривает наказание за нанесение материального ущерба памятникам культуры).
- § 1 Abs. 1 DSchG / Bremen. Первый пункт первого параграфа закона об охране памятников федерального (вольного ганзейского) города Бремен (описывает задачу областей охраны памятников и ухода за памятниками).
- § 2 Abs. 4 DSchG / Berlin. Четвертый пункт второго параграфа закона об охране памятников федерального города Берлин (толкование понятия «зеленый памятник»).
- § 17 Abs. 1 DSchG / Berlin. Первый пункт 17-го параграфа закона об охране памятников федерального города Берлин (описывает в каких случаях проводится конфискация памятника в пользу города).
- § 2 Abs. 2 Nr. 5 DSchG / Sachsen-Anhalt. Пятый номер второго пункта второго параграфа закона об охране памятников федеральной земли Саксония-Анхальт (толкование понятия «движимый памятник»).
- § 3 у. 4 (Abs. 2 у. 3) DSchG / Sachsen-Anhalt. Третий параграф, а также второй и третий пункты четвертого параграфа закона об охране памятников федеральной земли Саксония-Анхальт (организация и распределение задач между высшими, высокими, и низшими органами охраны памятников).
- § 5 Abs. 1 у. 2 DSchG / Sachsen-Anhalt. Первый и второй пункты пятого параграфа закона об охране памятников федеральной земли Саксония-Анхальт (задачи «Земельного ведомства по вопросам охраны памятников» земли Саксония-Анхальт).
- § 21 Abs. 1 DSchG / Sachsen-Anhalt. Первый пункт 21-го параграфа закона об охране памятников федеральной земли Саксония-Анхальт (предусматривает наказание за нанесение материального ущерба памятникам культуры).
- § 1 Abs. 1 DSchG / Thuringen. Первый пункт первого параграфа закона об охране памятников федеральной земли Тюрингия (описание задач областей «охраны памятников» и «ухода за памятниками»).
- Art. 5 DSchG / Bayern. Пятая статья закона об охране памятников федеральной земли Бавария (предписание к использованию памятников архитектуры).
- Art. 4 Abs. 2 DSchG / Bayern. Второй пункт четвертой статьи закона об охране памятников федеральной земли Бавария (описывает возможность привлечения собственника к проведению определенных мер по сохранению памятника).
- Art. 15 Abs. 3 DSchG / Bayern. Третий пункт 15-й статьи закона об охране памятников федеральной земли Бавария (описывает возможность привлечения инициатора несанкционированных работ к возвращению памятнику, насколько это возможно, первоначального вида).

Консервация коллекции предметов, найденных при обследовании памятников археологии Ленинградской области

К. В. Горлов, Н. С. Курганов

Введение

В 2016 г. в Лабораторию консервации и реставрации ИИМК РАН поступила коллекция предметов, обнаруженных в ходе работ по обследованию памятников археологии Ленинградской области¹. Археологами был собран значительный подъемный материал, представленный в том числе металлическими предметами, относящимися к разным историческим эпохам.

Консервация

Все предметы прошли многоэтапную обработку, включающую удаление загрязнений и раскрытие поверхности от продуктов коррозии, стабилизацию активных коррозионных процессов и консервацию защитными составами.

На первом этапе для артефактов из медных сплавов в случае наличия хрупкой или осыпающейся поверхности была использована промывка в дистиллированной воде для выведения водорастворимых солей и ионов Cl. В других случаях была использована ультразвуковая чистка в дистиллированной воде.

Предметы из железа раскрывались от продуктов коррозии механическим способом с помощью микроабразивных инструментов.

Затем вещи прошли обработку ингибитором коррозии (бензотриазол 1, 2, 3). Их поверхность была укреплена растворами акрилового полимера, употребляющегося для обработки объектов из металла (Paraloid B-72), и законсервирована микрокристаллическим воском (Cosmoloid B-72).

Применение указанных методов реставрации позволило сохранить подлинную археологическую патину.

В результате работы удалось раскрыть значимые технологические и декоративные особенности находок, повысить уровень их информативности.

Подробнее рассмотрим наиболее интересные предметы.

Реставрационной обработке подверглась коллекция монет. Нумизматический материал является важным хронологическим индикатором и традиционно используется исследователями для уточнения датировки памятников². До реставрационного вмешательства поверхность большинства монет несла коррозионные наслоения, затрудняющие атрибуцию денежных знаков (рис. 1).

Удаление рыхлых корок окислов позволило раскрыть рельефы, содержащиеся на денежных знаках, и провести их определение (рис. 2). Например, на поселении Ястребино была найдена русская монета из медного сплава номиналом полушка, отчеканенная в период царствования Екатерины II в 1771 г. Раскрытие на аверсе букв ЕМ позволило отнести выпуск денежного знака к Екатеринбургскому монетному двору. В ходе реставрации монеты удалось сохранить пленку патины, сформировавшейся в процессе использования предмета и его археологизации (Курганов, Горлов, 2013. С. 189–194).

Среди материала, имеющего высокую атрибутивную ценность, следует выделить коллекцию нательных крестов, представленных экземплярами периода Средневековья – Новейшего времени.

¹ Данной теме посвящена статья С. А. Семенова и Ст. А. Васильева в настоящем выпуске Бюллетеня.

² См., например, статью К. В. Горлова и Р. В. Филиппенко в настоящем выпуске Бюллетеня.

Рис. 1. Монета. Полушка. 1771 г. Медный сплав.
До реставрации

Рис. 2. Монета. Полушка. 1771 г. Медный сплав.
После реставрации

Наиболее ранним является крест из Тухова Вологовского района (рис. 3). Удаление коррозионных и почвенных наслоений позволило уточнить технику изготовления предмета и раскрыть на лицевой и оборотной сторонах эмали желтого и белого цвета (рис. 4). Бытование таких крестов в пределах исследуемой территории относят к XII в. (Седова, 1981. С. 52–54).

Рис. 2. Крест нагельный. Эмаль, медный сплав.
До реставрации

Рис. 3. Крест нагельный. Эмаль, медный сплав.
После реставрации

В ходе реставрации декор в виде эмалей был отмечен и на крестах XVII–XIX вв. На всех предметах эмаль находилась в нестабильном состоянии и осыпалась. В результате реставрации были произведены очистка от загрязнений и укрепление сохранившейся на поверхности эмали.

Среди предметов христианского культа следует выделить круглую иконку с утратами по краям. При обнаружении археологами предмет имел коррозионные наслоения, перемешанные с почвой (рис. 5). Окислы скрывали мелкие детали рельефов и не позволяли произвести прочтение круговых надписей. Реставрация иконки помогла определению сюжетов и легенд (рис. 6). Н одной из сторон иконки изображена ветхозаветная Святая Троица, на другой стороне – Распятие с предстоящими и круговая надпись по краю.

В группе средневековых предметов, имеющих значение в качестве хронологического индикатора, следует выделить фрагмент поясного кольца. На лицевой стороне литого изделия обнаружен растительный и геометрический орнамент (рис. 7). На основании хронологии новгородских древностей такие кольца относятся к середине X в. (Седова, 1981. С. 152).

В границах памятника Хотыницы Вологовского района была найдена обкладка ножен ножа (рис. 8). Удаление пленки окислов позволило обнаружить на поверхности предмета богатый декор, нанесенный в технике чеканки: двойной точечный бордюро по краям изделия. Внутри бордюра нанесен орнамент «волчий зуб» (рис. 9). Данная находка может рассматриваться как этнический маркер. Подобные

Рис. 5. Иконка. Медный сплав. До реставрации

Рис. 8. Обкладка ножен ножа. Медный сплав. До реставрации

Рис. 6. Иконка. Медный сплав. После реставрации

Рис. 9. Обкладка ножен ножа. Медный сплав. После реставрации

Рис. 7. Фрагмент поясного кольца. Медный сплав. После реставрации

предметы были широко распространены среди финно-угорского населения. Декор в виде «волчьего зуба» может выступать как самостоятельный датирующий признак, поскольку на территории Древней Руси он получил распространение в начале IX в. благодаря населению скандинавского происхождения. В Новгороде такой орнамент известен с 1055 по 1281 г. (Лесман, 2014. С. 48).

Помимо указанных предметов реставрации также подверглись коллекции свинцовых пуль, поясная гарнитура в виде пряжек (на одном из изделий отмечено декоративное покрытие с помощью лужения) и накладок, наборы пуговиц

и столовых приборов (на части предметов были обнаружены клейма, на основании которых уточнялась их атрибуция) и др.

Помимо увеличения информации о найденных предметах консервационная обработка позволила стабилизировать процессы их разрушения, сохранить древние изделия для их дальнейшего изучения.

Источники и литература

Курганов Н. С., Горлов К. В., 2013. Изучение монет как археологического материала в процессе реставрации (на примере материала раскопок по адресу: Санкт-Петербург, Смольный пр., 17) // Археологические вести. СПб. № 19.

Лесман Ю. М., 2014. Скандинавский компонент древнерусской культуры // Stratum plus. Кишинев. № 4.

Седова М. В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.

Характеристика нумизматической коллекции, обнаруженной при раскопках поселения «Усадьба Рассохватый I»

К. В. Горлов, Р. В. Филиппенко

В октябре–декабре 2015 г. Кантемировская археологическая экспедиция ИИМК РАН проводила раскопки объекта археологического наследия «Усадьба Рассохватый I», расположенного на границе Богучарского района Воронежской области и Чертковского района Ростовской области. Работы проводились с целью изучения и сохранения объектов археологического наследия в зоне строительных работ «Строительство железнодорожной линии Прохоровка – Журавка – Чертково – Батайск. 1-й этап. Двухпутная электрифицированная железная дорога на участке Журавка – Миллерово».

Объект археологического наследия «Усадьба Рассохватый I» выявлен в 2015 г. в процессе обследования землеотвода по проекту «Новая железнодорожная линия на направлении Журавка – Миллерово» А. А. Кулаковым. По итогам археологической разведки памятник был датирован XVIII в. Сведения о подобных исследованных памятниках в Воронежской и Ростовской областях отсутствуют.

В результате археологических раскопок на объекте археологического наследия «Усадьба Рассохватый I» был исследован культурный слой на площади 4904,39 кв. м. Стратиграфия раскопа представлена следующими слоями:

1. Современная дневная поверхность – пахотный слой толщиной 0,35–0,55 м, представленный сильно гумусированным суглинком от темно-коричневого до черного цвета. Нижняя граница слоя нечеткая.

2. Под пахотой залегал предматериковый слой толщиной 0,05–0,65 м, представленный плотным сильно гумусированным суглинком темного цвета с включением материковых суглинков темно-желтого и коричневого оттенков.

3. Материк – плотная супесь светло-коричневого цвета.

В слое пахоты встречался разнообразный археологический материал, датируемый преимущественно XVIII в. Находки концентрировались в центральной части раскопа в виде широкой полосы по направлению северо-запад – юго-восток. Здесь же в предматериковом слое обнаружены единичные находки. Большая часть археологических находок происходила из заполнения ям 1–3 (рис. 1).

В ходе работ открыто три археологических объекта, обнаружено 3208 предметов XVIII в., в составе которых 24 монеты, при этом в пахотном слое найдена 21 монета, а в заполнении ям 2 и 3 – четыре монеты (Приложение 1). Все монеты несут на себе следы длительного обращения. Экземпляры с признаками вторичного использования не зафиксированы. Оси лицевой и оборотной сторон монет совпадают, т. е. они имеют характерную для русской чеканки «медальную» ориентировку без заметных отклонений. Изучение монет показало, что все они относятся к мелким номиналам, отчеканенным из медного сплава в промежутке с 30-х по 80-е гг. XVIII в. на основании двух монетных стоп (рис. 2; 3).

К экземплярам, отчеканенным на основании 10-рублевой монетной стопы¹, принадлежат 14 денежных знаков номиналом «денга»² (1/2 копейки). На их аверсе изображен государственный герб в

¹ Учреждение 10-рублевой монетной стопы (т.е. выпуск 10 рублей из пуда меди) произошло в 1730 г. во время правления Анны Иоанновны (Уздеников, 1994. С. 96).

² С начала XVIII в. монета мелкого номинала из медного сплава. С 1847 по 1849 г. обозначалась как «денежка», а потом 1/2 копейки (Гладкий, 2006. С. 60).

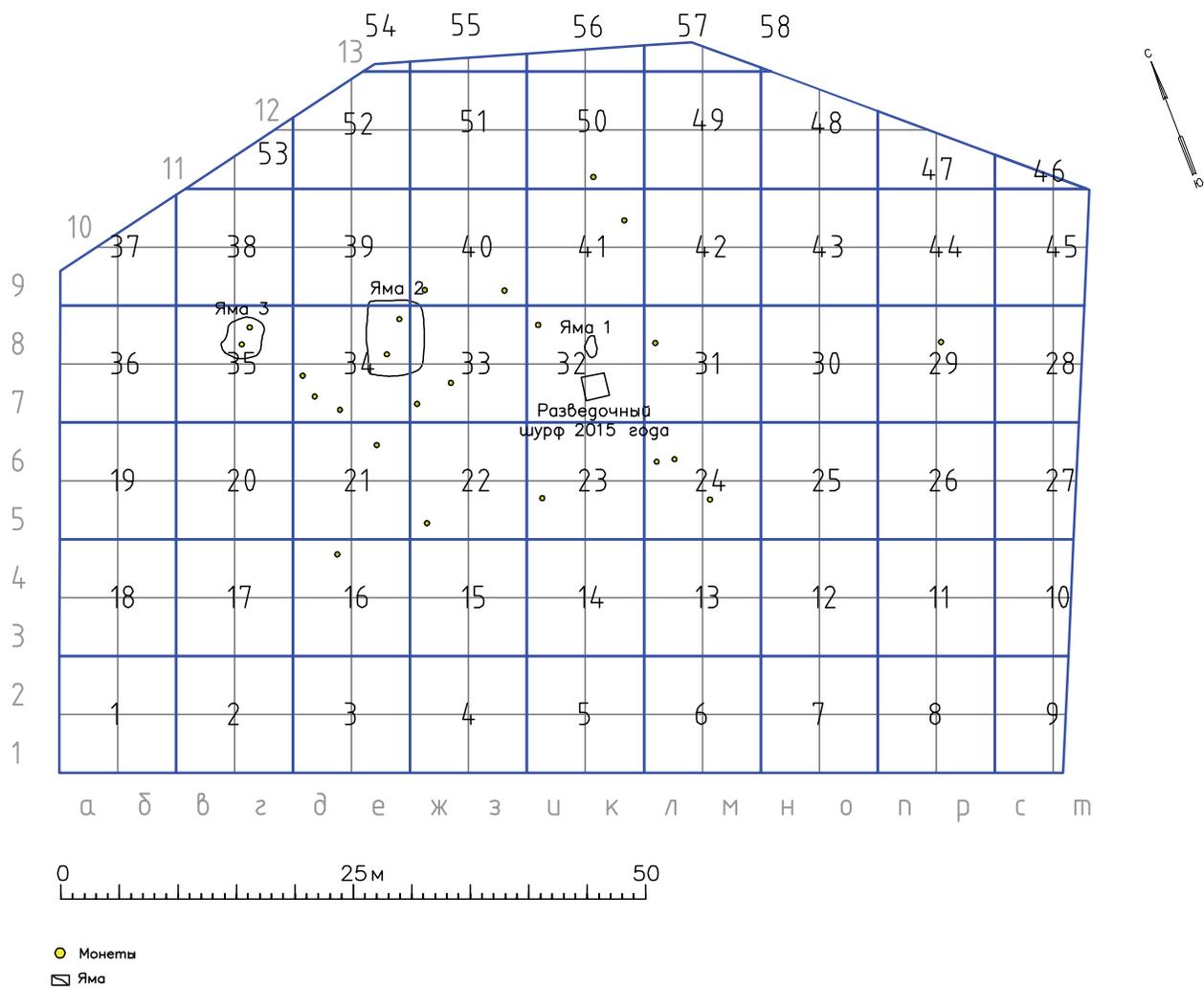

Рис. 1. «Усадьба Россоховатый I». Распространение монет в слое пахоты и в заполнении ям 2 и 3

виде двуглавого орла. На реверсе помещен овальный картуш, обрамленный барочной композицией из волют, ветвей и др., с информацией о номинале и дате чеканки. На гурт нанесен «сетчатый» рисунок.

Из четырех наиболее ранних монет три экземпляра отчеканены в Москве на Красном монетном дворе и один экземпляр на Плащильной мельнице на Яузе³. Г. С. Евдокимов полагает, что все монеты из медного сплава, битые с 1730 г. по конец 1734 г., перечеканены из более ранних монет. Исследователь аргументирует это тем, что «задельные деньги на изготовление гладких кружков были впервые определены только в 1734 г.» (Евдокимов, 2001. С. 276).

³ Распределение денежных знаков по монетным дворам осуществлено автором на основании работы Г. С. Евдокимова (2001. С. 276–308).

На наших монетах, изученных с помощью микроскопа, заметных следов перечеканки в виде остатков рельефов от прежних монет (части букв, вензелей и др.) зафиксировано не было. Узор гурта также соответствует установленному в 1730 г. Приплюснутость монетного кружка и увеличенный диаметр как косвенный признак перечеканки, вероятно, присутствует только на одной монете 1731 г. (Рассох-1-2015-270). Между тем следует отметить, что рассмотренные экземпляры имеют относительно плохую степень сохранности, и поэтому признаки перечеканки могли быть не замечены.

Монеты данной группы характеризует разнообразие мелких деталей рельефов аверса и реверса, а также асимметрия композиций. Причиной этого принято считать с несовершенную технику копирования при изготовлении штемпелей рез-

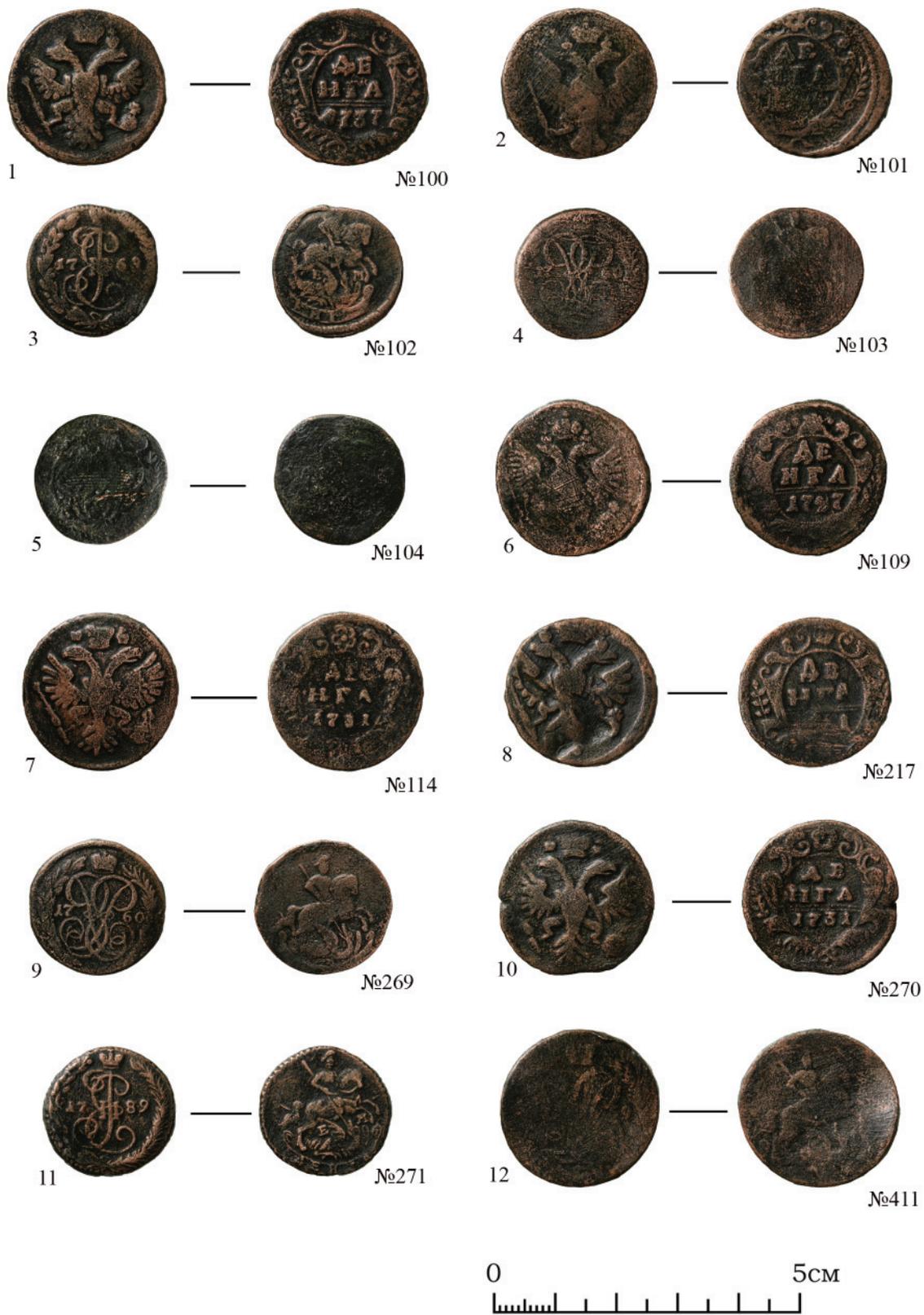

Рис. 2. «Усадьба Рассохватый I». Монеты 30-х – 80-х гг. XVIII в.

Рис. 3. «Усадьба Россоховатый I». Монеты 30-х – 80-х гг. XVIII в.

чиками. Такая «неаккуратность» мастеров на монетных дворах, характерная для первой половины 30-х гг. XVIII в., объясняется тем, что в то время дополнительной защитой монет от подделок выступала сама техника перечеканки денежных знаков. Перечеканка предполагала сохранение на новых монетах ряда рельефов старых, что чрезвычайно осложняло их подделку.

Младшую «денгу» Анны Иоановны 1737 г. (рис. 2: 1; Рассох-1-2015-100), отчеканенную на новом Екатеринбургском монетном дворе, характеризует уже более профессиональное изготовление штемпелей.

Следующая группа монет номиналом «денга», отчеканенная на основании 10-рублевой монетной стопы, относится к 40-м гг. XVIII в. и принадлежит к царствованию Ивана VI Антоновича (одна монета) и Елизаветы I Петровны (восемь монет). Монеты выпущены на Красном⁴ и Екатеринбургском⁵ монетных дворах. Принадлежность к определенному монетному двору установлена на основании особенностей рисунка аверса: для монет Красного двора характерен орел образца 1744 г., а для Екатеринбургского – 1738 г. Другие характерные признаки, помогающие атрибуции, можно заметить в особенностях изображения розеток реверса.

В целом эти монеты характеризуются единством оформления, по сравнению с монетами предыдущей группы. На части монет отмечено небольшое смещение штемпелей, что является нормой для монет мелкого номинала XVIII в. и может интерпретироваться как влияние человеческого фактора.

Особого внимания заслуживает денга, отчеканенная на Красном монетном дворе (рис. 2: 2; Рассох-1-2015-101). По причине плохой сохранности визуально установить точную дату чеканки не представляется возможным (не может быть точно прочитана третья цифра). Однако при изучении поверхности реверса под микроскопом удалось установить, что причина нечитаемости даты заключена не столько в действии коррозии, сколько в забитости (т. е. износе) штемпелей, которыми была отчеканена монета. Об этом свидетельствует и наличие только одной необычно толстой линии, разделяющей обозначение номинала и года. Деньги с одной чертой ни в 1734, ни в 1744 гг. в обращение

на поступали. Особенности конфигурации последней цифры года указывают на то, что она была перегравирована. Особенности образа орла и сохранившиеся мелкие детали барочных рельефов, рассмотренные при увеличении, позволяют отнести дату чеканки монеты к 1744 г.

Следующая группа монет связана с денежной реформой 1757 г., итогом которой стал переход к 16-рублевой монетной стопе (Уздеников, 1994. С. 98). Из рассмотренных нами монет к этой группе принадлежат следующие номиналы: денга (четыре экземпляра), копейка (три экземпляра), 2 копейки (один экземпляр). Все монеты имеют похожее оформление. На аверсе помещены вензель императрицы Елизаветы Петровны (переплетающиеся литеры «Е П» в зеркальном отражении) и дата чеканки. На реверсе изображен всадник, поражающий дракона, повернутый вправо, и легенда с указанием номинала – бандероль. Гурт на копейках «сетчатый», на денгах «рубчатый», что не является отклонением от нормы. Денежные знаки чеканились на Екатеринбургском, Санкт-Петербургском, Сестрорецком и Красном монетных дворах. Обозначение номинала указывалось только на «пятак», битом в Санкт-Петербурге (Адрианов, 2008. С. 70). В составе этих монет особо выделяются 2 копейки 1757 г., чеканенные на заготовке с двумя «выкусами».

Две младшие монеты (Рассох-1-2015-102; Рассох-1-2015-271) из состава коллекции представлены двумя деньгами Екатерины II, чеканенными в 1768 г. и 1789 г. на Екатеринбургском монетном дворе на основании 16-рублевой стопы, к которой императрица вернулась после 32-рублевой Петра III (Уздеников, 1994. С. 99). Денежные знаки оформлены по типу монет Елизаветы Петровны образца 1757 г., за исключением вензеля, представляющего теперь литеру «Е» и римскую цифру II, а также появления на всех монетах маркеров монетных дворов в виде литер.

Можно утверждать, что все рассмотренные монеты относятся к регулярному чекану мелких номиналов XVIII в. Редкие экземпляры в коллекции отсутствуют. Аналогичные денежные знаки, как правило, часто встречаются в культурном слое Нового времени. Несколько необычным представляется отсутствие монет номиналом «полушка» (1/4 копейки).

Монеты, найденные в ходе раскопок «Усадьбы Рассоховатый I», имеют важное значение для изучения хронологии монетной чеканки. Монеты мелких номиналов вследствие большей вероятности их

⁴ Здесь было отчеканено пять монет (Рассох-1-2015-101; Рассох-1-2015-109; Рассох-1-2015-567; Рассох-1-2015-568; Рассох-1-2015-438).

⁵ Здесь было отчеканено четыре монеты (Рассох-1-2015-217; Рассох-1-2015-533; Рассох-1-2015-436; Рассох-1-2015-571).

выпадения из обращения (например, потеря) служат более надежным хронологическим индикатором по сравнению с крупными монетами, битыми из серебра и золота. Однако состав кладов, кошельков⁶ и результаты сравнения дендродат с датировкой по нумизматическим материалам дают несколько иную картину (Лапшин, Тарабардина, 2014. С. 406, 407), согласно которой монеты, отчеканенные в начале 30-х гг. XVIII в., могли находиться в обращении до конца этого столетия, несмотря на изменение монетных стоп. Поэтому использование «нумизматической» хронологии в данном случае должно применяться с осторожностью.

Нижняя дата на основании нумизматического материала относится, скорее всего, к 30-м гг. XVIII в. Наиболее надежной датой комплекса можно считать 40-е – начало 60-х гг. XVIII в. Отсутствие монет Петра III объясняется их непродолжительной чеканкой и относительной редкостью. Наличие только двух монет Екатерины II с интервалом в 21 год, по времени значительно не совпадающих с основной серией монет, скорее всего, указывает на изменения в пределах исследованного комплекса в третьей и четвертой четвертях XVIII в.⁷ Уверенно можно утверждать, что к концу XVIII в. комплекс прекращает свое существование, на что указывает отсутствие монет мелких номиналов Павла I, которые чеканились в большом количестве.

Таким образом, на основании хронологии по нумизматическим материалам можно предложить две даты бытования объекта археологического наследия «Усадьба Рассохватый I»: широкую с 1730-х по 1780-е гг. и узкую с 1740-х по начало 1760-х гг.

Источники и литература

- Адрианов Я. В., 2008. Медные монеты Российской империи 1700–1917 годов. Каталог. Пермь.
- Гладкий В. Д., 2006. Словарь нумизмата. М.
- Евдокимов Г. С., 2001. Деньги и полушки 1730–1754 гг. выпуск. Распределение денег и полшек по монетным дворам // Нумизматика на рубеже веков. Нумизматический сборник. Часть XV. М. (Труды ГИМ. Вып. 125).
- Лапшин В. А., Тарабардина О. А., 2014. Соотношение дендродат построек и дат чеканки монет из их заполнения на материалах раскопа в квартале между Тульской ул. и Смольным пр. (2012 г.) // Бюллетень ИИМК РАН. СПб. № 4.
- Уздеников В. В., 1994. Монеты России XVIII – начала XX века. Очерки по нумизматике. М.

⁶ Автору известна находка кошелька с 17 монетами из медного сплава, старшие из которых относятся к 30-м, а младшие – к 70-м гг. XVIII в.

⁷ Это могло быть связано с прекращением жизни на памятнике (в таком случае выпадение монет не отождествляется с его жителями) или с его перепланировкой, к примеру перестройкой или распашкой, которые могли привести к сокрытию монет.

Приложение 1

Каталог монет с поселения «Усадьба «Рассоховатый–1 (определение К. В. Горлова)

№	Шифр	Определение	Описание	№ на рисунке
1	Рассох-1-2015-435	Государство: Россия Правитель: Анна Иоанновна Номинал: Денга Дата чеканки: 1730 г. М/д.: Красный (Москва) Гурт: сетчатый Металл: медный сплав	Аверс: орел, боковые перья хвоста в три ряда Реверс: между обозначением номинала и датой две черты Соотношение сторон: медальное, без отклонений Особенности: нет	Рис. 3, № 435
2	Рассох-1-2015-270	Государство: Россия Правитель: Анна Иоанновна Номинал: Денга Дата чеканки: 1731 г. М/д.: Красный (Москва) Гурт: сетчатый Металл: медный сплав	Аверс: орел, боковые перья хвоста в три ряда Реверс: между обозначением номинала и датой две черты Соотношение сторон: медальное, без отклонений Особенности: небольшой «выкус», перечеканка (?)	Рис. 2, № 270
3	Рассох-1-2015-114	Государство: Россия Правитель: Анна Иоанновна Номинал: Денга Дата чеканки: 1731 г. М/д.: Красный (Москва) Гурт: сетчатый Металл: медный сплав	Аверс: орел «особого образца»; боковые перья хвоста в три ряда Реверс: между обозначением номинала и датой одна (?) черта Соотношение сторон: медальное, без отклонений Особенности: нет	Рис. 2, № 114
4	Рассох-1-2015-437	Государство: Россия Правитель: Анна Иоанновна Номинал: Денга Дата чеканки: 1735 г. М/д.: Плотицкая мельница (Москва) Гурт: сетчатый Металл: медный сплав	Аверс: орел, боковые перья хвоста в три ряда Реверс: между обозначением номинала и датой две черты Соотношение сторон: медальное, без отклонений Особенности: чекан на заготовке с «выкусом»	Рис. 3, № 437
5	Рассох-1-2015-100	Государство: Россия Правитель: Анна Иоанновна Номинал: Денга Дата чеканки: 1737 г. М/д.: Екатеринбургский (Екатеринбург) Гурт: сетчатый Металл: медный сплав	Аверс: орел образца 1736 г.; 5 лепестков в розетке Реверс: между обозначением номинала и датой две черты Соотношение сторон: медальное, без отклонений Особенности: нет	Рис. 2, № 100
6	Рассох-1-2015-217	Государство: Россия Правитель: Елизавета Петровна Номинал: Денга Дата чеканки: 1741 г. М/д.: Екатеринбургский (Екатеринбург) Гурт: сетчатый Металл: медный сплав	Аверс: орел, боковые перья хвоста в три ряда Реверс: между обозначением номинала и датой две черты Соотношение сторон: медальное, без отклонений Особенности: нет	Рис. 2, № 217

№	Шифр	Определение	Описание	№ на рисунке
7	Рассох-1-2015-101	Государство: Россия Правитель: Елизавета Петровна Номинал: Денга Дата чеканки: 1744 г. М/д.: Красный (Москва) Гурт: сетчатый Металл: медный сплав	Аверс: орел образца 1744 г. Реверс: между обозначением номинала и даты две черты Соотношение сторон: медальное, без отклонений Особенности: забитость (слияние двух разделительных черт в одну) и перегравировка штемпеля реверса (последняя цифра даты чеканки); смещение штемпеля	Рис. 2, № 101
8	Рассох-1-2015-109	Государство: Россия Правитель: Елизавета Петровна Номинал: Денга Дата чеканки: 1747 г. М/д.: Красный (Москва) Гурт: сетчатый Металл: медный сплав	Аверс: орел образца 1744 г. Реверс: между обозначением номинала и даты две черты, переходящие в одну Соотношение сторон: медальное, без отклонений Особенности: нет	Рис. 2, № 109
9	Рассох-1-2015-567	Государство: Россия Правитель: Елизавета Петровна Номинал: Денга Дата чеканки: 1747 г. М/д.: Красный (Москва) Гурт: сетчатый Металл: медный сплав	Аверс: орел образца 1744 г. Реверс: между обозначением номинала и даты две черты Соотношение сторон: медальное, без отклонений Особенности: нет	Рис. 3, № 567
10	Рассох-1-2015-533	Государство: Россия Правитель: Елизавета Петровна Номинал: Денга Дата чеканки: 1748 г. М/д.: Екатеринбургский (Екатеринбург) Гурт: сетчатый Металл: медный сплав	Аверс: орел образца 1748 г. Реверс: между обозначением номинала и даты две черты Соотношение сторон: медальное, без отклонений Особенности: нет	Рис. 3, № 533
11	Рассох-1-2015-436	Государство: Россия Правитель: Елизавета Петровна Номинал: Денга Дата чеканки: 1749 г. М/д.: Екатеринбургский (Екатеринбург) Гурт: сетчатый Металл: медный сплав	Аверс: орел образца 1748 г. Реверс: между обозначением номинала и даты две черты Соотношение сторон: медальное, без отклонений Особенности: нет	Рис. 3, № 436
12	Рассох-1-2015-568	Государство: Россия Правитель: Елизавета Петровна Номинал: Денга Дата чеканки: 1749 г. М/д.: Красный (Москва) Гурт: сетчатый Металл: медный сплав	Аверс: орел образца 1744 г. Реверс: между обозначением номинала и даты одна (?) черта Соотношение сторон: медальное, без отклонений Особенности: нет	Рис. 3, № 568

№	Шифр	Определение	Описание	№ на рисунке
13	Рассох-1-2015-438	Государство: Россия Правитель: Елизавета Петровна Номинал: Денга Дата чеканки: 1749 г. М/д.: Красный (Москва) Гурт: сетчатый Металл: медный сплав	Аверс: орел образца 1744 г. Реверс: между обозначением номинала и даты две черты Соотношение сторон: медальное, без отклонений Особенности: небольшое смещение штемпеля	Рис. 3, № 438
14	Рассох-1-2015-571	Государство: Россия Правитель: Елизавета Петровна Номинал: Денга Дата чеканки: 1749 г. М/д.: Екатеринбургский (Екатеринбург) Гурт: сетчатый Металл: медный сплав	Аверс: орел образца 1748 г. Реверс: между обозначением номинала и даты две черты Соотношение сторон: медальное, без отклонений Особенности: нет	Рис. 3, № 571
15	Рассох-1-2015-566	Государство: Россия Правитель: Елизавета Петровна Номинал: Две копейки Дата чеканки: 1757 г. М/д.: ? Гурт: сетчатый Металл: медный сплав	Аверс: вензель Елизаветы Петровны (литеры «Е П» в зеркальном отражении) Реверс: ориентированный вправо всадник, поражающий дракона; бандероль Соотношение сторон: медальное, без отклонений Особенности: два «выкуса» на монетном кружке	Рис. 3, № 566
16	Рассох-1-2015-411	Государство: Россия Правитель: Елизавета Петровна Номинал: Копейка Дата чеканки: 1759 г. М/д.: ? Гурт: сетчатый Металл: медный сплав	Аверс: вензель Елизаветы Петровны (литеры «Е П» в зеркальном отражении) Реверс: ориентированный вправо всадник, поражающий дракона; бандероль Соотношение сторон: медальное, без отклонений Особенности: нет	Рис. 2, № 411
17	Рассох-1-2015-104	Государство: Россия Правитель: Елизавета Петровна Номинал: Денга Дата чеканки: 1759 г. М/д.: ? Гурт: рубчатый Металл: медный сплав	Аверс: вензель Елизаветы Петровны (литеры «Е П» в зеркальном отражении) Реверс: ориентированный вправо всадник, поражающий дракона; бандероль Соотношение сторон: медальное, без отклонений Особенности: нет	Рис. 2, № 104
18	Рассох-1-2015-585	Государство: Россия Правитель: Елизавета Петровна Номинал: Денга Дата чеканки: 1759 г. М/д.: ? Гурт: рубчатый Металл: медный сплав	Аверс: вензель Елизаветы Петровны (литеры «Е П» в зеркальном отражении) Реверс: ориентированный вправо всадник, поражающий дракона; бандероль Соотношение сторон: медальное, без отклонений Особенности: нет	Рис. 3, № 585

№	Шифр	Определение	Описание	№ на рисунке
19	Рассох-1-2015-584	Государство: Россия Правитель: Елизавета Петровна Номинал: Копейка Дата чеканки: 1760 г. М/д: ? Гурт: сетчатый Металл: медный сплав	Аверс: вензель Елизаветы Петровны (литеры «Е П» в зеркальном отражении) Реверс: ориентированный вправо всадник, поражающий дракона; бандероль Соотношение сторон: медальное, без отклонений Особенности: нет	Рис. 3, № 584
20	Рассох-1-2015-505	Государство: Россия Правитель: Елизавета Петровна Номинал: Копейка Дата чеканки: 1760 г. М/д: ? Гурт: сетчатый Металл: медный сплав	Аверс: вензель Елизаветы Петровны (литеры «Е П» в зеркальном отражении) Реверс: ориентированный вправо всадник, поражающий дракона; бандероль Соотношение сторон: медальное, без отклонений Особенности: нет	Рис. 3, № 505
21	Рассох-1-2015-103	Государство: Россия Правитель: Елизавета Петровна Номинал: Денга Дата чеканки: 1760 г. М/д: ? Гурт: рубчатый Металл: медный сплав	Аверс: вензель Елизаветы Петровны (литеры «Е П» в зеркальном отражении) Реверс: ориентированный вправо всадник, поражающий дракона; бандероль Соотношение сторон: медальное, без отклонений Особенности: нет	Рис. 2, № 103
22	Рассох-1-2015-269	Государство: Россия Правитель: Елизавета Петровна Номинал: Денга Дата чеканки: 1760 г. М/д: ? Гурт: рубчатый Металл: медный сплав	Аверс: вензель Елизаветы Петровны (литеры «Е П» в зеркальном отражении) Реверс: ориентированный вправо всадник, поражающий дракона; бандероль Соотношение сторон: медальное, без отклонений Особенности: нет	Рис. 2, № 269
23	Рассох-1-2015-102	Государство: Россия Правитель: Екатерина II Номинал: Денга Дата чеканки: 1768 г. М/д: Екатеринбургский (Екатеринбург) Гурт: рубчатый Металл: медный сплав	Аверс: вензель Екатерины II (литера «Е» и римская цифра «II») Реверс: ориентированный вправо всадник, поражающий дракона; обозначение монетного двора; бандероль Соотношение сторон: медальное, без отклонений Особенности: нет	Рис. 2, № 102
24	Рассох-1-2015-271	Государство: Россия Правитель: Екатерина II Номинал: Денга Дата чеканки: 1789 г. М/д: Екатеринбургский (Екатеринбург) Гурт: рубчатый Металл: медный сплав	Аверс: вензель Екатерины II (литера «Е» и римская цифра «II») Реверс: ориентированный вправо всадник, поражающий дракона; обозначение монетного двора; бандероль Соотношение сторон: медальное, без отклонений Особенности: нет	Рис. 2, № 271

Кожевенные мастерские в средневековой России

А. В. Курбатов

Введение

Изучение русского средневекового кожевенного ремесла в силу обилия источников требующих, самостоятельного анализа, распадается на много частных вопросов. Один из них связан с организацией ремесла в средневековом городе и с вопросом размещения кожевенных мастерских в черте города. При этом обобщенное понятие «кожевенная мастерская», часто фигурирующее в научных работах, надо рассматривать как два разных вида производственных участков: 1) мастерскую по обработке кожевенного сырья и выделке кож и 2) мастерскую по пошиву кожаных изделий.

Анализируя различные источники по размещению кожевенных мастерских в русских средневековых городах, историки XX в. сделали много интересных наблюдений и выводов. В частности, некоторые специалисты в середине столетия приводили аргументы в пользу существования цехов, такие как компактное расположение мастерских одной специальности и разделение труда в ремесле. Но такие взгляды основаны только на общеисторических концепциях развития русских земель и не учитывают: 1) региональную специфику, 2) технические особенности, 3) возможности организации ремесленного производства. Сегодня сложились условия для детального рассмотрения письменных, археологических и изобразительных источников. При этом следует выделять мастерские, где выделялись кожи, и мастерские, в которых из кожи шили разнообразные изделия. Важность выделения вопроса о размещении мастерских обоснована накопившимися противоречиями в общеисторических оценках уровня развития кожевенного ремесла в средневековой Руси, основанного в том числе и на топографии городских мастерских.

Мастерские по письменным источникам

Источники по этому вопросу относятся преимущественно к XVI–XVII вв. и единичны для более

раннего времени. В них мы находим сведения, говорящие о вынесении мест кожевенной выделки за пределы плотной городской застройки в особые поселки – слободы на окраинах городов. Примеры вынесения «грязных» производств в обособленные слободы, в том числе кожевенного и гончарного (Древнерусское градостроительство, 1993. С. 272), дают города Москва, Псков, Новгород, Тверь, Муром, Суздаль, Тихвинский посад, Ярославль, Нижний Новгород, Казань, Калуга, Вологда, Свияжск (Список с писцовой и межевой книги г. Свияжска, 1909), а также известные данные для крупных монастырей. Так, в переписной книге Александро-Свирского монастыря отмечено: «[1660] Подле озера ж келья кожевенная с чуланы, а в ней делают кожи» (Словарь русского языка, 1980. С. 112).

В то же время археологи, исследовавшие русские средневековые города, например М. Г. Рабинович (1964. С. 102), были склонны считать существование именно кожевенных мастерских, наряду с сапожными, в зонах плотной городской застройки средневековых русских городов обычным явлением. Неверность такого взгляда подтверждают документы по многим русским городам.

Псков. Двор кожевника упоминается в связи с пожаром 1450 г.: «А загорелось от Кутняго костра, от Боркове лавичны, от Хитре от кожевника» (Лабутина, 1985. С. 129–130). Показательно, что двор кожевника стоит у берега реки и, вероятно, в незастроенном месте. Кутный костер – это Бурковский костер в углу стены 1375 г., над р. Великой. Рядом с ним находилась Буркова лавица, где и стоял двор Хитра(и) кожевника. Лавица здесь означает улицу, переулочек или замощенный жердями переход через топкое место.

Другой пример относится к середине XVII в. Сергей Иванович Поганкин приобрел в 1655 г.

кожевенный двор на Вершаниной Ниве в Завеличье, на окраине города. По записи 1656 г. он же купил «подле его же, Сергеева кожевного двора, порозжего места», т. е. еще какое-то количество земли (Евлентьев, 1870. С. 44–45). Косвенно о таком положении свидетельствует и запись Иоганна Вундерера о том, что «каждого дела ремесленники живут особо, а те, что... употребляют огонь, размещены отдельно от других в длинный ряд» (Кирпичников, 1995. С. 221). Выделка кож известна по документам XVI–XVII вв. и на Полонище, ближе к реке Пскове (Проскурякова, 1959. С. 32). В Псковской писцовой книге 1587 г. читаем: «Варница кожевная на островку Богоявления господня изъ Бродовъ, оброку полтина» (Словарь русского языка, 1980. С. 220–221). Видимо, здесь находился район «Кожевники», упоминаемый в переписных книгах 80-х гг. XVI в. (Масленникова, 1955. С. 140–141; Псков и его пригороды, 1913. С. 11, 18–19, 21).

Следует отметить, что переписные книги 1585–1587 гг. Морозова и Дровнина описывают состояние города после Ливонской войны и осады Пскова в 1581 г., которая полностью разорила псковское ремесло. Поэтому в данных книгах отмечена только одна кожевенная «варница». Надо полагать, что ранее здесь было много мастерских по выделке кож, что дало название району (Спегальский, 1962. С. 112). М. Н. Тихомиров отмечает незаселенные участки в городе, занятые лугами и нивами. В писцовых книгах 1585–1587 гг., например, названа Кожевная нива (Тихомиров, 1962. С. 336).

Москва. В середине XVI в. район концентрации кожевников лежал «вниз возле реки Москву», т. е. был вынесен на окраину города. В писцовой книге 1598 г. записано: «Вверхъ по р. Москве къ Лужецкому монастырю по берегу слободка кожевничья 9 дв[оров]» (Словарь русского языка, 1980. С. 220). Центр кожевенного ремесла в XVII в. – это Кожевническая черная слобода, включавшая 51 двор в 1632 г. и 74 двора в 1653 г. Ее патрональным храмом была церковь Святой Троицы в Кожевниках. Наличие особых кожевенных слобод – полусотен в Москве – отмечено и в других записях (ПСРЛ, 1904. С. 152; Звягинцев, 1969. С. 109–126; Словарь русского языка, 1982. С. 115; 1990. С. 254). Описывая Москву XIV–XV вв. М. Н. Тихомиров отмечал, что позднее кожевенное производство было сосредоточено «далеко за городом в районе современных кожевнических набережных («в кожевниках»), раньше же, несомненно, располагалось где-то ближе, но также за городом. Возможным районом кожевенного производства в Москве были «Сыромятники», лежавшие в излучине Язвы...»

(Тихомиров, 1957. С. 80). М. Н. Тихомиров писал: «Многие слободы носили старинные названия, показывающие ремесленную специальность их жителей: Гончарная, Кожевники, Бронная и пр.». Показательно, что близ Красной площади до 1626 г. располагались Сапожный, Красный и Скобяной ряды (Тихомиров, 1962. С. 73, 88). Мастерские, называемые в документах, приурочены к различным ориентирам. Так, в переписной книге Москвы читаем: «[1670] Отъ Смоленскихъ же воротъ избушки, где мастерские люди сидять – чеботные мастера и портные мастера» (Словарь русского языка, 1979. С. 103).

Проживая в Москве в 1517 и 1526 г. С. Герберштейн видел: «Кроме того, в конце города к нему примыкают растянувшиеся длинным рядом дома кузнецов и других ремесленников, пользующихся огнем, между которыми находятся поля и луга» (Герберштейн, 1988. С. 132). Вероятно, так же выделялись и кожевенные слободы, о чем сохранились записи: «[1677] На стене, что во рву, противъ кожемяцкой слободы»; «[1560] Загореса за Яузой... и дворы кожевниковы и гончары погореша» (Словарь русского языка, 1980. С. 220–221). «[1673] Въ Беломъ городе... и на Косе лавочные, и прилавочные, и анбарные и кожевные места... и погребы и всякие оброки изоброчить вновь». В другом месте эта фраза записана иначе: «Въ Беломъ городе, и за городомъ... кожевные места... и погребы и всякие оброки изоброчить вновь» (Словарь русского языка, 1980. С. 115). Имеются и записи, показывающие наличие в московских кожевенных и скорнячных мастерских отопительных печей: «[1613] (Печи) делали одну въ казенной полате, а другую въ скорняшной избе» (Словарь русского языка, 1979. С. 93). «[1613] Все куплено в скорнячную избу на лавки и на окна и на двери и на мость и к палакери» (Словарь русского языка, 1988. С. 131).

Тверь. Кожевая слобода отмечена на Затымацком посаде, на берегу Волги, выше по течению от основной застройки: «От тех дворов и от пустых мест по дороге ж по берегу реки Волги до Кожевой слободы и до церкви Михаила Архангела посадской земли животинной выгон... да по конец Кожевой слободы – кладбища пусто, что бывала церковь Воскресение Христово да Козмы и Доминана» (Книга писцовая и межевая, 1685. С. 234).

Торжок. По писцовой книге 1625 г. в Торжке на Климентовском конце (рис. 1) жили преимущественно кожевники и деревообработчики (Курбатов, 2003. С. 148 и сл.; Писцовая книга Торжка и посада, 1865. С. 33, 57–59; Малыгин, 1990. С. 44).

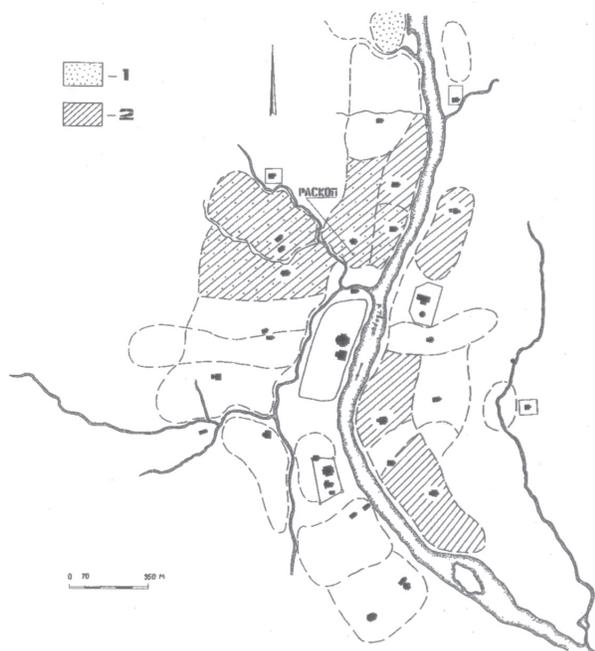

Рис. 1. Зоны ремесленной деятельности в г. Торжке по Писцовой книге 1625 г.: 1 – кожевенное производство; 2 – деревообрабатывающее производство; 3 – церкви (Курбатов, 2003. Рис. 1)

Известно, что торжковские кожевники вели обширную торговлю в Новгороде, Москве и других городах, а также часто переселялись в другие места. В приходно-расходной книге Волоколамского монастыря читаем: «[1588] Кожевнику Никону новоторжцу дано на кор(б)е 10 алтнь, да... на кожи дана полтина» (Словарь русского языка, 1980. С. 355). Часто новоторы сбывали свой товар и в Новгороде: «Явил новоторжец Федот Коловешкин на две телегах сто кож, шестнадцать окоромков, цена двадцать пять рублей» (Таможенные книги Великого Новгорода, 1996. С. 89).

Новгород. В начале XV в. за недавно сооруженным городским валом образуется новый приход, отмеченный постройкой в 1406 г. церкви Петра и Павла в Кожевниках. Новгородская первая летопись сообщала, что «поставлена быша три церкви» и в том числе «святныи Петр и Павел в Неревском конци». Новгородская третья летопись добавляет: «поставиша церковь камену святых апостол Петра и Павла на Панской улицы, за болшим валом, на Софийской стороне» (Гусев, 1916. С. 138; ПСРЛ, 1965. С. 149). В XVI в. эту местность называли Кожевники, судя по записям в Новгородской второй летописи и топографии Новгорода на иконе «Видение пономаря Тарасия» из Хутынского

монастыря, на которой показан берег Волхова у Зверина монастыря, стадо мелкого скота и человек, несущий на спине содранную шкуру. Отмеченная в летописи постройка храма без указания донаторов может означать, что он был построен жителями Неревского конца, среди которых были и кожевники. В сентябре 1545 г. «выгорел весь конец Кожевницкий», т. е. часть Неревского конца за деревянным городом, прилегающая к берегу Волхова (Сорокатый, 2003. С. 267–268). На плане Новгорода Э. Пальмквиста район Кожевники назван местом, где устроена «большая мастерская юфти» (рис. 2).

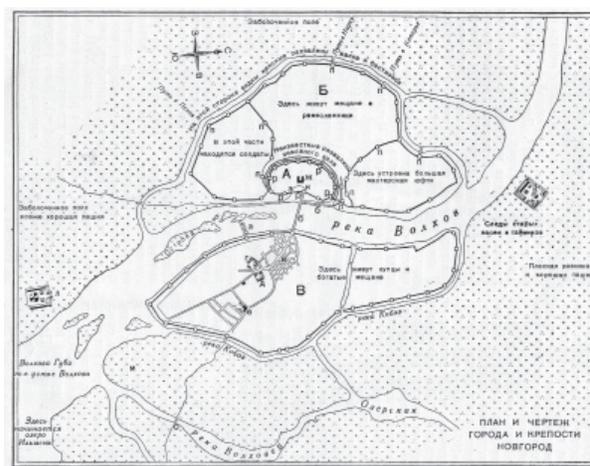

Рис. 2. План Новгорода 1673–1674 гг. Э. Пальмквиста (Монгайт, 1952. Рис. 11)

Согласно результатам археологических раскопок и указаниям писцовых книг историки отмечают преобладание дворов кожевников на улицах Великой, Лазаревской (23 кожевника), Глотовской, Савиной (25 кожевников), Дослана (23 кожевника), Корельской, Вороньей и Водяной (38 кожевников), Чедерской (57 кожевников), Никольской (37 кожевников) и других. В книге Леонтия Аксакова и Мещерского указано, что из 341 кожевника в Кожевниках проживало 243, или 71,5% (Пронштейн, 1951. С. 169–171). Отмечена и связь концентрации дворов кожевников и сапожников с патрональными церквями Бориса и Глеба.

На северной оконечности Неревского конца на Даньславле улице в XVI в. насчитывалось более 100 дворов. На северной ее стороне располагались в основном усадьбы ремесленников-кожевников, рабочие инструменты которых обнаружены в постройках XV–XVI вв. Однако археологические

раскопки 2011 г. в районе древней улицы на площади 750 кв. м не дали определенных свидетельств наличия здесь дворов кожевников (Евтеев, Олейников, 2015. С. 136 и сл.).

Показателен и состав тяглого населения Славковой и Коржевой улиц на Торговой стороне по писцовым и лавочным книгам 80-х гг. XVI в. Вблизи Федоровского ручья большинство ремесленников занимались выделкой кож, а также пошивом обуви и других кожаных изделий. На Славковой улице жили и работали калитники, ременники, уздники, торочечники. Концентрацию здесь кожевников мастеров Г. Е. Дубровин склонен распространять и на более раннее время, учитывая традиционность ремесленных мастерских, выявленных на Федоровском раскопе. В одной из усадеб сапожные мастерские существовали непрерывно более 200 лет – со второй половины XI в. до 90-х гг. XIII в. (Дубровин, 2001. С. 154–156).

На окраине городской застройки концентрировались и кузнецы, деятельность которых была пожароопасной. Но сапожники располагались отдельно, преимущественно в Славенском конце. Такую высокую концентрацию ремесленников по специальностям нельзя прямо связывать с высокой организацией ремесла, как это делает А. П. Пронштейн, но очевидно, что кожевенное и сапожное ремесла уже разделились. Вторым местом сосредоточения кожевников был район Запольской улицы на Торговой стороне, который также находился на окраине. В 1549 г. ее жители были пожалованы царем и получили «полянку неписменную, за городом, надо рвом, на Спасской дороге, на правой стороне, что им та полянка была в споре с Богданком с Каргашиным (Пронштейн, 1951. С. 175).

А. П. Пронштейн устанавливает связь концентрации дворов кожевников и сапожников с патрональными церквями Бориса и Глеба. Другой формой организации ремесла в Новгороде Пронштейн называет торговые ряды. В конце XV в. ряды упоминаются в новгородских летописях непрерывно. В 1508 г. великий князь Василий Иванович, прислав в Новгород своего боярина Бобра, «велел ему урядити в Новгороде торги и ряды и улицы разметити по московскы» (Пронштейн, 1951. С. 175). Но и в рядах лавки разных специалистов идут попеременно, хотя определенное сосредоточение их в одноименных рядах отчетливо прослеживается. Во главе ряда стоял выборный староста. У этого ряда уже имеются признаки организации, как то: сторожа рядов, общая сумма денег за лавки, собираемая «с

ряда», общая забота о благоустройстве главной в торге церкви Параскевы Пятницы, определенные судебные функции (разборы жалоб и др.). Но эта организованность по рядам показывает связь только в области торговли, а не производства.

М. Н. Тихомиров критически писал о подсчетах А. П. Пронштейном числа ремесленников, хотя и не умалял их значения. «Выдающимся промыслом Великого Новгорода была обработка кожи в различных ее видах. Под общим названием кожевников в писцовой книге Софийской стороны указано 292 человека. Эта большая цифра ярко характеризует Новгород как крупный кожевенный центр. Развитие кожевенного производства было тесно связано с приготовлением из кожи различного рода изделий для домашнего обихода, для конских и военных уборов и т.д. Одних сапожников по писцовой книге Софийской стороны насчитывалось 245 – цифра очень высокая, равная населению небольшого города XVI в. Кожевенное дело дробилось на множество специальностей. В писцовых и лавочных книгах названы седельники, сумочники, торочечники (тороки – ремешки позади седла) и пр.» (Тихомиров, 1962. С. 306, 307). На новгородском торге из 40 отмеченных рядов названы два кожевных, ветошный, овчинный, ременный, четыре сапожных, скорнячный, сумочный, сыромятный, тимовный. Последний М. Н. Тихомиров считал ладанным, от названия растения тмин (Тихомиров, 1962. С. 306, 307).

И. Ю. Анкудинов (2007. С. 65) опубликовал некоторые архивные документы XVII в., свидетельствующие о существовании кожевенных мастерских в ближних окрестностях города, на новгородском Рюриковом Городище. Так, копия книга конца XVII в. церкви апостола Филиппа на Нутной улице содержит перечисление дворов на Городище: «Место пустое старые ж пустоты Ивашка скорняка да Онашки сапожника; поперег 26, в длину 30 сажен». Принадлежность дается по писцовым книгам Александра Чоглокова и дьяка Добрыни Семенова 1623 г. По мнению исследователя, терминология этой писцовой книги свидетельствует, что эти места были уже описаны как «пустые» в приправочных книгах, которыми пользовался А. Чоглоков. Поскольку приправочными для него служили книги 1606/1607 гг. Василия Овцына и подъячего Андрея Горохова, то запустение этих мест следует относить к более раннему времени (Анкудинов, 2007. С. 65).

В 1654 г. гость Семен Стоянов строит там двор «для кожевницкого и мыловарного промыслу», который в 1656 г., после смерти С. Стоянова, был

передан Иверскому монастырю и сохранялся за ним вплоть до середины XVIII в. В одном из документов отмечено, что С. Стоянову выделены места бывших дворов, хозяевами которых кроме других были «Ивашка скорняк да Онашка сапожник». В «сказке» стряпчего Иверского монастыря от 12 октября 1667 г. приведено перечисление построек, отошедших монастырю после смерти С. Стоянова: «А на дворе хоромы ево, Семена Стоянова, на подклете, ветхи, да погреб с напюгребником деревянной. А кожевных хором – две избы на подклетех кожевные да меж их сеней; и те кожевные хоромы перенесены на двор к тем Семеновским хоромам...» (Анкудинов, 2007. Прил. № 3, 5–10).

Калуга. В работах историков город назван центром кожевного ремесла только для XVII–XVIII вв. Для XVI в. Калуга вместе с Тверью считается известным центром изготовления деревянной посуды, которой она снабжала многие регионы России. Этот вывод построен на замечании С. Герберштейна (1988. С. 40), что в начале XVI в. в районе Калуги делали «искусно вырезанные деревянные кубки и другие вещи из дерева», вывозимые в Москву, Литву и «другие окрестные страны». Хотя в целом, Калуга XVI в. была одним из крупнейших в России ремесленных центров. По подсчетам П. П. Смирнова, до интервенции начала XVII в. в городе было 723 посадских и бобыльских двора (Герберштейн, 1988. С. 140; Бахрушин, 1952. С. 153).

Писцовые книги конца XVI в. показывают, что занятием большей части посадских людей была выделка кож и пошив кожаных изделий, преимущественно обуви. Так, строельная книга Калужского посада 1590-х гг. дает полный список дворов и их владельцев с перечислением занятий большинства жителей. По нашим подсчетам, на 1000 посадских хозяев в Калуге было 95 кожевников, 201 сапожник, семь рукавичников, пять седельников, два сумочника, восемь сыромятников, 15 овчинников, три скорняка, семь мешинников, два гладильщика и по одному – прасолы кожевной и подошевной, шаровник, ирошник и дуботолк. Там же названы 73 посадских человека без профессии и 128 торговых людей. Сапожники указаны в трех специализациях: сапожник, сапожный мастер и сапожник швей. Очевидна концентрация кожевников, сыромятников и ирошников на одних улицах, а концентрация торговых людей на других. Кроме мужчин кожевным делом самостоятельно занимались две женщины – сапожница и кожевница.

Кожевенную продукцию мастера сбывали в самом городе и в центральных уездах России,

что отражают таможенные записи: «[1624] Явил колуженин Иван Пакин на четырех возах соли да на тех же возах десет белужек да пят юхтеи баранов» (Города России XVI в., 2002. С. 221–252; Словарь обиходного русского языка, 2004. С. 79–80). Особая слобода кожевников отмечена в документе: «[1691] А вместа поруки заложили мы заимщики в тех денгах ему Семену двор свой в Калуге на посаде в Кожевной слободе в приходе церкви Рожества Христова... в соседстве з двором Ивана Фомина сына Чащина» (Словарь русского языка, 2002. С. 189).

Суздаль. В XVI–XVII вв. Кожевническая слобода занимала участки по обе стороны речки Каменки (Каменицы), между главной торговой площадью и Андреевским монастырем. Документ 1620 г. описывает конфликт кожевников – посадских людей и суздальского архиепископа, владевшего рыбными ловами на речке Каменице, в которой кожевники постоянно мочили кожи. «И пришедь, Государь, въ кожевни, учали кожи изъ реки волочити и грабити» (Борисов, 1863. С. 2–3). Из этого и других документов следует, что кожевни стояли на самом берегу реки (Градостроительство, 1994. С. 271).

Как заметил А. П. Смирнов (1947. С. 260–261), пример Суздаля в отношении кожевников показывает, что речь идет о многовековой борьбе посадских жителей с «беломестцами». Еще в XV в. происходили столкновения горожан-суздальцев с властями Спасо-Ефимьевского монастыря, возникшего около 1360 г. Спор шел из-за речки Каменицы, протекающей в городе под монастырем. Монастырь считал речку своей, а городские люди «без доклада» ловили в ней рыбу. По челобитью архимандрита Евфимия с братией в 1482–1484 гг. великий князь Иван Васильевич их пожаловал: «велел им те воды монастырские заповедати з дву рублев, чтобы у них тех их вод без доклада не ловили». А уличенные в ловле рыбы «через заповедь и без доклада» горожане должны были уплатить штраф в 2 рубля. Грамота архимандриту Константину была подтверждена Великим князем Василием III 6 декабря 1531 г.

Между тем, лишившись возможности ловли рыбы, посадские жители не желали отказаться от речки, с которой был связан их кожевенный промысел. Замачивая в ней кожи, посадские люди портили монастырские промыслы, чем вызывали гнев монастырских властей. Последние, не находя опоры в своих грамотах, выступали против посада с боем и грабежом. Так произошло в 1630 г., когда архиепископом суздальским и торусским был энергичный Иосиф Курцевич, бывший ранее

епископом волынским. Воспользовавшись тем, что посадские люди поехали в Москву бить челом государю «о своей бедности и насильстве и грабеже на того архиепископа Иосифа», последний 19 июня 1630 г. в первом часу ночи послал своих детей боярских со многими дворовыми людьми на реку в кожевни, чтобы разорить их. Воевода не пожелал ссориться с архиепископом и отказался отписать о произошедшем в Москву (Смирнов, 1947. С. 260–261). Согласно писцовой книге Суздаля 1617 г., там было 16 сапожников, имелось 12 лавок, в которых торговали сапогами, и работало только три кожевника (Афанасьев, 1963. С. 10).

Тихвинский посад. К. Н. Сербина отмечала (Сербина, 1951. С. 163), что в XVII в. «зловонная кожевенная изба» на берегу реки всегда была нежилой, и тихвинские кожевники обычно имели по два двора: один для жилья, а другой для выделки кож. Во второй половине столетия все места, отводимые под кожевенные избы, находились подальше от жилых дворов, на берегу реки Тихвины. Оборудование избы состояло из больших и малых тшанов, квашни, ушатов и ушатцев, жерновов, ступки и дуботолка, стругов и различных ножей. Кожевенное сырье мастера получали в большинстве случаев от заказчиков. Остальные материалы, например кору для дубления, закупали сами. Они возили золу четвертями, а лыки ивовые и дубовые – возами от местных крестьян, а сандал, ворвань и сало – от торговых людей в посаде. В 1637 г. два воза ивовых лык и две четверти золы стоили 5 рублей, а четыре гривенки сандала в 1662 г. ценились в 2 рубля (Сербина, 1951. С. 163).

Ранее И. Г. Ильинский (1876. С. 243–244), анализируя городское население Новгородской земли в XVI в., приводил материалы писцовых книг по Обонежской пятине. В Тихвинском посаде в 1582–1583 гг. был монастырь с 36 кельями и за монастырем один двор конюшенный и один двор гостиный. В Тихвинском посаде две церкви и восемь дворов церковных, и 31 двор монастырских слуг. Также были дворы торговых людей (торговали хлебом, солью, калачами и пр.), всего 53 двора; дворы мастеровых людей – портных и сапожников – всего 22 двора; бобыльских дворов 31; лавки и амбары торговых людей – 50 лавок (Ильинский, 1876. С. 243–244).

Муром. Член персидского посольства 1599–1600 гг. Дон-Хуан, проезжая через «большой и многолюдный» г. Муром, записал суеверие, касавшееся главного промысла в городе – дубления бычьих кож, которым занимались в 1001 доме. «В каждом доме есть колодец, куда мастер кла-

дет тысяча одну кожу, и когда их вынимают по окончании дубления, то тысяча одна кожа, принадлежащая кому-либо одному, оказываются сопревшими» (Дон-Хуан Персидский, 1899. С. 11). Косвенно этот рассказ обосновывает просьбу посла одного из среднеазиатских правителей о разрешении купить в 1589 г. именно в Муроме 200 юфтей кож мостовых (Материалы по истории, 1933. С. 102). Иван Лепехин подробно описал выделку кож в Муроме в 1768 г., называя последовательные стадии – размачивание, золение, какшевание и дубление, проводимые в «колодцах», и промывку кож на реке. Очевидно, что все технологические стадии выделки проходили у реки и, видимо, вдали от жилой застройки (Лепехин, 1795. С. 39–43).

Можайск. Писцовые книги 1595 г. показывают, что кожевенным ремеслом было занято 63 человека из 143 ремесленников (т. е. 43 %). Среди специалистов названы 13 кожевников, два сырейщика, сыромятник, шесть гладильщиков, зольник, шаровник, два подошвенника, а также 33 сапожника, башмачный мастер и три рукавичника. Также в книгах отмечены профессии умерших или ушедших домовладельцев. Из 58 упомянутых ремесленников 20 человек работали с кожей, среди них 10 сапожников, подошвенник и мошеник. Они обслуживали город и региональный рынок. На берегу Москвы-реки находилась Кожевничья слобода из 18 дворов, где наряду с другими посадскими людьми проживали шесть кожевников, три гладильщика, подошвенник и сырейщик. Рядом с этой слободой, у устья речки Можай жили гладильщик и кожевник и на берегу Москвы-реки еще один кожевник. В других частях города также были дворы сапожников, кожевников, сыромятника, сушильщика, опочника и рукавичников. По очень неполным данным, при нашествии на Можайск интервентов в 1612–1613 гг. в пожаре сгорели 15 дворов работников по коже (Бахрушин, 1952. С. 80–81).

М. Н. Тихомиров (1962. С. 126–128) также считал, что «основой специальностью можайских ремесленников было изготовление кожаных изделий. Среди черных людей отмечены 24 сапожника, 13 кожевников, три овчинника, два рукавишника, два подошвенника, два скорняка, два сырейщика, сыромятник и башмачник. Общее же число ремесленников таких специальностей в Можайске доходило до 33. В целом, по подсчетам Чечулина, в Можайске занимались кожевенным и сапожным делом свыше 60 человек». В монастырских слободах, жители которых платили налоги государству, также были кожевники. В городе отмечены 14 торговых рядов, среди которых были пушной,

сапожный, подошевный, овчинный, седельный (Тихомиров, 1962. С. 126–128).

Устюг Великий. Кожевенные дворы отмечены в писцовой книге на 1683 г.: «Двор ставитца ново кожевенной Демида Кожевникова» (Словарь промысловой лексики, 2003. С. 151–152).

Ярославль в XVII в. был крупнейшим после Москвы торгово-ремесленным центром России, где выделывали кожи и шили обувь, славившиеся на всю страну (Бахрушин, 1952. С. 78). Уже в середине XVI в. С. Ченслер называл кожи на первом месте среди вывозимых из Ярославля товаров (Английские путешественники, 1937. С. 56). По данным Перечневой книги 1630 г. и других документов, только среди 746 посадских людей – закладчиков – было 140 специалистов по обработке кож, в том числе 53 кожевника, 18 овчинников, 39 строгальщиков, девять сырещиков, восемь сыромятников, 11 дуботолков, гладильщик и подошевник. Пошивом обуви занимались еще 68 человек (Тальман, 1946. С. 127–129, табл. 2). На 1668 г. в Ярославле значились 73 кожевника, три гладильщика, 48 строгальщиков и четыре красильника (Данилова, 1957. Табл. 4). Большинство кожевников жили в крупной слободе Толчково, за рекой Которосль, на низинном берегу. Там и стояли их заводы, видимо, не выходившие за рамки небольшой ремесленной мастерской.

Ярославские кожевники вели обширную внутреннюю торговлю. Например, К. В. Базилевич отметил, что в середине XVII в. среди ярославских товаров на рынке Устюга Великого преобладали выделанные кожи и обувь, а сами ярославцы закупали в Устюге в основном сырые кожи. В росписи Московской Большой таможни за 1666/1667 гг. были названы товары, отправленные через Москву в Ярославль, Вологду и Архангельск. В Ярославль тогда ушло 1824 сырые кожи. Кожи поступали в Ярославль из многих городов, даже Нижнего Новгорода, хотя там были свои кожевенные заводы (Бахрушин, 1952. С. 78; Устюгов, 1950. С. 189–190).

Витебск. Кожевенная слобода в XVII в., вероятно, занимала западную часть Заручавья, которая могла начать застраиваться уже в древнерусское время. По списку церковей 1618 г. здесь значится «Кожемятская» церковь, на месте которой в XIX в. стояла Воскресенская церковь. В это время отмечены улицы Кожевенная и Резницкая. До пожара 1872 г. участок населяли кожевники, а из 14 кожевенных заведений города 12 стояли на Кожевенной набережной (Алексеев, 2006. С. 131, рис. 34).

Белоозеро. Отводная память 1581 г. на имущество крупного купца г. Белоозеро в пользу Кирилло-Белозерского монастыря отмечает наличие в доме его сыновей большого кожевенного чана, кожевенной дубовой ступы с подом и пестом, и 10 пудов мела овчинного (Барашкова, 1975. С. 121).

В *Казани* развитое кожевенное дело, по переписным книгам 1646 г., отмечено в слободах и на посаде, где указаны без территориального деления мастера и хозяева дворов – 47 кожевников, 31 строгальщик, 24 сыромятника, три дуботолка, три красильника и лапотник, а также меховщики (Материалы по истории Татарской АССР, 1932. Табл. 13).

Арзамас в XVII в. стал одним из центров кожевенного ремесла, где также развивались скорнячество и торговля. Арзамасские юфти стали широко известны на внутреннем и внешнем рынках. Ремесленники, в том числе кожевники, селились в основном на нижнем посаде, ближе к воде (Градостроительство, 1994. С. 198).

Коломна. Источники XVII в. отмечают слободу Кожевники близ Москва-реки в посаде (Мазуров, 2001. С. 259). М. Н. Тихомиров писал о 215 осадных дворах в кремле, где в мирное время жили дворники, занимавшиеся ремеслом и торговлей. Названы портные мастера, сапожники, колпачники, овчинник, шубник и пр. Владычная слобода по жалованной грамоте 1538 г. выдана епископу Васьяну. В 11 дворах владычных слободок жили ремесленники, в том числе подошевник. В других дворах, принадлежащих епископу, жили скорняк и два сапожника (Тихомиров, 1962. С. 147). Преобладание в Коломне беломестцев не лишает ее черт крупного ремесленного и торгового центра, но найти здесь преобладающую специальность трудно. Много мастеров изготавливали одежду – 13 сапожников, пять овчинников, три подошевника, три скорняка и т.д. Среди множества торговых рядов были овчинный, сапожный, ветошный (Тихомиров, 1962. С. 151).

Серпухов. Серпухов середины XVI в., предстает по М. Н. Тихомирову (1962. С. 141–142, 143), как крупный торговый и ремесленный центр, притом с довольно определенной специализацией. По неточным данным, 420 человек ремесленников составляли более половины учтенного населения посада. Основными специальностями были обработка железа, кожевенное и гончарное дело. Наибольшее развитие в городе имело кожевенное дело. В нем насчитывалось 48 сапожников (и сапожных мастеров), 36 кожевников, восемь овчинников, два рукавичника, чеботной мастер. Эти данные взяты

из работы А. Ф. Симсона (1880). Таким образом, около сотни серпуховских ремесленников, почти четверть всех посадских людей, занимались обработкой кожи и производством кожаных изделий. Кожевненное дело, писал М. Н. Тихомиров, было распространено во многих русских городах, но все-таки не так, как в Серпухове. Этот город в XVI в. представляется до некоторой степени кожевненным центром и только по недоразумению не отмечен С. В. Бахрушиным. Среди владельцев лавок обычно находим ремесленников. Самое замечательное, что среди них чаще всего встречаются ремесленники, связанные с обработкой кожи. Так, среди владельцев дворов и одновременно лавок известны четыре кожевника, три сапожника, два овчинника. О торговле мало конкретных данных, но, кроме большого ряда, названы сапожный и хлебный (Тихомиров, 1962. С. 141–142, 143).

В то же время А. Ф. Симпсон, на данные которого ссылался М. Н. Тихомиров, писал, что в Серпухове на 1552 г. из числа посадских людей было 91 кожевник (36 кожевников, поддейской кожевной, 48 сапожников, шаровник, чоботарь, два рукавичника и два седельника (Симсон, 1880. С. 153). Отмеченного среди кожевников «шаровного мастера» М. Н. Тихомиров неверно считал изготовителем красок – «шаров».

Киев. Для древнерусского периода известна кожевенная слобода Кожемяки в Копыревом конце, где наиболее густо ремесленники заселяли склон Кожемяцкого яра (Древнерусское градостроительство, 1993. С. 93).

Приведенные документы показывают, что расположение кожевненных мастерских вблизи воды связано прежде всего с потребностями выделки кож: «[1584] Подле озера ж келья кожевенная с чуланы а в ней делаютъ кожи» (Словарь русского языка, 1980. С. 220). Кроме того, мездрение кож в XVI в. на берегу реки в черте крупного города подтверждает гравюра «Посольство боярина Колычева в Гродно 1567 г.», часто используемая историками. Можно говорить и о создании особых кожевненных слобод в городах, где ремесленники специализировались на выделке кож и пошиве кожаных изделий именно для продажи в других регионах России или Европы.

Многочисленные записи сообщают о наличии кожевненных мастерских в разных монастырях, например в Волоколамском, Кирилло-Белозерском и других, где они называются избами и кельями: «[1671] Всего в Мурашкине во всех рядах было лавок и полков и лавочных и анбарных и полочных мест 216 да изба кожевенная»; «[1582] Дано Савке

истобнику в сапожную избу оброку полтина, порука по нем Истома сапожный мастер» (Словарь русского языка, 1979. С. 93); «[1605] Починивал в сапожной избе трубу дымоволочную» (Словарь промысловой лексики, 2003. С. 243); «[1660] Подле озера ж келья кожевенная с чуланы, а в ней делаютъ кожи» (Словарь русского языка, 1980. С. 112). Это относится и к мастерским скорняков в XVII–XX вв. (Словарь русских народных говоров, 1977. С. 97).

Наличие кожевненных и сапожных мастерских в XVI в. можно предполагать и в других городах, где не отмечается топографическая приуроченность мастерских, но среди проживающих и работающих мастеров называются кожевники и обувщики. Историки подсчитали, что в Туле, судя по писцовой книге 1587–1589 гг., в кремле, на осадных дворах жили и работали 10 сапожников (Екимов, 2007. С. 85), а в 12 лавках торговали кожами, сапогами и подошвами.

О кожевненном деле в других городах Московии XVI в., согласно М. Н. Тихомирову (1962), имеется мало источников. О ремесле и торговле Волоколамска известно только, что С. В. Бахрушин писал о значительном развитии в городе кожевненного и отчасти кузнечного промыслов, хотя городской рынок был исключительно местного значения. В Дмитрове имелась особая слободка, принадлежавшая Медведевой пустыни. В ней стояли дворы 10 человек, из которых пять были колачники и один сапожник (Тихомиров, 1962. С. 125, 133).

Для XVII в. пример «исторического забвения» отмечен в отношении Ивангорода. В Шведском государственном архиве сохранился список жителей Ивангорода в 1640 г. В нем упомянут Марко Кожевник, родившийся в Ивангороде и бывший его гражданином уже два года, который занимался выделкой кож, в том числе юфти (Кюннг, 2006. С. 157, № 71).

Следует принимать во внимание, что кожевненные мастерские в городах не обязательно были и жилищами строениями. Как и вынесение кузниц на окраины застройки, связанное с противопожарной безопасностью, не говорит о проживании там кузнецов. Скорее даже наоборот. Понятия о нахождении в одном месте жилья и мастерской, правомерные для других ремесел, в том числе сапожного, нельзя распространять на кожевненное и кузнечное, как и на «горячие» ремесла вообще. Подтверждение этому есть в писцовой и межевой книге Твери 1685 г., где в Загородском посаде значатся: «против богаделен за Московскою дорогою кузницы посадских людей... Васки и Ивашки Корциковых, Васки и

Гараски Шеломовых, Ларки Бобошина, Гришки, Мишки и Ивашки Ворошиловых, Ивашки, Куземки, Тимошки и Петрушки Селиных, Алешки Замянина, Алешки Семенова». Эти кузни стояли на большом пустыре, на месте современного Городского сада. Между тем все кузнецы имели жилые дворы в других местах. Так, Ларка Бобошин имел двор на Загородском посаде, «от Козмы и Домьяна, идучи в Мироносицкую улицу по левую сторону» (Книга писцовая и межевая, 1685. Л. 96–97, 137 об.). Владение кожевников двумя дворами отмечено на Тихвинском посаде (Сербина, 1951. С. 163).

Мастерские по археологическим данным

Они известны почти во всех городах лесной полосы, однако выделение мастерских не всегда представляется убедительным.

Индикатором мастерских по обработке кожевенного сырья – шкур – считается наличие специального оборудования, а также скопления извести и шерсти. Среди оборудования имеются так называемые зольники – прямоугольные деревянные ящики с остатками шерсти, золы и извести, которые найдены в Новгороде, Полоцке, Пскове, Твери, Москве и других городах (Арциховский, 1949. С. 126–127; Лабутина, 1970. С. 26; Янин и др., 1973. С. 46; Штыхов, 1975. С. 42; Колчин, Янин, 1982. С. 12; Жилина, 1986. С. 54). Вместе с ними находили и части иного оснащения. Например, один из древнейших комплексов в Москве (конец XI – середина/вторая половина XII в.) включал дощатый зольник, содержащий золу, известь и шерсть, а также большой чан для дубления (?) кож. В мастерской сапожника середины XV в. из московского Зарядья стояла долбленная бочка для замачивания кож с тремя расположенными по вертикали отверстиями, служившими для регулировки уровня воды (Рабинович, 1964. С. 100, 102).

Новгород. Многолетние раскопки показали, что критерием для выделения кожевенных мастерских служат скопления инструментов, оборудования и отходов производства как в самих постройках, так и во дворах (усадебь). В сапожных мастерских находят деревянные колодки, сапожные ножи, шилья, сапожные гвозди, оселки, а также много кожаных деталей и обрезков. Так, возле строения – мастерской конца XI в. в усадьбе Е Неревского раскопа собрано более 500 кг обрезков (Колчин, Янин, 1982. С. 119).

В раскопе 1938 г. у Спасской башни Новгородского кремля были открыты два кожевенных комплекса XVI в. Мастерская по обработке шерсти располагалась вдоль восточного края Епископской улицы.

Напротив нее находился сруб с очагом, к которому примыкали сени с дощатым полом. В сенях стояла бочка диаметром 0,48 м и высотой более 0,55 м, выдолбленная из ствола осины. В самом срубе, в сенях и вокруг них слой шерсти достигал 0,15–0,20 м. Здесь, вероятно, работал кожевник. К югу от сруба находилась сапожная мастерская, от которой сохранился только очаг из камней, обложенный досками. По мнению исследователей, обе мастерские погибли от пожара (Строков и др., 1939. С. 10).

В 1932 г. на Славне, в слоях, датированных XIII в., было открыто совмещенное производственное место кожевников и сапожников, где найден сруб размерами 5,60 × 5,30 м, внутри и вокруг которого лежало несколько тысяч кожаных предметов, в том числе и отходы от раскроя кожи (рис. 3). Рядом с домом находился прямоугольный деревянный зольник (Арциховский, 1949. С. 128).

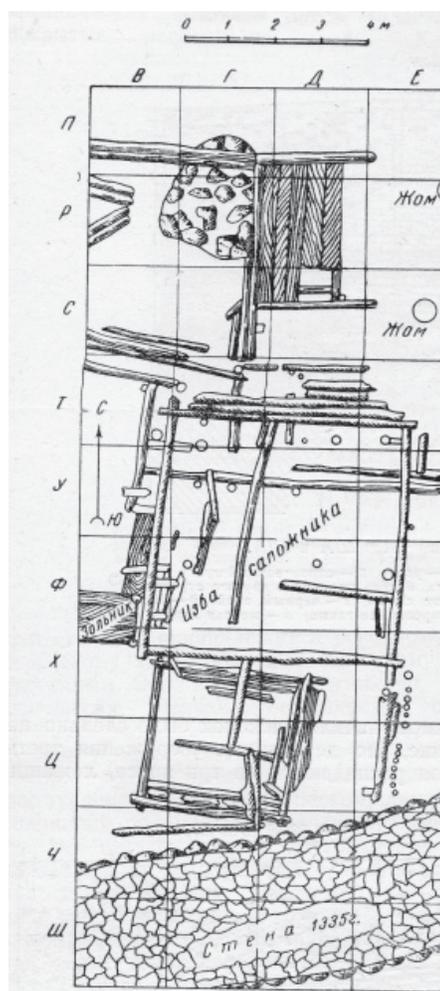

Рис. 3. План раскопа А. В. Арциховского 1932 г. (Арциховский, 1949. Рис. 5)

Много кожевенных мастерских открыто на Неревском раскопе. Комплекс, аналогичный славенскому, изучен в слоях 60-х гг. XIV в., где возле постройки Е8В был устроен ящик типа зольника. На другой усадьбе, возле постройки Г7Ч найдены сотни обрезков кожи, несколько обрывков необработанных шкур, заготовки кожаных изделий и чан кожевника (Колчин, 1956. С. 62; Засурцев, 1963. С. 74, 137). Вероятным местом работы сапожника названа и постройка Д8С в восьмом ярусе, в заполнении которой собрано «очень много обрезков кожи, шило, ножи и точильные бруски». В десятом ярусе несколько тысяч кожаных обрезков найдено внутри и вокруг сруба Е10Н длиной 4,60 м с печью в северо-западном углу. Кроме предметов обычного жилого комплекса здесь встречены инструменты сапожника – два сапожных ножа, шило, медная игла, оселки, три деревянные колодки и кроеная обувь. Более пяти тысяч обрезков кожи открыты на участке Е внутри и вокруг построек 20И и 20П. Кроме того, более четырех тысяч обрезков и скопление шерсти найдены вдоль всего частокола, ограждающего дворовый участок. Такое же большое скопление кожаных обрезков и шерсти найдено на том же участке между постройками 21О и 21П и тыном – оградой двора. На уровне 23-го яруса на участке Е, внутри сруба М и особенно во дворе у частокола залегали прослойки шерсти толщиной до 0,07 м, перемешанной с золой (Колчин, 1956. С. 68, 74, 102, 104, 108).

Обобщая раскопанные слои и сооружения, Б. А. Колчин писал: «Следует заметить, что новгородские летописи в записях XVI в. эту местность неоднократно упоминают под названием «Кожевники». Такое название за этим районом Неревского конца продолжало удерживаться и в течение последующих веков. На плане Новгорода 1673 г., составленном Э. Пальмквистом, на месте всей прибрежной части Неревского конца написано: «Здесь устроена большая мастерская юфти». Археологические материалы говорят о том, что кожевники и сапожники заселяли эту местность, еще начиная с XI в.» (Колчин, 1956. С. 118). Всего на Неревском раскопе в 1951–1962 гг. были открыты восемь мастерских кожевников. Топография находок, связанных с сапожным ремеслом (колодки, правила и модели – более 300 штук, сапожные ножи – более 30, стальные шилья – более 40, сапожные гвозди и огромное скопление обрезков кожи), позволяют говорить о деятельности не менее 30 сапожников, вероятно, работавших прямо в своих жилищах (Колчин, 1964. С. 7).

На Кировском раскопе, исследованном в 1972–1974 гг. на Торговой стороне, в слоях XIV в. на усадьбе В найдены несколько ремесленных мас-

терских, в том числе кожевенная. Здесь встречены и сапожные колодки, которые могли быть связаны с производственным участком на усадьбе А, где в слоях первой половины XIV в. отмечены более 2300 обрезков кожи, части обуви (поршни, ажурные туфли) и 34 других изделия – ножны, кошельки, аппликации. Из инструментов найдены 14 колодок, сапожные ножи и 32 шила ромбовидного сечения с острыми гранями (Янин и др., 1973. С. 46; Рыбина, 1978. С. 119; Колчин, Рыбина, 1982. С. 199, 222, рис. 36). По мнению В. К. Сингха (2011. С. 241), сапожная мастерская здесь существовала и во второй половине XIV в.

При раскопках 1979–1981 гг. на Нутной улице открыли 24 яруса застройки и мостовых. На боярских усадьбах встречены две ремесленные мастерские, в том числе большая кожевенная, где работали сапожники, рукавичники, сумочники, калитники, ремесленники. Этот вид ремесла исследователи считают традиционным для XIII–XV вв. Если в XIII в. мастера шили в основном мягкие туфли, то позднее – только сапоги с твердым задником и каблуком (Янин и др., 1981. С. 39; Колчин, Янин, 1982. С. 50; Гайдуков, 1992. С. 110).

На Козьмодемьянском раскопе в Неревском конце скопления кожаных обрезков встречены на уровне 14-го (16337 ед.) и 15-го (14060 ед.) пластов. В соседних же пластах отмечено мало обрезков: в 13-м всего 233 предмета, а в 16-м 1362 предмета. Основная масса обрезков полукругом окаймляла сруб № 5 из первого строительного горизонта (вторая половина XI – первая половина XII в.), где, вероятно, и была мастерская кожевника (Хорошев, 1982. С. 247–250).

На Дмитриевском раскопе (Неревский конец), во втором строительном ярусе (XIV в.), в глубине двора на усадьбе А, в углу каркасно-столбовой постройки размерами 2,70 × 1,20 м стояла бочка с остатками дегтя, а вокруг нее лежали около 1500 обрезков кожи и волосы. Эта бочка могла служить чаном для вымачивания или дубления кож (Хорошев, 1982. С. 262–263).

Зольники со скоплениями шерсти найдены на усадьбах Б и В Посольского раскопа 1999 г., разбитого недалеко от раскопа А. В. Арциховского 1932–1937 гг. «на Славне». Открытые здесь усадебные комплексы сложились в 40-х гг. XIV в. Среди массовых категорий находок свыше трети были предметы из кожи, преимущественно подошвы и детали верха сапог. Поршни и туфли менее представительны. Считается, что на усадьбах жили и работали кожевники-обувщики (Тарабардина, 2000. С. 27–29).

Раскопки последних лет на Торговой стороне, вблизи ручья Тарасовец открыли на Никольском раскопе 2013 г. участок застройки второй половины XII – первой половины XIII в. с высокой концентрацией деталей обуви и обрезков кожи. Их плотность иногда превышает 2000 фрагментов на кубический метр. Концентрация обрезков связана с восточной – юго-восточной частью усадьбы и примыкает к постройке 44, хотя внутри сооружения число обрезков минимальное. Последнее может указывать на синхронность существования постройки с отходами раскроя, из чего делается осторожное предположение о «возможном наличии обувного ремесла на территории усадьбы» (Петров, 2014. С. 74).

На Ярославом Дворище в раскопе 1946 г. площадью 40 кв. м были открыты сооружения XII в. Один из срубов, к которому с южной стороны примыкал зольник, мог принадлежать кожевнику, который выделывал кожи и шил обувь. Вокруг постройки лежало много кусков кожи, бересты, остатков обуви. В раскопе 1948 г. была открыта другая сапожная мастерская XII–XIII вв. (Константинова, 1959. С. 96–98, 112).

В Плотницком конце на Никитинском раскопе производство обуви и других изделий из кожи прослежено с 10-х годов XIV в. до середины XV в. Индикаторами этого вида деятельности признаются скопления кожи в культурном слое, а также находки инструментов – сапожных шилев, обувной колодки и молотков-гвоздодеров (Сингх, 2008. С. 167). Однако последний, по нашему мнению, служил инструментом не сапожника, а плотника. В целом же, несмотря на значительные скопления обрезков кожи на усадьбах Никитинского раскопа, по-видимому, нельзя говорить о функционировании здесь «специализированных крупномасштабных сапожных мастерских» (Сингх, 2008. С. 171). Этот вывод кажется странным на фоне описания крупных скоплений кожевенных отходов.

Троицкие раскопы. На Троицком IX раскопе в 1990 г. «на одной из усадеб Черницыной улицы обнаружен комплекс находок, позволяющий предположить существование здесь высокоспециализированного ремесленного производства по изготовлению кожаных изделий, среди которых преобладали составные подошвы. На это указывают не только готовые изделия, но также множество полуфабрикатов, заготовок и тысячи мелких обрезков кожи» (Янин и др., 1992. С. 3, 8). Датировка изученных слоев – конец XII – первая половина XIII в. Также уточнены состав кожаных предметов и специализация – сапожное ремесло: «обнаружено

огромное количество обрезков кожи (тысячи фрагментов), более 100 ажурных туфель, несколько сотен подошв, среди которых много составных. При обилии туфель представлены и другие виды обуви: различные детали сапог, несколько поршней, в том числе детский. Кроме обуви массовой находкой являются ножны (31 экз.), встречены также детали мячей и прокладки» (Янин и др., 1992. С. 3, 8).

На Троицком XI раскопе, в слоях с предварительной датировкой 60-ми гг. XII – 80-ми гг. XIV в., отмечено необычно большое скопление массовых кожаных предметов (около 104 тыс. ед., или 60 % от общего числа массового материала). Предполагается существование здесь сапожного производства (Янин и др., 1997. С. 6).

Никитинский раскоп на ул. Оловянка на территории Плотницкого конца площадью 640 кв. м. На территории раскопа вскрыты три усадьбы XIV–XV вв. Раскоп включает древние улицы Маницину и Никитина. Имеются данные писцовых книг по нахождению здесь сапожников и кожевников (Дубровин, 2010).

Старая Русса. Раскоп 1966 г. на территории курорта, между третьим корпусом и Минеральной улицей. В раннем слое, датированном второй половиной XII в., было найдено особо много обрезков кожи, «лежавших к востоку от мостовой иногда толстыми слоями». Здесь, несомненно, во второй половине XII в. возникла мастерская сапожника, который изготавливал также и другие вещи. Мастерская кожевника на этой территории продолжала существовать и в XIII в. (Медведев, 1967а. С. 19; 1967б. С. 279, 282).

Псков. Мастерская сапожника XII–XIII вв. открыта в южной части раскопа 1954 г. на Советской улице. При расчистке пола в постройке найдено много обрезков кожи, обрывков изношенной обуви, а также чехлы для ножей, ремни, деревянная обувная колодка и другие инструменты сапожника (Гроздилов, 1962. С. 21). Особый интерес представляет один уникальный инструмент: «До настоящего времени уникальная находка – это деревянная доска для раскроя кожи, имеющая неправильную форму, размерами 37,5 × 35 × 2 см. Ее поверхность испещрена глубокими порезами, перекрещивающимися во всех направлениях. Подобные доски применяли кустари-кожевники до недавнего времени. При работе сапожник клал доску к себе на колени» (Оятева, 1962. С. 94). При таком способе раскроя, считает Е. И. Оятева (1962. С. 94 и сл.), мастеру нужны были широколезвийные раскроечные ножи, встреченные в Новгороде.

Многолетние раскопки в Старом Застенье возле Педагогического университета (ранее – института) показали «следы» мастерских на нескольких участках. Основанием для выделения стали компактные скопления кожаных обрезков от раскроя, а также волос животных вместе с гашеной известью. Исследователи позднее выделили в таких местах сапожный инструментарий – ножи и обувные колодки. Одна из мастерских функционировала на рубеже XIII–XIV вв. (Зубкова, 2011. С. 98 и сл.).

Здесь найдена совместная мастерская кожевника и сапожника: «В северной части раскопа жил кожевник и, возможно, шерстобит. Об этом говорит большое количество шерсти, обрезков кожи и наличие в слое XIV в. устройства типа двухкамерного чана с остатками извести рядом» (Лабутина, 1970. С. 26). Это «строение каркасно-столбовой конструкции» И. К. Лабутина сочла чаном для вымачивания шкур (Зубкова, 2011. С. 100).

Место выделки кож в XVIII–XIX вв. было открыто в 1967 г. у пересечения улиц Карла Маркса и Пушкина в Окольном городе (Лабутина, 1994. С. 39, 41). В слое 9–11-го пластов, преимущественно с участка Д, происходит много находок шерсти животных. Здесь же найдены сооружения столбовой конструкции № 2, 3 и 4, определяемые как «ящики для зольения шкур». Ящик 3 представлял собой двухкамерное сооружение, обнесенное каменной вымосткой с трех сторон. Внутри ящиков найдено скопление золы и извести, а вокруг – много шерсти. Сооружение № 3 датировано серединой – концом XVIII в., а сооружения № 2 и 4 – концом XVIII – XIX в. (Лабутина, 1994. С. 39, 41. Приложение, рис. 6–8). Ящик 2 имел размеры 2,30 × 1,50 м, двухкамерный ящик 3 – 3,30 × 2,10 м, а разрушенный ящик 4 был длиной 1,10 м по короткой стороне. Выделка кож в этом районе Полонища, ближе к реке Пскове, известна по письменным источникам XVI–XVII вв. (Проскуракова, 1959. С. 32).

В последние годы кожевенные мастерские второй половины XV–XVI вв. изучены на Петровских VIII и IX раскопах Окольного города (Курбатов, 2008. С. 210 и сл.; Салмина, 2010. С. 40–41).

Многолетние раскопки на ул. Ленина, у здания Педагогического института, начатые в 1968 г. и продолжающиеся три десятка лет, позволили детально исследовать более 9000 кв. м средневекового Пскова в границах Старого Застенья. Открыты трассы двух древних улиц, а также более 30 усадеб. Следы мастерских по обработке кожи были обнаружены в северо-западной части исследованной площади – на раскопах А и Б

(1968–1974 гг.), раскопе XIII (1986–1989 гг.) и раскопе XVII (2002 г.) (Зубкова, 2011. С. 92, 93, 98). На раскопах А (1968–1970 гг.) и Б (1972–1974 гг.), примыкавших друг к другу и имевших общую площадь 774 кв. м, зафиксированы значительные по площади и мощности скопления обрезков и обрывков кожи. Фиксировались все мельчайшие обрезки кожи, их общее число составляет 12940 ед. хранения. На этих же участках найдено скопление волос животных со следами гашеной извести. Скопления волос и основная часть обрезков кожи сосредоточены в пределах усадьбы М на уровне 12–15-го пластов. Здесь же найдены два ножа, которые могли быть инструментами кожевников, обломок «недоделанного серпа или косы», встреченный возле скопления волос животных. Локализовано место выделки кож – сруб № 5 в пластах 11–12 на участке А (открыт в 1969 г.). Внутри сруба найден «ящик» каркасно-столбовой конструкции, который считают емкостью для первичной обработки (вымачивания?) шкур. Сруб относится к пятому ярусу, который датируется концом первого десятилетия XIV в., а столбовой «ящик» – первой четвертью XIV в. (Зубкова, 2011. С. 100). На основе анализа археологических материалов Е. С. Зубкова относит начало функционирования мастерской на усадьбе М к середине 30-х гг. XIII в.

На раскопе XIII (1987–1988 гг.) обрезки кожи не сохранились и зафиксированы только в полевой документации, однако скопление обрезков прослежено в северо-восточной части раскопа в 14–19-м пластах. На уровне 15-го пласта найдено 4802 ед., на уровне 16-го пласта – 2806 ед., на уровне 18-го пласта – 3414 ед. Автор раскопок связывает обрезки кожи со срубами № 53 и 65 на усадьбе Ж. Сруб № 53 отнесен к седьмому строительному ярусу (конец XIII – начало XIV в.), а сруб № 65 – к девятому ярусу (конец XII – начало XIII в.). Е. С. Зубкова, анализируя документацию, приходит к выводу, что кожевенная деятельность на участке происходила в восьмом строительном периоде, когда сруб № 53 был перекрыт слоем с обрезками кожи, а сруб № 65, наоборот, перекрывает этот слой накопления обрезков. Таким образом, кожевенная деятельность относится ко второй половине XIII в., тогда же, когда и на участках А и Б усадеб М и И (1968–1974 гг.).

Раскоп XVII в 2002 г. располагался к северо-западу от основного блока раскопов. Выявлены остатки двух усадеб, на одной из которых локализовано скопление кожаных предметов (3868 ед.), датированное XI – рубежом XIII–XIV вв. Кожевенная мастерская функционировала, по мнению Е. С. Зубковой, с рубежа XII–XIII вв. до конца XIII в.

Ивангород. Двор первой половины XVI в., включавший кожевенную мастерскую, изучен на раскопе № 1, заложенном в крепости на территории Большого Боярского города. Он примыкал к улице, мощенной камнем, раскрытой в двух нижних горизонтах. На дворе стояли жилой дом и хозяйственные постройки – хлев и амбар. Наличие в этом месте профессионального кожевенного ремесла подтверждает состав находок на участке, где обрезки от раскроя преобладают в несколько раз над деталями и фрагментами изделий. Менее отчетливо преобладают обрезки над деталями зафиксировано в пределах иных дворов, вероятных мест «домашнего» производства кожаных изделий (рис. 4–8). В одном из таких мест, исследованном в 1986 г., найдены инструменты сапожника – раскройный нож, шило и сапожная лапа (Курбатов, 1991. Рис. 2). На остальной площади раскопа число деталей и обрезков примерно одинаковое, а найденные изделия имеют следы сильного износа, что объясняет причину их выбрасывания (Курбатов, 1997а. С. 278 и сл.).

Представляют интерес способы утилизации отходов производства на данном раскопе. Основная масса отходов размещалась непосредственно на территории двора кожевника или зарывалась в ямах. Характерно наличие большого числа отходов в хозяйственной постройке, определяемой как хлев. В отдельном случае отходы были выброшены за пределы двора, на временно пустующее место, находящееся на другой стороне улицы. Но мастер не бросал отходы производства на «общей территории» – на улице и в переулке. Редкие находки на мостовой, примыкавшей ко двору кожевника, можно считать случайными, например при растаскивании отходов животными. Большинство предметов несут на себе следы изношенности, не связанные с производством.

Состав кожаных находок в кожевенно-обувной мастерской отчасти указывает на специализацию мастера. Как можно полагать, в ней шили и ремонтировали обувь и другие виды кожаных изделий. Найденные детали и обрезки указывают на повторное использование частей изношенной обуви при ее ремонте – замене подошв, пришивании подметок и заплат. Вероятно, сапожник брал у жителей негодную обувь в счет частичной оплаты своей работы. Прочие кожаные изделия представлены сравнительно небольшим числом находок, но материал и приемы пошива позволяют предполагать их изготовление в этой же мастерской.

Москва. В Зарядье встречены мастерские разного времени, где сохранились зольники и другое

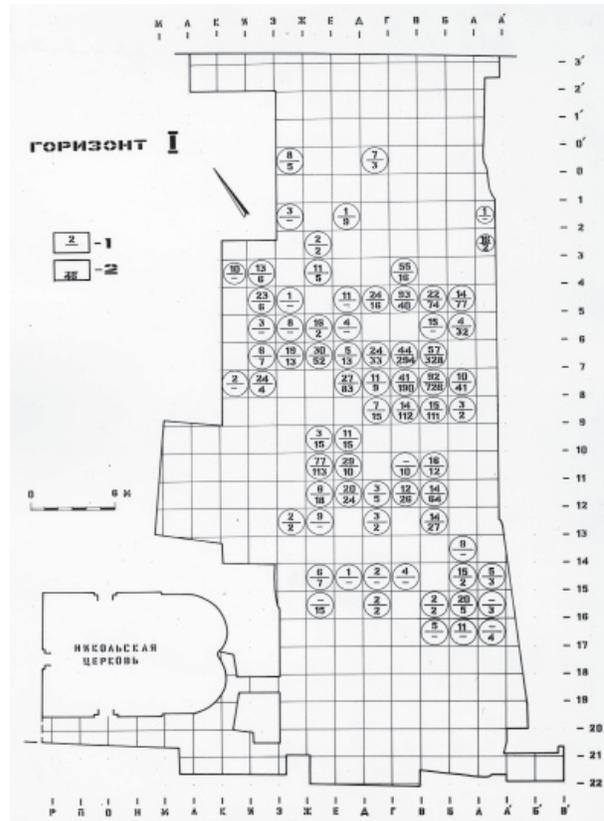

Рис. 4. Ивангород. Раскоп № 1. Насыщенность слоя кожаными предметами на уровне I горизонта (в числовом выражении): 1 – детали и изделия; 2 – обрезки от раскроя

оборудование. Одна из древнейших мастерских конца XI – середины XII в. найдена в низменной части посада, недалеко от берега Москва-реки. Производственное сооружение, видимо, примыкало к жилому сруб. Дом стоял на огороженном дворе, по которому от зольника пролегли сточные канавки, прикрытые жердями. Кроме дощатого зольника во дворе был дубовый чан диаметром около 1,50 м, служивший для дубления кож. Найденные в комплексе обрезки кожи свидетельствуют о раскрое и пошиве кожаных изделий (Рабинович, 1955. С. 79–80; 1964. С. 100, 194, рис. 82).

Другая мастерская кожевника открыта в Зарядье в районе Великой улицы, недалеко от Москва-реки (раскоп IV), и датирована домонгольским временем, вероятно, сгорела при разорении Москвы татарами в 1237 г. Прослежен юго-западный угол сруба из дубовых бревен, стоявшего в глубине двора. В сенях избы открыты остатки зольника (Рабинович, 1964. С. 102, 196–197, рис. 84). На том же участке в 1949 г. исследована мастерская сапожника середины XV в., а западнее церкви

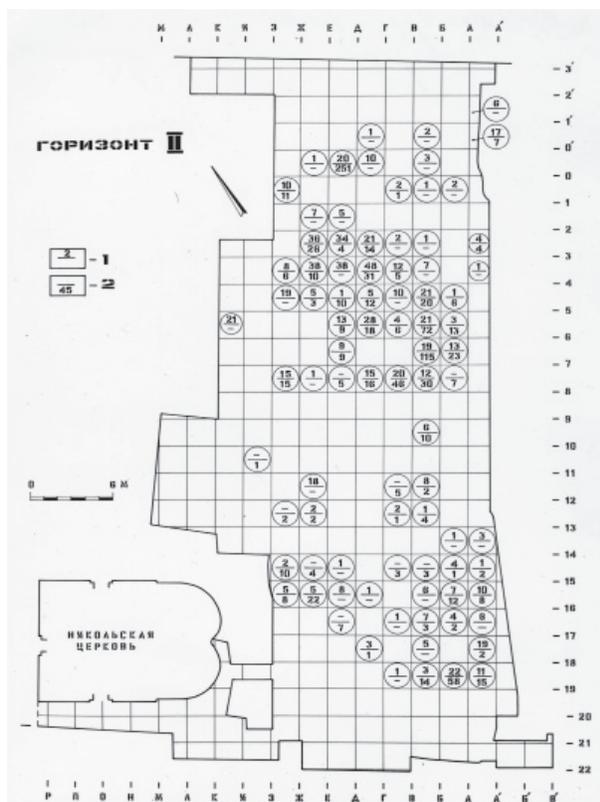

Рис. 5. Ивангород. Раскоп № 1. Насыщенность слоя кожными предметами на уровне II горизонта (в числовом выражении): 1 – детали и изделия; 2 – обрезки от раскроя

Николы Мокрого найден комплекс мастерской кожевника-сапожника конца XV – начала XVI в. (раскопы II и III), где также встречены остатки зольника и много фрагментов кожных деталей и изделий (Рабинович, 1951. С. 52, 54; 1964. С. 102).

В 1953–1955 гг. в Зарядье, возле пересечения Максимовского и Елецкого переулков, в жилой усадьбе XVI–XVII вв. раскрыто кирпичное сооружение – чан, вокруг которого найдено много кожи, что дало основание считать его оборудованием для выделки юфти. Длина сооружения 4,50 м, а высота сохранившейся части около 0,80 м. Оно углублено в землю, а дно и стенки, видимо, были обмазаны слоем глины. Рядом стоял жилой дом XVI в., названный мастерской сафьянника. В последние годы в Москве были найдены подобные кирпичные сооружения, близкие по размерам и конструкции, что позволяет считать находку 1950-х гг. остатками надворной печи-поварни (Дубынин, 1956. С. 120–126; 1959. С. 97–98; Крис, 1959. С. 104–108; Осипов, 2010. С. 213–214).

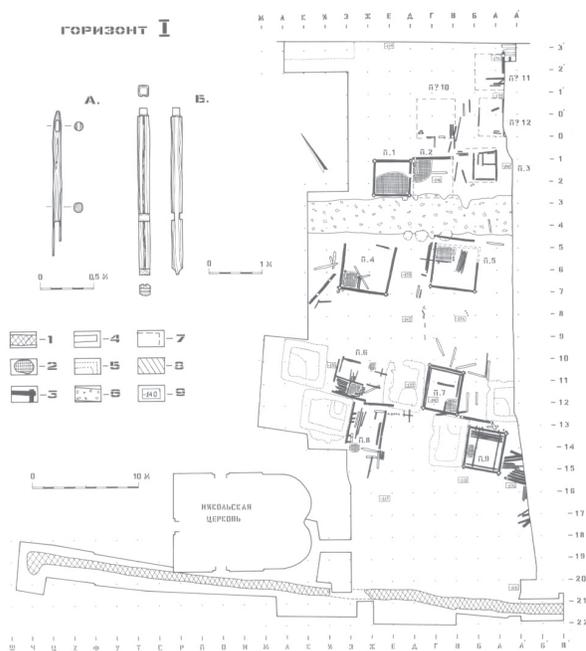

Рис. 6. Ивангород. Раскоп № 1. Горизонт застройки I (реконструкция). Детали: А – стойка ограды, Б – деталь рамы каркасной постройки. Условные обозначения: 1 – каменная стенка; 2 – остатки отопительных устройств; 3 – бревна, срубные строения; 4 – доски; 5 – проекция каменных построек с верхних горизонтов; 6 – каменная мостовая; 7 – трасса несохранившихся узлов сооружений; 8 – реконструируемые проходы и проулки; 9 – отметки уровня материковой скалы (Курбатов, 1997б. Рис. 2)

В раскопе 1997 г. на ул. Пречистенка, в усадьбе третьей четверти XVII в., на площади около 16 кв. м встречена компактная спрессованная прослойка из деталей кожаной обуви и обрезков от раскроя толщиной до 0,40 м, слабо засыпанная землей. Эта прослойка означает место складирования отходов из сапожной мастерской, сваленных у северной границы усадьбы по линии частотокола. Всего собрано 14 тысяч обрезков и деталей из кожи. Вместе с ними на дворе найдены инструменты сапожника – раскrojные ножи, шарнирные ножницы, оселки, кусок раскrojного мела, иголки и шилья, а также уникальные предметы – овальная рамка из прута – «для ремонта обуви» и берестяные шаблоны – лекала (Векслер, Осипов, 1999. С. 142, 144, 147–148, рис. 6; 7).

При раскопках 2007 г. на территории Московского Кремля, в нижней приречной части Боровицкого холма, в подклети сгоревшей постройки, датируемой первой четвертью XVI в., найдено компактное скопление неиспользованных новых шильев – 93 экземп-

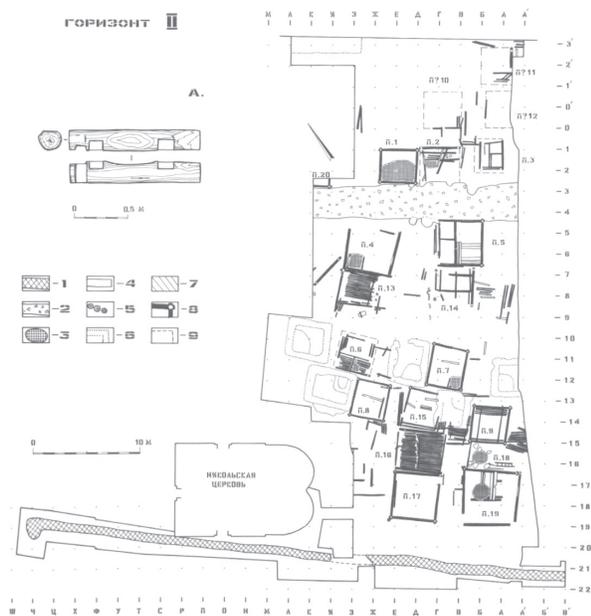

Рис. 7. Ивангород. Раскоп № 1. Горизонт застройки II (реконструкция). Детали: А – деталь из постройки № 13. Условные обозначения: 1 – каменная стенка; 2 – каменная мостовая; 3 – остатки отопительных устройств; 4 – доски; 5 – столбы, колья; 6 – проекция каменных построек с верхних горизонтов; 7 – реконструируемые проходы и проулки; 8 – бревна, срубные строения; 9 – трасса несохранившихся узлов сооружений (Курбатов, 1997б. Рис. 3)

ляра. Вместе с ними найдены несколько кусков воска и точильный камень. По мнению Д. О. Осипова (2014. С. 119–120), сапожная мастерская располагалась на территории именно этой усадьбы, в одном помещении которой хранился запас специального сапожного инструмента и сопутствующие материалы. На площади раскопа № 1 найдено большое скопление обрезков от раскроя, связанное с постройками XV – первой половины XVI в., а также с постройкой середины XIV в. Часть отходов найдена в заполнении оврага, засыпанного до середины XIV в. (Осипов, 2014. С. 119–120). Т. Д. Панова пишет и о других ранее найденных сапожных мастерских на территории Кремля, датированных XIII в. (Панова, 2014. С. 123, 326, 336–337).

Тверь. Несколько сапожных мастерских были открыты на разных горизонтах застройки восточной части Тверского кремля (раскоп ТК-11), в слоях последней четверти XIII – XIV в. Кроме значительного скопления кожи в постройках и возле них, на этих же дворовых участках встречены

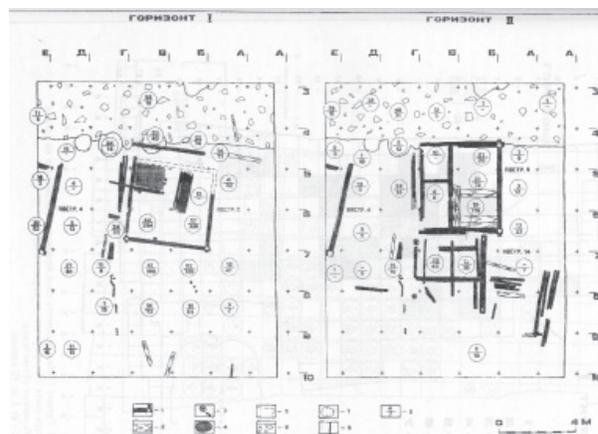

Рис. 8. Ивангород. Раскоп № 1. Комплекс построек с кожевенной мастерской. Распределение кожаных предметов в слое. Условные обозначения: 1 – бревна и конструкции; 2 – доски, плахи; 3 – столбы, колья; 4 – печь; 5 – реконструируемые части построек; 6 – мостовая из плитняка; 7 – ямы; 8 – тонкие жерди; 9 – распределение кожаных предметов по квадрату: в числителе – детали и изделия, в знаменателе – обрезки от раскроя

ямы, набитые отходами от раскроя кож. В одном из скоплений обрезков кожи и деталей вторичного использования зафиксирована масса извести с шерстью (Курбатов, 2004. С. 70–71), служивших отходами процесса очистки шкур от шерсти, который осуществлялся, скорее всего, в другом месте. Среди инструментов найдены сапожные ножи, шилья, иглы и одна обувная колодка.

Отдельный зольник был ранее найден у северной границы Тверского кремля, но почему-то назван кожевенным чаном, аналогичным новгородским (Жилина, 1986. С. 54).

Смоленск. У северного подножия Соборной горы, на ул. Соболева в 1960–1970-х гг. был раскопан участок средневекового посада площадью 704 кв. м. Концентрация кожаных обрезков и деталей в слоях начала XII – середины XIII в. позволили локализовать не менее трех кожевенно-обувных мастерских (Полонская, 1991. С. 118–122). По мнению Н. И. Асташовой (1991), в одной из этих усадеб тогда жил и работал ювелир, а в другой – специалист по металлообработке. В третьей усадьбе (В) до середины XII в. работали ювелир и плотник, а затем жил торговец (Асташова, 1991. С. 38–39, 41–43, 45).

Полоцк. Совместная мастерская кожевника и сапожника середины XIII в. найдена в Верхнем замке.

Еще одна постройка названа мастерской сапожника и специалиста по обработке цветных металлов (Штыхов, 1975. С. 42, 45; 1978. С. 113). Согласно материалам раскопок, эта постройка сгорела, и можно предположить, что ряд находок в ней появились из окружающего слоя при нивелировке площади для последующей застройки.

В 2000 г. проводился археологический надзор за прокладкой траншей газопровода и дренажа в центральной части города, составляющей северовосточную часть Великого посада XVI–XVIII вв. При этом было найдено много кожаных и берестяных деталей обуви и других изделий, а также инструментарий сапожников, что позволило археологам предположить существование в этом месте сапожных мастерских в XVII–XVIII вв. (Дук, Соловьев, 2004. С. 241 и сл.).

Минск. При раскопках детинца в 1946–1951 гг. была открыта плотная городская застройка конца XII – начала XIII в. Расчищены остатки двух построек – хлева и кожевенной мастерской, о чем свидетельствует скопление обрезков кожи. На раскопе также найдены остатки туфель с мягкой подошвой и кожаными завязками, кожаный чехол для большого ножа и инструменты сапожника – два «бронзовых шила» с «лопатковидными псевдозерненными рукоятками», которые следует считать писалами. Единственная железная игла имела длину 5,5 см и диаметр ушка 1,5 мм (Тарасенко, 1957. С. 216, 233, 235, 242).

Витебск. Одну из построек начала XIII в. в Верхнем замке автор раскопок Л. В. Колединский назвал мастерской кожевника, с которой он связывает орудия труда этого специалиста – тупик, костяное лоцило и гладильные камни. Кроме этого, в слоях XIII–XIV вв. найдены колодки, широколезвийные ножи, сапожная игла, шилья.

В целом застройка средневековых посадов Витебска изучена на нескольких участках. Ее начало относится к первой половине XII в. На ряде усадеб XII–XIV вв. также отмечены отдельные предметы и скопления обрезков кожи и различных деталей, а также шерсти с известью, что позволяет предполагать наличие здесь кожевенных мастерских (Колединский, 1991. С. 22; Бубенко, 2004. С. 41, 47–48, 130–131). Однако в отсутствие детального разбора каждого комплекса с подсчетом объемов кожаных предметов, разделения их на обрезки раскроя и изделия, совместно специальных инструментов и оборудования, более определенная атрибуция построек и локализация ремесленных участков преждевременна.

Пинск. В раскопе 1963 г., на усадьбе с бедным набором индивидуальных находок, отмечены скопления обзоленной шерсти, фрагменты обуви и масса обрезков кожи. По мнению П. Ф. Лысенко (1974), здесь «не вызывают сомнения местные кожевенное и сапожное ремесла». Двор кожевника относится ко второму слою, в котором хорошо сохранились деревянные конструкции, а также сырье и продукция кожевенного и сапожного ремесел. Автор раскопок датировал слой очень широко – второй половиной XIII – серединой XVI в. (Лысенко, 1974. С. 83, 86, 87, 111, 115; Очерки по археологии Белоруссии, 1972. С. 159).

Слуцк. В раскопе на уровне восьмого пласта найдены остатки постройки № 2, рубленной из березовых бревен. К востоку от нее открыт дощатый настил, на котором в толстом слое древесной коры лежало много обзоленной шерсти, обрезков кожи, деталей обуви. Эти остатки автор раскопок предложил считать частью кожевенного комплекса (Лысенко, 1974. С. 149, 150, рис. 46: б).

Берестье. Скопления золы и извести с остатками шерсти, а также кожаных обрезков найдены в нескольких местах (Б-69, п. 9, кв. 3–4, 11–12; Б-75, п. 19; Б-75, п. 20). В слое начала XIV в. между постройками 23 и 31 отмечены значительные скопления обрезков кожи. В постройке 23А найдены детская сапожная колодка, кошелек, чехол и фрагменты обуви, что позволяет говорить о существовании здесь мастерской сапожника (Лысенко, 1985. С. 303). Примечательны и находки сапожных колодок в постройке 33. Однако при описании построек не были упомянуты скопления золы с известью и обрезки кожи. В целом IX строительный период, к которому отнесены постройки 23 и 33, относится к четвертому строительному ярусу, который датирован рубежом XIII–XIV вв. На наш взгляд, анализ источниковой базы этого памятника не позволяет определять места работы сапожников или кожевников в плотной застройке Берестья.

Вологда. В 1948 г. на раскопе № 6 на Луговой набережной был вскрыт сруб размерами 3,80 × 5,20 м с развалом печи в углу, датированный концом XV – XVI в. С юга к срубам примыкала рубленая пристройка размерами 0,90 × 1,80 м, нижние венцы которой были проложены берестой для предотвращения гниения. Внутри и около пристройки встречено много шерсти и обрезков кожи. Это сооружение можно считать зольником, а дом, принадлежавшим кожевнику (Никитин, 1953. С. 104, рис. 39: б).

Болгар. При раскопках городища Великие Болгары в 1947–1948 гг. в IV (болгарском) культурном

слое, датированном XIII–XIV вв., найдено до 800 обрезков кожи и деталей изделий, а также инструментарий сапожника – раскrojечный нож, медная игла, железное шило четырехгранного сечения, точильный камень (Хованская, 1951. С. 123–124, 126). Эти находки Т. А. Хлебникова (1988) связывает со сгоревшим в усадьбе домом, бывшим жилищем и мастерской кожевника, вокруг которого и найдены обрезки кожи и инструменты. По ее мнению, мастерские кожевников здесь существовали с XI–XII вв. по XIV в. Она также предполагает существование одной или нескольких кожевенных мастерских в центре города, где в ямах и слое золотоордынского времени найдены скопления обрезков кожи и остатков обуви, а также овечьи ножницы (Хлебникова, 1988. С. 250–251). На наш взгляд, число кожаных предметов на участке слишком мало для работы специализированной мастерской на протяжении столь долгого времени.

Чебоксары. Согласно материалам раскопок 1969–1973 гг., к XIV в. отнесена совместная кожевенная и сапожная мастерская. В ней найдены сапожные ножи и колодки, а также большое количество кожи, включая не полностью выделанную, со следами золы и извести. Другая кожевенная мастерская отнесена к XVII в. На основе этих находок авторы раскопок относят разделение кожевенного и сапожного ремесел в городе к рубежу XVI–XVII вв. (Краснов, 1973. С. 36; Краснов, Каховский, 1978. С. 23, 31–33, 48, 70–72).

В раскопах найдены два зольника в виде деревянных ящиков, один из которых размерами 1,40 × 1,40 м, несколько углубленный в землю, с дощатым дном, открыт в подклети (?) постройки А-В-VII-2 (XVII в.). Ящик был заполнен темной землей с прослойками золы, извести и волоса. Наличие здесь зольника, масса обрезков кожи, в том числе с не полностью удаленной шерстью, а также отсутствие регулярного пола и печи позволяют рассматривать помещение (подклеть) как мастерскую кожевника. Второй зольник, также углубленный в землю, размерами около 1,50 × 1,50 м, обнаружен в малом помещении постройки А-V-1 XVI в. Зола, известь и остатки шерсти залегали в ящике прослойками. Такие же остатки найдены и в малом помещении постройки Б-V-1 XVI в., где сам ящик не сохранился.

Рыбинск. Остатки кожевенной мастерской второй четверти XVII в. изучены на раскопе площадью 64 кв. м, у дома № 14 по Вознесенскому переулку. Помимо деревянных «технологических приспособлений» здесь найдены 948 фрагментов кожи, в том числе 375 деталей обуви двух видов –

высоких туфель и сапог (Рыкунов, Рыкунова, 2002. С. 64).

Киев. На Житнем торге в 1973 г. найдены остатки необычного деревянного сооружения, отнесенного к X в., представлявшего собой прямоугольную постройку столбовой конструкции размерами 3 × 4 м с деревянным полом. Стены возведены из тщательно подогнанных толстых колотых досок, края которых вставлены в пазы угловых и промежуточных столбов. В стенках сооружения было много небольших сквозных отверстий. Эту необычную конструкцию исследователи считают производственным чаном для подпаривания и прения шкур. Группы находок в комплексе, а также скопления кожи археологи предлагают считать доказательством существования на Подоле кожевенного производства. Наличие рядом ручья, а также примыкание места раскопок к урочищу Кожемяки делает это предположение вероятным (Семенов, 1959. С. 358; Гупало, Ивакин, 1980. С. 216–218; Гуцина, 2003. С. 165). Однако сооружения, подобные вышеописанному, в кожевенном деле неизвестны, а потому доски с множеством мелких отверстий могли быть первоначально обшивкой речных судов. Следует отметить и то, что в ранней публикации авторы не высказывались столь определенно о принадлежности сооружения к выделке кож (Толочко и др., 1976. С. 38, рис. 11; 12).

Старая Ладога. На раскопе 1981 г. на Земляном городище в слоях коричневого гумуса под насыпью вала (горизонт В) встречено около 100 кожаных предметов, среди которых определены детали обуви, крупные и мелкие обрезки кожи, «ремешки», ножи, перчатки, а также обломок специализированного сапожного ножа. Это скопление Е. А. Рябинин связывал с кожевенно-обувной мастерской, только частично вошедшей в площадь раскопок (Рябинин, 1992. С. 111–121). Согласно исследованиям А. Н. Кирпичникова, сооружение бастионов Земляного городища относится к 1585–1586 гг. Исходя из этого, верхний ярус горизонта «В» с остатками кожевенной мастерской может быть датирован серединой – второй половиной XVI в. (Кирпичников, 1979. С. 472).

Исследователи видели следы деятельности кожевника и в материалах раскопок Земляного городища в 1940–1950-е гг., но Е. И. Оятева справедливо посчитала бытовыми отходами многочисленные находки из кожи в жилой постройке XVI–XVII вв. (Оятева, 1965. С. 58). На наш взгляд, такой вывод правомерен и для комплекса 1981 г., где большинство находок – это детали и фрагменты обуви со следами износа, а не обрезки от раскrojа.

Переяславль Рязанский. На усадьбе А, существовавшей с 40-х гг. XVI в. и перестроенной в первой половине XVII в., одна из построек названа предположительно мастерской сапожника. «Сооружение № 6, по всей видимости, являлось мастерской сапожника. На это указывает высокая концентрация как обрезков кожи (до 80 единиц на квадрат), так и деталей кожаной обуви (до 15–17 фрагментов на квадрат) в северо-западном углу раскопа» (Завьялов, 2010. С. 327). В данном случае, по нашему мнению, археологических материалов недостаточно для такого предположения.

Тула. На территории Тульского кремля на раскопе № 1 1999–2000 гг., по мнению автора раскопок (Екимов, 2007. С. 85), выразительно представлено сапожное ремесло. Ремесленные инструменты составляют около 30 находок: сапожные раскройные ножи, шилья, иглы, ножницы, разметочные мелки, оселки-абразивы для заточки ножей и шильев. К сапожной гарнитуре отнесены проволоочные спирали, служившие украшением пяточного ранта. Возможно, для их изготовления использовались клещи-кусачки. Заготовками для спиралей могли служить и неоднократно встреченные в раскопе куски медной проволоки. Судя по следам вторичного кроя, мастера-сапожники не только шили новую обувь, но и ремонтировали старую. Степень развития сапожного ремесла на изученных осадных дворах, по мнению исследователя, существенно различалась на раннем и позднем этапах формирования культурного слоя. Основная часть этих предметов была сосредоточена на площади постройки № 12 раннего этапа (конец второго стратиграфического горизонта) и построек № 2 и № 11/1а (третий-четвертый стратиграфические горизонты) (Екимов, 2007. С. 85).

Современный взгляд на данный вопрос

Собранные по научной литературе, а также в процессе собственных полевых исследований автора археологические материалы свидетельствуют о нескольких десятках открытых мастерских по выделке кож и пошиву кожаных изделий. В ряде случаев следует отметить недостаточную полноту фиксации следов производственной деятельности, что вызывает сомнения в атрибуции построек и ремесленной активности на усадьбах.

Анализ таких производственных участков позволяет считать, что оборудование кожевенной мастерской ограничивается «зольниками» и дубовым чаном, в котором, предположительно, дубили кожи. В двух случаях отмечаются бочки с остатками дегтя. Также следует отметить, что использование дегтя для смазывания кож отно-

сится только к XV–XVI вв. Именно для XVI в. есть сведения о подделках «русской» кожи в Германии, где кожи местной выделки смазывали дегтем. Конструктивно комплексы с мастерскими сапожника или кожевника домонгольского времени и XIV–XV вв., как правило, не различаются. В отношении сапожников можно согласиться с П. И. Засурцевым, что «большинство ремесленников работали в своих жилищах, или вовсе не имевших каких-либо специальных устройств, либо эти устройства весьма трудно улавливаются» (Засурцев, 1963. С. 71). Однако говорить о выделке кож в таких мастерских оснований недостаточно, отсутствует необходимое оборудование для длительного вымачивания и дубления кож, достаточное количество золы и шерсти, а также одубины. Надо полагать, что мы имеем дело с отдельными доделочными операциями, которые производились с кожами, недостаточно хорошо подготовленными, которые были эпизодическими. В том, что совмещение этих специальностей не наблюдается в позднем Средневековье, следует видеть более строгий надзор за соблюдением чистоты и эпидемической безопасности в городе.

Вопросу организации кожевенного ремесла в средневековом Новгороде посвящена обобщающая работа Д. О. Осипова (2012), который достоверно определил мастерские по выделке кож на Неревском и Дмитриевском раскопах. В работе также подробно анализируются письменные и археологические данные о мастерских, в которых шили кожаные изделия. Исследователь дал оценку археологическим данным о местах выделки кожи: «при раскопках древнерусских городов следы средневековых кожевенных мастерских, кроме Новгорода, были обнаружены только в Пскове», отмечая раскопки И. К. Лабутиной 1969 г. у здания Педагогического института (Осипов, 2012. С. 22–23, 26–28, 42).

Выводы Д. О. Осипова свидетельствуют о чрезмерном скепсисе по поводу археологических признаков мест выделки кож. Анализируя материалы ранних раскопок Новгорода и Москвы, исследователь рассмотрел методику фиксации археологических источников и их историко-культурную интерпретацию. В связи с раскопками в Новгороде Д. О. Осипов высказал сомнения относительно: 1) датировки комплекса из раскопа 1932 г. ранее XIII в.; 2) связи прямоугольного ящика-зольника с емкостями для золотения шкур; 3) удаленности от реки, тогда как для выделки кож нужна проточная вода; 4) нахождения кожевенной мастерской в жилом квартале, вблизи Ильинской церкви. Раскопки М. Г. Рабиновича в Москве также вызвали замечания, в частности: 1) липовая

бочка по размерам мало подходит для дубления кож; 2) неверно датировано скопление деталей обуви; 3) кожевенные мастерские расположены внутри дерево-земляных укреплений и далеко от воды; 4) кожевенная деятельность в Зарядье была невозможна в XV в. из-за плотной застройки; 5) в Зарядье не найдены инструменты для выделки кож. Критике также подверглись раскопки 1950-х гг. А. Ф. Дубынина в Московском Зарядье. Более справедливым представляется возражение относительно интерпретации остатков кирпичного основания (по Х. И. Крис) как ямы для «топтанья кожи». Остатки подобных сооружений, находимые в последнее время, определены как надворные печиповарни, служившие в крупных боярских усадьбах для приготовления пищи на боярскую семью и многочисленную дворню (Осипов, 2010. С. 207–214).

Критический разбор материалов раскопок Новгорода и Москвы 30–50-х гг. XX в. был направлен в первую очередь на переоценку исторического вывода Б. А. Рыбакова о времени полного разделения кожевенного ремесла на две основные отрасли – обработку кожевенного сырья и пошив кожанных изделий, согласно которому, «городское ремесло достигло значительного технического развития к середине XIV в., когда наступил перелом, ведущий к расцвету всех ремесел во второй половине этого столетия, что, в свою очередь, было обусловлено общим подъемом русской культуры в XIV–XV вв.» (Рыбаков, 1948. С. 695). В это время значительно расширился круг ремесленных специальностей, в том числе связанных с обработкой кожи и пошивом кожанных изделий, что и привело к полному разделению данных специальностей.

Поскольку едва ли не основным археологическим объектом, маркирующим места выделки кож в древнерусском городе, археологи считают прямоугольные ящики-«зольники», то их интерпретация в контексте раскопанных усадеб стала «краеугольным камнем» в рассуждениях Д. О. Осипова, относящего разделение ремесел к домонгольскому времени, «тогда как в XV–XVI вв. мы видим следующий этап разделения труда, происходящего уже внутри этих обособившихся ремесел» (Осипов, 2010. С. 216).

Можно признать правомерной такую критическую оценку методов фиксации археологами объектов и находок, открытых в 1930–1950-е гг. Однако не следует забывать, что методы полевой археологической фиксации в середине XX в. развивались в русле общего совершенствования археологических исследований древних городов и полностью учитывали отечественный и зарубежный опыт. В ранний период раскопок Новгорода и

Москвы еще не было до конца преодолено отношение к археологии как к «истории, вооруженной лопатой», где не требовалась особая методика интерпретации объектов и вещевых комплексов. Отсюда появились широкие исторические выводы, сделанные непосредственно на основании остатков открытых объектов.

В этом плане показательным исследованием является С. А. Изюмовой кожанных находок с Неревского раскопа в Новгороде (1959). При отсутствии сравнительных комплексов в других городах, только на материалах одного раскопа исследователь приводила аргументы в пользу разделения кожевенного и сапожного ремесел в Новгороде в домонгольское время, указывая на: 1) достигнутый высокий уровень технологичности кожевенного ремесла; 2) то, что только в ранних комплексах сочетаются признаки выделки кож и пошива кожанных изделий в рамках одной усадьбы или двора; 3) резкое увеличение числа кожанных изделий в слоях XII–XIII вв. по сравнению со слоями XI в., что объяснялось увеличением спроса на кожевенную продукцию и, следовательно, необходимостью выделки больших объемов кож (Изюмова, 1959. С. 195). Аргументы, приводимые в отношении Новгорода, по мнению С. А. Изюмовой, указывают на общую тенденцию развития ремесла во всех древнерусских городах. Археологический признак разделения ремесел она видела в отсутствии зольников на усадьбах с признаками занятий пошивом кожанных изделий.

На наш взгляд, вопрос о разделении кожевенного и сапожного ремесел нельзя ставить в зависимость от приводимых С. А. Изюмовой и Д. О. Осиповым археологических признаков, которые напрямую преобразуются в историко-культурные выводы. Причины разделения производственных мест надо искать в развитии Новгорода как своеобразного поселенческого организма, в котором коренные изменения регламента застройки происходили в XII – начале XIII в. Сюда входили правила устройства дворов (усадеб) и общественные работы по благоустройству территорий, регулярное мощение улиц и содержание их в чистоте. В работе, посвященной этой стороне жизнедеятельности древнего Новгорода, А. Н. Сорокин пришел к выводам о практике очистки улиц города и особых приемах захоронения и утилизации отходов. Часть отходов выбрасывали в ямы во дворах или под полы в срубах, а другие могли сбрасывать на пустырях, в природных низинах и иных местах (Сорокин, 1995. С. 12–15; 1998. С. 266). Сюда же следует относить и регламентацию устройства мастерских в плотной городской застройке, которая должна была касаться: 1) «зловонных» производств, к которым относятся

выделка кожи и 2) «горячих», куда входят все работы с металлами, гончарное ремесло и выпечка хлебных продуктов (Курбатов, 2012. С. 167; Псков и его пригороды. 1914. С. 20).

Русские ученые в XIX в. доказали, что при выделке кож многие длительные процессы вызвали опасность загрязнения почвы отходами производства, накопления в местах выделки и активизации при благоприятных условиях многих болезнетворных микроорганизмов. Поэтому расположение кожевенных мастерских надо рассматривать через призму организации городского хозяйства и особенностей самого процесса выделки. Это справедливо не только для Новгорода, но и для всех древнерусских городов. На археологических материалах это было обосновано в Твери (Курбатов, 2004. С. 69–70). С этой точки зрения, очень неубедительно предположение А. Н. Сорокина, что некоторые впускные сооружения Новгорода, судя по анализу грунтовых вод, могли использовать в ремесле для обработки кож (Сорокин, 1995. С. 30; 1998. С. 267).

Отсутствие сохранившихся письменных регламентов строительства в городах для древнерусского времени не означает из отсутствия на практике. Действительно строгий, детализованный регламент санитарной службы в Москве и других городах России даже в XVII в. не был расписан в каких-либо уложениях. При возникновении эпидемии в Москве борьба с ней вменялась в обязанности Земского приказа. Этот указ распространялся на все государство (Законодательные акты, 1987. № 278). Между тем превентивные меры против эпидемий в Московском государстве все же принимались. К ним следует отнести выделение кожевенных дворов в особые слободы на окраинах города, ближе к берегу реки. Прежде всего такие слободы появились в городах, специализированных на кожевенном ремесле (Курбатов, 2012. С. 167). Другим примером служит указ 5 августа 1640 г. о запрещении торговать больным скотом и снимать с павшего скота кожи. Такой скот предписывалось зарывать вдали от поселений на пустырях, а нарушителей указа «велено бить кнутом безо всякой пощады».

В комплексе взаимосвязанных факторов развития каждого города, которые приводили к разделению кожевенного ремесла на две основные специальности, следует выделять следующее: 1) развитие внешнеторгового направления выделки кож, последующее расширение специализации кожевенных мастеров и резкий рост их численности по сравнению с другими ремесленными про-

фессиями; для многих русских городов этот фактор отмечен только для XVI–XVII вв. и доказан на основании письменных источников (Курбатов, 2009. С. 126–127); 2) уровень специализации городского ремесла зависел от числа городских жителей, которые обеспечивали внутреннюю потребность в кожаных изделиях. Согласно этому показателю, в домонгольское время в Северной Руси только Новгород мог иметь развитую номенклатуру кожевников. По оценке М. Н. Тихомирова, в начале XI в. в Новгороде могло проживать 10–15 тысяч человек, а в начале XIII в. уже 20–30 тысяч человек. Небольшие размеры детинцев во многих городах позволяют считать, что численность населения в них редко превышала 1000 человек (Горская, 1994. С. 50–51). Таким образом, археологически прослеженное расширение застроенной территории Новгорода и рост числа его жителей к началу XIII в. должны были отразиться в пропорциональном увеличении числа мастеров-кожевников и разделении кожевенного и сапожного ремесел. Для большинства других древнерусских городов их значительное территориальное расширение и увеличение численности населения можно относить только к XIV–XV вв. Этот период Б. А. Рыбаков назвал возрождением русской культуры и связывал с ним значительное расширение ремесленной специализации в городах. Последнее свидетельствует о товарном характере городского ремесла, ориентированного на внутренний рынок – прежде всего городской округи и в границах отдельных княжеств (земель). Такое понимание развития древнерусского ремесла, основанное на всем комплексе исторических данных, и сегодня позволяет соглашаться с Б. А. Рыбаковым о времени разделения кожевенного и сапожного направлений ремесленного производства.

Следует отметить и наблюдения белорусских археологов о времени разделения кожевенного и сапожного ремесел в городах, которые в эпоху Древней Руси входили в состав древнерусских земель. В центрах северо-восточной Белоруссии такое разделение отнесено только к концу XVI в. (Левко, 2004. С. 122).

Выводы

Научная полемика в отношении средневекового русского кожевенного производства показывает рост интереса к научной теме, до недавнего времени не заслуживавшей большого внимания. Все ее узловые исторические вопросы казались решенными уже в 50–60-е гг. XX в., и количественное накопление археологического материала не могло привести к кардинально иным выводам. Новый взгляд на кожевенное ремесло стал возможным только при

изменении подхода к оценке археологических и письменных источников.

Для археологических материалов это выражено в следующих принципах: 1) максимально полный сбор и сохранение материалов на каждом памятнике, помогающие определять назначение каждой находки; 2) установление в археологическом контексте участков производственной деятельности кожевников, мест и способов утилизации отходов; 3) определение назначения отдельных деталей в изделиях, реконструкция формы, техники конструирования, пошива и декора изделий с последующей систематизацией и типологией материалов; 4) корректное использование этнографических данных при реконструкции древних производственных процессов.

Изучение автором археологических комплексов в Ивангороде, Твери, Пскове и других городах позволило проверить археологические критерии и дать их оценку. Так, концентрация кожаных деталей в Тверском кремле показала участки, где располагались кожевенно-обувные мастерские. Вокруг построек и внутри них отмечено скопление кожаных предметов, включая множество обрезков от раскроя. Часть производственных отходов хоронили в ямах на территории двора. Возможно, часть обрезков выбрасывали на пустыри – в естественные западины, овраги и подобные места. Часть отходов могли использовать вторично, например для выварки клея. Планиграфия находок показывает, что количество обрезков от раскроя практически уменьшается до нуля за пределами кожевенных дворов. Ни в соседние усадьбы (дворы), ни на мостовые эти отходы производства не выбрасывали, а встреченные там немногие обрезки могли попасть случайно. Такое положение свидетельствует о стремлении жителей поддерживать в городе определенный уровень чистоты, что отмечено для Новгорода (Сорокин, 1995. С. 28–30). В Пскове также обнаружена мастерская, где большую часть обрезков раскроя хоронили в самой усадьбе сапожника, складировав их в отдельных местах – у срубов или между ними и оградой, хотя также имеются свидетельства нарушения правил, когда кожевенные отходы бросали на нежилые участки и пустыри (Курбатов, 2008. С. 211–212).

Использование этих принципов становится нагляднее при оценке критических замечаний Д. О. Осипова, в частности его суждения в том, что «найденный при раскопках на Славне «зольник» также слабо напоминает чан для золки шкур. Судя по описанию Г. Поварнина, диаметр зольника, имевшего чаще всего круглую форму, составлял

примерно 2 м, а глубина чана достигает примерно полутора метров» (Осипов, 2010. С. 207–208). В этом случае исследователь упускает из виду, что описанные Г. Поварниным чаны применяли в кустарном и мануфактурном производстве не ранее XVIII–XIX вв. и их не стоит искать в кустарных мастерских средневековых городов. Напротив, все «зольники» в кожевенных комплексах от XI в. до XVII–XVIII вв., открытые в Новгороде, Полоцке, Москве, Пскове и Твери, показывают традицию использования прямоугольных дощатых или срубных «чанов» в процессе очистки шкур от шерсти. Внутри таких чанов и вокруг них всегда находят слои извести, перемешанной с золой и шерстью животных (Курбатов, 2010. С. 195). Отличие зольных чанов на мануфактурных предприятиях XVIII–XIX вв. от более ранних кустарных кожевен по размерам и форме можно объяснять разными режимами золенья шкур. Если в позднейшее время золенье вели в жидком растворе золы и извести, то в древнерусское время, можно полагать, приготавливали для этого достаточно густую зольно-известковую суспензию, которой шкуры поочередно намазывали. Такой способ исключал просачивание жидкости между горизонтально уложенными досками (или бревнами) и загрязнение поверхности вокруг зольника закишим настоем. Последнее было важным условием для предотвращения развития болезнетворных бактерий.

Таким образом, это различие указывает на кардинальное изменение подхода к организации процесса выделки кож на мануфактуре по сравнению со средневековой мастерской, где работал один мастер. Последний должен был проводить самостоятельно и последовательно каждую стадию выделки кожи. При невысокой плотности городской застройки на окраинах всю «грязную» работу кожевник выполнял фактически недалеко, но отдельно от своего жилья и от дворов соседей, не загрязняя почву и воздух вблизи жилищ. Изменение режима и времени золенья объясняет длительный период сохранения в черте застройки деревянных зольников, который в отдельных городах и при благоприятных обстоятельствах продолжался до XVII–XVIII вв., что не следует связывать с историческим процессом разделения кожевенного и сапожного ремесел.

В целом вопрос о времени разделения кожевенного и сапожного направлений в ремесле следует рассматривать отдельно для каждого города, учитывая уровень развития специализации в нем ремесел в конкретный период, и связывать с развитием производства и расширением внешней и внутренней торговли обиходными товарами. На сегодня все имеющиеся данные показывают, что

разделение кожевенного и сапожного ремесел в Новгороде уже в домонгольское время следует считать весьма вероятным, однако такой вывод нельзя распространять на другие древнерусские города.

Для сравнения приведем данные анализа средневековых источников стран Западной Европы, где кожевники, по санитарным соображениям, также селились на окраинах городов (Шевеленко, 1999. С. 140). Изучение кожевенного ремесла в Турку по письменным и археологическим данным также привело исследователей к выводу о выносе обработки кожи на окраины города (Harjula, 2008. P. 136; Курбатов, 2014. С. 357).

Дальнейшее археологическое изучение средневековых мастерских предполагает оценку потенциальных производственных мест и выделение признаков таких мест. Одним из признаков мест выделки кожи может служить, наряду с другими, наличие жерновов, необходимых для помола дубовой коры. Это подтверждают, например, приходно-расходные книги Антониева монастыря: «[1585] Взяли по дши по Никите по кожевнике... две сажени дубу, да тщан кожнои, да жерновы, да ступа, да ушатец» (Словарь русского языка, 2008. С. 216).

Источники и литература

- Алексеев Ю. Г., 2006. Компании 1501 г. // От древней Руси до современной России. СПб. Т. 1.
- Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Л. 1937.
- Анкудинов И. Ю., 2007. Новые письменные источники о Новгородском городище // У истоков русской государственности. СПб.
- Арциховский А. В., 1949. Раскопки на Славне в Новгороде // МИА. № 11.
- Асташова Н. И., 1991. Усадьбы древнего Смоленска // Смоленск и Гнездово (к истории древнерусского города). М.
- Афанасьев В. А., 1963. Из истории отечественной кожевенной промышленности // Научные труды Московского Технологического института легкой промышленности. М. Вып. 27.
- Барашкова В. С., 1975. Из истории хозяйственной деятельности и быта посадского населения г. Белоозера в XVI веке // История СССР. М. № 2.
- Бахрушин С. В., 1952. Очерки по истории ремесла, торговли и городов Русского централизованного государства XVI – начала XVII в. // С. В. Бахрушин. Научные труды. М. Т. I.
- Борисов В., 1863. Челобитная, поданная 1620 года царю Михаилу Федоровичу от суздальцев на архиепископа своего Иосифа Киянина в разграблении у них кожевен // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете. М. Январь–март. Кн. I. Отд. V.
- Бубенько Т. С., 2004. Средневековый Витебск. Посад – Нижний замок (X – первая половина XIV в.). Витебск.
- Векслер А. Г., Осипов Д. О., 1999. Мастерская сапожника на улице Пречистенка в Москве // РА. № 1.
- Гайдуков П. Г., 1992. Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп. М.
- Герберштейн С., 1988. Записки о Московии. М.
- Города России XVI века. 2002. Материалы писцовых описаний. М.
- Горская Н. А., 1994. Историческая демография России эпохи феодализма (итоги и проблемы изучения). М.
- Градостроительство Московского государства XVI–XVII веков. М. 1994.
- Гроздилов Г. П., 1962. Раскопки древнего Пскова // АСГЭ. Вып. 4.
- Гупало К. Н., Ивакин Г. Ю., 1980. О ремесленном производстве на киевском Подоле // СА. № 2.
- Гусев П. Л., 1916. Новгородская церковь св. Апостолов Петра и Павла на Софийской стороне (в Кожевниках) // Труды XV Археологического съезда в Новгороде в 1911 г. Т. II. М.
- Гущина Л. В., 2003. Древние кожаные изделия из археологических раскопок Киево-Печерской лавры // Христианское наследие Византии и Руси. Материалы II Междунар. конференции ИА НАНУ, ИА РАН. Симферополь.
- Данилова Л. В., 1957. Мелкая промышленность и промыслы в русском городе во второй половине XVII – начале XVIII в. // История СССР. М. № 3.

- Дон-Хуан Персидский, 1899. Путешествие персидского посольства через Россию от Астрахани до Архангельска в 1599–1600 гг. // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском Университете. М. Кн. 1 (188). Раздел III.
- Древнерусское градостроительство X–XV веков. М. 1993.
- Дубровин Г. Е., 2001. Тяглое население Славковой и Коржевой улиц в 80-х гг. XVI в. по данным писцовых и лавочных книг // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. Вып. 15.
- Дубровин Г. Е., 2010. Никитинский раскоп в Новгороде. М.
- Дубынин А. Ф., 1956. Археологические исследования в Зарядье (Москва) // КСИИМК. Вып. 65
- Дубынин А. Ф., 1959. Археологические исследования 1955 г. в Зарядье (Москва) // КСИИМК. Вып. 77.
- Дук Д., Соловьев А., 2004. Кожевенно-сапожное ремесло Полоцка XVI–XVIII вв. (по итогам археологического надзора на территории Великого посада в 2000–2002 гг.) // Гістарычна-археалагічны зборнік. Минск. Вып. 19.
- Евлентьев К. Г., 1870. Книги псковитина, посадского торгового человека Сергея Иванова сына Поганкина (1644–1685). Псков.
- Евтеев А. А., Олейников О. М., 2015. Археологические и палеоантропологические исследования на Даньславле улице в Великом Новгороде // РА. № 1.
- Екимов Ю. Г., 2007. Археологические исследования на территории Тульского кремля в 1999–2000 гг. (Раскоп 1) // Позднесредневековый город: археология и история. Тула. Ч. 1: Изучение позднесредневековой Тулы.
- Жилина Н. В., 1986. К вопросу о происхождении Твери // КСИА. Вып. 187.
- Завьялов В. И., 2010. Усадьба А на Житном раскопе в кремле Переяславля Рязанского // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. М. Вып. 6.
- Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. Л. 1987.
- Засурцев П. И., 1963. Усадьбы и постройки древнего Новгорода // МИА. Вып. 123.
- Звягинцев Е. А., 1969. «Кожевники» и их посадское население в XVIII в. // Старая Москва. М. Сб. 1. (Общество изучения Московской области. Труды. Вып. 1).
- Зубкова Е. С., 2011. Следы кожевенного ремесла в Старом Застенье средневекового Пскова по материалам раскопок на ул. Ленина // Древности Пскова. Археология. История. Архитектура. Псков. Вып. 2.
- Изюмова С. А., 1959. К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого // МИА. Вып. 65.
- Ильинский А. Г., 1876. Городское население Новгородской области XVI в. // Журнал Министерства народного просвещения. СПб. Кн. VI.
- Кирпичников А. Н., 1979. Крепости бастионного типа в средневековой России // Памятники культуры. М. 1978: Новые открытия.
- Кирпичников А. Н., 1995. Сообщение Иоганна Вундерера о Пскове и России 1590 г. Исследование и публикация источника // Славяно-русские древности. СПб. Вып. 3: Проблемы истории северо-запада Руси.
- Книга писцовая и межевая, письма и межевания Лариона Шишкова да подьячего Алексея Челюскина 193 и 194 годов. 1685 // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 470.
- Колединский Л. В., 1991. Верхний замок Витебска в XI–XVII вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Минск.
- Колчин Б. А., 1956. Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа // МИА. Вып. 55.
- Колчин Б. А., 1964. К итогам работ Новгородской археологической экспедиции (1951–1962 гг.) // КСИА. Вып. 99.
- Колчин Б. А., Рыбина Е. А., 1982. Раскоп на улице Кирова // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.
- Колчин Б. А., Янин В. Л., 1982. Археологии Новгорода 50 лет // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.
- Константинова Т. М., 1959. Археологические работы Новгородского музея в послевоенный период // Новгородский исторический сборник. Новгород. Вып. 9.
- Краснов Ю. А., 1973. О времени возникновения и ранней истории города Чебоксары // КСИА. Вып. 136.
- Краснов Ю. А., Каховский В. Ф., 1978. Средневековые Чебоксары. Материалы Чебоксарской экспедиции 1969–1973 гг. М.

- Крис Х. И., 1959. О назначении кирпичного сооружения из раскопок в Зарядье (Москва) // КСИИМК. Вып. 77.
- Курбатов А. В., 1991. Коллекция кожаных предметов из Ивангорода (по раскопкам 1980–1986 гг.) // КСИА. Вып. 205.
- Курбатов А. В., 1997а. Кожевенно-обувная мастерская в контексте культурного слоя // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь. Вып. 2.
- Курбатов А. В., 1997б. Археологическая реконструкция застройки Большого Бояршего города в Ивангородской крепости (Раскоп № 1) // Крепость Ивангород. Новые открытия. СПб.
- Курбатов А. В., 2003. Коллекция кожи из раскопок г. Торжка в 1994 г. (Климентовский-1 раскоп) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь. Вып. 5.
- Курбатов А. В., 2004. Кожевенное производство Твери XIII–XV вв. (по материалам раскопок Тверского кремля 1993–1997 гг.). СПб.
- Курбатов А. В., 2008. О внестратиграфическом датировании комплексов кожаных изделий в русских средневековых городах // Записки ИИМК РАН. № 3.
- Курбатов А. В., 2009. Торговля кожевными товарами в средневековой России или «феномен русской кожи» // Археология и история Литвы и Северо-запада России в раннем и позднем Средневековье. СПб.
- Курбатов А. В., 2010. Кожевенное сырье, техническое обеспечение его выделки и сортамент кож средневековой Руси // Stratum plus. Кишинев; СПб. № 5.
- Курбатов А. В., 2012. Спорные вопросы в изучении кожевенного ремесла средневековой России // АВ. № 18.
- Курбатов А. В., 2014. Культура Северной Европы: традиции и приобретения. Рец.: Harjula J. Before the heels. Footwear and shoemaking in Turku in the Middle Ages and at the beginning of the Early Modern period. Turku. 2008 // АВ. № 20.
- Кюнг Э., 2006. Список жителей Ивангорода 1640 года // Narva museum toimetus. Narva; Tartu. № 6: Linnas ja linnuses. Uurimusi Narva Ajaloost.
- Лабутина И. К., 1970. Раскопки в Пскове у здания Педагогического института // АО 1969 г.
- Лабутина И. К., 1985. Историческая топография Пскова в XIV–XV вв. М.
- Лабутина И. К., 1994. Раскоп 1967 г. в Окольном городе Пскова // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков. Вып. 2.
- Левко О. Н., 2004. Средневековые территориально-административные центры северо-восточной Беларуси. Формирование и развитие. Минск.
- Лепехин И., 1795. Дневные записи путешествия доктора и академика Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 гг. 2-е изд. СПб. Ч. 1.
- Лысенко П. Ф., 1974. Города Туровской земли. Минск.
- Лысенко П. Ф., 1985. Берестье. Минск.
- Мазуров А. Б., 2001. Средневековая Коломна в XIV – первой трети XVI в. Комплексное исследование региональных аспектов становления единого Русского государства. М.
- Малыгин П. Д., 1990. Древний Торжок (историко-археологические очерки). Торжок.
- Масленникова Н. Н., 1955. Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л.
- Материалы по истории Татарской АССР. Писцовые книги города Казани 1565–1568 и 1646 гг. Л. 1932.
- Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Л. 1933. Ч. 1.
- Медведев А. Ф., 1967а. Археологические открытия в Старой Руссе // АО 1966 г. М.
- Медведев А. Ф., 1967б. Из истории Старой Руссы // СА. № 3.
- Монгайт А. Л., 1952. Оборонительные сооружения Новгорода Великого // МИА. Вып. 31.
- Никитин А. В., 1953. Раскопки в Вологде в 1948 г. // КСИИМК. Вып. 52.
- Осипов Д. О., 2010. К вопросу о дате разделения кожевенного и сапожного ремесел (анализ материалов раскопок в Новгороде Великом и Москве) // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. М. Вып. 6.

- Осипов Д. О., 2012. Кожевенно-сапожное ремесло Великого Новгорода X–XVII вв. (комплексное исследование). Автореферат дис. ... докт. ист. наук. М.
- Осипов Д. О., 2014. Средневековая обувь и другие изделия из кожи (по материалам раскопок в Московском Кремле). М.
- Очерки по археологии Белоруссии. 1972. Минск. Ч. II.
- Оятева Е. И., 1962. Обувь и другие кожаные изделия древнего Пскова // АСГЭ. Вып. 4.
- Оятева Е. И., 1965. Обувь и другие кожаные изделия Земляного городища Старой Ладogi // АСГЭ. Вып. 7.
- Панова Т. Д., 2014. Историческая и социальная топография Московского Кремля в середине XII – первой трети XVI века. М.
- Петров М. И., 2014. Славенский конец средневекового Новгорода: раскоп Никольский-2012 (продолжение работ в сезоне 2013 года) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. Вып. 28.
- Писцовая книга Торжка и посада. Тверь. 1865.
- Полонская М. Ю., 1991. Кожаная обувь древнего Смоленска // Смоленск и Гнездово: к истории древнерусского города. М.
- Пронштейн А. П., 1951. Организация новгородского ремесла в XVI в. // ИЗ. Т. 36.
- Проскуракова Г. В., 1959. Шесть экскурсий по Пскову. Псков.
- ПСРЛ. СПб. 1904. Т. XIII: Никоновская летопись.
- ПСРЛ. М. 1965. Т. XXX: Владимирский летописец. Новгородская вторая (Архивная) летопись.
- Псков и его пригороды. М. 1913. Т. V: Сборник материалов архива Министерства юстиции.
- Псков и его пригороды. 1914. Сборник материалов архива Министерства Юстиции. М. Т. VI.
- Рабинович М. Г., 1951. Археологические раскопки в Москве в Китай-городе // КСИИМК. Вып. XXXVIII.
- Рабинович М. Г., 1955. Великий посад Москвы // КСИИМК. Вып. 57.
- Рабинович М. Г., 1964. О древней Москве. Очерки материальной культуры и быта горожан в XI–XVI вв. М.
- Рыбаков Б. А., 1948. Ремесло Древней Руси. М.; Л.
- Рыбина Е. А., 1978. Готский раскоп // Археологическое изучение Новгорода. М.
- Рыкунов А. Н., Рыкунова И. И., 2002. Охрана и изучение культурного слоя на территории Рыбинска // Археология Ярославского края. Рыбинск. Вып. 2.
- Рябинин Е. А., 1992. Уникальный комплекс снаряжения верхового коня из Старой Ладogi // Slavica Gadensia. Ghent. № 19.
- Салмина Е. В., 2010. Работы на Петровских VIII–IX раскопах в 2007–2008 гг. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков. Заседание 55.
- Семенов А. И., 1959. Древняя топография южной части Славенского конца Новгорода // Новгородский исторический сборник. Новгород. Вып. 9.
- Сербина К. Н., 1951. Очерки по социально-экономической истории русского города. Тихвинский посад. М.-Л.
- Симсон А. Ф., 1880. История города Серпухова. М.
- Сингх В. К., 2008. Ремесленные мастерские на усадьбах Плотницкого конца (по усадьбам Никитинского раскопа) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. Вып. 22.
- Сингх В. К., 2011. Производственные комплексы на усадьбах Славенского раскопа // Новгородские археологические чтения – 3. Великий Новгород.
- Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков. СПб. 2004. Вып. 7.
- Словарь промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв. СПб. 2003. Вып. 1.
- Словарь русских народных говоров. Л. 1977. Вып. 12.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. М. 1979. Вып. 6.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. М. 1980. Вып. 7.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. М. 1982. Вып. 9.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. М. 1988. Вып. 14.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. М. 1990. Вып. 16.

- Словарь русского языка XI–XVII вв. М. 2002. Вып. 26.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. М. 2008. Вып. 28.
- Смирнов П. П., 1947. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. М.-Л. Т. 1.
- Сорокатый В. И., 2003. Храмовое строительство и иконостасы Великого Новгорода в середине – второй половине XVI в. // Древнерусское искусство. Русское искусство позднего средневековья: XVI век. СПб.
- Сорокин А. Н., 1995. Благоустройство древнего Новгорода // Архив архитектуры М. Т. VI: Новгородские древности. Вып. 2.
- Сорокин А. Н., 1998. Благоустройство усадеб в древнем Новгороде // Историческая археология. Традиции и перспективы. М.
- Спегальский Ю. П., 1962. Здание кожевенного завода XVII в. в Пскове // КСИА. Вып. 87.
- Список с писцовой и межевой книги г. Свяжска и уезда письма и межевания Никиты Васильевича Борисова и Дмитрия Андреевича Кикина 1565–1567 гг. Казань. 1909.
- Строков А. А., Богусевич В. А., Мантейфель Б. К., 1939. Раскопки в Новгородском Кремле в 1938 г. // Новгородский исторический сборник. Л.; Новгород. Вып. 5.
- Тальман Е. М., 1946. Борьба посада Ярославля со светскими и духовными феодалами в первой половине XVII в. // ИЗ. Т. 20.
- Таможенные книги Великого Новгорода. СПб. 1996.
- Тарабардина О. А., 2000. Работы на Посольском раскопе в Новгороде в 1999 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. Вып. 14.
- Тарасенко В. Р., 1957. Древний Минск // Материалы по археологии БССР. Минск. Т. 1.
- Тихомиров М. Н., 1957. Средневековая Москва в XIV–XV веках. М.
- Тихомиров М. Н., 1962. Россия в XVI столетии. М.
- Толочко П. П., Гупало К. М., Харламов В. О., 1976. Розкопки Киевоподолу 1973 р. // Археологічні дослідження стародавнього Києва. Київ.
- Устюгов Н. В., 1950. Ремесло и мелкое товарное производство в русском государстве XVII в. // ИЗ. Т. 34.
- Хлебникова Т. А., 1988. Кожевенное дело // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М.
- Хованская О. С., 1951. Новые данные о городе Болгаре // КСИИМК. Вып. XXXVIII.
- Хорошев А. С., 1982. Новые материалы по археологии Неревского конца // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.
- Шевеленко А. Я., 1999. Техника городских ремесел // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. М. Т. 2: Жизнь города и деятельность горожан.
- Штыхов Г. В., 1975. Древний Полоцк. IX–XIII вв. Минск.
- Штыхов Г. В., 1978. Города Полоцкой земли (IX–XIII вв.). Минск.
- Янин В. Л., Колчин Б. А., Ершевский Б. Д., Алешковский М. Х., 1973. Новгородская экспедиция // АО 1972 г.
- Янин В. Л., Колчин Б. А., Ершевский Б. Д., Миронова В. Г., Рыбина Е. А., Хорошев А. С., 1981. Новгородская экспедиция // АО 1980 г.
- Янин В. Л., Рыбина Е. А., Хорошев А. С., Гайдуков П. Г., Сорокин А. Н., Дубровин Г. Е., Яременко Е. В., Тарабардина О. А., 1992. Работы Новгородской экспедиции в 1991 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. Вып. 6.
- Янин В. Л., Рыбина Е. А., Хорошев А. С., Гайдуков П. Г., Дубровин Г. Е., Сорокин А. Н., 1997. Работы Новгородской археологической экспедиции на Троицком раскопе в 1996 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. Вып. 11.
- Harjula J., 2008. Before the heels. Footwear and shoemaking in Turku in the Middle Ages and at the beginning of the Early Modern period. Turku.

Проблематика изучения природных историко-культурных объектов Восточной Европы¹

А. В. Курбатов

Введение

В научной и популярной литературе встречаются работы о природных объектах – валунах, с которыми связаны сохранившиеся предания и легенды или имеющих на поверхности всевозможные «знаки». Несмотря на давний интерес к таким объектам, их поиск и описание, среди профессиональных историков и археологов сохраняются объективные сомнения в отнесении многих камней к древним памятникам, а также в ритуальном назначении и самих камней, и знаков на них.

В последние годы были опубликованы новые исследования и сводки культовых валунов, известных на ряде территорий. Отметим, в частности, монографические работы Ю. Уртанса по Латвии (Urtāns, 2008) и В. Мизина по Ленинградской области (Мизин, 2006а). Периодически новые валуны со знаками фиксируют в разных областях Европейской части России. В качестве примера приведем находку «следовика» И. В. Ислановой в Вышневолоцком районе Тверской области (рис. 1). Заметка о проведенных полевых работах содержит описание объекта: «Около сопки Ухаб 1 на берегу оз. Ольшево обнаружено селище Ухаб 4. В 80 м к ЮЮЗ от сопки и в 60 м к югу от этого селища на берегу заболоченного залива найден камень-следовик с углублением в виде правой (детской) стопы. Первоначальное местоположение гранитного валуна (размерами 60 × 65 × 65–45 см), видимо, было иное, а к подножию берегового склона камень сдвинут во время пахоты» (Исланова, 1997. С. 122).

Успехи полевых исследований, как и введение в научный оборот сводок известных памятников такого рода не позволяют устранить те сомнения

методического и содержательного плана, которые были высказаны ранее (Макаров, Чернецов, 1988). В связи с этим сохраняют актуальность общие оценки, предложенные ранее (Курбатов, 2002).

О понятии почитаемых природных объектов

Понятие «природные историко-культурные объекты» включает широко известные на территории Восточной Европы культовые камни, почитаемые деревья, родники (источники), холмы (т. н. «горы»), урочища и пещеры, которые в разное время служили для совершения различных обрядовых действий языческого характера, то есть отражали домонотеистическое мировоззрение. В позднейшее время часть таких объектов входила в систему обрядов христианского круга. Они широко известны и в других регионах мира, сначала в рамках обрядов локальных политеистических систем, а затем – церемоний и обрядов мусульманского, христианского и буддийского вероисповеданий. Как особый тип культового объекта выделяются и валуны природного происхождения – т. н. «культовые камни».

Специалисты называют по крайней мере две причины для отнесения валунов к категории культовых памятников: 1) сохранение до недавнего (или настоящего) времени комплекса обрядов возле таких камней, где сам камень и изображения на нем прямо связаны с отдельными христианскими или языческими персонажами (известия о таких обрядах засвидетельствованы в описаниях XVIII–XX вв.); 2) отнесение к данной категории памятников с аналогичными знаками (изображениями) и в том случае, если аналогичные знаки и сам камень не сохранили о себе преданий и поверий. Так, «следы» – отпечатки стоп человека, известные во многих местах как «след Богородицы» или «след Иисуса Христа», могут считаться ритуальными даже на валунах, с которыми легенды и предания

¹ Автор выражает благодарность И. Д. Маланину, И. В. Ислановой и А. А. Ильину за предоставленные для публикации материалы.

Рис. 1. Камень-«следовик» у д. Ольшево
Вышневолоцкого района Тверской области.
Разведки И. В. Ислановой 1996 г.

Рис. 3. Ишутинский камень в Боровичском районе
Новгородской области. Открыл Г. И. Ивановский.
Фото И. Д. Маланина 1986 г.

не связаны. Такие камни, не отмеченные в каких-либо документах XVI – начала XX в., краеведы и археологи фиксируют на протяжении всего XX в. Много заметок о них собрано по материалам периодической печати (Маланин, 1998; 1999). Примером могут служить «следовики» в Боровичском районе Новгородской области, найденные местным краеведом Г. И. Ивановским и повторно обследованные И. Д. Маланиным в 1986 г. (рис. 2; 3). Такой подход представляется правомерным, поскольку во многих случаях от-

мечена утрата целых пластов древней информации и культурной традиции на значительных пространствах Восточной Европы.

Ю. В. Урганс предложил называть культовым камень, «который используется в культовых действиях как символ или предмет культа. Это означает, что объект либо воспринимается как воплощение или местожительство божеств, духов, сверхъестественной силы, либо использовался как предмет культа в виде жертвенника, вместилища целебной воды, репера для астрономических наблюдений и т. п.» (Урганс, 1989. С. 47).

Рис. 2. «Козелий камень» в Боровичском районе
Новгородской области. Открыл Г. И. Ивановский.
Фото И. Д. Маланина 1986 г.

В. Матулис предлагал относить «следовики» к «мифологическим камням», основываясь на собственном опыте полевого обследования таких объектов, где «следы» часто имели природное происхождение (Матулис, 1985. С. 66). В связи с этим правомерно поставить вопрос: какие из знаков или изображений можно рассматривать в ассоциативном ключе? Большинство исследователей безусловно относят сюда «следы» – отпечатки стоп человека, лап животных и птиц, а также знаки «подковы». Именно о «следах» сохранилось множество легенд и преданий в Евразии и на других континентах.

Другая группа камней со знаками и без них не связана с информацией о языческих или христианских ритуалах. Их сакральный характер в древности не подтверждают и данные археологии. Так, в категорию «культовых камней-валунов» Белоруссии Л. В. Дучиц заносит камни с рисунками (пять объектов), с письменами (13 объектов), с редко встречаемыми знаками «в виде

крестов, стрелочек, решеток» (четыре объекта), с высеченными крестами (20 объектов) и Борисовы камни (семь объектов). При этом камни с высеченными крестами могли первоначально играть роль межевых знаков, на что указывают данные городских книг и юридических актов Белоруссии XVI–XVII вв. (Дучиц, 1985. С. 63–64). В Псковской области известны камни с необычными знаками – человеческой руки, стрелки, черты, котла (?), ключа (?) (Александров, 1983. С. 12). В Новгородской области есть валуны с высеченными крестами (семь экз.), а в Тверской – с такими знаками, как «трезубцы, костыли, крюки», «тамга Рюриковичей», рог тура, перекрещивающиеся линии, рука, лицо человека, фигура оленя, обод колеса (Шорин, 1991. С. 78; Курбатов, 1996а. Табл. 1). Следует отметить, что в отсутствие сохранившихся преданий убедительной объективной причины считать такие валуны культовыми не имеется. Многие из них, безусловно, служили межевыми знаками, ориентирами дороги или удобного пути. Подобные

Рис. 4. «Белый» камень на оз. Самро, Лужский район Ленинградской области. Фото автора 1983 г.

камни, а также валуны без следов искусственной обработки или знаков, но имеющие легенды, предания и личные имена: «кравцы», «Синий» камень (Комаров, 2003), «Конь», «Белый» (рис. 4), «Неронов пал», «Баш и Башиха», следует выделять в группу «историко-культурных валунов», как предлагал Ю. В. Уртанс (1989. С. 47).

Нельзя исключать культового значения некоторых «крестовиков», отличных от межевых по характеру изображений и сохранившимся о них поверьям (Александров, 1983. С. 15), а также отдельных межевых камней с собственными именами, остаточное почитание которых зафиксировано в XIX–XX вв., например Теплый камень в Псковской области (Плоткин, 1988. С. 42–44).

В целом же правомерно, на наш взгляд, независимо от наличия объективных причин для отнесения валунов к категории культовых объектов, учитывать их упоминание в преданиях, деловых записях или других видах исторических источников и на этом основании включать такие валуны в группу историко-культурных природных объектов. Положительным примером такого подхода, который ведет к сохранению и обобщению сведений о природных памятниках, пригодных для последующей аналитической работы, в настоящее время являются публикации сводок по отдельным регионам, например по Латвии и Литве (Urtāns, 1990; Vaitkevičius, 1998). Особо можно выделить широкое использование в позднем Средневековье выделяемых на местности крупных валунов в качестве межевых и пограничных знаков. О некоторых еще в XIX – начале XX в. сохранялись предания. На территории Ленинградской области серия пограничных валунов со знаками была элементом русско-шведской границы, определенной после Столбовского мира в начале XVII в. (Селин, 2016. С. 642 сл.).

Распространение почитаемых валунов

Традиция сакрализации отдельных валунов в определенной степени соотносится с географией их распространения. Следует отметить, что движение ледниковых щитов Европы в плейстоцене привело к созданию своеобразных форм ландшафта в гляциальных зонах. Валуны – одна из составляющих ландшафта – были разнесены ледником по обширным пространствам Европейской России, включая Воронежскую, Московскую, Горьковскую области, Мордовию, а также часть Украины вплоть до Днепропетровска (Ляукоу, 1992. С. 13, схема). Их расположение отмечает течение ледниковых масс. Например, некоторые специфичные карельские породы в виде валунов встречены в Подмосковье (Борисов, 1952. С. 20–21).

Для Белоруссии намечена взаимосвязь зон массового распространения ледниковых валунов и численности связанных с ними легенд (преданий). Концентрация историко-культурных камней фиксируется в районах массового распространения ледниковых валунов – в Полоцкой, Витебской и Минской областях, тогда как в Брестской, Гродненской и Гомельской областях таких преданий и валунов в ландшафте встречается сравнительно мало. Это наблюдение условно, поскольку отражает только степень изученности региона специалистами и сохранность народных преданий.

Число историко-культурных и культовых валунов сильно различается по регионам. Больше всего

их известно в областях, примыкающих к Балтийскому морю: в Эстонии более 1100 камней с чашевидными выемками (рис. 5; 6) (Lougas, 1972. С. 729–732); в Латвии к концу 80-х гг. насчитывали 343 объекта, в том числе 75 камней с различными углублениями и 104 «следовика» (Уртанс, 1988; 1989. С. 49; Caune, 1974); в Литве – более 300 жертвенных камней (Матулис, 1985. С. 65–66); в Белоруссии на 1985 г. отмечено более 156 объектов (Дучиц, 1985. С. 65).

Для северо-запада России описаны и картированы памятники Псковской, Ленинградской, Тверской и Новгородской областей (Александров, 1983; Курбатов, 1996а; Шорин, 1998). При этом следует отметить, что число описанных природных историко-культурных объектов постоянно возрастает в результате полевых работ археологов и этнографов в последние десятилетия. Так, в Псковской области к 1982 г. было «известно не менее 80 пунктов, где сохранились до настоящего времени или находились ранее культовые камни. Наиболее широко представлены «следовики» – 42» (Александров, 1982. С. 17). Исключая сомнительные или непроверяемые данные, А. А. Александров уточнил: «известно не менее 67 культовых камней», в том числе камни-«следовики» в 35 пунктах (Александров, 1983. С. 12). Но в начале 1990-х гг. исследователь насчитал уже не менее 130 почитаемых валунов на территории области (Александров, 1991. С. 62). Последующие разведки позволили откорректировать и эту цифру в сторону увеличения (Еремеев и др., 1996. С. 38–39). Такое же положение отмечается и для других областей и регионов. В Новгородской области к 1991 г. было около 80 культовых камней, тогда как на 1998 г. уже собраны сведения о более чем 120 валунах (Шорин, 1991. С. 77; 1998. С. 216). Недавние сводки историко-культурных валунов по Ленинградской (рис. 7; 8) и Тверской (рис. 9) областям также могут быть дополнены (Курбатов, 1995а; 1996а; 2000. С. 164–190). В Белоруссии на 1985 г. были известны 156 «культовых камней», среди которых 50 «следовиков», а на 1997 г. отмечено уже около 300 таких валунов, в т. ч. 64 «следовика» (Дучиц, 1985. С. 63; Курбатов, 2000. С. 133. Табл. 1). Процесс накопления сведений о «следовиках» в Латвии в 1950–1980-е гг. описал Ю. В. Уртанс (1988. С. 92–94).

Увеличение фонда почитаемых валунов, выявленных на местности или собранных по письменным источникам, идет в восточных и северных областях их массового распространения – в Ярославской, Владимирской, Калужской, Ивановской, Смоленской областях, в Каргопольском крае (Дучиц и др., 1997.

С. 101–106; Дубов, 1990. С. 87–92; Бакаев, 1996. С. 59; Прошкин, Фролов, 1990. С. 95–99; Хухарев, 1997. С. 57–65; Шевелев, 1992). Хотя общая тенденция к уменьшению числа почитаемых камней всех видов просматривается в направлении от берегов Балтики в восточном направлении (Курбатов, 1990. С. 65–67).

Историографический аспект

Научная проблематика почитаемых камней в Европе и в других частях света складывается уже в XIX в. В обзорной своей поездке по северным губерниям России в 1821–1822 гг. Зориан Доленго-Ходаковский среди прочего отмечал и знаменательные камни. Декабрист Павел Якушкин, сосланный в Новгородскую губернию, в путевых заметках отметил легенды и предания о «целебных» валунах и других природных и археологических объектах. Федор Глинка, проживая в с. Кузнецово Бежецкого уезда Тверской губернии, собирал в своем имении валуны с разными изображениями, позднее поступившие в Тверской музей (Якушкин, 1860; Жизневский, 1888. С. 25–29). В это время научный интерес к почитаемым камням проявлялся в Латвии, Литве, Белоруссии и Западной Европе (Дучиц, 1985; Уртанс, 1988; см. библиографию: Макаров, Чернецов, 1988; Формозов, 1965). Первая сводка камней-«следовиков» Максимилиана Баруха охватила страны Европы, Азии и Африки (Baruch, 1907). Спустя полвека появилось первое региональное описание камней-«следовиков» Литвы (Tarasenska, 1958).

Привлекающие внимание специалистов и краеведов культовые камни «обросли» внушительной библиографией. Интерпретация камней и знаков отражает стадиальность их изучения. В отечественной историографии XIX в. преобладало мнение о принадлежности камней с изображениями и знаками древним славянам языческой поры. В первую очередь это относится к валунам со «следками», чашевидными углублениями и крестами. Это мнение основывалось на сохранении легенд и преданий, доживших до XIX в. Можно упомянуть сведения о «стопе Богородицы» в Почаевской лавре, Конь-камне в Ефремовском уезде, камнях «Баш и Башиха» в Одоевском уезде. Н. М. Карамзин называл такие валуны памятниками «каменосечного искусства древних славян», прежде всего указывая на камень «Степан» (Жизневский, 1888).

Мнения исследователей XIX–XX вв. имеют ряд общих черт, несмотря на различия в интерпретации отдельных видов валунов. Частично они зависят от уровня обобщения источников и широты привлекаемых аналогий. Общим в рассуждениях можно назвать типологическую нерасчлененность изображений и знаков в разных контекстах. Так, появления «следов» человека на скалах и валунах,

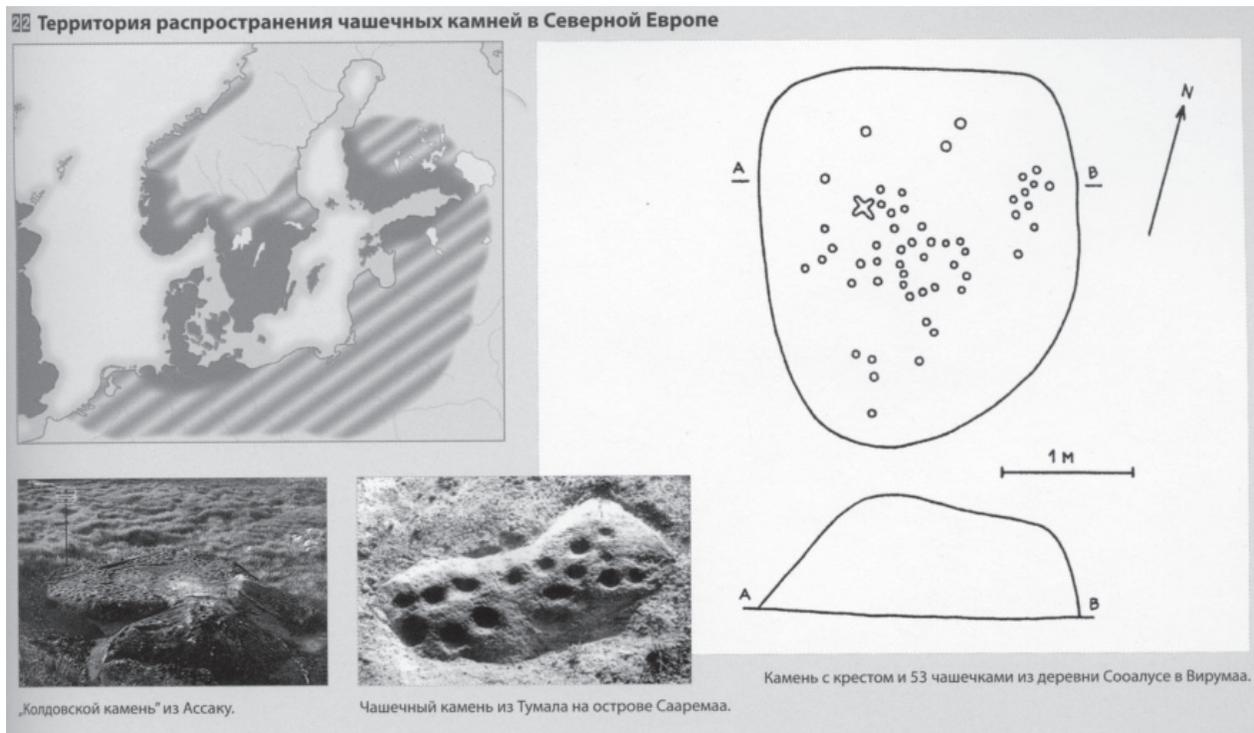

Рис. 5. Распространение чашечных камней в Северной Европе (Крийска и др., 2009. Ил. 22)

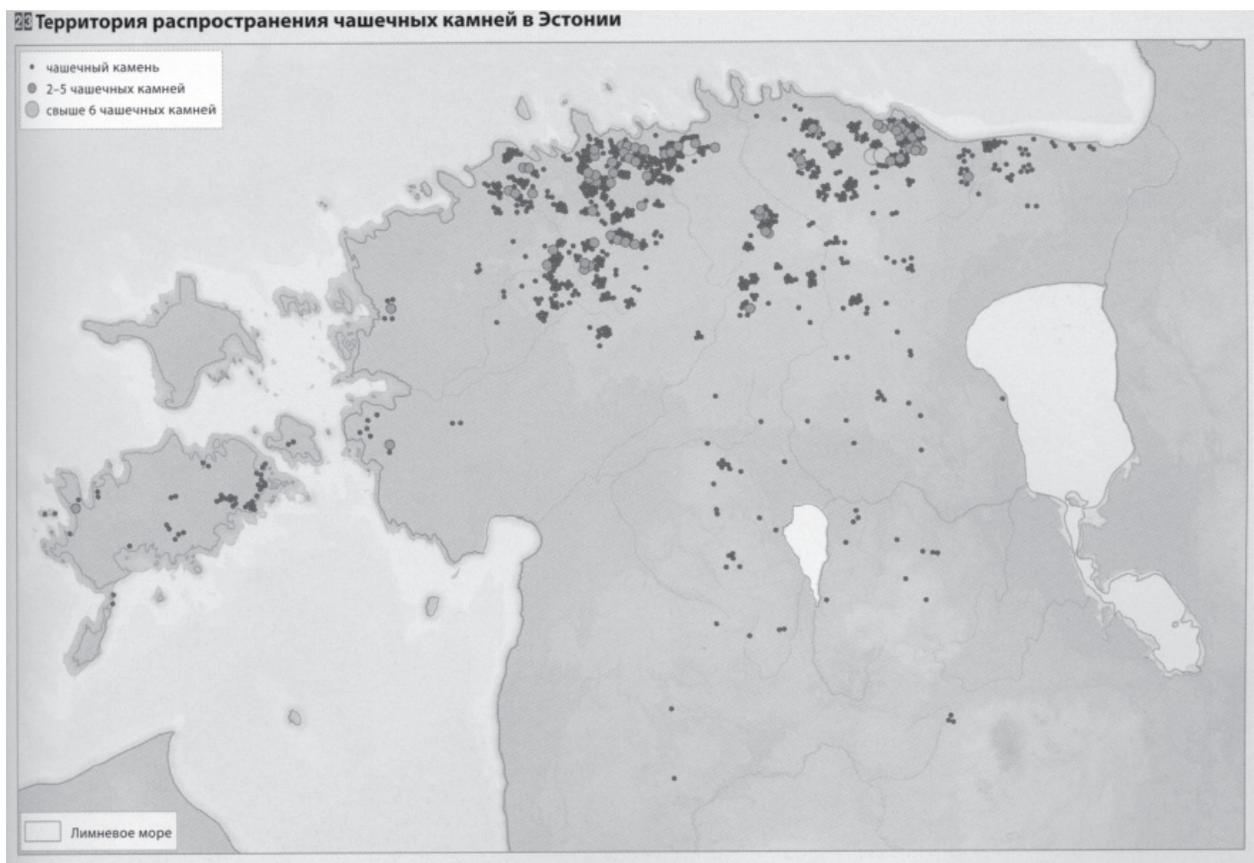

Рис. 6. Распространение чашечных камней в Эстонии (Крийска и др., 2009. Ил. 23)

Рис. 7. Камень-«следовик» у д. Соколок, Лужский район Ленинградской обл. Разведки В. И. Тимофеева 1984 г.

Рис. 8. Камень с неопределенными знаками у д. Воложба Тихвинского района Ленинградской обл. Разведки А. А. Ильина 1991 г.

Рис. 9. Валун с углублением в виде следа стопы на Домашевой горе близ д. Медведево Бологовского района Тверской области. Фото И. Д. Маланина

разбросанных по всем континентам, сводятся к одним и тем же причинам и считаются взаимосвязанными. Можно говорить о методической неразработанности проблематики (Формозов, 1965. С. 136–137), на что указывали многие современные исследователи (Уртанс, 1989; Шорин, 1991; Макаров, Чернецов, 1988; Шевелев, 1992; Панченко, 1990).

Наиболее уязвима для критики сама база источников. Основное здесь – это понимание неправомерности суждений о почитании конкретных валунов в дохристианское время на основе данных значительно более позднего времени (XVI–XX вв.). «Глубина народной памяти» требует своего обоснования и подтверждения, что для большинства камней проблематично. Объективные данные могут быть получены только на основе комплексного метода, т. е. сбора и оценки археологической, фольклорно-этнографической и исторической информации по каждому памятнику, что и было предложено на конкретных примерах (Макаров, Чернецов, 1988; Панченко и др., 1997. С. 365).

Основная проблематика на современном этапе

Критическая часть современных работ по данной проблематике выявляет нерешенные вопросы, из которых становится ясно, что главное сейчас – это возможность введения в научный оборот всего массива собранных материалов о почитаемых валунах Восточной Европы. Строго научный подход к сбору разносторонней информации на основе методических разработок каждой исторической дисциплины (истории, археологии, этнографии, фольклористики) для подавляющего большинства объектов или невозможен, или объективно затруднен. Многие валуны, описанные в XIX – начале XX в., сейчас на местности не найдены и могут уже не существовать. Объяснения этому многократно приводились: использование в фундаментах построек, разбивание их для разных целей, перемещение с целью освобождения площади под посевы, заболачивание и залесенность местности и другое. Потеря объектов на местности, а также их перемещение исключают возможность археологического изучения, привязку к ландшафту и группам археологических памятников.

Такое положение отмечено во всех регионах. В сводке «следовиков» Белоруссии размеры камня указаны в 16 случаях из 64, а размеры знаков – в восьми случаях (Дучиц и др., 1997. Табл. 1), что показывает отсутствие современного обследования. В Латвии на сегодняшний день археологи обследовали, описали и обмерили 36 «следовиков» из 98 известных. Из этого общего числа до наших дней сохранилось 27 камней; 11 ранее уничтожены,

о степени сохранности остальных 60 «следовиков» нет достоверных сведений. Археологами на местах эти камни не проверены или не найдены (Уртанс, 1988. С. 97). Факты уничтожения камней известны и в Новгородской области (Шорин, 1998. С. 216).

Трудно проверить и фольклорно-этнографические сведения. Для многих камней они не сохранились или собраны неполно. В этом случае огромное значение имеют преемственность населения конкретного места (региона) и сохранение им традиционного уклада, а также местных легенд и преданий. Тогда как бурные события XX в. пагубно отразились на сохранении традиционной культуры во многих областях и регионах Восточной Европы. Например, в Ленинградской области большинство населения, и сельского и городского, неоднократно сменялось. Первая мировая война, революция 1917 г. и Гражданская война 1918–1920 гг. вызвали отток жителей, а коллективизация и «борьба с кулаками» вылились в массовые репрессии и переселения в отношении многих крепких крестьянских хозяйств. После Второй мировой войны значительно сократилась численность населения области, в первую очередь сельского. Послевоенную разруху дополняли укрупнения колхозов и совхозов, когда многие деревни были заброшены, а мелиорация 1960–1980-х гг. уничтожала участки ранних поселений вместе с археологическими памятниками. В результате большинство сведений XIX – начала XX в. о почитаемых объектах в настоящее время не подтверждается, а сохранившиеся валуны, как правило, не имеют легенд и преданий. Эта тенденция продолжается и в начале XXI в.

Таким образом, при критическом подходе к изучению таких памятников значительная часть валунов должна быть изъята из научного оборота в силу непроверяемости и гипотетичности их существования, неосуществимости комплексного изучения объекта. Однако возможен и другой подход. Следует рассматривать такие объекты не как археологический, а как фольклорный источник, не выводя их за рамки статистического охвата материала. В целом проблема источника для изучения почитаемых природных объектов остается основной, хотя возникают и другие вопросы. Например, остается непонятным, в какой степени подвергнутые комплексному изучению единичные объекты можно рассматривать как отражение общих тенденций или закономерностей развития религиозно-мифологических представлений древнего населения. Правомерно ли использование фольклорных материалов о непроверяемых на местности памятниках, известных по литературе?

В последние годы XX в. усилился скепсис в отношении времени появления почитаемых валунов в Восточной Европе. Для этого имеются серьезные основания. Н. А. Макаров и А. В. Чернецов, выступая с критикой работы А. А. Александрова, настаивали «на строгом подходе к материалу», хотя не сомневались, «что почитание ряда камней, несомненно, связано с дославянской эпохой» (Макаров, Чернецов, 1988. С. 84). Более резко выразил свое мнение А. А. Панченко: «дальнейшее изучение «дохристианского этапа» почитания камней и тем более родников и деревьев на территории северо-запада России не представляется возможным», поскольку «археологические сведения о культовых камнях крайне скудны» (Панченко, 1990. С. 94–95). Он скептически относился к привязке почитаемых валунов к археологическим памятникам I тыс. н. э. или более ранним и высказал сомнения в отношении связи валунов с дохристианскими воззрениями на основании имеющихся преданий и легенд (Панченко, 1994. С. 109). По его мнению, прежде всего «почитаемые камни и источники были своеобразными «деревенскими святынями» в период позднего Средневековья и Нового времени. Будучи топографическими объектами, и камни, и источники составляли часть «культурного ландшафта» русской деревни» (Панченко и др., 1997. С. 118; Панченко, 1998).

Такой взгляд не нарушают и известные по средневековым письменным источникам почитаемые валуны, например камень в Переяславле, из которого преподобный Иринарх изгнал беса (Житие Преподобного Иринарха, 1909. Стлб. 1373–1374), или летописное сообщение архиепископа Макария 1534 г., что «в Чюди и в Ижере и в Кореле и во многих Руских местех в прежереченых оных скверные молбища идолские удержашася и до царства... великого князя Ивана Васильевича... Суть же скверные молбища их лес и камение и реки и блата и горы и холмы» (ПСРЛ, 1851. Приложение В. С. 73–74).

В средневековых русских письменных источниках упоминаются и другие камни со знаками, встреченные в разных регионах Евразии. В Никонской летописи под 1389 г. пространно описывается «хождение» московского митрополита Пимена в Царьград и все им виденное, в том числе: «Въ той церкви на камени выпечаталася стопа Господня, яко жива видети есть, какъ на воску выпечатана сего часу» (ПСРЛ, 1897. С. 105). В «Хождении Трифона Коробейникова» 1593–1594 гг., вероятно, о том же камне записано: «Въехалъ Господь нашъ на тотъ камень... и ста камень подъ жребцомъ аки воскъ мякокъ, и

вообразишься стопы жребцовы въ тотъ камень до полупалца глубоки, знати стопы и до сего дни» (Словарь русского языка, 1990. С. 249). Подобное имеется и в «Хождении священноинока Варсонофия к святому граду Иерусалиму» в 1456 и 1461–1462 гг.: «Ту ес(ть) место идеж(е) лежали крсты, и над стымъ (в рукоп.: на стомъ) местом закрыто и замуровано великим камением и выпечатаны крсты, от них же благоухание велико ес(ть)» (Словарь русского языка, 1976. С. 233). В одной из челобитных Никиты Добрынина (Пустосвята) 1665 г. также упоминается камень: «Обретоша крыжь на камени вытесань, и тотъ крыжь тотчасъ митрополить стесати повеле» (Словарь русского языка, 1976. С. 265).

Формирование негативных взглядов на древность почитания камней можно рассматривать как попытку объективации научных представлений при наличном фонде источников и выражение взглядов, положительных и перспективных для дальнейших разработок. Учитывая позитивистское направление в оценке источников, можно предложить следующее:

1) решение вопросов о времени бытования и использовании «почитаемых камней», о времени появления знаков и изображений на них и об отражении функции валунов в фольклорно-мифологическом контексте возможно только при охвате всего наличного материала на широкой территории; одним из этапов решения общих задач будет сравнительная статистическая оценка материала отдельных регионов и областей (как географических, так и административных), что позволит локализовать материальные или фольклорные признаки данных объектов;

2) необходимость использования дифференцированного подхода к сбору и обработке информации о камнях на основе методик ряда исторических дисциплин (письменной истории, археологии, этнографии, фольклористики); археологам следует уделять больше внимания точному описанию самого камня, его местоположения, составу и характеру знаков, топографической ситуации и связи с другими близлежащими памятниками;

3) имеется необходимость в создании единой типологии знаков. На сегодня исследователи предложили для каждого региона (области) свои типологии, расходящиеся в ряде позиций. Например, М. В. Шорин и А. А. Александров не разделяют валуны с выемками различных форм и размеров (Александров, 1983. С. 15; Шорин, 1991. С. 78). Исследователи в странах Балтии, напротив, разделяют искусственные углубления по форме и размерам, находя культурно-хронологические

отличия. Так, выделены небольшие «чашевидные углубления», относимые к I тыс. до н. э., в большом количестве открытые в Эстонии (Матулис, 1985. С. 65), а также цилиндрические, конические, прямоугольные, трапециевидные и тазообразные углубления – «канавки», относящиеся к более позднему времени, и разные формы камней в Латвии (Сауне, 1974. Р. 89; Уртанс, 1992. С. 38);

4) необходим целенаправленный сбор фольклорного материала; его сопоставление с письменными и археологическими источниками показало, что легенды и предания о природных объектах отражают только позднесредневековую культурную традицию. Находимые здесь «языческие переживания» во многих случаях не имеют фиксированной связи с более ранними дохристианскими культурами. Это подтверждают и материалы археологических раскопок возле камней (Уртанс, 1988. С. 104–105; Шорин, 1998. С. 218–219), и выводы о начале почитания валунов в Каргополье (Макаров, Чернецов, 1988. С. 88). Выводы исследователей наводят на предположение о том, что «глубина народной памяти», заключенная в данных этнографии и фольклора, не уходит в глубь веков далее XV–XVI вв. и не является основанием для более древних палеокультурных реконструкций. Можно предполагать полное забвение раннеславянского пласта преданий о валунах к этому времени.

Археологические данные и возможности датировки

Неполноту наличной базы источников нельзя считать основанием для сомнений в почитании валунов в дохристианский период славянской истории. Материалы I тыс. н. э. и даже более ранние возле валунов имеются. Учитывая высокий процент перемещенных валунов, прирост позитивных археологических данных не будет быстрым, а отсутствие при раскопках вообще каких-либо материалов не должно удивлять.

Первый положительный опыт дали исследования Г. С. Лебедева возле валуна у д. Большое Конезерье в Лужском районе Ленинградской области. Здесь на камне Параскевы Пятницы, видимо, в XVI в. была поставлена часовня. Найденные у валуна керамика и другие предметы Средневековья и Нового времени могут отражать длительность почитания камня. Судя по монетному комплексу, оно продолжалось до последнего времени (Лебедев, 1980; 1987. С. 69).

В последнее время появились и другие находки. Камень у д. Будник на р. Черехе в 8 км от Пскова в преданиях связан с местом рождения князя Владимира Святославича. Камень почитался до

недавнего времени. Местные жители усматривали на нем очертания креста и стопы человека. На полосе берега возле валуна найдены мелкие фрагменты лепной и раннегончарной керамики X в. (Александров, 1996. С. 102–103). В южной части Велижского района Смоленской области, у д. Староселье обследовано селище второй половины I тыс. н. э., рядом с которым найдены несколько валунов с изображениями подковы и камней-«чашечников» (Мазуркевич и др., 1996. С. 3–5). В 18 км от г. Козельска Калужской области, в урочище Чертово городище, на мысовой части городища разведками собрана керамика первой половины I тыс. н. э. Здесь же лежал валун, на котором сохранилось шесть чашевидных выемок диаметром 0,02–0,07 м при глубине 0,04–0,20 м (Прошкин, Фролов, 1990. С. 59). Кроме того, раскопки у четырех камней в Новгородской области дали только позднесредневековый материал (Шорин, 1998. С. 218). В свете таких находок в последние десятилетия представляет интерес возможность ландшафтного соотнесения валунов и других археологических памятников, особенно в периферийных зонах массового распространения природных объектов почитания, например в Каргополье.

Говоря о датировке культовых валунов, не следует рассматривать обобщенно всю их совокупность. Наиболее ранними, по мнению исследователей, являются камни с чашевидными выемками, появление которых в Эстонии, Латвии, Литве и Финляндии относят к I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. Чашевидные выемки на валунах, по сведениям финских и эстонских специалистов, использовались для поминальной жертвы умершим, а сами камни располагались вблизи или на территории древних могильников (Уртанс, 1987. С. 72; 1988. С. 103). Один из таких валунов, бывший своего рода языческим жертвенником, обследовался возле городища Имбаре в Кретингском районе Литвы. На его верхней стороне зафиксировано 75 чашевидных выемок диаметром 0,03–0,06 м и глубиной 0,005–0,02 м. Под валуном открыта площадка диаметром 6 м, вымощенная мелкими колотыми камнями, со следами костра. Это жертвенное место функционировало в период заселения городища в первой половине I тыс. до н. э. (Даугудис, 1988. С. 13).

К древним языческим жертвенникам в Литве и Латвии также относят камни правильной округлой формы, расширяющиеся книзу, с крупными цилиндрическими углублениями (диаметром 0,15–0,16 м и глубиной до 0,10 м) и камни с коническими углублениями. Обряды с использованием огня происходили на них, судя по керамическим ма-

териалам, в начале II тыс. н. э. Возле камней с плоскодонными выемками языческие обряды совершались и в XVI–XVIII вв. (Матулис, 1985; Уртанс, 1992. С. 38–39; Урбанавичюс, 1985. С. 164–165). Камни с корытообразными выемками в Латвии также использовались для языческих действий и жертвоприношений (Сауне, 1974. Р. 98). Следы обрядовых кострищ обнаружены и возле некоторых «следовиков» со звериными лапами и другими «следами». Часть из них датируется началом II тыс. н. э., а другие – и более ранним временем (Даугудис, 1988. С. 14).

Необычность сюжета или техники нанесения изображения на валуне также может быть основанием для датировки. Так, в зоне современной городской застройки г. Твери местным жителям давно известен камень с несколькими знаками, выполненными на ровной верхней стороне в технике точечной выбивки. Наиболее отчетливо видны «след», «овал», «крест» и две группы из трех параллельных линий (рис. 10). Сравнительный анализ изображений позволяет сопоставлять эти знаки с комплексами петроглифов Скандинавии, а также с изображениями на камне Щеглец на реке Вишере (Формозов, 1965. С. 132; Курбатов, 1996б. С. 348–349).

Долгое время Щеглец был едва ли не единственным в лесной полосе Восточной Европы описанным петроглифическим комплексом, кроме наскальных групп Урала и Беломорья. Выбитые в точечной технике контурные знаки «стоп и ладоней», солярные и грибовидные знаки А. А. Формозов сравнивал с аналогичными рисунками из Каменной Могилы под Мелитополем и с петроглифами Скандинавии, где последние трак-

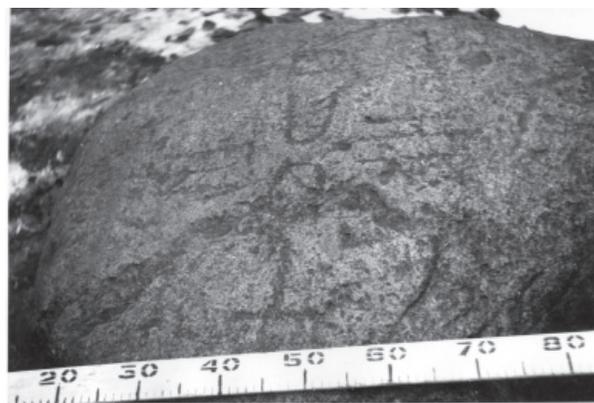

Рис. 10. Камень с петроглифами из Твери.
Фото А. В. Курбатова

туются как изображения колесниц. Хотя близкие по стилю и технике нанесения знаки в последние годы опубликованы в Белоруссии. У д. Стайки Логойского района на одном из валунов контурной линией выбиты знаки «падобны на лук са стралой ці на чалавека» (Ляукоу, 1992. С. 163–167). Здесь же есть изображения креста, «конверты» и «сонейки». В Белоруссии ранее были известны и другие камни с высеченными неопределенными рисунками. У местечка Петровичи в бывшем Климовицком повете лежал валун «з фігурамі і літарамі», а около Логойска местные жители рассказывали о большом валуне, покрытом высеченными фигурками, а камни «с вырезанными фигурками» в Гродненской губернии ранее были уничтожены крестьянами при расчистке леса (Мялешка, 1928. С. 172, 175).

Практика комплексного источниковедения

Одной из проблем изучения остается отсутствие комплексного источниковедения применительно ко всей массе известных историко-культурных валунов. Ранний опыт комплексного охвата материала дают раскопки Г. С. Лебедева в Ленинградской области (Лебедев, 1987. С. 69). Другой пример комплексного подхода дан при изучении села Суйсарь в южной Карелии. В описании этнографических черт обрядности, относящихся к XIX–XX вв., приводится факт гуляний молодежи на Иванов день возле огромного камня «Табот». Здесь разводили костры, варили общую кашу, ели пироги, прыгали через костер, гадали на суженых. Археологические работы у камня, видимо, не проводились (Логинов, 1997. С. 126). Междисциплинарные исследования выполнены у д. Кашельково в Новгородской области. Найденный на могильнике каменный крест авторы работ связывают с раскопанным по соседству селищем XV–XVI вв. и аргументируют, таким образом, начало традиции сакрализации креста (Панченко и др., 1997. С. 365).

Здесь уместно отметить работу Т. А. Бернштам о взаимодействии народной культуры и христианского вероучения, рассматривающую стадильность проникновения основ христианского мировоззрения в жизнь и быт русского народа, его отражение в материальной и духовной культуре. В работе показаны ограниченные возможности христианских церковнослужителей влиять на все стороны жизни и быта сельского населения Руси в период феодальной раздробленности. «Многие церковные обычаи на местах рождались из народно-бытовых форм и органично вливались в обрядовую жизнь населения. Лишь в центрах церковь пыталась определить каноническое отправление обрядов «по христианскому закону», что не могло находить в то время широкого отклика и оставалось в рамках

митрополии или богословия» (Бернштам, 1989. С. 93–95). Впервые, по мнению исследователя, самобытность народной религии полностью проявилась в ходе централизации государства и церкви в XV–XVI вв. В этот период закрепляется разрыв между «культурами» низов и верхов, между ними начинается конфликт. Централизованная церковь активизирует борьбу по искоренению «неправедной» веры сельского населения: увеличивается поток поучений, постановлений духовных соборов, которые никогда полностью до низов не доходили. Реальная христианизация была обязанностью сельской приходской церкви, занимавшей крайне низкое положение в церковном строительстве, в уровне грамотности служителей и в их авторитете у прихожан на подавляющей территории России вплоть до рубежа XIX–XX вв. «Будучи частью... коллектива – общины или прихода, сельский клир вольно (или невольно) продолжал участвовать в творчестве народной религии» (Бернштам, 1989. С. 93–95).

Происхождение традиции почитания валунов Восточной Европы

Для ответа на этот вопрос представляется необходимым ограничить район поисков только Европой. Исследования последнего времени, обобщения отдельных групп памятников в разных частях Европы в значительной степени усиливают и конкретизируют мотивы для такого ограничения.

Среди ранних памятников привлекают внимание энеолитические антропоморфные каменные стелы Причерноморья со «стопами», а также петроглифы с такими же знаками из Каменной Могилы под Мелитополем. Стелы со «следами» отмечены в Причерноморье, на территории Украины, России, Молдавии, Румынии. Исследователи неоднократно обращались к их рассмотрению. Исключая перечисление широкого круга сходных изображений по всему миру, авторы специальных работ указывают на их непосредственную связь с конкретными археологическими комплексами в Западной и Восточной Европе. «Стопы» из Каменной Могилы прямо связаны со стелами ямной культуры с изображением ступней набором стилистических черт и привязкой к определенному кругу древностей (Титова, 1982. С. 12). Дальнейшее сравнение изображений на стелах и в Каменной Могиле идет по линии поиска аналогий только для одного элемента – следа ноги, что ограничивает любые наметившиеся сближения с подобными группами памятников в других регионах Европы. Поэтому, например, Н. А. Рычков не считает возможным связывать происхождение энеолитических стел Причерноморья с близкими им по времени стелами Западной Европы, по его мнению,

последние несут рисунки ноги, а не «стопы» (Рычков, 1982. С. 69).

Такие исследователи, как А. А. Формозов, обоснованно видят в причерноморских стелах «бесспорное свидетельство тесных связей искусства юга европейской части СССР и Средиземноморья в эпоху энеолита» (Формозов, 1980. С. 105–106). «Очень многое здесь перекликается с мегалитическими изваяниями Франции, Италии, Болгарии. Это трактовка носа и глаз в виде двух перпендикулярных друг другу черт, пояса и ожерелья, Т-образные скипетры и пастушьи палки, маленькие фигурки людей – близнецов. Совпадений столько, что случайными они быть не могут» (Формозов, 1980. С. 105–106). В доказательство этих связей приводятся «камни с изображением... пастушьих палок» на Херсонщине, аналогичные рисунки на скалах «на Западе». Кроме того, «совершенно одинаково показаны запряжки быков на гравировках Каменной Могилы в Приазовье и в горах Лигурии». Отмечена и приуроченность энеолитических изваяний, подобно дольменам, к побережью Черного моря и другому водному пути – Днепру (Формозов, 1980. С. 105–106).

Помимо антропоморфных стел А. А. Формозов привлекает для сравнения каменную плиту из Бахчи-эли под Симферополем. На ее верхней торцевой стороне видны два ряда круглых углублений. Он упоминает и сведения о валуне с чашевидными выемками в бывшей Херсонской губернии Российской империи. Такие углубления находят широкий круг аналогий в разных странах Западной Европы. Имеются они также на кавказских дольменах и на христианских храмах Армении (Формозов, 1980. С. 108, 114).

Находки каменных антропоморфных стел во Франции, Италии, на Мальте и в других регионах Западной Европы сопоставляются с наскальными изображениями и рисунками на мегалитических погребальных сооружениях. Сложилось мнение о единстве происхождения этих памятников в IV–II тыс. до н. э. в Средиземноморском бассейне (Berg, 1996. P. 363). Большое число (более 3200) чашевидных выемок на скалах и валунах встречено в Италии в Западных Альпах (Baldi, 1992. P. 115).

Таким образом, обозначается связь дольменных погребальных сооружений, антропоморфных каменных изваяний и серии знаков (изображений) на близких по времени и происхождению комплексах в разных регионах Европы. Эта связь подчеркивается и географическими признаками – приуроченностью к трансевропейским морским путям.

Можно уверенно говорить, что традиции наскальных изображений и соответствующих им знаков на отдельных валунах прослеживаются в разных регионах Западной Европы в течение длительного времени, вплоть до I–II тыс. н. э. Показателен один из наиболее известных и хорошо изученных петроглифических комплексов Западной Европы в долине Камоника в итальянских Альпах, где наскальное искусство не прерывается на протяжении последних 10 тысяч лет, где также есть изображения колесниц, стоп человека и чашевидные выемки, соответствующие комплексам мегалитических культур и более позднего времени (Anati, 1994).

Рассматривая дольменные постройки в Европе и на других континентах, В. И. Марковин пришел к выводу о наибольшем сходстве западно-кавказских дольменов с сооружениями в странах Средиземноморского побережья, включая памятники, расположенные на территории Западного Причерноморья, а на востоке с аналогичными постройками Деканского полуострова в Индии. С этим согласны многие отечественные и зарубежные ученые (Марковин, 1978. С. 291 и сл.). В III тыс. до н. э. строители дольменных построек из Средиземноморья начинают миграции в западном и восточном направлениях. Хронологический отрезок 2600–2100 гг. до н. э. специалисты называют «первым периодом морской торговли». Тогда же появляются и древнейшие изображения многовесельных и даже парусных кораблей на сосудах, каменных печатях, в виде глиняных моделей. При движении традиции (вместе с ее носителями) в новых условиях изменялись формы дольменов. Но сохранялись многие семантически значимые черты – конструктивные элементы и оформление (знаки, изображения). «Символизация, связанная со средиземноморскими мегалитическими постройками (включая гроты), в виде соляных знаков (солнечных изображений), зигзагов, углублений, напоминающих звездное небо, изображений частей человеческого тела (грудь, личина), сама идея воспроизводящей силы, заключенной в дольменах (гротах), находит аналогии в западно-кавказских памятниках» (Марковин, 1978. С. 314–315). Культурное наследие строителей дольменов Кавказа прослеживается и в причерноморских степях, и в Крыму.

Дольменообразные сооружения распространены по всему западному побережью Европы – от Испании до Северной Германии, Дании, южных районов Швеции и Норвегии. В Германии, например, известны не только длинные составные дольмены, врытые в землю, с круглым отверстием

в передней плите, но и каменные антропоморфные стелы, близкие по стилю находкам из Франции и Италии (Günther, 1996. P. 34–37).

Феномен мегалитической традиции в Европе до сих пор остается не до конца раскрытым, что приводит к появлению новых трактовок. Э. Л. Лаевская рассматривает саму идею традиции и ее реальное воплощение в разных частях Европы в противопоставлении «миру керамики» – традициям ранних цивилизаций Египта, Месопотамии, Восточного Средиземноморья. В основе различий лежат географические факторы, наследие культур поздних фаз верхнего палеолита, динамика социальных изменений. «Сакрально-художественную реальность, адекватную их мировоззренческой реальности, обитатели мира мегалитов творят не в хрупкой глине, а в традиционном для их культурного круга камне, и не в искусственно вылепленной модели, а в реальных пространственно-объемных категориях» (Лаевская, 1997. С. 134). Эта «западная» традиция, выраженная в каменных сооружениях, накладывает отпечаток на все последующее развитие культур круга мегалитов или подвергшихся их влиянию, придавая определенные мировоззренческие тенденции в культурах античной Греции и Рима.

Оценивая современные европейские исследования, А. Л. Монгайт писал, что вопрос о происхождении мегалитических построек сложен и до сих пор не решен. «Мегалиты не представляют единую культуру, их создали различные общины, и «мегалитическая» керамика в различных местах очень разная. Очевидно, причиной их сооружения является общая религиозная идея, зародившаяся в сходных социальных и географических условиях: попытка создать для умершего неразрушаемый, вечный дом». «Мысль о едином народе – строителе мегалитов окончательно опровергнута открытиями последних лет» (Монгайт, 1973. С. 263, 264). Древнейшие мегалиты в Западной Европе появились в Испании и Португалии (вторая половина IV тыс. до н. э.), распространяясь с юга на север. Северные сооружения более бедные по архитектурным формам, разнообразию инвентаря и количеству металла (Монгайт, 1973. С. 263, 264). Движение носителей мегалитических традиций шло как по суше, так и по морю вдоль побережья Атлантики и Северного моря (Формозов, 1980. С. 94; Чайлд, 1952. С. 412–413, 418).

На карте распространения мегалитических камерных погребений в Западной Европе осталась не охваченной восточная часть побережья Балтийского моря, включая страны Балтии и северо-запад России

(Монгайт, 1973. С. 267). Между тем элементы такой традиции там имеются. В Литве это вертикально стоящие камни-столбы, или менгиры (stabakuliai), которые в устных народных преданиях считаются окаменевшими людьми. Аналогичные объекты известны в Белоруссии, в земле ятвягов (сцепкамни). В Литве найдено большое разнообразие различных видов почитаемых валунов: каменные алтари на языческих святилищах, камни-«кресла», или «Чертов трон», камни-«кровати», камни-«столы», камни-«следовики» и «чашечники», валуны с выемками разной формы и размеров (Vaitkevicius, 1998. P. 722–726). Не менее вариативны виды историко-культурных камней Латвии и Белоруссии, где сохраняется огромное количество легенд и преданий о них. Но чем дальше к востоку от побережья Балтики, тем меньше становится историко-культурных валунов и тем беднее фольклорный пласт (Курбатов, 1990. С. 56–57). В этом можно видеть длительность и полноту влияния носителей мегалитических традиций вблизи побережья Балтики в отличие от более удаленных территорий.

В приведенных примерах видна определенная связь различных мегалитических сооружений в Европе с наскальными изображениями и знаками на камнях. Конечно, остается еще много неясного и непроверенного, однако «близкие аналогии знакам Щеглеца в Южной Швеции и на Каменной Могиле не случайны... Улавливаются эти связи и при анализе памятников искусства» (Формозов, 1965. С. 134). Известные сегодня петроглифы эпохи бронзы на валунах лесной зоны Восточной Европы в некоторой степени свидетельствуют о проникновении сюда отголосков традиций почитания мегалитических сооружений. При наличии огромного числа ледниковых валунов это почитание выливается в особые формы.

Появление петроглифов на валунах в Северной Европе значительно отстает по времени от проникновения сюда традиции сооружения дольменов. Если первые мегалиты в Северной Европе появляются в III периоде неолита (по О. Монтелиусу) – в 2500–2000 гг. до н. э. (Монгайт, 1973. С. 273), то ранние знаки на камнях и скалах Южной Швеции, по мнению М. Мальмера (Malmer, 1981), относятся к рубежу II–III периодов эпохи бронзы (Чайлд, 1952. С. 62), что соответствует в абсолютной хронологии времени от 1200 до 1000 г. до н. э. (Kuhn, 1966. P. 173) и продолжают создаваться даже в эпоху железа. К этому времени относятся погребальные сооружения из каменных плит или валунов. На плитах подчас высекались изображения, сходные с наскальными рисунками. Наиболее известен в этом

отношении курган Кивик на восточном побережье Швеции (Монгайт, 1974. С. 105, 108).

Таким образом, можно представить, что появление в Северной Европе и, в частности, на северо-западе России самой идеи отражения иррациональных представлений в каменных сооружениях или в отдельных валунах и скалах, которая отмечена в южной части Европы и в Причерноморье в эпоху раннего металла, относится к III–II тыс. до н. э. На северо-востоке Балтийского ареала мегалитические традиции приняли специфические формы. Здесь использовали по большей части не искусственно обработанные камни для погребальных сооружений, а природные валуны ледникового происхождения. Из них делали каменные вымостки, складывали т. н. «каменные кучи» и даже курганы.

Во второй половине эпохи бронзы в Прибалтике были распространены курганные могильники с каменными венцами, другими конструкциями и каменными ящиками. В частности, известна группа т. н. ладьевидных могил с каменной надземной обкладкой ладьевидной формы. Эти памятники датируются концом II – первой половиной I тыс. до н. э. (Граудонис, 1967. С. 34–39, 41–47, 68–73). Показательно и жертвенное место, найденное при раскопках городища Курмаячай в Кретингском районе Литвы, в виде сложенного из валунов полукруга диаметром 18 м. В центре его выложена мелкими камнями четырехугольная площадка – жертвенное место конца I тыс. н. э. Здесь собраны фрагменты штрихованной лепной керамики со слегка шероховатой поверхностью (Даугудис, 1988. С. 14–15).

В определенной связи с традициями мегалитических сооружений стоят и своеобразные памятники севера Европейской России – каменные лабиринты и сейды. Раскопки связанных с ними поселений позволяют предполагать, что лабиринты сооружали в течение длительного периода – II–I тыс. до н. э. О назначении лабиринтов мнения разделяются: одни ученые полагают, что они как-то связаны с рыболовством, другие не отрицают их культового использования (Мулло, 1966. С. 185 и сл.). Сейды традиционно трактуются как культовые камни саамов, у которых делались жертвоприношения для обеспечения удачи в охоте и других делах (Мизин, 2006б).

К I тыс. до н. э. иррациональные представления о валунах у народов северной половины Европы получают окончательное оформление и в этом виде сохраняются до настоящего времени.

Выводы

Необходимость дальнейшего изучения, полного научного описания и публикации различных природных историко-культурных объектов при всей неоднозначности их научной трактовки не подлежит сомнению. Однако делать это становится все труднее, особенно на фоне расширения хозяйственного освоения территорий. Примером служит современная жилая застройка вблизи средневековых памятников археологии у д. Ольховка Приозерского района Ленинградской области (Лапшин, 1995. С. 169–171; Сакса, 2010. С. 50 и сл.), где зафиксирован комплекс поселений, могильников и культовых камней (рис. 11). Хотя непосредственно существующие охранные зоны не нарушаются, у археологов вызывает тревогу застройка, начавшаяся вблизи культовых камней, поселений и могильников (рис. 12). Решением возникающих проблем такого рода стало бы полное археологическое изучение всей площади памятников и перемещение валунов на территорию музеев для создания ландшафтной экспозиции (Курбатов, 1995б. С. 55–58). Положительный опыт такого перемещения можно увидеть в Тверском и Осташковском краеседческих музеях (рис. 13; 14).

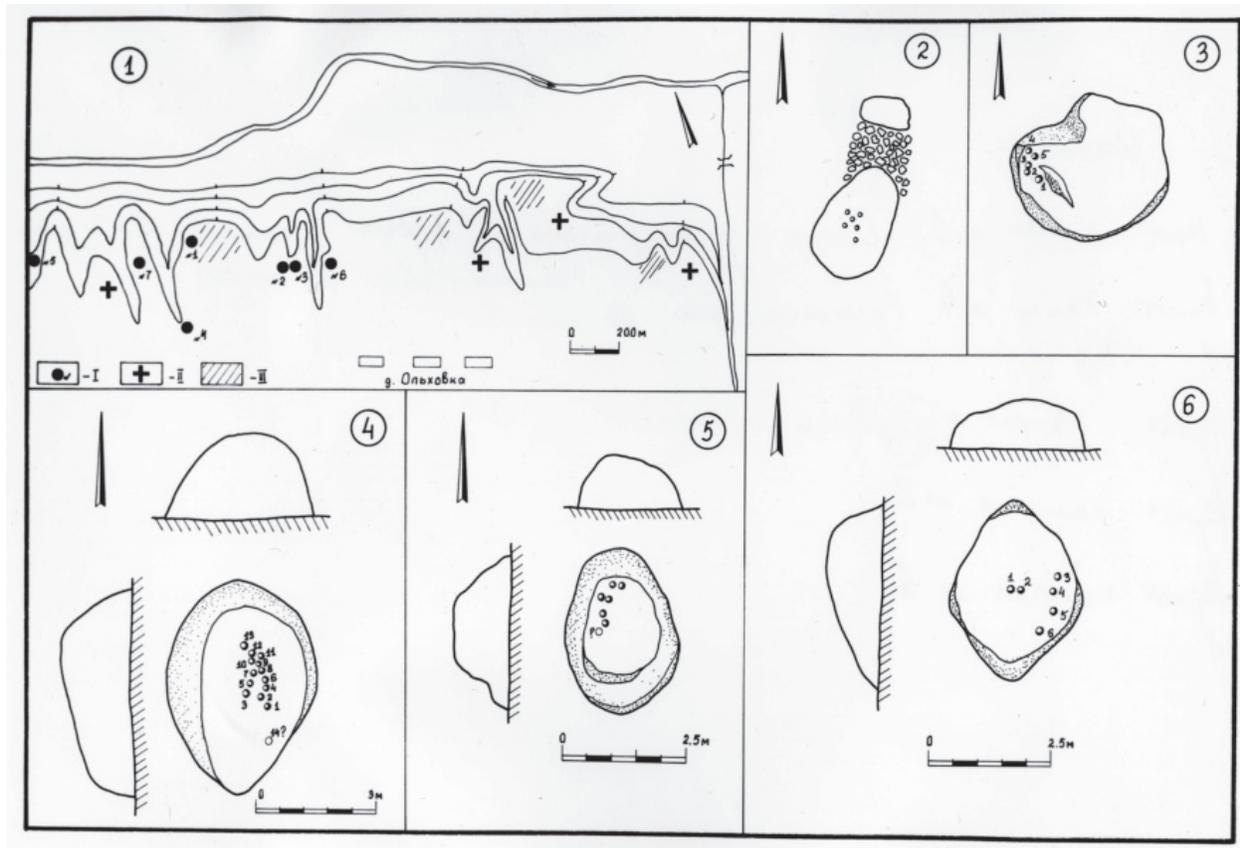

Рис. 11. Средневековые памятники у д. Ольховка в Ленинградской области: 1 – расположение археологических объектов; условные обозначения: I – культовые камни, II – могильники, III – поселения; 2 – культовый камень № 1; 3 – культовый камень № 4; 4 – культовый камень № 5; 5 – культовый камень № 2; 6 – культовый камень № 6

Рис. 12. Расчистка края коренного берега от деревьев в 30 м от ближайшего охраняемого культового камня. Фото А. В Курбатова 05.09.2016 г.

Рис. 13. Камень-«следовик» у д. Меглино. В экспозиции Тверского музея. Фото А. В. Курбатова

Рис. 14. Камень-«следовик» из д. Конец. В экспозиции Осташковского музея. Фото А. В. Курбатова

Источники и литература

- Александров А. А., 1982. Следы язычества на Псковщине // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков.
- Александров А. А., 1983. О следах язычества на Псковщине // КСИА. Вып.175.
- Александров А. А., 1991. Культурные камни Псковской земли: язычество и христианство // Земля Псковская, древняя и современная. Псков.
- Александров А. А., 1996. Разведка в окрестностях д. Будник под Псковом // Новые археологические открытия и изучение культурной трансформации. СПб.

- Бакаев А. М., 1996. Культурные камни Переяславского Залесья // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Иваново. Вып. III.
- Бернштам Т. А., 1989. Русская народная культура и народная религия // СЭ. № 1.
- Борисов П. А., 1952. О чем говорят камни Карелии. Петрозаводск.
- Граудонис Я. Я., 1967. Латвия в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Начало разложения первобытнообщинного строя. Рига.
- Даугудис В., 1988. О языческих святилищах в Литве // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тез. докл. науч. конф. «Древнерусское язычество и его традиции». Псков.
- Дубов И. В., 1990. Новые источники по истории Древней Руси: Учебное пособие. Л.
- Дучиц Л. В., 1985. Культурные валуны, каменные идолы и кресты на территории Белоруссии // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков.
- Дучиц Л. В., Зайковский Э. М., Левков Э. А., Карabanов А. К., Винокуров В. Ф., 1997. Камни-следовики Белоруси // Гістарычна-археалагічны зборнік. Минск. № 9.
- Еремеев И. И., Короткевич Б. С., Фурасьев А. Г., 1996. Работы Северозападной экспедиции Эрмитажа в Смоленской и Псковской областях // АО 1995 г.
- Жизневский А. К., 1888. Описание Тверского музея. Археологический отдел. М.
- Житие Преподобного Иринарха // Русская Историческая библиотека. СПб. 1909. Т. XIII.
- Исланова И. В., 1997. Разведочные работы в Удомельском и Вышневолоцком районах Тверской области // АО 1996 г.
- Комаров К. И., 2003. Древние боги Ярославской земли // Сообщения Ростовского музея. Ростов. Вып. XIV.
- Крийска А., Тваури А., Селарт А., Кибал Б., Андресен А., Паюр А., 2009. Атлас истории Эстонии. Таллинн.
- Курбатов А. В., 1990. О выделении языческих культурных объектов (на примере камней-следовиков) //

- Реконструкция древних верований: источники, метод, цель. Л.
- Курбатов А. В., 1995а. Культурные камни и почитаемые источники на территории Ленинградской области // В. А. Лапшин. Археологическая карта Ленинградской области. СПб. Ч. 2.
- Курбатов А. В., 1995б. Природные историко-культурные объекты как основа ландшафтной экспозиции // Музей в современной культуре. Тез. докл. науч. конф. СПб.
- Курбатов А. В., 1996а. Историко-культурные валуны Тверской области // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь. Вып. 1.
- Курбатов А. В., 1996б. Камень с петроглифами из г. Твери в контексте проблематики наскальных изображений Европы // ТАС. Вып. 2.
- Курбатов А. В., 2000. Загадочные знаки на камнях // Отечество. М.
- Курбатов А. В., 2002. Проблематика изучения природных историко-культурных объектов Восточной Европы на современном этапе // ТАС. Вып. 5.
- Лаевская Э. Л., 1997. Мир керамики и мир мегалитов. Две художественные традиции в искусстве доантичной Европы. М.
- Лапшин В. А., 1995. Археологическая карта Ленинградской области. СПб. Часть 2: Восточные и северные районы.
- Лебедев Г. С., 1980. Памятники Дремяцкого плато в Верхнем Полужье // АО 1979 г.
- Лебедев Г. С., 1987. Памятники урочища «Священка» на озере Врево в Верхнем Полужье // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков.
- Логинов К. К., 1997. Этнографическое описание села Суйсарь // Село Суйсарь: история, быт, культура. Петрозаводск.
- Ляукоу Э. А., 1992. Мауклівыя сведкі мінушчыны. Мінск.
- Мазуркевич А. Н., Короткевич Б. С., Лопатин Н. В., Фурасьев А. Г., Еремеев И. И., 1996. Работы в Псковской и Смоленской областях в 1995 г. // Отчетная археологическая сессия Государственного Эрмитажа. СПб.
- Макаров Н. А., Чернецов А. В., 1988. К изучению культовых камней // СА. № 3.
- Маланин И. Д., 1998. Историко-культурные камни по данным личного архива. М. (Краеведческие архивы. Археология и этнография. Вып. 1).
- Маланин И. Д., 1999. Камни с изображениями в Новгородской области. М. (Краеведческие архивы. Археология и этнография. Вып. 3).
- Марковин В. И., 1978. Дольмены Западного Кавказа. М.
- Матулис В., 1985. Литовские жертвенные камни // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков.
- Мизин В. Г., 2006а. Культурные и сакральные места Ленинградской области. СПб.
- Мизин В. Г., 2006б. Сейд, каменная легенда Лапландии. СПб.
- Монгайт А. Л., 1973. Археология Западной Европы. Каменный век. М.
- Монгайт А. Л., 1974. Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века. М.
- Мулло И. М., 1966. К вопросу о каменных лабиринтах Беломорья // Новые памятники истории древней Карелии. Археологический сборник. М.-Л.
- Мялешка М., 1928. Камень у вераньях і паданьях беларуса // Запіскі Аддзелу гуманітарных навук. Менск. Кн. 4: Працы катэдры этнаграфіі. Т. 1. Сшытак 1.
- Панченко А. А., 1990. Почитаемые камни, родники и деревья как историко-культурный источник // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. Вып. 3.
- Панченко А. А., 1994. О проблеме культурно-исторической атрибуции культовых камней Северо-Запада России // Тез. докл. междунар. конференции, посвященной 100-летию В. И. Равдоникаса. СПб.
- Панченко А. А., 1998. Исследования в области народного православия. Деревенские святые Северо-Запада России. СПб.
- Панченко А. А., Селин А. А., Яшкина В. Б., 1997. Почитаемое место у деревни Кашельково. Опыт междисциплинарного исследования местной

- святыни // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. Вып. 11.
- Плоткин К. М., 1988. Теплый камень – пограничный знак на западном псковском рубеже // Древнерусское язычество и его традиции. Тез. докл. науч. конф. Псков (Археология и история Пскова и Псковской земли).
- ПСРЛ. СПб. 1851. Т. V: Псковские летописи // ПСРЛ. М. 2003. Т. V. Вып. 1: Языки славянской культуры.
- ПСРЛ. СПб. 1897. Т. XI: Никоновская летопись.
- Прошкин О. Л., Фролов А. С., 1990. Древний культовый камень в урочище «Чертово городище» // 5-я краеведческая конференция Калужской области. Тез. докл. Обнинск.
- Ричков М. О., 1982. Про зображення «ступнів» ніг» на антропоморфних стелах доби раннього металу // Археологія. Київ. № 38.
- Сакса А. И., 2010. Древняя Карелия в конце I – начале II тысячелетия н. э. Происхождение, история и культура населения летописной Карельской земли. СПб.
- Селин А. А., 2016. Русско-шведская граница (1617–1700 гг.). Формирование, функционирование, наследие. СПб.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. 1976. М. Вып. 3.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. 1990. М. Вып. 16.
- Титова Е. Н., 1982. Об интерпретации и хронологии композиций со ступнями из Каменной Могилы // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Киев.
- Урбанавичюс В., 1985. Реликты язычества в памятниках XIV–XVI вв. в Литве // Новое в археологии Прибалтики и соседних территорий. Таллин.
- Уртанс Ю. В., 1987. Культовые камни с углублениями в Латвии // КСИА. Вып. 190.
- Уртанс Ю. В., 1988. Камни-«следовики» на территории Латвии // Известия АН Латвийской ССР. Рига. № 7 (492).
- Уртанс Ю. В., 1989. Об идентификации культовых камней северо-запада РСФСР и Прибалтики // Нарва, Ивангород, Принаровье: воздействия культуры. История и археология. Тез. докл. науч. конф. Нарва.
- Уртанс Ю. В., 1992. Два вида культовых камней с выемками в Латвии // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков.
- Формозов А. А., 1965. Камень «Щеглец» близ Новгорода и камни-«следовики» // СЭ. № 5.
- Формозов А. А., 1980. Памятники первобытного искусства на территории СССР. Изд. 2-е. М.
- Хухарев В. В., 1997. К вопросу о историко-культурных валунах г. Кирова и района // Песочненский историко-археологический сборник. Киров. Вып. 3. Ч. 1.
- Чайлд Г., 1952. У истоков европейской цивилизации. М.
- Шевелев В. В., 1992. Культовые камни в Каргополье // РА. № 2.
- Шорин М. В., 1991. Вопросы классификации и датировки культовых камней (по материалам Новгородской области) // КСИА. Вып. 205.
- Шорин М. В., 1998. Культовые камни Приильменя (по материалам Новгородской области) // АВ. № 5.
- Якушкин П., 1860. Путевые письма из Новгородской и Псковской губерний Павла Якушкина. СПб.
- Anati E., 1994. Valcamonica rock art. A new history for Europe // Studi Camuni. Capo di Ponte Vol. XIII.
- Baldi R., 1991–1992. Incisioni rypetri a «roccias fenestre» Comune di Roccabryna Valle Maira (Cuneo) // Survey. V–VI. N. 7–8.
- Baruch M., 1907. Boze stopki. Warszawa.
- Berg P.-L. van, 1996. Megalithisme et organisation de l'espace art, architecture et traditions religieuses // Bulletin de la Societe Prehistorique Francaise. Paris. T. 93. N. 3.
- Caune A., 1974. Dobumakmeni Latviya // Arheologija un etnogrāfija. Riga. № XI.
- Günther K., 1996. Galeriengraber, Stein- und Holzkammern // Archäologie in Deutschland. Stuttgart. H. 3.
- Kuhn H., 1966. The Rock Pictures of Europe. London.
- Lougas V., 1972. Vaikeste lohku dega kultusekivid // Eesti loodus. Tallinn. № 12.

Malmer M. P., 1981. A Chorological Study of North European Rock Art // Studies in Archaeology. Stockholm. Vol. 7.

Tarasenka P., 1958. Pedos akmenyie. Vilnius.

Urtāns J., 1990. Pedakmeni, robezakmeni, muldakmeni. Riga.

Urtāns J., 2008. Ancient cult sites of Semigallia. Rīgā (CCC. № 11).

Vaitkevicius V., 1998. Senoios Lietuvos sventvietes. Zemaitija. Vilnius.

Пальмира во времени и пространстве*

Н. Ф. Соловьева, С. Л. Соловьев, Е. К. Блохин

Культурное наследие человечества – капитал невозместимой ценности, и забота о сохранении объектов историко-культурного наследия является первостепенной задачей просвещенного сообщества. Среди множества факторов, угрожающих разрушением или даже полным уничтожением объектов культурного наследия, на первый план в последнее время выходят вооруженные конфликты, поскольку в зонах конфликтов, с одной стороны, практически перестают действовать законы и правовые нормы, с другой стороны, велики риски попутного или целенаправленного уничтожения объектов культурного наследия в ходе боевых действий.

В этой ситуации многие мировые организации предпринимают усилия по поиску путей защиты объектов историко-культурного наследия в зонах вооруженных конфликтов. И сегодня, безусловно, все внимание мировой культурной общественности и профильных организаций приковано к объектам культурного наследия на территории Сирии и прежде всего к древней Пальмире. В резолюции 199-й сессии ЮНЕСКО говорится: «Мы выражаем свою готовность объединить силы и средства для восстановления и сохранения Пальмиры и других сирийских объектов Всемирного наследия».

Пальмира – один из шести объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО в Сирии – находилась под контролем боевиков запрещенной в России и ряде других стран террористической группировки «Исламское государство» с середины мая 2015 г. Сирийская армия при поддержке российских ВКС в марте 2016 г. полностью освободила город от боевиков. Российские войска внесли огромный вклад в освобождение древнего города. Благодаря усилиям российских военных и «гуманитарному разминированию», проведенному российскими

специалистами Международного противоминного центра Министерства обороны РФ, удалось в основном сохранить уникальный памятник мировой цивилизации. Однако целый ряд древних объектов всемирно известного памятника были намеренно разрушены террористами в течении 2015 г.

Сразу после освобождения, в марте–апреле генеральный директор Государственного Эрмитажа М. Б. Пиотровский выразил готовность принять участие в восстановлении разрушенных памятников, а ИИМК РАН выступил с инициативой организовать специальную экспедицию в Пальмиру для проведения общей аэрофотосъемки всего памятника с целью создания 3D-модели современного состояния Пальмиры с фиксацией всех разрушений.

С целью предварительной оценки разрушений, причиненных памятнику, в июле 2016 г. в Пальмире работала группа экспертов Минкультуры России, в состав которой входили специалисты Музея Востока, Государственного Эрмитажа, Всероссийского художественного научно-реставрационного центра им. И. Грабаря и Института археологии РАН (рис. 1). По результатам поездки был подготовлен отчет, в заключительной части которого изложены необходимые первостепенные мероприятия, в частности полностью совпавшее с инициативой ИИМК РАН предложение о «создании трехмерной ландшафтно-архитектурной модели памятника при помощи фотофиксации с летающих дронов-квадрокоптеров».

Инициатива ИИМК РАН, поддержанная М. Б. Пиотровским, была реализована в сентябре 2016 г., когда в Сирию для проведения аэрофотосъемки и построения на ее основе ландшафтно-архитектурной 3D-модели современного состояния древней Пальмиры и фиксации полученных памятником повреждений в результате действий бое-

* Статья подготовлена в рамках гранта РГО.

Рис. 1. Пальмира-2016. Группа экспертов Министерства культуры Российской Федерации

виков террористической группировки «Исламское государство» была направлена специальная экспедиция, в состав которой входили сотрудники ИИМК РАН, Государственного Эрмитажа и группа военных специалистов-топографов со специальным оборудованием, предоставленным фирмой «Геоскан» (рис. 2).

Площадь древнего города, окруженная остатками местами сохранившейся оборонительной стены, составляет более 10 кв. км (около 100 га) (рис. 3). С запада на восток город пересекает центральная улица, Большая колоннада (Via Magnum), протяженностью около 1,2 км. Вдоль нее расположены многочисленные храмы, общественные здания и сооружения: термы (бани), театр, фонтаны, бульвары (место собраний городского Сената), агора (рыночная площадь) и пр. Почти в центре Большой колоннады, в месте ее пересечения с другой главной улицей города, выделяется тетрапилон –

Рис. 2. Пальмира-2016. Группа сотрудников ИИМК РАН и Государственного Эрмитажа

сооружение из четырех портиков со скульптурами по углам монументальной платформы (тетрапилон частично разрушен при повторном захвате Пальмиры боевиками террористической группировки «Исламское государство» в декабре 2016 г.). На западе Большая колоннада завершается прекрасно сохранившимся «погребальным» храмом и чуть далее «лагерем Диоклетиана» с храмом, где хранились воинские инсигнии римских легионеров, возведенным в конце III в. на руинах храма, посвященного местной богине Аллат. В восточной части Большая колоннада делает поворот к югу, в направлении храма Бела. В месте этого поворота находилась так называемая Триумфальная арка – одно из наиболее известных архитектурных сооружений древней Пальмиры. К северу и западу от города располагался некрополь, состоявший из наземных (башни) и подземных (гипогей) погребальных сооружений, а также подземный канал – один из основных источников снабжения древнего города пресной водой. С севера над городищем возвышается сооруженная в XVII в. крепость Фахр ад-Дина.

Ниже приведены объединенные результаты наземного осмотра памятника участниками группы Минкультуры РФ и специальной экспедиции под руководством ИИМК РАН.

Осмотр показал, что в ходе военных действий пострадали и были преднамеренно разрушены наиболее знаковые объекты архитектурно-археологического наследия, а именно: взорваны Триумфальная арка, святилища храмов Бэла и Баалшамина (наиболее хорошо сохранившиеся здания древней Пальмиры), Колонна Зенобии с важнейшей посвяtitельной надписью, большое количество башенных и подземных гробниц, частично разрушена позднесредневековая крепость Фахр ад-Дина.

Триумфальная арка

Необычное треугольное в плане планировочное решение арки, вероятно, было обосновано необходимостью визуально «сгладить» поворот главной улицы. Каменные своды и боковые колонны арки были украшены резным растительным и геометрическим орнаментом, колонны имели выступающие консоли, на которых располагались статуи и посвяtitельные надписи на арамейском и греческом языках. Сооружение было воссоздано в 1930–1931 гг. французскими архитекторами. При взрыве арки в 2015 г. оказались разрушены ее своды, сильно повреждены внутренние пилоны. Центральный пролет арки уничтожен полностью, от боковых пролетов сохранились крайние пилоны, в том числе и реставрированные. При обрушении сводов резные

Рис. 3. Пальмира-2016. Вид с северо-запада

каменные блоки оказались сильно поврежденными, часто расколотыми на мелкие куски (рис. 4). Воссоздание арки представляется возможным, но потребует длительного времени и существенных финансовых затрат.

Храм Баалшамина

Храм был возведен в северной части древнего города, к востоку от тетрапилона. Вестибюль святилища (пронаос) имел шесть колонн с консолями, использовавшимися в качестве пьедесталов для статуй. Святилище располагалось в центре обширного двора, обнесенного по периметру колоннадой. Время строительства храмового комплекса приходится на конец I – начало II в. В ходе раскопок, проводившихся в 1954–1956 гг. швейцарской экспедицией под руководством Поля Коллара, были раскрыты четыре храмовых двора, древняя гробница, найдены многочисленные статуи, хранившиеся в археологическом музее, и сотни надписей, которые помогли восстановить историю создания храмового комплекса. Здание святилища и внутренние дворы с колоннадами были частично реконструированы. В результате взрыва в 2015 г. святилище храма разрушено практически

Рис. 4. Пальмира-2016. Триумфальная арка, вид с юго-востока

полностью (рис. 5), однако видимые архитектурные обломки больших размеров позволяют надеяться, что количество сохранившихся оригинальных архитектурных деталей значительно, а основания стен постройки могли остаться непо потревоженными, на что указывает алтарь, сохранившийся *in situ* перед входом в святилище. Учитывая небольшие размеры сооружения, его реконструкция потребует

Рис. 5. Пальмира-2016. Храм Баалшамина, вид с севера

значительно меньшего времени и финансовых затрат, нежели воссоздание Триумфальной Арки. Кроме того, в ходе реставрации памятника желательнее проведение ограниченных по объему, но необходимых археологических изысканий по его периметру с целью уточнения конструкции сооружения и прилегающей к нему территории священного участка.

Колонна Зенобии

Значимый архитектурно-археологический объект, располагавшийся в средней части «Большой колоннады», неподалеку от тетрапилона. На консоли этой колонны, вероятно, стояла статуя знаменитой пальмирской царицы, сопровождаемая двуязычной, на арамейском и греческом, посвятительной надписью. В результате взрыва колонна развалилась на составляющие части (рис. 6). Ее восстановление представляется весьма реальным, быстрым и малозатратным по сравнению с вышеописанными объектами.

Рис. 6. Пальмира-2016. Колонна Зенобии, вид с востока

Храм Бэла

Существующий ансамбль построен в I–II вв. на месте храма эллинистического периода, который, в свою очередь, был сооружен на вершине телля, скрывавшего остатки поселения начала среднего бронзового века (2200–1500 гг. до н. э.). Бэл был верховным богом Пальмиры, соотносимым с греческим Зевсом и римским Юпитером. Святилище храма располагалось в центре большого двора, по периметру окруженного колоннадой. Перекрытия помещений святилища были монолитными и украшенными геометрическим узором в виде кессонов и розеток. Парадно оформленный вход в святилище был украшен декорированными балками. На рельефах входа в храм были помещены изображения трех божеств. До разрушения святилища храм Бэла являлся одним из самых важных и наиболее хорошо сохранившихся храмовых комплексов I в. на всем Ближнем Востоке. В результате взрыва в 2015 г. храмовый комплекс получил значительные повреждения (рис. 7). Здание святилища превращено в груду мелких и крупных обломков, и его реставрация вряд ли возможна. Воссоздание памятника может быть осуществлено лишь путем реконструкции по чертежам и фотографиям, что потребует значительных финансовых затрат и длительного времени.

Некрополи

Основной некрополь расположен к западу от древнего городища, преимущественно вне пределов городской оборонительной стены. Состоит из нескольких типов погребальных сооружений, основными из которых являются наземные погребальные башни и подземные пещерные гробницы. Находки, сделанные при раскопках этих гробниц, составляли основу экспозиции археологического музея Тад-

Рис. 7. Пальмира-2016. Храм Бэла, вид с юго-востока

мора. Погребальные башни и подземные гробницы подверглись значительным разрушениям, причем наиболее хорошо сохранившиеся из них превращены в груду камней (рис. 8). Возможность и целесообразность их воссоздания следует дополнительно изучить в каждом конкретном случае. Северный и южный городские некрополи подверглись значительному разграблению во время оккупации Пальмиры боевиками террористической группировки «Исламское государство».

Рис. 8. Пальмира-2016. Погребальные башни, вид с северо-востока

Крепость Фахр ад-Дина

Крепость расположена на вершине горы, возвышаясь над городищем древней Пальмиры. Ее сооружение относится к XVII в. (возможна и более ранняя дата ее возведения – XV в.). Хотя этот объект представляет меньший интерес, чем архитектурные остатки античного города, вопросы его восстановления также стоят на повестке дня мирового сообщества. В настоящее время доступ внутрь крепости невозможен из-за значительных разрушений (рис. 9).

Рис. 9. Пальмира-2016. Крепость Фахр ад-Дина, вид с юго-востока

Археологический музей Тадмора

Расположен на окраине современного города, в нескольких десятках метров от главного входа в археологический заповедник. Во время занятия города боевиками его экспозиция подверглась тотальному разрушению, сильно повреждено и само здание (рис. 10). Благодаря самоотверженной работе работников музея и сотрудников Генерального управления музеев и исторических памятников Сирии Министерства культуры САР удалось спасти около 70 % экспонатов, вывезя их в Хомс и Дамаск. Восстановление музея и воссоздание его экспозиции заслуживают особого внимания. Прежде всего речь идет о ремонте здания музея, об оснащении его помещений утраченным экспозиционным оборудованием, о восстановлении освещения и охранной сигнализации. Только после этого возможен возврат сохранившихся экспонатов из Дамаска и Хомса, проведение их реставрации. Это направление в восстановлении Пальмиры представляется крайне важным и вполне реальным после окончательного установления мира в Сирии и восстановления разрушенной инфраструктуры Тадмора.

Рис. 10. Пальмира-2016. Археологический музей Тадмора

Цифровая модель Пальмиры

Цифровое трехмерное моделирование в последние годы активно используется как эффективный инструмент управления культурным наследием. Особое значение эта технология приобретает в регионах, где памятники археологии оказываются под угрозой частичного разрушения или полного уничтожения в результате бесконтрольного хозяйственного освоения, военных действий или варварского отношения отдельных идеологий к культурной памяти. Зачастую цифровое копирование остается единственным средством детально воссоздать внешний вид уже утраченного объекта культурного наследия. Трагедия Пальмиры вызвала к жизни

целый ряд культурных инициатив, направленных на воссоздание погибших или пострадавших объектов древнего города в цифровом виде¹. Основная цель большинства подобных проектов – своеобразное виртуальное экспонирование утраченного, привлечение внимания к необходимости борьбы против разрушения памятников прошлого, информационное противодействие варварству боевиков, ведущих войну с исторической памятью.

Тем более интересны проекты, направленные на работу с физическими объектами – археологическими артефактами, архитектурными памятниками или целыми архитектурно-археологическими комплексами. Пример блестящего применения цифровых технологий при воссоздании поврежденных артефактов – работы специалистов Высшего института реставрации и консервации в Риме под руководством Джизелла Каппони, в ходе которых благодаря технологии лазерного сканирования и трехмерной печати была проведена реставрация двух бюстов II–III вв., хранившихся в музее Пальмиры и пострадавших от боевиков. Уникальная работа с некоторыми пострадавшими архитектурными памятниками проделана командой французского стартапа ICONEM в сотрудничестве с Сирийским департаментом древностей и музеев: были построены трехмерные модели нескольких объектов (прежде всего храма Бэла), взорванных террористами и создана симуляция взрыва, позволяющая идентифицировать положение отдельных архитектурных блоков на месте разрушения.

Работа специальной экспедиции под руководством ИИМК РАН в Пальмире продолжает намеченную линию уже на макроуровне, переходя от отдельного артефакта или архитектурного объекта к созданию детальной трехмерной модели большого масштаба, охватывающей территорию всего древнего города (рис. 11).

Перед экспедицией стояли две основные задачи. Во-первых, организация детальной аэрофотосъемки территории всего древнего города Пальмира и прилегающих к нему некрополей с целью построения единой трехмерной модели всего памятника методами фотограмметрии. Во-вторых, проведение наземной

фотосъемки трех пострадавших объектов древнего города, не затронутых предыдущими обследованиями, с целью последующего создания трехмерных моделей современного состояния разрушенных участков. Такое детальное моделирование памятника в разрушенном состоянии должно стать первым шагом в планировании реконструкции частично утраченных архитектурных объектов.

Реализация первой крупномасштабной и весьма амбициозной задачи стала возможной благодаря поддержке российской группы компаний «Геоскан», специализирующейся на аэрофотосъемке и трехмерном моделировании (в том числе разработавшей наиболее популярный в мире программный комплекс Agisoft Photoscan). В распоряжение участников экспедиции был предоставлен беспилотный летательный аппарат Грифон-12. Используемая модификация БПЛА способна находиться в воздухе до двух часов, минимальная высота полета составляет 90–100 м. Аппарат оснащен двумя беззеркальными полноформатными фотоаппаратами Sony DSX-RX1R (матрица 24,7 Мпикс CMOS, центральный затвор, объектив Carl Zeiss 35 мм F/2), один из которых ориентирован ортогонально поверхности земли и отвечает за надирную съемку, а второй – под углом 30 градусов вперед по ходу движения аппарата и отвечает за перспективную съемку обследуемого участка, благодаря чему возможно получить достаточно детальную фиксацию не только в плане, но и вертикальных поверхностей архитектурных сооружений. Кроме того, аппарат оснащен высокоточным ГНСС-приемником, позволяющим получать координаты сделанных кадров с точностью до 10–15 см.

Непосредственные работы по запуску и полетному контролю проводили специалисты-топографы Министерства обороны Российской Федерации, разработку и планирование полетных заданий, подготовку съемки – участники экспедиции.

Процесс аэрофотосъемки был разбит на три этапа (рис. 12). В ходе первого вылета была снята основная территория памятника, аппарат находился на высоте 320 м над поверхностью, что позволило получить снимки разрешением 7 см/пиксель. Следующим вылетом были зафиксированы участки некрополей (Долины башенных гробниц, Западного некрополя, Юго-западного некрополя и Юго-восточного некрополя) – высота полета здесь составила 200 м, разрешение снимков колеблется от 3,5 до 4,5 см/пиксель. Наконец, отдельно была снята центральная часть древнего города: в ходе последнего полета мы опустили на минимально приемлемую в этом рельефе высоту 120 м над

¹ Особого упоминания заслуживают два независимых интернет-проекта, направленных на цифровое воссоздание памятников Пальмиры и достигших в этом деле выдающихся результатов: #newralmuga, основанный сирийским программистом Басселом Хартабиллом, и проект Resgei, посвященный созданию трехмерных моделей гибнущего наследия по всему миру, с особым упором на объекты в Леванте и Месопотамии.

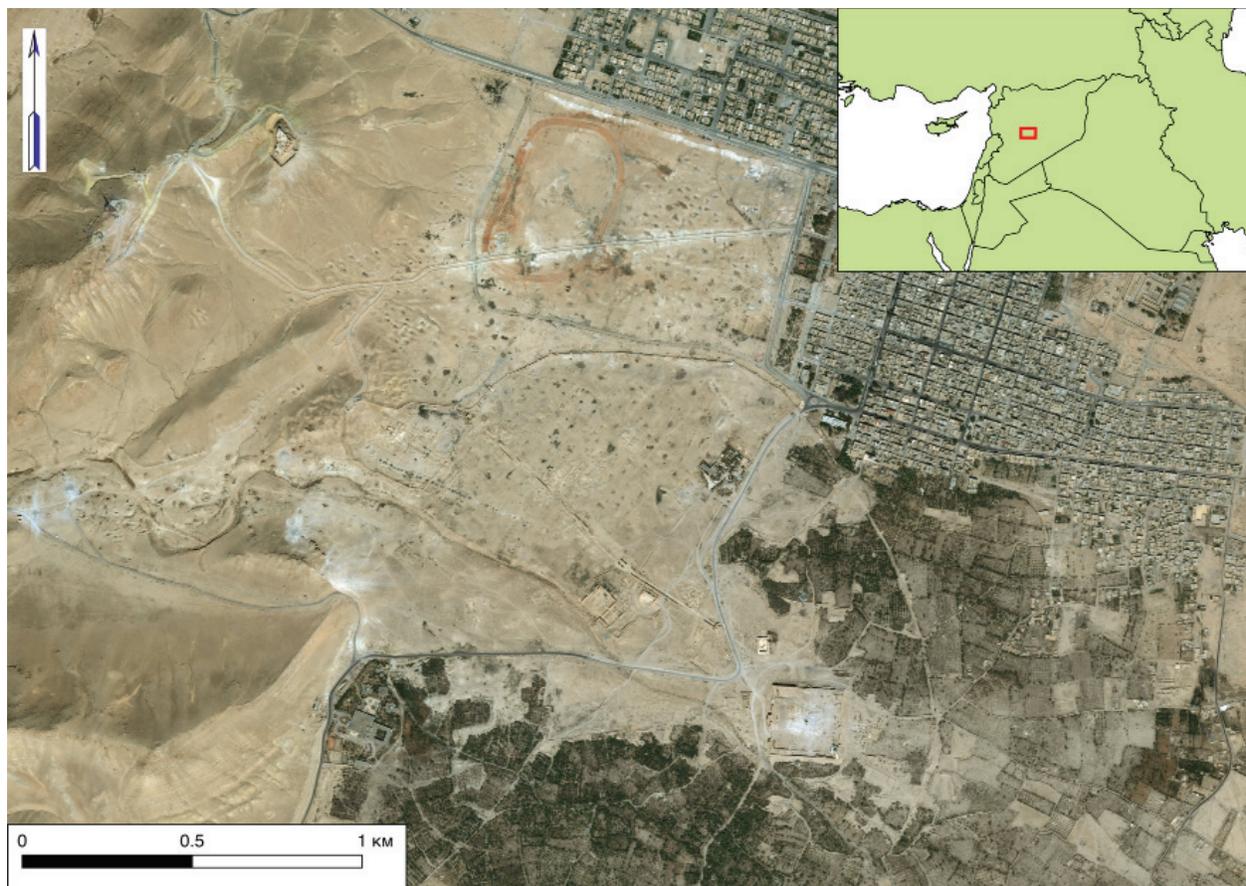

Рис. 11. Пальмира-2016. Спутниковый снимок территории объекта культурного наследия «Древний город Пальмира». Источник спутниковых снимков: Bing

поверхностью земли, благодаря чему удалось добиться разрешения менее 2,5 см/пиксель. В общей сложности было сделано около 20000 снимков, суммарная площадь съемки достигает 20 кв. км.

После завершения полевого этапа экспедиции, аэрофотоснимки были обработаны методами фотограмметрии (точнее, Structure from motion – SfM) в программном комплексе Agisoft Photoscan на кластерах компьютеров группы компаний «Геоскан», и на их основе построено пять высокоточных трехмерных геопривязанных моделей местности, совокупно охватывающих всю территорию древней Пальмиры. Затем на основании этих моделей были получены детальные ортофотопланы всего древнего города, а также подробная высотная модель местности. Разрешение ортофотопланов колеблется от 2,39 см/пиксель до 7,03 см/пиксель, в зависимости от исходных данных, легших в основу трехмерных моделей. На практике они представляют собой пропорционально выверенное изображение, пригодное для проведения архитек-

турных и археологических обмеров, на котором можно достоверно проследить структуру каменной кладки в постройках древнего города и анализировать степень сохранности всех попадающих в границы съемки объектов (рис. 13; 14). Полученные данные существенно дополняют и уточняют изданный Германским археологическим институтом в 2010 г. атлас топографических планов Пальмиры (Schnädelbach, 2010).

Сказанное верно и для построенной высотной модели местности (DSM) (рис. 15). Она имеет разрешение около 30 см/пиксель – уникальная степень детализации для территории Пальмиры, что существенно уточняет данные имеющихся на настоящий момент топографических планов. Учитывая, что до сих пор лишь незначительная часть древнего города подвергалась раскопкам, анализ подробной карты высот, совмещенной с проведенными до начала вооруженного конфликта геофизическими и космическими радарными исследованиями (Fassbinder, Papathanassiou, 2011;

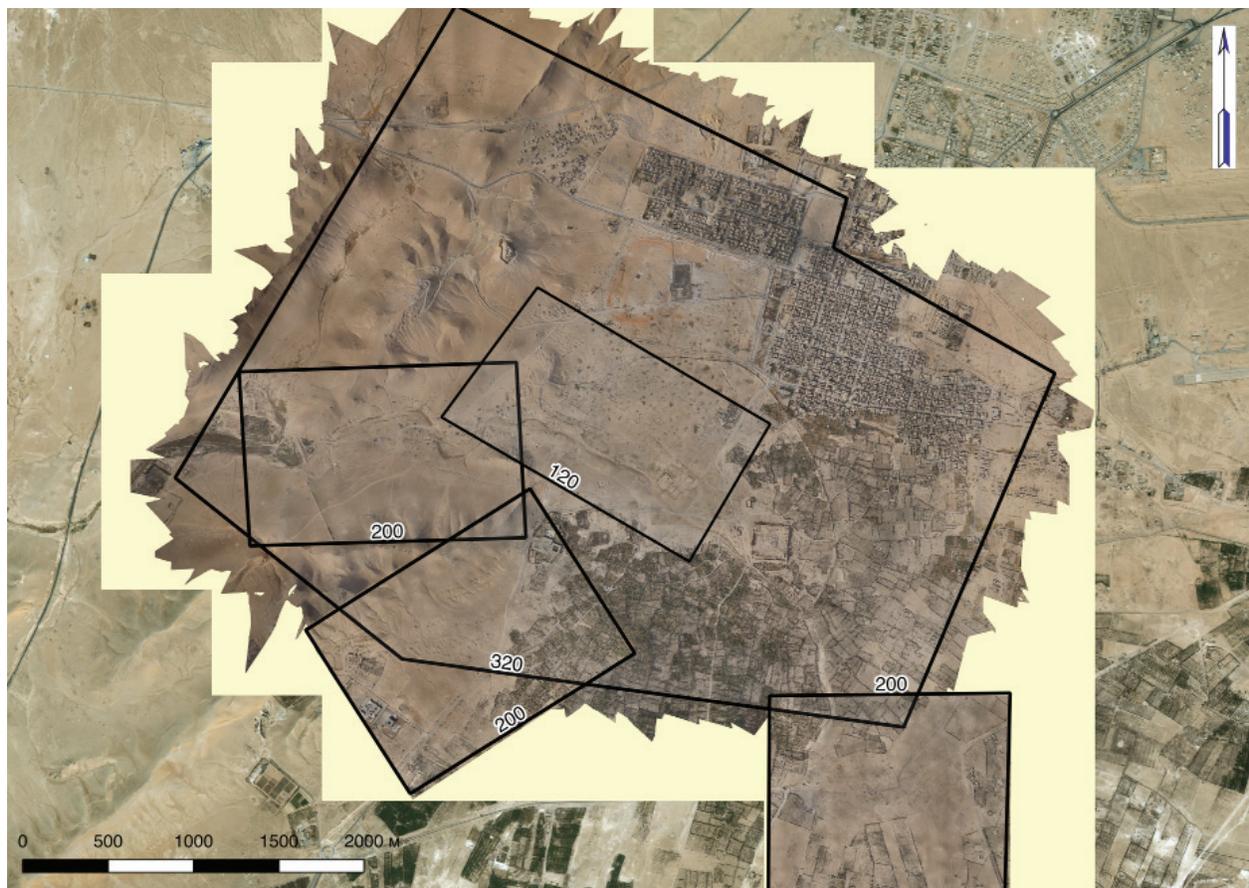

Рис. 12. Пальмира-2016. Ортофотоснимки всей территории Пальмиры с показанными границами трех этапов аэрофотосъемки. Подложка фона: спутниковые снимки Bing

Fassbinder, 2013) может стать мощным толчком в изучении городской структуры древнего поселения.

Параллельно с проведением аэрофотосъемки и созданием общей большой модели всего памятника выполнялась вторая задача экспедиции – локальная наземная съемка трех разрушенных объектов на территории древнего города: храма Баалшамина, Триумфальной арки и колонны с посвяжительной надписью царице Зенобии. На основе этой съемки путем применения методов фотограмметрии (structure from motion, SfM) в программном комплексе Agisoft Photoscan построены исключительно подробные трехмерные модели указанных разрушенных участков, на которых можно идентифицировать даже небольшие архитектурные детали и фрагменты. Так, при создании модели разрушенного фрагмента западного участка Большой колоннады, в котором располагалась так называемая Колонна Зенобии, был использован полноформатный зеркальный фотоаппарат Canon 5D Mark III с объективом

Рис. 13. Пальмира-2016. Фрагмент ортофотоснимка места взрыва храма Баалшамина

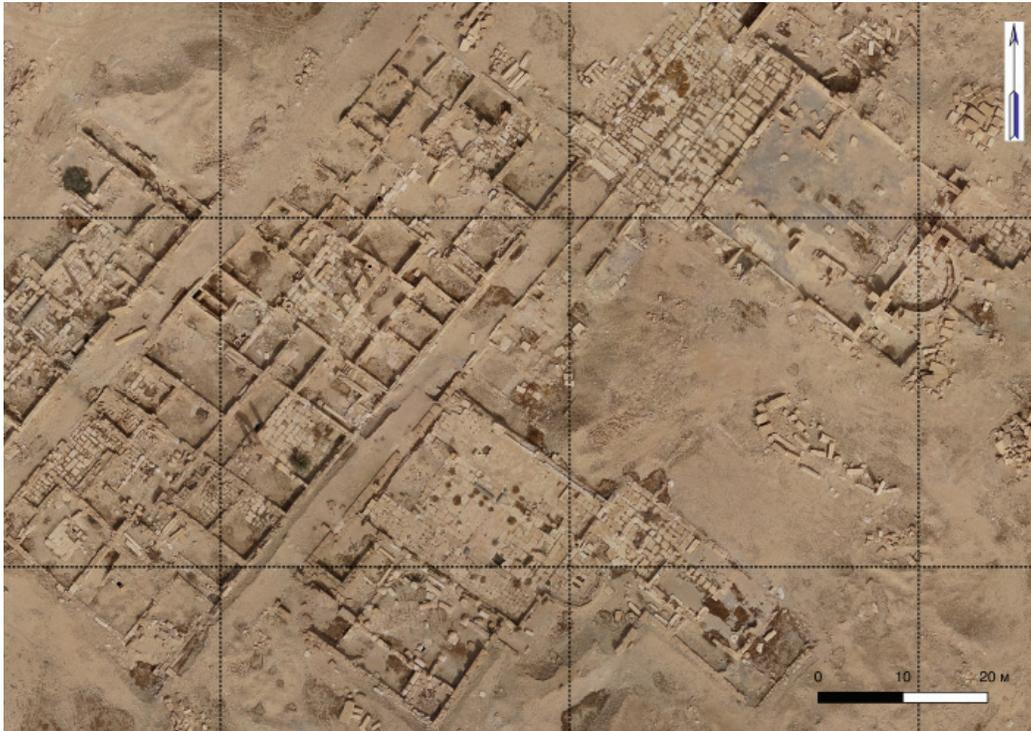

Рис. 14. Пальмира-2016. Ортофотоснимок участка древнего города с раннехристианскими храмами

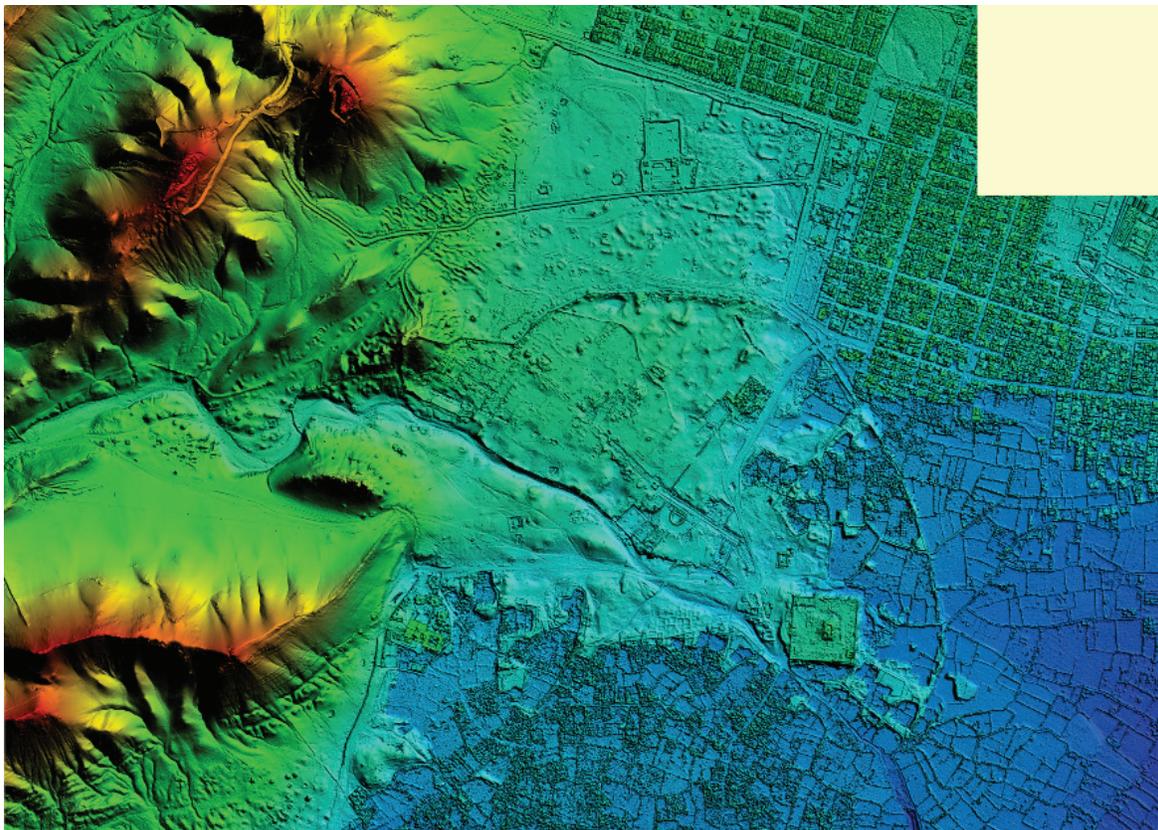

Рис. 15. Пальмира-2016. Высотная трехмерная модель памятника

Canon EF 17-40, примененное при съемке фокусное расстояние объектива составило 17 мм. Всего было сделано 70 кадров, детально фиксирующих каждый фрагмент взорванной колонны. Построенная на их основе трехмерная модель состоит из более чем 4000000 полигонов, разрешение текстурированных ортофотоснимков составляет 2 мм/пиксель. Высокая детализация позволяет работать с этой моделью как со своеобразным полигоном для предстоящей реставрации. Работая с виртуальными блоками архитектурных элементов, можно заранее просчитать все необходимые шаги и подготовиться к реальным работам на памятнике, даже не имея возможности находиться в поле.

В качестве наиболее доступного, логичного и систематического способа сведения вместе всей накопленной информации было выбрано создание геоинформационной системы (ГИС), включающей в себя основные полученные в ходе анализа трехмерных моделей материалы.

К концу 2017 г. планируется завершить разработку программного продукта «Пальмира во времени и пространстве». Эта ГИС состоит из масштабируемых детальных ортофотоснимков, на которые наложены детальная высотная модель рельефа и векторный план всех основных объектов, изученных в Пальмире. Каждому объекту присвоена краткая характеристика, описание истории его изучения, проводившихся реставраций и современного состояния. Также здесь можно будет обратиться к существующим археологическим и архитектурным планам памятников, архивным и современным фотографиям и основной библиографии.

И хотя создание ГИС еще продолжается, уже сейчас можно в целом подвести предварительные итоги работы специальной экспедиции в Пальмиру в сентябре 2016 года:

– построена детальная трехмерная ландшафтно-архитектурная модель всей территории объекта Всемирного наследия ЮНЕСКО;

– получены ортофотопланы всей территории древнего города, пространственное разрешение которых значительно выше, чем у существующих спутниковых снимков;

– получена высокоточная модель рельефа всей территории древнего города;

– получены высокоточные трехмерные модели участков разрушения города, используя которые уже сейчас без выезда на памятник специалисты-

реставраторы могут приступить к оценке и планированию восстановительных работ.

Собранные данные позволяют по-новому взглянуть на весь ландшафт памятника, рассматривать городскую планировку в контексте топографии древнего поселения. Точный ортофотоплан города существенно проясняет и уточняет данные ранее снятых топографических планов (и обладает в десятки раз более высоким разрешением по сравнению со спутниковыми снимками). Подробная карта высот открывает новые возможности в идентификации новых элементов городской структуры. В то же время благодаря публикации в виде геоинформационной системы полученные результаты становятся инструментом для управления объектами культурного наследия, способом мониторинга состояния памятников, методом обобщения и удобного представления всей накопленной информации – от административно-бюрократической до научной. Эти данные являются надежной основой для планирования любых дальнейших мероприятий по управлению наследием Пальмиры. Опираясь на них, можно планировать восстановительные работы, реставрации, охрану памятников и дальнейшие научные исследования древнего города, а создаваемая ГИС «Пальмира во времени и пространстве» станет всеобъемлющим и удобным инструментом для работы с полученными данными. Научно-практическое, культурное и политическое значение полученных результатов трудно переоценить.

Россия стала единственным обладателем самой актуальной фиксации современного состояния всемирно известного памятника. По завершении всего комплекса работ результаты будут переданы в дар Сирийской Арабской Республике.

Источники и литература

Schnädelbach K., 2010. Topographia Palmyrena, 1: Topography. (Doc. d'Archéol. Syrienne, 18). Damascus.

Fassbinder J., 2013. Geophysikalische Prospektion // Palmyras Reichtum durch weltweiten Handel: archäologische Untersuchungen im Bereich der hellenistischen Stadt. Wien.

Fassbinder J., Papathanassiou K., 2011. Multipol-SAR-Survey of the UNESCO World Heritage Site Palmyra (Syria) // Archaeological Prospection – 9th International Conference. Izmir.

Хроника

XI Национальная премия «Культурное наследие» в 2016 г.

Н. Ф. Соловьева, С. А. Семенов

В 2016 г. коллектив сотрудников ИИМК РАН стал Лауреатом XI Национальной премии «Культурное наследие», учрежденной фондом «Возрождение русской усадьбы», по теме: «Архитектурные и археологические памятники России: сохранение, популяризация и возрождение». Национальная премия присуждена в номинации АРХЕОЛОГ «за проведение археологических раскопок, исследование и полное раскрытие сохранившихся архитектурных останков Царскосельского городского собора святой великомученицы Екатерины».

Руководителем исследований собора 2006–2007 гг. была Н. Ф. Соловьева, начальниками раскопок В. А. Завьялов и С. А. Семенов. Активное участие в работе принимали Н. А. Лазаревская, Е. В. Бобровская, В. Я. Стеганцева, Г. В. Синицина, Н. А. Бокоренко. По условиям конкурса в заявку на премию можно было включить только трех членов коллектива. По решению администрации ими стали Н. Ф. Соловьева, В. А. Завьялов и С. А. Семенов.

Награждение состоялось 26 мая 2016 г. в Общественной палате РФ (Москва, Миусская пл., 7).

Царскосельский городской собор Святой великомученицы Екатерины был заложен в 1835 г. по указанию Николая I. Строительство велось по плану и под наблюдением архитектора К. А. Тона. Освящение собора произошло 24 ноября (6 декабря) 1840 г. духовником императора протопресвитером Николаем Музовским в присутствии самого Николая I и цесаревича Александра Николаевича. Кирпичное оштукатуренное здание на бутовом фундаменте имело в плане форму, близкую к квадрату. С восточной стороны имела полукруглую апсиду. Пятиглавый собор был одной из первых построек К. А. Тона в русско-византийском стиле, сыгравшей важную роль в становлении этого архитектурного направления XIX в. Вокруг собора был устроен сад. В 1851–1852 гг.

по сторонам главного алтаря устроены приделы Св. князя Александра Невского и Св. равнопрестольных Константина и Елены. В 1862 г. собор частично пострадал от пожара в деревянном Гостином дворе, расположенном в непосредственной близости от него. Уже после 50-летнего юбилея (1890 г.) в 1894 г. архитектором С. Данини произведен масштабный ремонт собора. В 1865 г. в нем похоронен управляющий Царскосельским дворцовым правлением генерал от артиллерии Я. В. Захаржевский, а в 1917 г. расстрелянный большевиками настоятель храма отец Иоанн Кочуров. 1 июня 1938 г. президиум Пушкинского райсовета возбудил перед президиумом Ленсовета ходатайство о закрытии собора и сносе «как не представляющего собой культурной ценности». По постановлению президиума Леноблисполкома от 11 июля 1938 г. Екатерининский собор был закрыт, а 10 июня 1939 г. в 5 часов 30 минут утра взорван. К 1950 г. гора остатков Екатерининского собора постепенно осела, и тогда здесь был разбит городской сквер. 22 апреля 1960 г. на месте собора был открыт памятник В. И. Ленину. В апреле 1995 г. комиссия мэрии Санкт-Петербурга приняла решение о демонтаже памятника Ленину. В ночь с 6 на 7 апреля 2004 г. памятник Ленину был сброшен с пьедестала неизвестными лицами и разбился.

В связи с решением о воссоздании Екатерининского собора Институт истории материальной культуры Российской Академии наук провел в 2006–2007 гг. археологические раскопки сохранившегося фундамента собора. Необходимость именно археологического исследования остатков собора была обусловлена отсутствием документации проекта К. А. Тона, какой-то промежуток времени хранившейся, вероятнее всего, в церковных архивах и до сих пор не обнаруженной. ИИМК РАН на основании историко-архивных и библиографических исследований литературы и имеющихся в наличии архивных письменных и графических документов

была составлена подробная историческая справка о соборе. Однако, поскольку общее техническое состояние архитектурных остатков собора было неизвестно, на начальном этапе полевых работ потребовалось проведение натурного обследования фундаментов и подвальной части собора с помощью траншеи и шурфов. После снятия гранитных плит вокруг постамента памятника В. И. Ленину оказалось, что он был сооружен на мощном бетонном фундаменте, глубина и площадь которого не были известны. Поэтому с южной стороны от видимого на поверхности края фундамента памятника В. И. Ленину по оси север–юг была выкопана стратиграфическая траншея, позволившая понять последовательность и характер заполнения над остатками взорванного храма. Следующим этапом комплексного исследования собора Святой великомученицы Екатерины стало открытие всех архитектурных остатков и исследование исторических захоронений на территории собора. Результатом третьего этапа исследований стало полное раскрытие сохранившихся архитектурных остатков подвальных помещений и фундамента собора. Сложенный из «путиловской плиты» ленточный фундамент высотой 1,70 м сохранился достаточно хорошо, но на некоторых участках был частично разобран первоначально еще при функционировании собора, а затем после взрыва в 1939 г. В подвальных помещениях сохранились остатки стен, вымостки полов, инженерные коммуникации (дренажные системы и системы отопления) и фрагменты трех печей. В юго-западном углу собора были расчищены остатки боковой стены склепа управляющего Царско-сельским дворцовым правлением генерала от артиллерии Я. В. Захаржевского. После расчистки конструктивных деталей храма были проведены надлежащие архитектурные обмеры. Обнаруженные при раскопках артефакты после трехступенчатой фиксации были переданы на постоянное хранение в краеведческий музей г. Пушкина. Подвергся специальному анализу и обнаруженный при раскопках антропологический материал.

Полевые исследования позволили наглядно убедиться в сложной строительной истории Екатерининского собора, насчитывающей несколько ремонтов и реконструкцию, осуществлявшуюся в конце XIX в. Задачи полевого сезона 2007 г. были продиктованы необходимостью раскрытия оригинальных конструкций, относящихся ко времени строительства собора, и необходимостью проведения работ по укреплению фундамента. Работы заключались в археологическом исследовании подвальных конструкций собора, подвергшихся перестройке в 80-е гг. XIX в., с полным

вскрытием сохранившихся конструкций времен постройки здания архитектором К. А. Тоном, в разборе вскрытых в предыдущем сезоне печей, дренажных систем и инженерных коммуникаций, а также в археологическом надзоре за демонтажем конструктивных элементов при проведении работ по укреплению фундамента. Результаты раскопок 2007 г. во многом уточняют и дополняют данные, полученные при раскопках предшествующего сезона. В первую очередь это касается значительных по масштабам ремонтных работ, проводившихся в соборе до начала его реконструкции в 1894 г.

Впервые в истории Санкт-Петербурга и его пригородов были полностью открыты все архитектурные остатки столь грандиозного сооружения. В ходе археологических исследований был получен целый ряд новых, не отраженных в сохранившихся документах данных по архитектуре храма и его истории. Археологические исследования не просто восполнили утраченные документальные сведения и позволили наглядно убедиться в сложной истории строительства Екатерининского собора, что само по себе уже немало, но и вновь открыли миру подлинное величие храма. Археологам удалось проследить, как и сколько раз ремонтировали собор, с какими проблемами сталкивались мастера, заменяя коммуникации, печи и тепловые каналы. Были открыты деревянные водоводы – часть древней городской дренажной системы, существовавшей задолго до строительства собора. Благодаря археологическим изысканиям были обнаружены останки Святого священномученика Иоанна Царскосельского (Кочурова) и установлено точное местонахождение склепа

Я. В. Захаржевского. Проведенные археологические работы позволили спроектировать и восстановить храм на кладке первоначального фундамента, а также музеефицировать часть его конструкций. Н. Ф. Соловьева участвовала в разработке концепции восстановления храма и создания при нем археологического музея. В результате в подвальной части восстановленного храма в настоящее время уже расположился православный музей истории собора Святой Екатерины, в котором выставлены найденные при раскопках археологические артефакты и исторические документы. Воссозданный собор вновь стал одним из любимых мест горожан и гостей города, центром религиозной и культурной жизни Царского Села, неотъемлемой частью архитектурного ансамбля Соборной площади.

Исследования собора были начаты по инициативе ООО «Стройсвет» в соответствии с договором между ИИМК РАН и ООО «Стройсвет». Следует отметить, что представители ООО «Стройсвет» оказывали всемерное содействие успешному проведению раскопок, обеспечив бесперебойное предоставление различной техники, необходимой для удаления грунта и строительных остатков, откачивания грунтовых вод, а также для фото- и видеофиксации исследуемого памятника. К реализации археологического проекта был привлечен главный архитектор проекта воссоздания собора А. В. Михалычев, осуществлявший обмеры и фиксацию выявленных в процессе раскопок архитектурных объектов, подготовивший планы и разрезы, осуществивший анализ применявшихся при строительстве архитектурных приемов и принципов.

Премия «Хрустальный компас» 2017

(печатается с сайта премии «Хрустальный компас»)

Проект Института истории материальной культуры Российской академии наук (ИИМК РАН) «ПАЛЬМИРА ВО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ» под руководством Н. Ф. Соловьевой стал победителем в номинации «Гражданская позиция» ежегодной премии Русского географического общества «Хрустальный компас» в 2017 г.

«Оперативный журнал применения воздушных сил и средств ВКС России на территории Сирийской Арабской Республики». Этот документ не успел стать достоянием истории. На нем еще лежит гриф «секретно». Полетные листы, координаты целей, зоны ответственности. Границы одной – в 240 км к северо-востоку от Дамаска и в 140 км от реки Евфрат – определены как «зона особого внимания». Сюда не должна попасть ни одна ракета. Не должен угодить ни один снаряд. Даже подбитая боевая машина не должна рухнуть в этой зоне. Здесь расположена древняя Пальмира. Величественный Город пальм, возведенный античными архитекторами в I–III вв. на месте пересечения караванных путей Сирийской пустыни. Очертания строений, особенности конструктивных решений, изыски декора свидетельствуют: Пальмира – это шедевр мастеров разных народов, культур и эпох. Бесценное наследие древних предков мировой цивилизации. Объект культурного наследия ЮНЕСКО.

Кто мог подумать, что в XXI в. сюда придут вандалы, воспитанные на других идеалах. Превратив театр Пальмиры в место массовых казней, главарь террористических группировок методично уничтожали знаковые объекты и грабили музей, чтобы продать шедевры на черном рынке. Сирийская армия при поддержке российской авиации дважды освобождала Пальмиру от террористов. Второго марта 2017 г. министр обороны РФ Сергей Шойгу доложил президенту России Владимиру Путину об окончательной передаче Пальмиры под контроль правительства Сирии.

Мировые СМИ наперебой твердили: «Путин и Шойгу вернули Пальмиру Асаду», не удосужившись

обратить внимание на очевидный факт – президент Русского географического общества Сергей Шойгу и глава попечительского совета РГО Владимир Путин, помимо исполнения задач соответствующих их государственному статусу, исполнили общественный долг – сохранили человечеству объект мирового культурно-исторического наследия.

Российские саперы с величайшей осторожностью обезвредили сотни мин и фугасов в руинах Города пальм. На территории исторического комплекса не был подорван ни один заряд, включая мины-ловушки, поставленные террористами на неизвлекаемость. Буквально по пятам за саперами шли ученые и исследователи. Необходимо было оценить ущерб, зафиксировать разрушения, наметить планы восстановления исторических объектов.

В первых рядах международного «десанта» по сохранению Пальмиры были участники специальной экспедиции под руководством заместителя директора ИИМК РАН Натальи Соловьевой.

Стоит заметить, что экспедиция ИИМК РАН прибыла в Пальмиру в 20-х числах сентября 2016 г., то есть во время короткого промежутка между первым освобождением исторической территории от террористов и ее повторным захватом в декабре 2016 г. В непосредственной близости от руин Пальмиры сирийские правительственные войска вели ожесточенные бои, российская авиация наносила удары по укреплениям террористов и караванам нефтевозов, но работы специальной экспедиции уже начались.

Целью экспедиции в Пальмиру было проведение аэрофотосъемки и наземной съемки территории объекта Всемирного наследия ЮНЕСКО «Археологические памятники Пальмиры», результаты которых легли в основу создания 3D-модели современного состояния памятника. Аэрофотосъемка территории древней Пальмиры проводилась с использованием беспилотного летательного аппарата Грифон-12, предоставленного группой компаний «Геоскан».

Аппарат оснащен прибором геопозиционирования и двумя камерами Sony DSC RX1R. Это самая мощная и единственная «полнокадровая» беззеркальная камера, попросту говоря – лучший легкий фотоаппарат. Благодаря этому каждый объект на земле фиксировался сразу в двух плоскостях, что позволило при обработке снимков точно восстановить высотную геометрию объектов...

Отрабатывая план первого, полевого этапа работ, экспедиция собрала документальные доказательства разрушений, нанесенных Пальмире террористами. Наиболее пострадали храм Бэла, храм Баалшамина, Триумфальная арка, Колонна Зенубии, некрополи и погребальные башни, крепость Фахр-Ад-Дина и Археологический музей Тадмора. Удалось установить, что остальные архитектурные объекты остались нетронутыми либо подверглись незначительным повреждениям.

Огромный объем собранного материала позволил приступить к следующему этапу кропотливой работы. Группе Натальи Соловьевой предстоит создать общие трехмерные модели каждого из исторических объектов и территории археологических памятников в целом. На это уйдет какое-то время. Но уже сегодня можно сказать – экспедиция в сложных условиях, сопряженных с риском для жизни, сделала большое дело. Собранный материал ляжет в основу работ по реставрации и восстановлению памятников Пальмиры. Присуждение Национальной премии «Хрустальный компас» в номинации «Гражданская позиция», без сомнения, первая общественная дань признательности членам экспедиции за самоотверженный труд.

Экспедиция Института истории материальной культуры Российской академии наук во время работы в Пальмире произвела воздушную и наземную съемку исторических объектов мирового наследия на площади 20 кв. км. Было сделано более 20000 фотоснимков высокого разрешения.

Работы такого масштаба и такой точности проведены на территории древней Пальмиры впервые за все время изучения памятника. Создаваемая трехмерная модель и геоинформационная система объекта не имеют аналогов в истории его изучения. Россия в настоящее время является единственным обладателем самой свежей и самой детальной фиксации древнего города. Собранный материал уже служит делу сохранения всемирного исторического наследия и дальнейшему научному изучению уникального памятника.

Создаваемая база данных будет охватывать результаты всех предшествующих археологических и исторических исследований Города палм, а также геопрограммированное отображение современного состояния памятника. Каждому объекту присваивается описание времени, степени и характера повреждений, нанесенных ему за последние годы.

Данная работа является полностью уникальной и предполагает впервые собрать в одной программной оболочке разнородные сведения о трех столетиях изучения древнего города и дать исчерпывающую информацию о его сегодняшнем состоянии.

Создаваемая геоинформационная система станет уникальной базой данных, объединяющей накопленный на настоящий момент массив знаний о планировке древнего города. Создаваемая ГИС станет самостоятельным исследовательским инструментом для последующих поколений ученых и может служить основой для планирования дальнейшего научного исследования древней Пальмиры.

Создаваемые трехмерные архитектурные модели позволят реставраторам производить необходимые обмеры разрушенных памятников удаленно, не выезжая в поле. Модели станут основой для планирования работ архитекторов-реставраторов. На базе моделей станет возможным проектирование трехмерных виртуальных реконструкций перед началом восстановительных работ.

Демонстрационные 3D-модели в формате программных комплексов Blender и Adobe After Effects станут инструментом для создания научно-популярных видеороликов. Размещение моделей в открытом доступе сети Интернет послужит популяризации хода планируемых реставрационных работ в средствах массовой информации и сделает их доступны интернет-пользователям всего мира.

По завершении полного объема работ следует ходатайствовать о передаче готового материала в дар народу Сирийской Арабской Республики.

Совещание по проблемам охранной археологии

Н. Ф. Соловьева

12 сентября 2017 г. в Санкт-Петербурге на базе ИИМК РАН состоялось первое Всероссийское совещание по проблемам охранной археологии для профессиональных археологических организаций и региональных органов охраны памятников истории и культуры. Организаторами совещания выступили: Институт истории материальной культуры РАН, Департамент культурного наследия города Москвы, Управление Министерства культуры Российской Федерации по Северо-Западному федеральному округу. Совещание проходило при поддержке Министерства культуры Российской Федерации, в работе совещания принял участие заместитель министра культуры РФ О. В. Рыжков. На совещании присутствовало 66 человек из 28 организаций страны от Красноярского края до Калининграда, от Ханты-Мансийска до Крыма. С докладами выступили специалисты из Санкт-Петербурга, Москвы, Новосибирска, Архангельска, Вологды, Краснодара, Ленинградской области, Красноярского края, Ненецкого автономного округа и других регионов.

В рамках совещания были обсуждены наиболее значимые вопросы проведения охранно-спасательных археологических мероприятий:

– о цели охранно-спасательных археологических исследований как максимально полного и объективного научного изучения с последующим обязательным введением результатов в научный и социокультурный оборот;

– о необходимости разработки норм и правил проведения охранно-спасательных археологических работ, сборников цен на указанные работы и введения понятия базовой стоимости (цены) археологических исследований;

– о внесении дополнений в нормативно-правовую базу, обеспечивающих требования к качеству и порядку проведения контроля за выполнением охранно-спасательных археологических работ;

– о необходимости разработки методики оценки кадрового научного потенциала организаций, участвующих в проведении полевых археологических исследований, и повышении ответственности таких организаций за результаты проведенных исследований наряду с держателем Открытого листа.

В резолюции, принятой по итогам работы совещания и направленной в Министерство культуры Российской Федерации, участники совещания обратились к Минкульту России с просьбой упорядочить проведение археологических исследований на строящихся объектах, чтобы остановить деятельность непрофессиональных археологических «фирм-однодневок», которые превращают «обследование территорий в их очистку от археологических памятников». Археологи призвали федеральные власти пересмотреть нормативно-правовую базу и ценовую политику проведения охранно-спасательных археологических мероприятий на строящихся хозяйственных объектах, поскольку существующие сегодня нормы грозят утратой еще не изученных археологических памятников.

Заместитель Министра культуры Российской Федерации О. В. Рыжков высоко оценил работу совещания и поддержал предложения его участников: «Необходимо остановить вал непрофессиональных исследований, вызванный позицией заказчика, который выполняет прикладную задачу. Решением может стать создание общих для применения сборников правил. Министерство культуры будет эти сборники заказывать и добиваться от Минстроя их исполнения». Замглавы федерального ведомства заверил участников, что в ближайшее время Минкультуры России займется подготовкой технического задания для разработки правил, которые позже будут утверждаться в Министерстве строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации. По словам заместителя министра, это решит проблему профессиональных стандартов в проведении работ.

Семинары для хозяйствующих субъектов

Н. Ф. Соловьева

В Российской Федерации в соответствии с Федеральным законом «ОБ ОБЪЕКТАХ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ (ПАМЯТНИКАХ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ) НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ» (№ 73-ФЗ от 14.06.2002) гарантируется сохранность объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации в интересах настоящего и будущего поколений многонационального народа Российской Федерации.

Закон № 73-ФЗ регулирует отношения в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации и направлен на реализацию конституционного права каждого на доступ к культурным ценностям и конституционной обязанности каждого заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры, а также на реализацию прав народов и иных этнических общностей в Российской Федерации на сохранение и развитие своей культурно-национальной самобытности, защиту, восстановление и сохранение историко-культурной среды обитания, защиту и сохранение источников информации о зарождении и развитии культуры.

В 2015 г. вступил в силу Федеральный закон от 22.10.2014 № 315-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации», узаконивший обязательное проведение государственной историко-культурной экспертизы в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 15.07.2009 № 569 (ред. от 09.06.2015) «Об утверждении Положения о государственной историко-культурной экспертизе». Внесенные в закон изменения обязали каждого хозяйствующего субъекта обеспечить проведение государственной историко-культурной экспертизы земельного участ-

ка, отводимого под хозяйственное освоение на стадии проектирования.

Однако, как показывает практика, хозяйствующие субъекты до сих пор имеют довольно смутное представление о применении действующего законодательства в части сохранения объектов культурного наследия. Поэтому Институт истории материальной культуры Российской академии наук (ИИМК РАН) в 2017 г. анонсировал проведение постоянно действующих открытых семинаров для хозяйствующих субъектов, посвященных действующему законодательству РФ в области сохранения объектов культурного наследия в зонах хозяйственного освоения.

Проведены два семинара на темы «Проведение государственной историко-культурной экспертизы земельного участка» и «Формирование сметного расчета на проведение государственной историко-культурной экспертизы земельного участка». В ходе семинаров аттестованные Министерством культуры РФ эксперты рассказали об особенностях применения Постановления Правительства РФ от 15.07.2009 № 569 и ответили на вопросы по темам.

С целью повышения качества работы постоянно действующего семинара по вопросам применения законодательства в области сохранения объектов культурного наследия при хозяйственном освоении территории ИИМК РАН проводит опрос для формирования тематики и сроков проведения будущих семинаров.

Некролог

9 января 2017 г. в возрасте 29 лет трагически погибла наша коллега – сотрудник Отдела охранной археологии ИИМК РАН Черник Ольга Юрьевна.

Ольга Юрьевна (для многих просто Оля) родилась в г. Выборге 26 сентября 1987 г., окончила выборгскую среднюю школу № 11 в 2004 г., затем БГТУ «Военмех» (Санкт-Петербург), факультет международного промышленного менеджмента, кафедру экономики и управления предпринимательством, защитила с отличием диплом по специальности: «Экономика и управление на предприятии (правовое регулирование хозяйственной деятельности)» в 2009 г.

В археологию Оля пришла в августе 2006 г., когда впервые приехала волонтером в Новгородскую областную экспедицию на Рюриково Городище, следующим летом (2007 г.) она уже официально работала в составе НОЭ.

С 2010 г. Ольга Черник работала в ИИМК РАН, сначала в Группе охранной археологии, а далее в Отделе охранной археологии. На протяжении семи лет такие ее качества, как активность, трудолюбие,

ответственность и целеустремленность, способствовали высокопрофессиональному выполнению работ, проводимых сотрудниками в рамках заключенных хозяйственных договоров института.

Оля была человеком, на которого можно смело положиться в трудной ситуации, кому можно доверить решение сложных задач и знать, что все будет выполнено в срок и на уровне, достойном академического статуса. По рассказам мамы Наталии Анатольевны Черник, все эти качества Оля приобрела от любимого ею отца Юрия Николаевича Черника.

Похороны Ольги Юрьевны Черник состоялись 19 января в Верхне-Черкасово (Выборгский район Ленинградской области).

Олин трагический уход не укладывается в голове. Мы соболезнуем самым близким Оле людям, ее родителям – Юрию Николаевичу и Наталии Анатольевне, мужу Андрею Алексеевичу Цепасеву. Светлые воспоминания об Оле навсегда останутся в сердцах ее друзей и коллег. Помним, скорбим.

Список сокращений

АО – Археологические открытия. М.

АВ – Археологические Вести. СПб.

КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. М.; Л.

МАР – Материалы по археологии России. СПб.

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. СПб.; М.

РА – Российская археология. М.

СА – Советская археология. М.

САИ – Свод археологических источников. М.; Л.

СлРЯ XI – XVII вв. – Словарь русского языка XI – XVII вв. М.

СЭ – Советская этнография. М.

ТАС – Тверской археологический сборник. Тверь

GG – Grundgesetz. Основной закон. Конституция ФРГ

BGB – Buergerliches Gesetzbuch. Гражданский кодекс ФРГ.

EGBGB – Einfuehrungsgesetz zum Buergerlichen Gesetzbuche. Вводный закон к гражданскому кодексу ФРГ.

StGB – Strafgesetzbuch. Уголовный кодекс ФРГ.

DSchG – Denkmalschutzgesetz. Закон об охране памятников (или исторического наследия)

Список авторов

- С. В. Александров – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- П. Б. Амзараков – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- А. В. Бехтер – Лаборатория археологии, исторической социологии и культурного наследия им. проф. Г. С. Лебедева Санкт-Петербургского государственного университета
- Е. К. Блохин – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- Н. А. Боковенко – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- С. А. Васильев – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- Ст. А. Васильев – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- К. В. Горлов – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- А. Ю. Городилов – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- Е. В. Журбин – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- Н. Зирман – Галле-Виттенберг Университет, ФРГ
- М. Е. Килуновская – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- Т. В. Корнева – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- А. В. Курбатов – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- Н. С. Курганов – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- Н. А. Лазаревская – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- И. П. Лазаретов – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- Е. Р. Михайлова – Лаборатория археологии, исторической социологии и культурного наследия им. проф. Г. С. Лебедева Санкт-Петербургского государственного университета
- А. В. Поляков – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- С. Г. Попов – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- З. Р. Румянцева – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- Т. Р. Садыков – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- Вл. А. Семенов – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- С. А. Семенов – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- Н. Ю. Смирнов – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- В. Ю. Соболев – Лаборатория археологии, исторической социологии и культурного наследия им. проф. Г. С. Лебедева Санкт-Петербургского государственного университета
- С. Л. Соловьев – Институт истории материальной культуры Российской академии наук, Государственный Эрмитаж
- Н. Ф. Соловьева – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- И. И. Тарасов – Лаборатория археологии, исторической социологии и культурного наследия им. проф. Г. С. Лебедева Санкт-Петербургского государственного университета
- Р. В. Филипченко – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- К. С. Хребтикова – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- К. В. Шмелев – Лаборатория археологии, исторической социологии и культурного наследия им. проф. Г. С. Лебедева Санкт-Петербургского государственного университета
- М. М. Шахнович – Национальный музей Республики Карелия, Петрозаводск